

У(С)28

УДК 373.167.1:94(47)

ББК 63.3(2)635

Б 26

Рецензенты:

кафедра Новейшей отечественной истории
исторического факультета МГПУ
(зав. кафедрой доктор истор. наук, проф. *Э. М. Шагин*),
зав. отделением политологии, зав. кафедрой
Политического процесса России
философского ф-та МГУ им. М. В. Ломоносова,
доктор философских наук, проф. *В. И. Коваленко*

Барсенков А. С.

Б 26 Введение в современную российскую историю 1985–
1991 гг.: Курс лекций. — М.: Аспект Пресс, 2002.— 367 с.
ISBN 5–7567–0162–1

В книге освещается один из самых сложных для преподавания периодов отечественной истории. Автор анализирует важнейшие проблемы жизни СССР 1985–1991 гг. — от предпосылок реформ, связанных с именем М. С. Горбачева, до распада СССР, закрепленного в Беловежских соглашениях. Автор опирается на новейшие исследования, прежде всего историков и политологов.

Для студентов высших учебных заведений исторических и политологических специальностей.

Издательство «Аспект Пресс»

838187

ад

УДК 373.167.1:94(47)
ББК 63.3(2)635

ISBN 5–7567–0162–1

© «Аспект Пресс», 2002.

Все учебники издательства «Аспект Пресс» на сайте
www.aspectpress.ru

Лекция 1

ВВОДНАЯ

Распад СССР — событие всемирно-исторического значения, многообразие сложных и противоречивых последствий которого еще не получило адекватного отражения в исторической науке. Между тем кризисное состояние современного российского социума диктует необходимость формирования реалистического взгляда на действительность и анализа истоков существующих здесь проблем, что является обязательной предпосылкой их эффективного решения. Сказанное в полной мере относится и к сфере общественного сознания новой России.

Становление пятнадцати независимых государств на территории бывшего Советского Союза происходит в условиях идейно-политических процессов, направленность которых по сути коренным образом отличается от того, что наблюдалось на протяжении предшествующих десятилетий. Во-первых, за последние 10–15 лет у народов бывшего СССР в силу разных факторов и причин произошла «национализация» массового сознания. Во-вторых, овладевшие полнотой политической власти союзно-республиканские элиты объективно заинтересованы в «инструментализации» истории для легитимации независимого статуса своих стран. В-третьих, профессиональное обществоведение поставлено перед необходимостью переосмыслить прошлое и настоящее с точки зрения «новых» (отличных от советских) национальных интересов возникших государств¹. Россия не может не испытывать влияния и определенного давления этой логики развития обстоятельств. В то же время здесь и в период перестройки, и в первые годы после нее идеологическая ситуация была принципиально иной.

В России переосмысление прошлого происходило под влиянием сильных критических — часто негативистских — настроений в отношении как дореволюционной «имперской» традиции, так и советского «коммунистического тоталитаризма» в XX в. Фактически подрывались традиционные представления об истории России, о значении российской (или русской) цивилизации, о роли русских в развитии государства и их влиянии на другие народы бывшего СССР и Российской империи. Вместе с резкой критикой со стороны «освободившихся» и «возрождающихся» наций это породило явление, ко-

Лекция 2

ВЫЗРЕВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК РЕФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВА В СССР К СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГОДОВ

Вопрос об исторических предпосылках «перестроечных» процессов второй половины 1980-х годов имеет огромное значение для понимания событий тех лет. Раскрытие этой темы позволяет выявить реальные причины, которые не только вызвали преобразования в СССР, но и во многом обусловили содержание, формы и методы той глубокой трансформации, которую российское общество переживает и поныне. В этом смысле анализ «стартового» положения страны представляет не только научный интерес.

Бурная общественно-политическая жизнь горбачевской эпохи наложила серьезный отпечаток на освещение проблемы предпосылок реформ. Длительное время в ее подаче преобладали идеолого-публицистические моменты. Инициаторы преобразований, стремясь обосновать их радикальность, проводили мысль о существовании в СССР в 1970-х — середине 1980-х годов «механизма торможения», который препятствовал динамичному общественному развитию. Публицистика, да и наука тех лет акцентировали внимание в первую очередь на *проявлениях* кризисного состояния в экономике, политической системе, социальном развитии, культуре и идеологии. «Погружение в трясину», «Иного не дано», «СССР: демографический диагноз» — книги под этими и подобными названиями в изобилии появлялись в 1988—1991 гг. и состояли из материалов преимущественно «обличительного» плана. Глубинные же причины реформ чаще анализу не подвергались — в лучшем случае о них лишь упоминалось. Объяснение этому следует искать в тогдашнем уровне информированности общества и в особенностях состояния социальных наук перестроечного времени.

За последние годы появились публикации, где более взвешенно и полно исследуются те факторы, которые можно объединить понятием «**исторические предпосылки перестройки**»¹. В то же время вопрос об их «субординации», очевидно, нуждается в специальном обсуждении. Выделю те, которые представляются наиболее важными.

Несмотря на ограниченное участие в мирохозяйственных связях в 50–70-х годах СССР не мог не испытывать влияния или даже давления тех колоссальных **технологических изменений**, которые происходили в развитых странах в те годы. Как отмечают исследователи, на рубеже 60–70-х годов в ряде государств Запада началось вступление общества в **постиндустриальную стадию развития**. Внешне это выглядело как полная автоматизация производства, массовое применение ЭВМ и наукоемких технологий; в содержательном плане это означало изменение «качества» рабочей силы, формирование нового социального субъекта. Если первый этап НТР в 50–60-х годах был связан с ростом потребления трудящихся и превращением их в «общественно развитых индивидов», то второй этап НТР, называемый микроэлектронной революцией, характеризуется индивидуализацией процесса труда, превращением его для заметной части общества в разновидность творческой деятельности и средство самореализации. Этот процесс сопровождается значительной гуманизацией и демократизацией всех сторон общественной жизни. Становление постиндустриального общества считают глубочайшей социальной, экономической, технологической и духовной революцией, которую по своему значению можно сравнить с неолитической революцией в начале человеческой истории².

Огромную роль в формировании нового цивилизационного этапа сыграло создание в 1976 г. персонального компьютера³, который давал возможность не только предельно индивидуализировать высококвалифицированный труд, но и выводил его из-под контроля корпоративной технбюрократии. Для советского общества с его чрезвычайно жесткими информационными и, в особенности, идеологическими ограничениями значение появления персонального компьютера трудно переоценить. В исторической перспективе его можно сравнить с включением часового механизма мощной бомбы, поскольку связанный с ним информационный взрыв резко снижал возможности примитивного манипулирования общественным сознанием со стороны партийных догматиков со всеми вытекающими из этого социальными последствиями.

Возникновению работника индустриального общества соответствует *новая система управления* и производством, и общественной жизнью в целом. Такая традиционная мотивация к труду, как зарплата, перемещается с привычного первого—второго места на пятое—седьмое. На первый же план выходят содержание труда, возможность самореализации, перспективы профессионального и социального роста, психологический микроклимат в коллективе.

Нместе с экономическим стимулированием все большую роль играет социальное регулирование деятельности людей, в том числе программы гуманизации труда и привлечения работников к участию в производстве. Последнее обстоятельство чрезвычайно важно, поскольку является непременным условием «производственного» прогресса, при котором происходит значительная трансформация традиционных социальных ролей: хозяин, администратор и «надсмотрщика», противостоящего наемному персоналу, превращается в организатора творческой деятельности, «координатора серого вещества»⁴.

Исследователи полагают, что «человеческий капитал» складывается из следующих компонентов: а) огромных усилий по воспитанию человека в семье; б) собственных усилий детей, а затем и студентов по освоению знаний и ценностей культуры; в) расходов государства, частных фондов и самих граждан на образование; г) общих — государственных, частных и коллективных — затрат на поддержание и развитие культуры и искусства; д) затрат времени людей на освоение достижений культуры; е) затрат времени и усилий человека по поддержанию своей спортивной формы — здоровья и работоспособности; ж) совокупных расходов на охрану и восстановление окружающей среды. Американские специалисты подсчитали, что общие расходы на воспитание и подготовку современного работника в возрасте только до 18 лет в начале 1980-х годов составляли от 151 до 287 тыс. долл.⁵. Затраты же на подготовку специалистов с университетским образованием к середине 1990-х годов достигали 1 млн долл.

Все это позволяет говорить о том, что современный технологический прогресс предъявляет чрезвычайно жесткие требования к общему состоянию любого государственно организованного социума⁶. При этом спектр «забот» государства о формировании «многомерного человека» выходит далеко за рамки забот об обеспечении вступающего в жизнь поколения граждан образованием и необходимыми материальными условиями. Для поступательного движения требуется свободное и гармоничное развитие всех сторон общественного бытия: эффективное функционирование экономической, социальной и духовной сфер, обеспечиваемое соответствующими политико-правовыми институтами.

Необходимость перемен во всех сферах жизни в СССР вызвала постепенно в ходе длительного периода **противостояния СССР и США** в «холодной войне». Связанная с ней гонка вооружений оказала огромное деформирующее влияние на экономическое раз-

витие и структуру производства. Наша страна была вынуждена вступить в соревнование по производству вооружений с потенциальным противником, уступая ему по экономическим возможностям в 6—8 раз. СССР предстояло конкурировать с государством, занимающим исключительно благоприятное геополитическое и географическое положение, имеющим возможность опираться на интеллектуальный и технологический потенциал всего Запада. СССР же должен был обеспечивать свою защищенность на традиционном сухопутном театре военных действий и одновременно создавать новые средства ведения войны, ставящие под угрозу территорию потенциального противника⁷.

Так родилась гонка ракетно-ядерных вооружений, на которую были истрачены триллионы долларов и рублей. Тормозилось решение социальных проблем, в структуре научных исследований и производства стали преобладать военные программы. Поскольку достижение и поддержание военно-стратегического паритета требовало примерно равных затрат, то, следовательно, различия в стартовом положении СССР и США неизбежно должны были привести к возрастанию разрыва в уровне жизни населения и научно-технической оснащенности базовых отраслей экономики. В этом смысле гонка вооружений обходилась гражданам СССР дороже, чем американцам. При длительном сохранении внешних и внутренних условий, в которых она осуществлялась, у возможного противника СССР было больше шансов на успех: его превосходство могло с большой вероятностью проявиться в социальной сфере через взрыв недовольства уставшего и обнищавшего от гонки вооружений народа. «Победа» на военно-техническом поприще также не казалась невероятной: речь могла идти о создании новых дорогостоящих видов вооружений с качественно новыми параметрами. Поэтому низкий уровень благосостояния советского народа и отставание в использовании научно-технического прогресса — запрограммированный результат «холодной войны»; то есть старение техники и технологии, высокая доля ручного труда, низкое качество и продукции, и производительности труда, запущенность социальной сферы — все это объяснялось прежде всего фундаментальными причинами, а не нежеланием отдельных людей. По мнению бывшего премьер-министра СССР В. С. Павлова, «страна, расходующая 34—36% своего произведенного национального дохода на военные нужды, не может иметь другого социально- и технико-экономического положения, исхода развития, даже если ею руководит гений»⁸. Позже экономисты произвели и другие

полсчеты. Как пишут авторы монографии «Россия и Европа», в середине 1980-х годов доля военных расходов СССР составляла 15–20%, а доля инвестиций — 30–35%. Следовательно, на потребление (личное и коллективное) приходилось только $\frac{1}{2}$ ВВП, в то время как в западных странах — 70–80%. В общем объеме промышленного производства доля товаров потребления составляла в 1985 — 25%, а средств производства и вооружения — 75%. Авторы считали, что как минимум 25% всего производства нуждалось в конверсии: «половина всех предприятий, выпускающих вооружение и инвестиционные товары (средства производства), должны были быть перепрофилированы на выпуск потребительских изделий»⁹. Ситуация осложнялась и тем, что физический износ оборудования превысил в целом 40%, а во многих базовых отраслях и на агрегатах основного производства он составлял 50–60 и более процентов. Внешне ситуация не выглядела драматично, поскольку по всем плановым и статистическим материалам производство военной техники объединялось с гражданским машиностроением. Реально же машиностроение в 1970-е — первой половине 1980-х годов росло примерно вдвое медленнее общего роста промышленного производства, что сделало импорт оборудования на сумму около 15 млрд руб. в год абсолютно необходимым условием элементарного поддержания воспроизводственных процессов¹⁰.

Приведенные обстоятельства позволяют лучше понять значение состояния международных отношений для внутреннего развития СССР и оценить **роль внешнего фактора** в инициировании реформ. Это тем более важно, что на рубеже 70–80-х годов характер взаимодействия Советского Союза со странами Запада претерпел значительные изменения. Известно, что в 70-е годы международная экономическая и политическая конъюнктура складывалась для СССР исключительно благоприятно. Энергетический кризис начала 1970-х годов, обострение противоречий между традиционными поставщиками и потребителями энергии привели к колоссальному повышению спроса на советскую нефть. За десятилетие ее экспорт вырос на 22%, а доходы от нее — на 272%. Полученные от продажи средства позволяли во многом компенсировать недостаточную эффективность и разбалансированность советской экономики. В условиях разрядки товарооборот между СССР и развитыми странами рос невиданными ранее темпами. При этом в нашу страну ввозилось преимущественно высокотехнологичное оборудование, товары массового спроса и продовольствие — все то, чего не хватало на внутреннем рынке¹¹. Импорт перечисленных предметов

стал обязательным элементом функционирования народного хозяйства СССР.

Приход к власти в США в 1981 г. ярого антикоммуниста Р. Рейгана «ломал» сложившуюся в середине — второй половине 1970-х годов ситуацию. Новый американский президент и его администрация отказались от политики, проводимой их предшественниками в отношении СССР. Теперь ее целью стало не только сосуществование с советской властью, но и фундаментальное изменение советской системы. Средством достижения цели становилась *экономическая война против Советского Союза*¹². И у Рейгана были определенные основания рассчитывать на победу. Среди них я бы выделил два: первое — снижение динамизма экономического развития, несостоявшийся перевод советской экономики на путь интенсивного развития и связанные с этим трудности конца 1970-х — начала 1980-х годов, которые для американских аналитиков не были секретом; второе — ввод советских войск в Афганистан, вызвавший крайне отрицательную реакцию в мире. Последнее обстоятельство было использовано американцами как для окончательного преодоления «вьетнамского синдрома», так и для сплочения усилий коалиции западных и восточных стран при проведении активной антисоветской политики. К середине 1980-х годов более 120 государств — членов ООН последовательно выступали на всех форумах этой организации против вооруженных действий СССР в Афганистане¹³. «Разорение Советов» стало возможным через решение ряда задач: эскалация конфликтов в зонах советского влияния и втягивание Советского Союза в крупномасштабные непроизводительные траты, сокращение возможностей валютных поступлений, лишение СССР доступа к современным технологиям. Общая стратегия «экономического удушения» осуществлялась через серию крупномасштабных мероприятий.

Объектом особого внимания стала *Польша*, где на рубеже 70–80-х годов разразился глубокий социально-экономический кризис, постепенно переросший в кризис политический. Привлекательность именно этого государства для западных спецслужб состояла в том, что в самой большой после СССР европейской стране возникла *рабочая оппозиция* коммунистическому режиму¹⁴. К этому времени Польша оказалась в сильнейшей зависимости от иностранных финансовых вливаний. Только в начале 1981 г. страна должна была выплатить более 3,5 млрд долл. в качестве процентов по кредитам, а в конце года — еще более 7 млрд в счет погашения долга. Отказ от выполнения обязательств был чреват прекращени-

новых кредитов, без которых Польша уже не могла существовать. В результате СССР в порядке «интернациональной помощи» только с середины 1980 до середины 1981 г. перечислил Польше 1 млрд долл., увеличив при этом поставки нефти, газа, хлопка. Усиление же со стороны администрации Рейгана продолжало нарастать: американский президент потребовал от своих банкиров срочно востребовать ранее предоставленные Польше деньги; одновременно с нее снимался режим наибольшего благоприятствования в сфере торговли, что привело к возрастанию пошлин на польские товары (на 300—400%) и, следовательно, к их исчезновению с американского рынка, а также сокращению величины и без того незначительных валютных поступлений¹⁵. Возобновление же экономической помощи американцы обуславливали проведением не только экономических, но и политических перемен. Шла активная поддержка «Солидарности», которая получала деньги, оборудование для печатания листовок, множительную технику. В то же время Вашингтон резко отреагировал на обсуждение Москвой возможности применения военной силы для подавления антисоциалистических элементов в Польше («доктрина Брежнева»¹⁶), зная, что вооруженная акция вызовет соответствующую реакцию США. Все это привело к тому, что в середине 1980-х годов экономический крах Польши стал реальностью, а антисоветские настроения приняли массовый характер, поскольку большая часть населения главной причиной бедственного положения считала неэффективность социалистического типа хозяйствования и оторванность от мировых финансовых, информационных, технологических и других ресурсов. В результате американская стратегия оказалась во многом реализованной: СССР, затратив колоссальные средства, все быстрее терял свои позиции в Польше.

Намного более драматично складывались для Советского Союза события в Афганистане. Сейчас очевидны не только порочность «келейного» характера принятия решения о вводе войск, но — и это, может быть, важнее — недостаточная просчитанность международных последствий этого акта¹⁷. Американская программа изматывания Советской Армии только в 1980—1981 гг. предполагала закупки оружия для моджахедов на сумму в 50 млн долл. В Саудовской Аравии было принято решение к каждому затраченному американскому доллару прибавлять свой, т.е. американская «помощь» как бы автоматически удваивалась. В результате масштабы поставки оружия в Афганистан постоянно возрастали: если вначале направлялось 10 тыс. т вооружения, то в 1985 г. — 65 тыс. т.

Афганистан

Фактически участником конфликта стал и Пакистан, на территории которого находилось около трех миллионов афганских беженцев¹⁸. Однако намного большее значение имела «качественная» сторона американо-афганского сотрудничества. На территории Пакистана были созданы специальные лагеря, где специалисты ЦРУ по взрывным и электронным устройствам готовили моджахедов к проведению соответствующих операций; было организовано прослушивание переговоров советских самолетов со всеми базами и в Афганистане, и в Средней Азии; моджахедам предоставлялись фотографии советских военных объектов, сделанные со спутников. Моджахеда стали получать знаменитые «стингеры» — лучшие в мире ракеты класса «земля—воздух», что значительно повысило уязвимость советской авиации¹⁹. С 1985 г. американцы усилили помощь и поставили задачу разгромить Советский Союз в этой войне. Как отмечают исследователи, ежегодно Афганистан требовал от СССР 3—4 млрд долл. на содержание 120-тысячного воинского контингента и ведение боевых действий. Война, унесшая почти 13 тыс. жизней советских солдат и офицеров, имела большой отрицательный международный резонанс, оказала значительное негативное — и экономическое, и политическое, и моральное — влияние на внутреннюю жизнь СССР²⁰.

Как явствует из приведенного материала, *поступления твердой валюты* были жизненно важны просто для элементарного поддержания советской экономики на плаву. Фактически именно средства, получаемые от продажи нефти и газа, позволяли с оптимизмом смотреть в будущее той части партийно-хозяйственной бюрократии, которая, будучи воспитанной в 30—50-е годы, не торопилась с введением даже объективно назревших экономических новаций. Большие надежды в этой связи возлагались на грандиозный проект «Уренгой-6», предполагавший добычу и транспортировку газа из Западной Сибири в Чехословакию, а затем во Францию, Италию и Западную Германию. Сделка представлялась выгодной и удобной для СССР: финансирование и технологическое обеспечение работ осуществлялось бы западными партнерами, выплата долгов которым производилась бы в натуральной форме — газом — в течение 25 лет. Некоторые эксперты не без оснований называли проект потенциальной «дойной коровой», поскольку в случае реализации — своевременного строительства двух ниток — в начале 90-х годов ежегодные поступления валюты должны были составлять от 15 до 30 млрд долл. в зависимости от конъюнктуры. Теоретически можно предположить, что, действи-

цано, благоприятное стечение обстоятельств могло позволить советской политической и экономической системе просуществовать в неизменном виде еще достаточно длительное время, и подобные прогнозы были в нашей литературе²¹. Однако история такого шанса нам не предоставила. Американская администрация предприняла энергичные усилия для срыва советских планов. Во-первых, ей удалось добиться резкого снижения финансирования проекта; во-вторых, практически прекратились поставки западного газового оборудования, что вынудило СССР бросить значительные силы и средства на решение этой задачи. В-третьих, не без труда, но удалось заставить западноевропейских партнеров сократить импорт советского газа и искать другие источники получения энергии. В результате строительство второй нитки газопровода было вообще сорвано, а первая вступила в строй с двухгодичным опозданием, что, естественно, скажется на объеме валютных поступлений²².

Столь же большое внимание США уделяли и снижению цен на нефть. Правда, их активность на этом направлении имела и колоссальный «внутриамериканский» смысл, однако антисоветская аргументация также использовалась в диалоге со странами ОПЕК, в особенности с Саудовской Аравией. В итоге удалось добиться существенных изменений на нефтяном рынке. Особенно катастрофичным для СССР было падение цены на нефть в 1986 г.: если в ноябре 1985 г. один баррель стоил 30 долл., то через пять месяцев — всего 12. Как отмечали эксперты, Москва одновременно лишилась 10 млрд долл., т.е. половины валютных поступлений²³.

Не менее пагубное влияние на советскую экономику оказала и новая американская линия в сфере *гонки вооружений*. Рейгановская администрация взяла курс на достижение не количественного, а качественного превосходства. С 1980 по 1985 г. расходы США на оборону удвоились. Значительные средства были брошены на создание технологически сложных систем стратегического оружия. 26 млрд долл. было выделено на программу СОИ; тем самым Москва приглашалась к конкуренции на наиболее слабом для нее направлении — в сфере микроэлектроники и компьютерной техники²⁴. Эксперты полагали, что в этой области СССР отстает примерно на десять лет. *Финансовые и военные перспективы СССР* выглядели весьма неблагоприятно: ограниченность ресурсов и пробуксовывание в освоении достижений научно-технического прогресса были усугублены скоординированными усилиями Запада по ограничению доступа нашей страны к современным технологиям. Если в 1975 г. высокотехнологичные изделия составляли 32,7%

советского импорта товаров, то в 1983 г. — только 5%. Вашингтон внимательно отслеживал то, что закупает СССР, и на эти виды товаров накладывал запрет; более того, пресекались попытки импорта соответствующих изделий и через третьи страны. Советские расходы на оборону за предперестроечное пятилетие возросли на 45%, но компенсировать американский вызов было трудно, поскольку к реализации своей программы разработки новейших систем вооружений в 1983 г. американцы подключили и другие страны НАТО²⁵.

✓ Длительное время на Западе, а позже и у нас советское общество характеризовали как идеократическое, т.е. общество, в котором господствовала идеология. В принципе, в любой стране экономика, политика и идеология находятся в состоянии сложной взаимозависимости, но в СССР эта связь носила особый характер. Строго централизованная система управления с монопольным положением КПСС в системе власти предопределяла внедрение в общественное сознание тех идейных стереотипов, которые разделялись прежде всего правящей верхушкой. Фактически сохранялось положение, которое В. И. Ленин в свое время характеризовал следующим образом: «*Вся юридическая и фактическая конституция Советской республики строится на том, что партия все исправляет, назначает и строит по одному принципу*»²⁶. Система партийных представлений была в наиболее концентрированном виде изложена в Программе КПСС, которая наряду с Основным Законом государства являлась, по сути, конституционным актом, ставящим довольно жесткие идеологические границы развития экономической, политической, социальной и духовной сфер. Как отмечал А. Н. Яковлев, «идеология была стальным обручем системы, все остальное старательно плясало под музыку идеологических догматов»²⁷. Огромное значение идеологической схоластики во внутрипартийной жизни вплоть до середины 1980-х годов хорошо показано В. А. Печеневым²⁸. От уровня отражения в партийной программе жизненных реалий во многом зависело поступательное движение всего общества. Известно, что вплоть до 1986 г. действовала Программа, принятая в 1961 г. на XXII съезде КПСС. Исследователи справедливо отмечают, что этот документ фактически выражал родившуюся еще в конце 1940-х годов в аппаратной среде идею о возможности построения в СССР коммунистического общества²⁹.

Философы позднесталинского периода активно обсуждали сюжет о начале перехода СССР к коммунизму. Партийная же Программа 1961 г. не только воспроизвела, но и довела утопическую идею до

«...и тогда, Документ содержал включенные с согласия Н. С. Хрущева³⁰ цифровые показатели, реализация которых знаменовала бы достижение «светлой цели». Программа прямо обещала построение коммунизма к 1980 г., долго впоследствии вызывая стыд и иронию коммунистов и беспартийных. Однако наиболее негативные последствия принятия именно такого главного партийного документа состояли в другом. Нельзя не согласиться с теми авторами, которые считают, что Программа догматизировала, делала эталоном для суждений о социализме советский опыт 30–50-х годов³¹. Ответственно, все непохожее на эту модель в политике, экономике, духовной сфере, рождавшееся в других социалистических странах, рассматривалось как отступление от социализма и было, «неопределению», идеологически «нечисто». Об опыте развитых капиталистических государств говорить и вовсе не приходилось: им было позволено «загнивать», вступая в новую фазу очередного «кризиса». Сохранились все догмы переходного периода о пользе полного государственствования экономики, рынке и роли товарных отношений при социализме, месте и роли партии, рамках политического и идейного плюрализма, содержании международных отношений³². Все это приводило к тому, что и в послесталинское тридцатилетие сохранились прежняя природа общественных отношений, которые «так и не пришли в соответствие с потребностями нового этапа мирового развития, поставившего социализм перед новым, теперь уже экономическим и социально-культурным вызовом со стороны капитализма»³³.

Было бы упущением не отметить попытки общественно-политической мысли откликнуться на вызовы времени во второй половине 60-х — первой половине 80-х годов. Введение понятия «реальный социализм», осмысление особенностей развития страны на новом этапе НТР в 70-е годы, утверждение проблематики, связанной с социальным развитием общества, и, в особенности, содержательная сторона дискуссий о «развитом социализме» в начале 80-х годов свидетельствуют о неудовлетворенности политико-идеологической элиты прежними теоретическими установками. Но очевидно и другое: поколение высших руководителей, получивших политическую закалку в 30–50-е годы — Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, М. А. Суслов, К. У. Черненко и связанные с ними политики, — не было готово к отторжению уже отвергаемых жизнью догм. Между тем их преодоление стало обязательным условием выхода страны из того кризисного состояния, в которое она постепенно сползала к середине 1980-х годов.

Литература последних лет обращает внимание на то, что преобразования в СССР в середине 1980-х годов стали во многом результатом изменений в структуре властвующих и управляющих слоев общества, которые ранее называли номенклатурой, бюрократией, а сейчас чаще — элитой. **Процесс трансформации элиты** начался в середине 50-х годов и особенно интенсивно происходил в 70-е — начале 80-х годов. В его основе лежали базовые сдвиги в социально-экономическом развитии страны. Известно, что в 30–40-е годы в СССР был осуществлен переход от доиндустриального и раннеиндустриального технико-технологического типа производства к развитому индустриальному типу³⁴. В России это происходило в форме *мобилизационного типа развития*, который определяют как способ развития необходимых для этого ресурсов (финансовых, интеллектуальных, временных, внешнеполитических и иных) *в условиях дефицита и/или в случае опережения* встающих перед социумом задач относительно степени зрелости внутренних факторов либо субъектов развития³⁵. Мобилизационная модель выступает как инструмент разрешения противоречия между задачами государства и возможностями общества по их реализации. Средством разрешения этого противоречия становится применение государством мер принуждения и насилия, предполагающих при этом максимально интенсивное использование ресурсов системы, что возможно лишь в определенных временных рамках. Мобилизационный тип развития служит достижению чрезвычайных целей с использованием чрезвычайных организационных форм. Поэтому ключевыми характеристиками мобилизационного типа развития выступают: строгая иерархичность целей, высокая степень интенсивности функционирования для скорейшего выполнения поставленных задач, жесткая, как правило, высоко централизованная система управления³⁶. В соответствии с этими задачами в СССР в 1930-е годы была создана и определенная модель формирования элиты. Эта модель включала: приоритет госслужбы в качестве механизма рекрутирования политической элиты; безусловное доминирование политической элиты над экономической; сохранение двухкомпонентной структуры политической элиты («верховная власть — правящий класс», противоречие между которыми считают главным политическим противоречием системы элитообразования мобилизационного типа); высокая степень монополизации власти и информации, а также централизации властной иерархии; сохранение чистки (в различных вариантах) в качестве механизма элитной ротации³⁷. Эффективное функционирование такой моде-

характерным для нее инициированием развития «сверху» возникло лишь при четко осознанных (на концептуальном уровне) целях развития и политической воле субъекта управления. Выпадение одного из указанных звеньев чревато сбоями в работе системы, ведущими по крайней мере к ее «разбалтыванию», что и произошло в нашей стране с середины 1950-х годов.

Исследователи отмечают, что преобразования середины 1950-х — первой половины 1960-х годов едва ли можно назвать реформами, а понимать последние как качественное изменение существовавшей системы отношений. В период пребывания у власти *Н. С. Хрущева* не осуществлена либерализация режима без изменения его «негласных конструкций» и ключевых принципов³⁸. В плане внутриэлитных отношений курс *Н. С. Хрущева* отражал стремление правящих слоев к стабилизации, усталость от бесконечного перенапряжения и главное — страха, поскольку при *И. В. Сталине* ни один из руководителей не мог себя чувствовать застрахованным от репрессий. Первый секретарь ЦК ликвидировал положение, при котором властный аппарат, облеченный весьма широкими полномочиями по отношению к управляемым массам населения, был почти абсолютно бесправен перед лицом верховной власти. Однако, убрав угрозу физического насилия, *Н. С. Хрущев* не смог наладить новую систему внутриэлитного взаимодействия; более того, в последние годы пребывания у власти многие важнейшие решения принимались им единолично, без консультаций даже с высшими партийными иерархами, а сам стиль его политического поведения все больше отдавал самодурством. В итоге *Хрущев*, пришедший к власти как выразитель стремления правящего слоя к стабилизации своего положения, был лишен ее, как только этот слой почувствовал угрозу своей стабильности в период кадровых перетрясок и управленческой чехарды первой половины 1960-х годов. Вопрос о направленности трансформации политического режима к середине 1960-х годов оставался открытым.

Приход *Л. И. Брежнева* к руководству партией совпал с важным периодом в истории страны. В это время нарастало постепенное осознание *исчерпанности экстенсивных методов развития* и связанных с ними методов управления экономикой. Объективно формировались предпосылки перехода от мобилизационного к инновационному типу развития, требовавшему децентрализации системы принятия управленческих решений и повышения роли экономических регуляторов как обязательных условий поступательного движения народнохозяйственной системы. В свою очередь это

предполагало реорганизацию методов управления, при которой традиционные политические институты передавали бы значительную часть своих функций субъектам экономической деятельности, иначе говоря, политическая элита должна была делегировать значительный объем властных полномочий элите экономической. Очевидно, что добровольно «делиться» властью брежневскому поколению руководителей, воспитанному в традициях жесткого административного подчинения, было трудно. Вместе с тем и остановить процесс эволюционного размывания системы «снизу» было невозможно. По мере же повышения роли экономических факторов усиливалось влияние ведомственных и региональных субэлитных образований, внутри которых, в свою очередь, складывалась различные кланы.

Исследователи отмечают, что в 70-е — начале 80-х годов рыночные отношения в СССР все же существовали, хотя и не в традиционной форме³⁹. Роль денег здесь часто играли связи, возможности, дефициты, приводившие к тому, что административно-командная экономика постепенно превращалась в экономику административного торга, или в экономику согласований⁴⁰. Шло согласование интересов как между отдельными ведомствами, так и между ними и центральными структурами (ЦК ЦПСС, Совмин и Минфин). Специалисты полагают, что в ходе такого взаимодействия происходило неуклонное повышение влияния и самостоятельности ведомств и ослабление роли общегосударственных институтов⁴¹. Распоряжение же значительными материальными и финансовыми ресурсами в условиях существования бюрократического рынка формировало у значительного слоя управленцев соблазн преодолеть отчуждение от собственности⁴².

Расширение действия элементов рыночных отношений происходило и «снизу». Различные по интенсивности кампании по уничтожению мелкотоварного сектора большого успеха не имели. В 1970-х — начале 1980-х годов индивидуальные приусадебные хозяйства играли важную роль в снабжении населения некоторыми видами продуктов питания. Незрелость отраслей легкой промышленности и социальной сферы приводила к расширению нелегального производства товаров и услуг. В результате масштабы теневой экономики, существовавшей вне государственного контроля, с середины 1960-х годов выросли в десятки раз⁴³.

Усиление позиций крупнейших региональных функционеров — один из важнейших процессов социально-политического развития предперестроечного периода. В его основе лежали хрущевские реформы управления, перенесшие акцент с отраслевого уровня на

Ж.-К.

Теневая
Ж.-К.

ациональный. Брежневский курс на стабильность кадров привел к превращению региональных партийных «баронов» в мощную элитную касту, которая постепенно начинает оспаривать права ведомств и центральных госорганов на распоряжение территориальными производственными и природными ресурсами⁴⁴. С середины 1960-х годов отношения между Центром и регионами приобретают характер торгово-обмен на политическую поддержку Брежнева некоторые республиканские, краевые и областные руководители получили несравнимую ранее степень автономии. Центральная же власть часто «крывала глаза» на те порядки, которые было все труднее называть социалистическими.

В идеологическом плане внутри ЦК КПСС также выделялись сторонники двух противоположных линий, которых условно можно назвать либералами и консерваторами.

Таким образом, период правления Брежнева можно определить как время институционализации интересов ведущих элитных групп. Причем здесь действовали факторы как облегчавшие этот процесс, так и явно осложнявшие его. С одной стороны, изначальная толерантность Брежнева, затем его болезнь, а вслед за ней и ослабевающее личное влияние с середины 70-х годов давали больший простор для внутренней консолидации элитных групп различной направленности. С другой стороны, такая ситуация ставила верховного лидера перед необходимостью концептуальной разработки новой стратегии государства во взаимоотношениях с ведущими элитными слоями. Для реализации этой функции Брежнев был очевидно неадекватен. Все это вело к ослаблению государственности и снижению общего уровня управляемости всей совокупностью социальных процессов в СССР. Новые условия общественного развития пришли в противоречие с механизмом принятия решений и элитообразования, характерным для более раннего этапа развития социалистического общества в СССР. Необходимость перемен ощущалась всеми, однако пути выхода из кризиса еще предстояло определить.

В этой связи следует обратить внимание на то, что в литературе поставлен, но не решен вопрос о времени начала реформ, обычно связываемых с именем М. С. Горбачева. И ответ на него не столь прост, как это может показаться на первый взгляд. Сам Михаил Сергеевич, политики и публицисты из его окружения чаще проводят мысль о том, что новая эпоха в стране началась с решений мартовского и апрельского (1985) пленумов, когда власть получил новый, молодой Генеральный секретарь, заявивший о стремлении придать реальный динамизм развитию советского общества⁴⁵.

Андропов

В то же время известный экономист Т. И. Корягина полагает, что «отцом перестройки» был Ю. В. Андропов⁴⁶; другие выделяют «эмбриональный период» перестройки, куда относят 1983–1985 гг.⁴⁷; историк А. В. Шубин считает, что политика Горбачева образца 1985–1987 гг. не была оригинальной, но продолжала намеченные Андроповым линии⁴⁸. Все это требует актуализации изучения истории трех лет, непосредственно предшествовавших перестройке.

Личность Ю. В. Андропова, сменившего в 1982 г. Л. И. Брежнева, который был недееспособен задолго до своей физической смерти, вызывает большой исследовательский интерес⁴⁹. В отличие от своего предшественника Андропов был «идейным» коммунистом, как пишут некоторые авторы — «пуританином»; он не был лично связан с коррумпированными кланами. В силу длительной работы в КГБ он — один из немногих, кто владел самой разноплановой информацией о реальном положении дел в стране и действительно переживал за них. По своим убеждениям Андропов был коммунистом-державником, решительным «солдатом партии», много сил и энергии отдавшим защите дела социализма, как он его понимал⁵⁰. Однако исторически сложилось так, что человек, выросший в условиях жесткой, строго централизованной системы, возникшей в чрезвычайных условиях, должен был обеспечить ее постепенную трансформацию в общество более либерального типа, что сам Андропов в принципе понимал и признавал. Как полагает Т. И. Корягина, стратегический замысел «перестройки по-андроповски» заключался в том, чтобы сначала обеспечить экономический рывок, оставляя политические государственные структуры без изменений, а уж потом при отлаженной экономике начать постепенную реформу всей политической системы⁵¹. Об этом писал и Г. Х. Шахназаров, приводя следующие слова, высказанные Андроповым в беседе с ним еще в конце 1960-х (!) годов: «Машина, грубо говоря, поизносилась, ей нужен ремонт... Может быть, и капитальный, но не ломать устои, они себя оправдали... Начинать надо с экономики. Вот когда люди почувствуют, что жизнь становится лучше, тогда можно постепенно и узду ослабить, дать больше воздуха. Но и здесь нужна мера. Вы, интеллигентская братия, любите пошуметь: давай нам демократию, свободу! Но многого не знаете. Знали бы, сами были бы поаккуратней»⁵². Все это, на наш взгляд, дает ключ к пониманию как содержания, так и формы тех перемен, которые начались в СССР после ноября 1982 г.

Прежде всего обращает на себя внимание первая за многие годы попытка Андропова дать более реалистичный взгляд на совет-

реальность. Отходя от прежних «фанфарных» деклараций он сделал весьма резкое для своего времени высказывание: «...говорить откровенно, мы еще не изучили в должной степени общество, в котором живем и трудимся. Поэтому порой вынуждены действовать эмпирически, путем проб и ошибок»⁵³. В программной статье «Карл Маркс и некоторые вопросы социального строительства в СССР» Андропов, по сути, дезавуировал идею непосредственного перехода к коммунизму, заменив совершенствованием развитого социализма», трактовка которой также была новой. Вместо выводов о построении развитого социализма как свершившегося факта Андропов утверждал: «Наша страна находится в начале этого длительного исторического этапа, который, в свою очередь, будет, естественно, знать свои периоды, свои ступени роста»⁵⁴. В частных беседах Андропов высказывался и более определенно: «Какой там к черту развитой социализм, нам до простого социализма еще пахать и пахать»⁵⁵. Подобного рода жесткие оценки не были единичными.

Контуры новой политики были обозначены 22 ноября 1982 г. в докладе ЦК КПСС. Подтвердив, что целью экономической политики является повышение эффективности производства, его механизация, Андропов констатировал, что этот процесс осуществляется медленно. Для решения задачи требуется реорганизация производства через внедрение новой техники. Все это должно было ускорить темпы развития экономики, увеличить абсолютные размеры прироста национального дохода, задания должны быть выполнены при сравнительно меньшем увеличении материальных затрат и трудовых ресурсов»⁵⁶. Здесь же были определены и средства реализации курса на ускорение: усиление ответственности за соблюдение общегосударственных интересов, радикальное искоренение ведомственности и местничества, решительная борьба против любых нарушений партийной, государственной и трудовой дисциплины, против бесхозяйственности и расточительства⁵⁷. Для осуществления намеченного, по мнению Андропова, «нужно правильно расставить кадры, с тем чтобы на решающих участках стояли люди политически зрелые, компетентные, инициативные, обладающие организаторскими способностями и чувством нового, без чего нельзя в наше время руководить современным производством»⁵⁸.

Подтвердив, что «кадры решают все», Ю. В. Андропов пытался выявить в среде партийной элиты тех, чьи взгляды и волевые качества казались ему наиболее пригодными для новой политики. При этом Генеральный секретарь не мог не учитывать сложившиеся

еся к тому времени соотношение сил в «верхах». Как вспоминал М. С. Горбачев, «подтянув к руководству Алиева, Воротникова, Чебрикова, Рыжкова, Лигачева, он серьезно укрепил свои позиции. Но одновременно Юрий Владимирович старался избегать обострения отношений и недовольства со стороны Черненко, Тихонова, Гришина, Щербицкого, добиться того, чтобы у всех членов руководства было ощущение сопричастности, соучастия в проводимом политическом курсе»⁵⁹. Именно на этом направлении Андроповым были сделаны важные заделы на будущее. В книге проводившего этот курс нового заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК Е. К. Лигачева приводятся данные о том, что к концу 1983 г. было сменено 20% первых секретарей обкомов партии, 22% членов Совета Министров, значительное число сотрудников высшего аппарата ЦК КПСС (зав. и зам. зав. отделами)⁶⁰. Весьма любопытна в этой связи оценка проделанной Лигачевым работы, данная тогдашним руководителем московской парторганизации. «В 1983—1984 гг. ему (Лигачеву. — А. Б.), — писал В. В. Гришин, — удалось расставить среди первых секретарей обкомов и крайкомов около 70 процентов своих людей, которые готовы были выполнить любое его указание, обеспечить арифметическое большинство при голосовании на пленумах ЦК по любому вопросу»⁶¹. В Москве было сменено до 31% партруководителей, на Украине — до 34, в Казахстане — до 32%⁶².

Важным компонентом кадровой «революции Андропова» стала чистка партийных рядов от коррумпированных элементов. Именно в это время началось расследование так называемого «узбекского дела» — о крупномасштабных хищениях в республике (следствие вели ставшие известными позднее Т. Х. Гдлян и Н. В. Иванов); более 200 человек было арестовано в связи с хозяйственными преступлениями в Краснодарском крае, в их числе — первый секретарь крайкома Медунов. Был привлечен к ответственности за злоупотребления близкий к Л. И. Брежневу министр внутренних дел Н. А. Щелоков. Активно выявлялись нарушения закона и в других ведомствах и регионах⁶³.

Но особенно интересна разработка новых подходов к регулированию народнохозяйственных процессов в 1983—1984 гг. Этим направлением, по указанию Андропова, с декабря 1982 г. занимались самый молодой член Политбюро М. С. Горбачев и новый секретарь ЦК, руководитель вновь созданного в этой структуре экономического отдела Н. И. Рыжков, которым было поручено «работать вместе» и готовить предложения «на сегодня, на завтра, на перспективу»⁶⁴. Импульс «сверху» без особого труда получил под-

«снизу». По воспоминаниям Рыжкова, «диссидентствующие экономистов из госструктур и академических институтов со- было нетрудно: люди были известны, немало наработок ле- «столах». Их использование открывало возможность выра- долгосрочную программу кардинальной перестройки «ния экономикой. Среди тех, кто привлекался «молодыми «форматорами», — академики А. Г. Аганбегян, Г. А. Арбатов, « Богомолов, Т. И. Заславская, В. А. Тихонов, тогдашние доктора « И. Абалкин, Н. Я. Петраков, С. А. Ситарян и др. В центре «мнения были три ключевые проблемы: укрепление исполнитель- « дисциплины, децентрализация управления, роль экономи- «ких стимулов в развитии экономики»⁶⁵.

Кампания *борьбы за трудовую дисциплину* в андроповские вре- « часто ассоциируется с массовыми облавами в рабочее время, «водимыми милицией в магазинах, банях, кинотеатрах. Од- «, при очевидных перегибах, в данном случае речь шла о лече- «более серьезной болезни — о «нестрогости» выполнения уп- «венческих решений любого уровня, что делало плановое регу- «вание фикцией. Поэтому желание высшего партийного «водства «навести порядок» получило поддержку со стороны «водителей предприятий. Это обстоятельство объясняет то, что «ятое 28 июля 1983 г. постановление ЦК «Об усилении работы «креплению социалистической дисциплины труда», по мне- «специалистов, «заработало» и в целом сыграло позитивную «⁶⁶.

Столь же назревшим было и постановление от 14 июля 1983 г. «дополнительных мерах по расширению прав производственных «приятий (объединений) промышленности в планировании и «ственной деятельности и по усилению их ответственности за «штыты работы». Постановление расширяло возможности са- «предприятий в планировании — на всех его стадиях — при «нии круга плановых показателей. При этом повышалась роль «омических нормативов; размеры средств на зарплату, соци- «ую сферу ставились в прямую зависимость от прибыли. Пред- «гиям предоставлялась *самостоятельность* в использовании «на развития производства и фонда развития науки и техники. « также получали право самостоятельно решать, как использо- «экономии фонда зарплаты»⁶⁷.

Эти новации в условиях того времени были весьма радикаль- «ными, но вводились они не повсеместно и не сразу, а через экспе- «римент. С 1 января 1984 г. предприятия двух ведущих союзных ми-

Исторический документ

нистерств (тяжелого и транспортного машиностроения, электронной промышленности) и трех республиканских (пищевой, легкой и местной) на Украине, в Белоруссии и Литве переводились на новый способ ведения хозяйства. Через год предполагалось обобщить результаты и распространить опыт на другие отрасли⁶⁸.

Поддерживались и другие эксперименты. В Грузии по инициативе Э. А. Шеварднадзе и под патронажем М. С. Горбачева проводился смелый эксперимент по усилению экономической заинтересованности крестьян в результатах своего труда, в частности были сняты некоторые ограничения при ведении личного хозяйства⁶⁹. Горбачев был активным сторонником и другой, тогда еще новой, идеи: он выступал за объединение ведомств агропромышленного комплекса, что должно было снять многочисленные противоречия между структурами, производящими и перерабатывающими сельхозпродукцию, а также обслуживающими сельхозпроизводство. Первоначально это «обкатывалось» на уровне РАПО — районных агропромышленных объединений⁷⁰.

Интересны и другие замыслы Андропова. Корягина вспоминает, что через две недели после смерти Брежнева по решению Политбюро была создана рабочая группа, целью которой была теоретическая разработка реформы по развитию частного и кооперативного секторов в народном хозяйстве СССР с учетом опыта стран — членов СЭВ. Группа работала под грифом «секретно». Однако, когда в мае 1983 г. ее первые записки были направлены в Политбюро, дальнейшее задание группы было сформулировано как «развитие индивидуального и кооперативного труда»⁷¹. В 1983 г. Андропов поручил Рыжкову изучить и изложить ему механизм работы концессии, совместного предприятия, акционерного общества, и материалы по этой тематике также готовились экспертами⁷². В апреле 1983 г. в ЦК прошло совещание, на котором обсуждались возможности поддержки подсобных участков и личных приусадебных хозяйств.

Наиболее трудной проблемой, необходимость решения которой была осознана при Андропове, была проблема побуждения инициативы к повышению эффективности производства и улучшению управления у непосредственных создателей материальных благ. «Возрастает роль представительных органов в осуществлении главной хозяйственно-организационной функции социалистического государства. Нельзя не отметить такую найденную самими массами первичную форму хозяйственного управления, какой стала производственная бригада. Разумеется, нам глубоко чужда такая

трактовка самоуправления, которая тянет к анархо-синдикализму, к раздробленности общества на независимые друг от друга, конкурирующие между собой корпорации, к демократии без дисциплины, к пониманию прав без обязанностей»⁷³. Андропов постоянно (и, видимо, мучительно) размышлял о создании системы, которая позволила бы сочетать традиционное централизованное руководство народным хозяйством с действительным развитием самоуправления, пробудить «творческий потенциал» «низов», самостоятельность которых, однако, не привела бы к «анархо-синдикалистскому» своеволию⁷⁴. Это противоречие, на наш взгляд, в полной мере отразилось в Законе о трудовых коллективах, принятом 17 июня 1983 г. С одной стороны, им разрешалось участвовать в обсуждении планов и коллективных договоров, принципов расходования фондов оплаты труда. Сам факт появления Закона и привлечение внимания к проблеме должны были вызвать положительный эффект у работников предприятий. С другой — трудовые коллективы получили лишь право совещательного голоса, их полномочия между собраниями и конференциями переходили к администрации, партийной, профсоюзной и комсомольской организациям. В итоге институт самоуправления на предприятиях так и не был создан.

Таким образом, независимо от существующих оценок личности Ю. В. Андропова, мы можем констатировать, что именно в период его пребывания на посту Генерального секретаря ЦК КПСС в правящей элите обозначились намерения существенно модернизировать сложившуюся социально-экономическую систему. Однако расклад сил в «верхах», идеологизированная привязанность к определенной системе ценностей диктовали достаточно жесткие рамки возможных изменений. Тем не менее реформаторский импульс, заданный в эти годы, оказал огромное влияние на последующее развитие событий.

В некоторых научных и публицистических изданиях выражалось чувство недоразумения по поводу восхождения на советский политический олимп *К. У. Черненко*. Однако внимательное ознакомление с различными источниками позволяет сделать вывод, во-первых, о неизбежности его избрания, а во-вторых, о «переходном» характере этой политической фигуры. Хорошо знающие цеховские «расклады» авторы отмечают, что *К. У. Черненко* был выдвигенцем брежневского клана, ослабленного, но еще достаточно влиятельного. Сила кадровых связей членов Политбюро позволила, как отмечал *Е. К. Лигачев*, «без проблем» избрать *Черненко* Генеральным секретарем⁷⁵. В то же время он не мог не считаться

с энергичными соратниками Андропова и отменять их разумные начинания. Поэтому Черненко, символизируя сохранение власти «старой гвардии», по сути, не препятствовал (не хотел или уже не мог) работе «молодых» реформаторов⁷⁶.

Сразу же после смерти Андропова Черненко подтвердил продолжение курса на «ускорение развития народного хозяйства»⁷⁷, на «перестройку системы управления экономикой»⁷⁸, осуществлять которую должны были кадры, понимающие «новые требования жизни». Продолжалась — хотя и не фронтально — борьба против коррупции: именно после многочасовой беседы с Черненко застрелился бывший министр МВД Н. А. Щелоков; интенсивно шло расследование по «узбекскому» делу, обновлялись кадры в этой республике. Авторитетом нового Генерального секретаря был освящен *экономический эксперимент* по расширению прав предприятий, начатый при Андропове: на новые условия хозяйствования переводились предприятия 21 министерства. При Черненко прозвучала идея о необходимости повышения роли местных Советов, что отражало курс на децентрализацию политического управления и «обуздание» ведомств. Высший партийный руководитель высказывался в пользу защиты природы (что было реакцией на движение против поворота северных рек на юг), говорил о важности «человеческого фактора». В это время в аппаратной среде начали обсуждать «российскую тему»⁷⁹. К числу же очевидных неудач следует отнести провозглашенную школьную реформу, предполагавшую раннюю профессионализацию образования при его значительной дегуманизации⁸⁰.

Историк А. В. Шубин полагает, что в 1984 г. в СССР проводился «курс Черненко—Горбачева»⁸¹. И действительно, М. С. Горбачев постепенно утверждался в качестве второго человека в партии, влияние которого возрастало как в силу его личных, безусловно неординарных, качеств, так и в связи с ухудшением состояния здоровья Черненко, особенно во второй половине 1984 г. К концу этого периода у Горбачева уже сформировалось свое видение того, что нужно сделать для коренного улучшения дел в стране. И его соратники, и историки считают в этом плане программной речь, произнесенную им в декабре 1984 г. на Всесоюзной конференции по идеологии. Здесь говорилось об ускорении научно-технического прогресса и всесторонней интенсификации производства, совершенствовании форм социалистической собственности при более органическом соединении непосредственного производителя с общественными средствами производства, об активизации и оп-

рации системы интересов, о развитии научных основ и практики планирования как главного средства осуществления экономической политики, совершенствовании системы распределения, «человеческом факторе», об «открытом честном слове партии», о различных формах самоуправления и товарно-денежных отношениях⁸². Декларации о новых намерениях были сделаны и в сфере внешней политики: «Едва ли кто станет оспаривать, что судьбы народов Европы неразделимы... Ядерный век неизбежно диктует новое политическое мышление», — говорил М. С. Горбачев⁸³ в декабре 1984 г. во время своего нашумевшего визита в Англию. И хотя этого звучало пока еще в достаточно общей форме, нетрудно заметить, что здесь фактически были обозначены *основные идеи начального этапа* горбачевского правления.

Полагаю, что пребывание у власти К. У. Черненко объективно приблизило период радикальных преобразований. Престарелый, немощный, бесцветный аппаратчик, лишенный даже тени «харизмы» своих предшественников, внимающий ритуальным словословиям в свой адрес, награжденный третьей (!) Звездой Героя Социалистического Труда за непонятные заслуги, принимающий присущимися руками у больничной койки мандат «народного избранныка» из рук униженно-подхалимствующего В. В. Гришина — более отвращающего символа старой власти придумать было трудно. Не только народ, но и правящий элитный слой все более осознавали дальнейшую бесперспективность существования *такого* варианта социалистической системы.

* * *

Итак, приведенные факты позволяют сделать некоторые выводы. Исторические предпосылки реформ в СССР во второй половине 1980-х годов вызревали в течение длительного времени. В их основе лежали прежде всего глубочайшие технологические перемены, обозначившиеся в развитых странах в 1960–1970-е годы и означавшие вступление человеческой цивилизации в качественно новую фазу развития. Очевидно, что отсутствие адекватной реакции со стороны советского руководства на это обстоятельство грозило СССР отставанием от Запада не на 10 или 20 лет, а «навсегда». Истощение экономики страны в результате гонки вооружений, политическое, военное и экономическое давление со стороны североатлантического блока во многом предопределяли временные рамки начала преобразований. Их возможность и реальность

подкреплялись внутренними изменениями в среде советской элиты, которые происходили в послесталинскую эпоху и имели свою историческую логику. Границы перемен, неизбежность которых была очевидна, во многом диктовались жесткими рамками официальной идеологии, оказавшими значительное влияние на характер антикризисных рецептов, разработанных к середине 1980-х годов.

Примечания

¹ Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994; Швейцер П. Победа. Роль тайной стратегии администрации США в распаде Советского Союза и социалистического лагеря. Минск, 1995; Красильщиков В. А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998; Наумова Н. Ф. Рецидивирующая модернизация в России: беда, вина или ресурс человечества? М., 1999; Постиндустриальный мир и Россия. М., 2000; Шубин А. В. От «застоя» к реформам. СССР в 1978–1985 гг. М., 2001.

² Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994.

³ На Западе рынок продаж персональных компьютеров с 1978 г. по 1984 г. вырос с 3 до 14 млрд долл. (см.: Там же. С. 87).

⁴ Там же. С. 88.

⁵ Там же. С. 92.

⁶ См.: Социум XXI века: рынок, фирма, человек в информационном обществе/Под ред. А. И. Колганова. М., 1998.

⁷ Павлов В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. М., 1993. С. 13.

⁸ Там же. С. 15.

⁹ Россия и Европа. М., 1996. С. 66–70.

¹⁰ Павлов В. С. Указ. соч. С. 15.

¹¹ Об этом подробнее см.: Шубин А. В. Указ. соч. С. 85–89.

¹² См.: Швейцер П. Указ. соч. С. 13, 16.

¹³ См.: Марчук Н. И. Война в Афганистане: «интернационализм» в действии или военная агрессия?//Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). М., 1995. С. 475.

¹⁴ Американская стратегия в отношении Польши была достаточно откровенно сформулирована З. Бжезинским. См.: Необъявленная война против Польши. Подрывная деятельность спецслужб (по материалам польской печати). М., 1984. С. 63–65.

¹⁵ Швейцер П. Указ. соч. С. 117, 269, 366–370.

¹⁶ См.: Грибков А. И. «Доктрина Брежнева» и польский кризис начала 1980-х годов//Военно-исторический журнал. 1992. № 9.

¹⁷ Круг проблем, связанных с обстоятельствами принятия решения о вводе войск, описан в: Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., 1994;

- ико Г. М. Холодная война. Свидетельства ее участника. М., 1994;
- И. С. Лихолетье. М., 1995.
- Барчук Н. И. Указ. соч. С. 470.
- 1) международной военно-технической помощи моджахедам см.:
р П. Указ. соч. С. 37, 67, 321, 355, 375.
- м.: Пиков Н. И. Война в Афганистане. М., 1991.
- м.: Шахназаров Г. Х. Цена свободы. М., 1993. С. 39.
- Швейцер П. Указ. соч. С. 88, 314, 358.
- Там же. С. 183–186.
- 1) См.: Орлов А. С. Эскалация вооружений — путь в тупик//Советская
внешняя политика в годы холодной войны. М., 1995. С. 498–499.
- 12) Швейцер П. Указ. соч. С. 217, 223, 328.
- 13) Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 493.
- 14) Яковлев А. Н. Омут памяти. М., 2000. С. 494.
- 15) См.: Печенев В. А. Взлет и падение Горбачева. Глазами очевидца (Из
фрестико-мемуарных размышлений). М., 1996.
- 16) Булдаков В. П. XX век российской истории и посткоммунистическая
истология//Российская империя, СССР, Российская Федерация: Исте-
рия одной страны? М., 1993. С. 43.
- 17) Бурлацкий Ф. М. Вожди и советники. М., 1990. С. 170.
- 18) Там же. С. 200; Накануне кризиса: нарастание застойных явлений в
партии и обществе. М., 1990. С. 12–13.
- 19) Накануне кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обще-
стве. С. 30.
- 20) Там же. С. 38.
- 21) Там же. С. 14.
- 22) Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. М., 1998. С. 31.
- 23) Там же. С. 33–34.
- 24) Там же. С. 315.
- 25) Там же. С. 313, 318.
- 26) Этой теме посвящена интересная работа С. Г. Кордонского «Адми-
нистративные рынки СССР и России» (М., 2000).
- 27) Шубин А. В. Указ. соч. С. 105.
- 28) Там же. С. 70.
- 29) Гаман-Голутвина О. В. Указ. соч. С. 342.
- 30) Шубин А. В. Указ. соч. С. 106.
- 31) Гаман-Голутвина О. В. Указ. соч. С. 329.
- 32) Напр.: Шахназаров Г. Х. Указ. соч. С. 35.
- 33) Корягина Т. И. Мы стали свидетелями антиперестройки//Литератур-
ная Россия. 1991. 10 января.
- 34) Медведев В. А. В команде Горбачева. М., 1994. С. 15.
- 35) Шубин А. В. Указ. соч. С. 297.
- 36) См.: Медведев Р. А. Неизвестный Андропов. Политическая биогра-
фия Юрия Андропова. М., 1999; Дроздов Ю., Фартышев В. На пути к воз-
рождению. Юрий Андропов и Владимир Путин. М., 2000.

- ⁵⁰ *Бурлацкий Ф. М.* Российские государи. Эпоха реформации. М., 1996. С. 188–193.
- ⁵¹ *Корягина Т. И.* Указ. соч.
- ⁵² *Шахназаров Г. Х.* Указ. соч. С. 28–29.
- ⁵³ *Андропов Ю. В.* Карл Маркс и некоторые вопросы социалистического строительства в СССР//Коммунист. 1983. № 3. С. 20.
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ *Корниенко Г. М.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1994. С. 232.
- ⁵⁶ Материалы пленума ЦК КПСС 22 ноября 1982 г. М., 1983. С. 6–7.
- ⁵⁷ Там же. С. 12.
- ⁵⁸ Там же. С. 19.
- ⁵⁹ *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 233.
- ⁶⁰ *Лигачев Е. К.* Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992. С. 22.
- ⁶¹ *Гришин В. В.* От Хрущева до Горбачева. Политические портреты и мемуары. М., 1996. С. 70.
- ⁶² *Земцов И.* Крах эпохи. М., 1999. Кн. 1.
- ⁶³ См. подробнее: *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 262–273.
- ⁶⁴ *Рыжков Н. И.* Перестройка: история предательства. М., 1992. С. 41.
- ⁶⁵ Там же. С. 46.
- ⁶⁶ Там же. С. 47.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Там же. С. 48.
- ⁶⁹ *Шеварднадзе Э. А.* Мой выбор. М., 1991. С. 64.
- ⁷⁰ *Горбачев М. С.* Указ. соч. С. 199–200; *Воротников В. И.* А было это так. М., 1995. С. 35.
- ⁷¹ *Корягина Т. И.* Указ. соч. С. 2.
- ⁷² *Рыжков Н. И.* Указ. соч. С. 50.
- ⁷³ *Андропов Ю. В.* Указ. соч. С. 19.
- ⁷⁴ *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 284.
- ⁷⁵ *Лигачев Е. К.* Указ. соч. С. 27.
- ⁷⁶ На это специально обращает внимание в своих мемуарах Н. И. Рыжков. См.: *Рыжков Н. И.* Указ. соч. С. 61.
- ⁷⁷ *Черненко К. У.* Народ и партия — едины. М., 1994. С. 415.
- ⁷⁸ Там же. С. 438.
- ⁷⁹ *Рыжков Н. И.* Указ. соч. С. 68–69.
- ⁸⁰ Цель и задачи реформы были изложены К. У. Черненко на Пленуме ЦК КПСС 10 апреля 1984 г. См.: Правда. 1984. 11 апреля.
- ⁸¹ *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 307.
- ⁸² См.: *Горбачев М. С.* Живое творчество народа. Доклад на Всесоюзной научно-практической конференции «Совершенствование развитого социализма и идеологическая работа партии в свете решений июньского (1983) Пленума ЦК КПСС» 10 декабря 1984 г.//*Горбачев М. С.* Избранные статьи и речи. М., 1987. Т. 2.
- ⁸³ Там же. С. 112.

Лекция 3

ПЕРВЫЙ ЭТАП ПРЕОБРАЗОВАНИЙ. 1985—1986

К середине 1980-х годов в СССР произошли такие изменения, которые делали возможными и в какой-то степени неизбежными глубокие преобразования сложившихся здесь социально-экономических и политических отношений. Речь идет о **трансформации советской политической элиты**. В начале 1980-х годов ушли из жизни Н. Косыгин, М. А. Суслов, Л. И. Брежнев, А. Я. Пельше, Ю. В. Андропов, Д. Ф. Устинов, К. У. Черненко. Это была последняя когорта руководителей, пришедших в политику в сталинское время занимавших в целом охранительные позиции в отношении той модели социализма и взглядов на характер мирового развития, которые сформировались в нашей стране в 1930—1950-е годы. Им на смену приходили совсем другие лидеры. В отечественной исторической литературе этот сюжет отражен слабо, западные же исследователи уделяют ему существенное внимание.

Горбачев принадлежал к «золотому поколению», родившемуся между 1927 и 1933 гг. Мужчины, появившиеся на свет с 1918 по 1926 г., были участниками Великой Отечественной войны, многие из которых не вернулись с фронта. Родившиеся же после 1927 г. преимущественно не воевали против фашизма, поэтому получилось так, что мужчины, родившиеся в 1927—1931 гг., по численности вдвое превосходили поколение 1921—1926 гг. рождения¹. Горбачев и его сверстники обучались в вузах в конце 40-х — середине 50-х годов. Их политическая социализация проходила на волне де-сталинизации, развернувшейся после XX и, особенно, XXII съездов партии. По сути это было первое «непуганое» поколение будущих политиков: они не пережили атмосферы репрессий, были внутренне намного свободнее и в своем большинстве — образованнее, чем их предшественники. В хрущевские времена разномыслие — постепенно и в разных формах — стало укореняться в советском обществе, особенно в интеллигентской среде. Свою роль сыграла и большая открытость СССР послесталинского времени, возможность, прежде всего для властвующей элиты, ознакомления с политическими и экономическими институтами тех стран,

Горбачев

которые добились наиболее значимых успехов в своем развитии. Все это делало горбачевских сверстников более подготовленными к отходу от тех канонических положений социалистической теории, которые объективно тормозили поступательное развитие общества в новую историческую эпоху.

К началу 1980-х годов, когда младшее сталинское поколение в силу естественно-биологических причин стало отходить от активной политической деятельности, на первый план постепенно выдвигались люди горбачевского возраста. И хотя в составе высших органов партии (ЦК и КПК), избранных на XXVI съезде, доминировали лица старше 56 лет, более молодые партийцы составили уже 30%. Наиболее значительно горбачевское поколение было представлено среди региональных (более 50%) и республиканских (более 42%) органов партии, а также среди лидеров и руководителей тяжелой индустрии, строительства и сельского хозяйства (более 30%)². Реже людей «горбачевского возраста» можно было встретить среди высшего генералитета (6%), высшего политического и экономического руководства страны (14%) и среди руководителей средств массовой информации, культуры, образования, науки, а также дипломатов (обе категории по 20%).

Особенности политической карьеры Горбачева связаны с общими чертами функционирования советской политической системы, рядом объективных и субъективных обстоятельств и личностными качествами будущего советского президента. Знакомство с его биографией позволяет сделать вывод о том, что уже с юных лет у него проявились черты, необходимые потенциальному лидеру (говоря о себе, М. С. Горбачев замечал, что никогда не страдал отсутствием самолюбия). Интерес к учебе увенчался получением серебряной медали после окончания школы; умение идти к цели через напряженный труд сделало Горбачева одним из самых молодых (17 лет) орденоносцев страны. Ранним стремлением к социальной активности можно объяснить вступление в 1950 г. в кандидаты в члены ВКП(б). Школьного медалиста, кавалера ордена Трудового Красного Знамени, кандидата в члены партии «из крестьян» — такого парня «не могли не принять» на юридический факультет МГУ, куда Горбачев был зачислен даже без собеседования. Его лидерские качества: отличная учеба, активная комсомольская работа, умение устанавливать дружеские контакты с различными людьми — все это в полной мере проявилось в университетский период³.

Влияние политической работой в Ставрополье не обязательно котировало головокружительную карьеру, но в то же время давало большие возможности. Руководитель южного региона «по оптимистичности» имел важные преимущества перед «северным» коллегой. Природно-климатические условия, в частности Ставрополья, могли развернуться и открывали хорошие перспективы для плодотворной работы. «Обреченный» получать хорошие и очень высокие урожаи, «южный» руководитель чаще пользовался благоприятным вниманием московского начальства, и, естественно, таких ставропольчан выдвигали в ряды крупных деятелей общесоюзного масштаба⁴.

Все это обусловило то, что у Горбачева изначально в столице имелись покровители достаточно высокого ранга. Среди них — И. Кулаков, бывший до 1964 г. первым секретарем Ставропольского крайкома, а затем (с 1965 по 1977 г.) являвшийся секретарем ЦК, отвечавшим за сельское хозяйство. В 1940-е годы Кулаков дружил с К. У. Черненко, с середины 1960-х годов занимавшим видное положение в партийной аппаратной иерархии и имевшим большое влияние на Л. И. Брежнева. Интерес к Ставрополью проявлял и главный партийный идеолог М. А. Сулов, занимавший здесь с 1939—1944 гг. пост секретаря крайкома. Интересно отметить, что Горбачев — едва ли не единственный из известных мемуаристов, кто не посчитал нужным даже постфактум «покритиковать» этого человека. По воспоминаниям В. И. Болдина, Горбачев называл Сулова «умницей», «замечательным человеком», удивлялся, как тот справляется с огромным объемом работы⁵.

На территории Ставропольского края находились известные курорты: Кисловодск, Пятигорск, Минеральные Воды, — в санаториях которых часто отдыхали представители партийной и государственной элиты. Здесь бывали А. Н. Косыгин, А. П. Кириенко, М. А. Сулов, Ю. В. Андропов и др. — Горбачев принимал их на правах «радушного хозяина», устанавливал контакты, часто доверительные. Формировавшиеся с 1968 г. дружеские связи с Андроповым, несомненно, сыграли большую роль в судьбе Горбачева⁶.

Все это привело к тому, что уже в начале 1970-х годов, когда «наверху» все яснее осознавали «необходимость сочетания старых и молодых кадров», Горбачев котировался достаточно высоко. Он рассматривался как возможный кандидат на посты генерального прокурора, министра сельского хозяйства, зав. отделом пропаганды ЦК КПСС⁷. Поэтому можно считать в известной мере закономерным, что в ноябре 1978 г., когда в очередной раз встал кадро-

вый вопрос, К. У. Черненко вызвал Горбачева и сообщил: «Завтра на Пленуме Леонид Ильич собирается внести предложение об избрании тебя секретарем ЦК по сельскому хозяйству... Леонид Ильич исходит из того, что ты на его стороне»⁸. Должность секретаря ЦК по сельскому хозяйству была одной из ключевых, поскольку он постоянно был связан со всей страной, с первыми секретарями республиканских ЦК, крайкомов и обкомов. Это ускорило и делало более тесным знакомство Горбачева с обновляющейся региональной элитой, превращало его в политическую фигуру общесоюзного масштаба. Уже в 1979 г. Горбачев был избран кандидатом, а в 1980 г. — членом Политбюро. И если вспомнить порядок замещения высших партийных и государственных должностей, можно констатировать, что Горбачев сумел прорваться в весьма узкий круг, из которого выбирались высшие руководители; без их одобрения не принималось ни одно серьезное решение в стране. И хотя наиболее влиятельные члены Политбюро (Брежнев, Косыгин, Андропов, Сулов, Черненко) обращались к своему коллеге на «ты», «подлюсок»⁹, у него были весьма неплохие перспективы. Средний возраст участвовавших в работе этого органа людей (при 49-летнем Горбачеве) перевалил за 70. Проявляя активность, находясь на виду и не совершая ошибок, он имел шанс добиться самого большого успеха и делал все, чтобы его не упустить.

Реальное выдвижение Горбачева на первые роли связано с именем Андропова, возглавившего партию в ноябре 1982 г. Существуют авторитетные свидетельства, согласно которым Андропов видел в Горбачеве своего преемника¹⁰. Не случайно Андропов поручил ему не ограничиваться аграрными вопросами, но выходить на более общие, прежде всего экономические проблемы¹¹. Представления и взгляды горбачевского покровителя определяли границы, в пределах которых мыслились возможные реформы. В первую очередь — это стабильность политических и идейных устоев существовавшей системы. Помимо «преданности идее», в таком подходе был и другой резон: при выборе удачной модели экономических преобразований система позволяла использовать свой колоссальный мобилизационный ресурс для энергичного внедрения новаций. Видимо, поэтому Андропов считал необходимым выявить все позитивное, что накопилось на практике, и максимально использовать явно не востребованный потенциал экономической науки — именно на этих направлениях допускалось определенное «отступление от устоев». Координация этой работы была возложена на молодых представителей партийной элиты М. С. Гор

... и Н. И. Рыжкова¹². Последний в ранге секретаря ЦК возглавил специально созданный для этой цели в 1982 г. экономический отдел ЦК КПСС. Поиск отличной от прежней модели экономического развития продолжался с 1982 по 1985 г. Сформулированные тогда подходы и предопределили действия советского руководства после марта 1985 г. При этом нужно отметить, что в литературе существуют весьма различные оценки степени подготовленности реформ.

Сам Горбачев в 1987 г. писал, что это не был экспромт, но продуманная, взвешенная позиция. «Было бы ошибкой считать, что буквально через месяц после Пленума ЦК в марте 1985 года внезапно появилась группа людей, все понявших и все осознающих, и что эти люди во все проблемы внесли полную ясность. Таких чудес не бывает»¹³. Н. И. Рыжков называет имена А. Г. Аганбегяна, Г. А. Арбатова, О. Т. Богомолова, Т. И. Заславской, Л. И. Абалкина, Р. А. Белоусова, Н. Я. Петракова, С. А. Ситаряна; у них, по словам бывшего премьера, были нестандартные наработки и креативные мысли, которые теперь были востребованы¹⁴. Другой соратник Горбачева, экономист В. А. Медведев, также упоминает перечисленные имена, но акцентирует внимание на том, что в 1983 г. была лишь сформулирована программа перестройки экономики. В своих исследованиях, ориентированная на возможные реформы¹⁵. Академик Д. С. Львов довольно критически оценивает общее состояние экономической науки тех лет. Он считает, что в силу идеологических причин колоссальные усилия экономистов концентрировались на марксистской доктрине, более же поздние принципиальные достижения излагались лишь с целью их опровержения. А поскольку в советской экономической системе отсутствовали те механизмы, которые являются основным предметом изучения современной экономической науки — конкурентные рынки, сложная банковская система, валютные биржи, финансовые инструменты и т.д., — то наши экономисты развивали преимущественно теорию планирования. В результате к началу перестройки в стране, за редким исключением, не было специалистов-теоретиков по микроэкономике, рынкам капитала и труда, международным финансам, теории производственных организаций¹⁶.

Академики Е. М. Примаков, О. Т. Богомолов показали, как неслучайный процесс деидеологизации многих базовых категорий экономической науки осторожно разворачивался в академических структурах, изучавших мировой опыт (Институт мировой экономики и международных отношений, Институт экономики мировой социалистической системы, Институт США и Канады)¹⁷. Многие полу-

жившие широкую известность во второй половине 80-х — середине 90-х годов экономисты и политологи прошли школу этих цензуров. Г. Х. Попов достаточно резок в своих суждениях, утверждая, что реформы «не были подготовлены в плане идейно-теоретическом и организационно-прикладном» и что «концепция перестройки и практика во многом является чистой импровизацией»¹⁸. Интересную позицию занимает бывший союзный премьер В. С. Павлов. Сопоставляя развитие западной и отечественной экономической науки, он утверждает, что те идеи, которые легли в основу разработок В. В. Леонтьева и были использованы «всем цивилизованным миром», не обошли стороной и наше государство. «Они легли в первооснову проекта, предусматривавшего переход советской экономики на рельсы научно-технического прогресса, — этот проект известен под обобщающим названием «косыгинской реформы». В современной литературе существуют достаточно разноречивые объяснения причин, по которой она не состоялась. Главная из них, по Павлову, состоит в противодействии реформе большой группы экономистов, объединившихся вокруг идеи СОФЭ — системы оптимального функционирования экономики. Сторонники СОФЭ утверждали, что при последовательном осуществлении предложенной ими в 1960-е годы стратегии реформ (полный хозрасчет, активная структурная политика, оптимизация, плата за государственные ресурсы и др.) государственные предприятия были бы переведены на долгосрочную аренду, рыночные реформы прошли бы естественно и наименее болезненным способом. Оппоненты упрекали «софистов» в необоснованности веры в чудодейственные возможности ЭВМ и создание с их помощью таких экономико-математических моделей, которые обещают быстрое и безболезненное преодоление трудностей. Оппоненты «софистов» также полагали, что предложенные идеи ведут не к постепенному переводу экономики на новые условия хозяйствования, а, первоначально, к ее фактическому разрушению «до основания» при отсутствии ясности, что будет «затем»¹⁹. Многие крупные экономисты считали СОФЭ «лысенковским чудо-способом». Эти исторические наблюдения представляют интерес в связи с тем, что лидеры «софистов» оказали решающее влияние на разработку экономической стратегии на заключительном этапе перестройки»²⁰.

Приведенные выше и другие оценки специалистов позволяют сделать вывод о том, что в экономической науке не существовало хотя бы относительного единства по поводу механизма трансформации модели хозяйствования, которая сложилась в СССР к началу 1980-х годов. В то же время нарастающая стагнация давила на

Носыгин
1991

политиков и требовала действия. В этих условиях и партийные, и государственные управленцы склонялись к принятию не очень сложных, но, как казалось, безусловно полезных и назревших решений. Горбачев и другие болевшие за дело руководители возмущались бюрократизмом, ведомственностью, административной волеизъявлением, заорганизованностью. Ликвидация этих недостатков, по мнению многих, позволила бы обществу двинуться вперед. Обоснования преобразований искали в ленинском наследии: работавшие с Горбачевым в 1983—1985 гг. люди отмечают его искренний интерес к мнениям основателя советского государства²¹. По наблюдениям А. Болдина, этот интерес сохранялся и в первые перестроечные годы²². Видимо, именно такой «рационально-социалистический» подход утвердился в среде ответственных политиков в андроповские и перенковские времена и предопределил характер преобразований 1985—1986 гг. Их цель — **ускорение социально-экономического развития** страны. Добиться этого предполагалось через перегруппировку и концентрацию сил и средств на ведущих направлениях — прежде всего за счет внедрения достижений научно-технического прогресса (машиностроение и другие прогрессивные наукоемкие отрасли). Реализацию курса представлялось возможным обеспечить путем укрепления дисциплины и расстановки знающих кадров, повысив их ответственность за порученные участки. На наш взгляд, все это позволяет рассматривать мероприятия 1986 г. как определенную целостную систему.

В политическом плане задачи нового этапа были сформулированы в выступлениях Горбачева и партийных документах середины мая—июня 1985 г. Уже в начале апреля на встрече с хозяйственными руководителями новый Генеральный секретарь отмечал: «Анализ показывает, что темпов, с которыми мы движемся в этой области, недостаточно. Нам предстоит их повысить и повысить ответственность». При этом «на передний план выдвигаются вопросы качественного перевода производства на рельсы интенсификации, оптимизации его структуры, ускорения научно-технического прогресса, значительного повышения качества продукции, дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма в целом». Добиться этого необходимо через напряженную и инициативную работу каждого — «от рабочего до министра, от инженера до академика. Надо решительно поднимать ответственность кадров, организованность, дисциплину... Понимать вопрос о крепкой дисциплине надо в широком плане. Она включает и высокую культуру производства, и высокую технологическую дисциплину, и, конечно же, дисциплину».

1985 апр. мессу с ЦК,

лину труда. Все, в конце концов, начинается с высокой требовательности к людям, к руководящим кадрам»²³. Эти идеи были конкретизированы в решениях *апрельского (1985) пленума ЦК КПСС*. В ускорении научно-технического прогресса решающее место отводилось машиностроению — темпы его развития предстояло ускорить в полтора—два раза. «Главная задача — быстро перейти на производство новых поколений машин и оборудования... Перво-степенное внимание должно быть уделено совершенствованию станкостроения, ускорению развития вычислительной техники, приборостроения, электротехники и электроники как катализаторов научно-технического прогресса»²⁴. О совершенствовании механизма управления, повышении действенности хозрасчета на пленуме говорилось в достаточно общей форме. Более определенно прозвучало намерение решительно ликвидировать ведомственные барьеры в агропромышленном комплексе. В числе приоритетных были провозглашена задача подготовки Комплексной программы развития производства товаров народного потребления и сферы услуг. Содержалось обещание удовлетворить потребности населения в садовых участках, изменить ситуацию в здравоохранении, продвигнуть школьную реформу; предполагалось улучшить материальное положение ряда массовых социальных групп. Следует специально отметить, что в понятия «перестройка» и «гласность» в документах этого времени не вкладывался тот смысл, с которыми они ассоциируются ныне. Слово «перестройка» было синонимом «изменение стиля работы», «гласность» же рассматривалась как один из каналов связи с массами, позволяющий учитывать общественное мнение и критические замечания трудящихся²⁵. Трактовка гласности у Горбачева до середины 1986 г. содержательно совпадает с тем, что он говорил и до прихода к власти²⁶. Намного больше внимания привлекали заявления нового лидера о недопустимости застоя в движении кадров, о назревшей потребности выдвигать молодых, инициативных работников²⁷, о роли «человеческого фактора».

Из политических мероприятий весны—лета 1985 г. следует выделить совещание в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса, проведенное 11 июня. Совещание было своеобразным актом «реванша» горбачевского поколения руководителей по отношению к своим предшественникам: вопрос о подготовке Пленума ЦК по этой назревшей проблеме обсуждался с конца 1970-х годов, однако и Брежнев, и Черненко уклонялись от ее масштабной постановки²⁸. Теперь же политическое руководство страны продемонстрировало решимость заняться и этим делом.

Поэтому на совещании подчеркивалось, что «ускорение технического прогресса партия рассматривает как главное решение своей экономической стратегии»²⁹, в связи с чем на первом этапе перестройка инвестиционной и структурной политики, активное использование научно-технического потенциала и совершенствование управления научно-техническим прогрессом.

С таким взглядом, правомерным является вывод о *технократическом подходе* к решению народнохозяйственных проблем на том этапе. Вопрос об экономическом механизме реализации поставленных задач звучал достаточно робко и в общей форме. Это можно объяснить характером формирования тогдашней управленческой элиты. Практически все ее представители поднимались «наверх» с низовых звеньев производства. Их основные функции изначально и далее были связаны с организацией выпуска соответствующей продукции, что осуществлялось при административном получении необходимых ресурсов и внерыночном перераспределении готовых изделий. Экономические, финансовые рычаги носили подчиненный характер и сформировали определенное отношение. Влияние обусловленных этими обстоятельствами подходов на принятие управленческих решений было значительным не только в рамках рассматриваемого нами периода 1985—1986 гг., но и за его пределами.

Чрезвычайно показательным для первого этапа реформ являлось проведение *антиалкогольной кампании*. В критических публикациях, где справедливо осуждаются ее негативные последствия, недостатка нет. В то же время практически никто не рассматривает антиалкогольную кампанию с точки зрения отражения уровня экономического и политического мышления руководителей страны тех лет. Между тем это — практически первое крупное комплексное мероприятие новых лидеров, последовательно осуществленное в 1985—1988 гг.

Прежде всего, провозглашенная кампания имела большой общественный смысл. Речь шла не только о хронической, но и о постоянно прогрессирующей социальной болезни. «Пьяные» деньгами и активно использовались бюджетом, поэтому попытки борьбы против пьянства и алкоголизма» фактически носили либеральный характер: государству катастрофически не хватало средств, и, как показывал исторический опыт, отказываться от основных источников финансовых поступлений оно не рисковало. Даже Ю. В. Андропов, с именем которого связывают идею наведения порядка в стране через «закручивание дисциплинарных гаек»,

антиалкогольная кампания

напрямую связанных, в том числе, и с противодействием пьянству, видимо, не по моральным соображениям пошел на выпуск дешевой водки, которую в народе окрестили «андроповкой». Уплаченные на «пьяные» деньги, паразитирование на теневых чертах человеческой натуры были результатом неспособности добиваться бюджетного успеха более «квалифицированным» путем, демонстрировали отсутствие желания это делать.

Поэтому постановка вопроса о борьбе против пьянства и алкоголизма в мае 1985 г. свидетельствовала о серьезности намерений нового руководства взяться за решение сложнейшей проблемы, имевшей глубокие экономические, политические, социальные корни, оказывавшей крайне негативное влияние на нравственное состояние общества. Начало борьбы против пьянства было встречено доброжелательно, хотя и с известной долей иронии: все понимали, что это делать нужно, но в сознании многих это явление стало едва ли не элементом национального образа жизни русских. Поэтому, приветствуя новое благое начинание, люди ставили в сомнение возможность осуществить его быстро, а скептики считали бесперспективной затею вообще.

Многие авторы указывают на ошибочность применения преимущественно административных методов при проведении этой кампании. На наш взгляд, упор на них был закономерен. Во-первых, это было в традициях тех лет, когда параметры проводимых преобразований регламентировались «сверху». Во-вторых, жесткость постановки вопроса в 1985 г. выглядела плюсом, а не минусом: еще в 1984 г. Политбюро образовало комиссию для разработки эффективных мер по преодолению пьянства и алкоголизма³⁰. Однако действия по реализации идеи были предприняты лишь новым руководством, что сулило и политические дивиденды. При этом следует сказать, что некоторые члены нового руководства (Н. И. Рыжков и ряд других) изначально предупреждали коллег по Политбюро о бессмысленности этой кампании, указывая прежде всего на бюджетные резоны. Тем не менее победила позиция сторонников более широкого взгляда на проблему, которые, помимо политических аргументов, опирались также на экономические расчеты: сокращение потерь от пьянства на производстве (а они оценивались в 80–100 млн руб. ежегодно) вместе с постепенным свертыванием выпуска спиртного должны были если не свести на нет, то в крайней мере минимизировать потери бюджета от кампании³¹.

Проведенные мероприятия имели определенный положительный эффект: сократился травматизм, снизились смертность лю-

потери рабочего времени, хулиганство, разводы по причинам насилия и алкоголизма. Но, как писал позже Горбачев, «негативные последствия антиалкогольной кампании намного превзошли ее успехи»¹². К числу издержек кампании относят: спешное закрытие ликеров, винно-водочных заводов; вырубку виноградников; свертывание производства сухих вин; сокращение выпуска пива; массовое развитие самогонарения, повлекшее исчезновение сахара. Дефицит сахара потянула за собой резкое сокращение ассортимента кондитерских изделий; с прилавков стали исчезать недорогие колонины, употреблявшиеся вместо водки, а использование возможных «заменителей» привело к росту заболеваний. Выросла преступность, общая озлобленность людей. По данным Горбачева, в результате массовой антиалкогольной кампании бюджет недополучил 37 млрд руб.; Рыжков называл другую цифру — 100 млрд, а в середине 1991 г. В.С. Павлов говорил о 200 млрд³³. Уже в 1989 г. доходы от торговли спиртным вновь пошли вверх и достигли 54 млрд руб., на 1 млрд превысив уровень 1984 г. Отрицательный политический эффект антиалкогольной кампании был многократно усилен тем, что она явилась одним из наиболее «высоких» и ярких источников финансовой разбалансированности, происхождение которой носило более многоплановый характер. Интересно отметить, что тревожная информация о «перегибах» по разным каналам доходила до Горбачева, но он не считал необходимым корректировать курс. Позже, оправдывая свою позицию, он писал: «Уж очень велико было наше стремление победить эту страшную беду». Это стремление «быстрее победить беду», как бы ни взгляды, определяло характер многих решений, принятых в рамках экономической и социальной политики в 1985—1986 гг.

Курс на ускоренное внедрение достижений научно-технического прогресса нашел отражение в создании ряда структур. Было создано Бюро Совмина СССР по машиностроению, образован Государственный комитет по вычислительной технике и информатике (21.03.1986), принято решение о создании межотраслевых научно-технических комплексов (22.01.1986), организовано Главное управление по созданию и использованию космической техники для народного хозяйства и научных исследований (12.10.1985). Административный ресурс управления активно использовался и в других сферах. Стремлением ликвидировать бюрократизм и ведомственность было продиктовано создание (22.11.1985) Госагропрома — структуры, поглотившей пять министерств и один госкомитет, которые отвечали за производство сельхозпродукции, ее хра-

нение и переработку. Неповоротливость и неэффективность нового управленческого гиганта постепенно становилась очевидной (он был ликвидирован лишь в 1989 г.), а в 1985 г. идея единого управления всей сферой агропромышленного производства была новой, торской и выглядела перспективной.

Повысить эффективность использования новой техники были призваны решения о проведении аттестации рабочих мест (12.09.1985) и о переводе предприятий, обладавших высокопроизводительным современным оборудованием, на трехсменную работу. Улучшения качества производимых изделий предполагалось добиться через использование оправдавшего себя в отраслях оборонной промышленности опыта государственной приемки продукции — майским решением 1986 г. она вводилась с января 1987 г. С идеей наведения порядка связано также и принятие постановления Совета Министров СССР (15.05.1986) «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами». Стремление более активно использовать экономические стимулы относится преимущественно к середине — второй половине 1986 г.

1985—1986 гг. связаны с попыткой проведения **активной социальной политики** — государство широко формулировало задачи в области образования и здравоохранения, системы социального обеспечения и заработной платы, в сфере жилищного строительства. Направленные на это решения, по мнению современных авторов, породили «революцию ожиданий», сыгравшую в 1989—1990 гг. злую шутку с инициаторами апрельского курса, когда большая часть обещаний 1985—1986 гг. оказалась невыполненной. Однако подобной констатации недостаточно, поскольку «революция ожиданий» явилась прямым следствием «пресса ожиданий» — напомним, что социальная сфера накануне 1985 г. находилась в печальном состоянии, и не случайно, как вспоминал Рыжков, идея ускорения первоначально рассматривалась лишь применительно к ней. Поэтому принятые в 1985—1986 гг. акты также следует рассматривать строго в историческом контексте тех лет: во-первых, необходимость решения озвученных проблем давно перзрела, во-вторых, возможность быстрого прогресса на этом направлении также связывалась с наличием политической воли руководства, дефицита которой у новых лидеров не было.

Уже 14 мая 1985 г. были приняты постановления о первоочередных мерах по улучшению материального благосостояния малообеспеченных пенсионеров и семей, усилению заботы об одиноких престарелых гражданах, а также о распространении льго-

...ников Великой Отечественной войны на ленинградцев, оставшихся в городе в период блокады. Через неделю — 22 мая — принят документ, предусматривавший улучшение пенсионного обеспечения рабочих, служащих, членов колхозов и их семей. В январе 1986 г. были повышены пособия на детей военнослужащих и выплаты вдовам, а также пособия для одиноких матерей. В том же ввелись надбавки к зарплате работникам ряда регионов. В мае 1986 г. были повышены пенсии пенсионерам, постоянно проживающим в сельской местности, а в сентябре введены дополнительные льготы участникам Великой Отечественной войны и семьям погибших военнослужащих.

Началось осуществление ряда мер по повышению заработной платы. В мае 1985 г. было принято постановление по совершенствованию оплаты труда научных работников, конструкторов и технологов промышленности, а в июле — о повышении материальной заинтересованности некоторых категорий работников аграрной сферы. Решением 12 декабря 1985 г. улучшалось материальное стимулирование мастеров, начальников цехов и участков предприятий. И наконец, постановление от 17 октября 1986 г. предусматривало введение нормативных ставок и окладов, а также снятие ограничений на уровень заработной платы в производственных отраслях.

Предполагались радикальные изменения в деле строительства школ, детских садов, больниц и поликлиник. Специальное постановление касалось поощрения садоводства и огородничества. Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и услуг на 1986—2000 гг. обещала прорыв на этом направлении. И пожалуй, наиболее грандиозной была программа «пять-2000», которая предусматривала решение одной из наиболее болезненных социальных проблем в СССР. Согласно документу, каждая семья к 2000 г. должна была иметь квартиру или дом в собственном доме³⁴.

Значительные подвижки происходили и в сфере **внешней политики**. С одной стороны, шло традиционное укрепление связей со странами, входившими в *Организацию Варшавского Договора*, — в июле 1985 г. он вновь был продлен на очередные 20 лет. В соответствии с этим курсом внутри СССР была утверждена Комплексная программа научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 г. Продолжались регулярные встречи на высшем уровне с лидерами этих стран, в ходе которых, правда, стали звучать новые нотки: советская сторона давала понять, что намерена отходить от роли «старшего брата» в отношениях со своими партнерами.

В то же время была предпринята попытка решительно переделать ситуацию в *отношениях Восток—Запад*. Намечавшийся здесь новый курс был обусловлен прежде всего глубокими внутренними мотивами: «технологическая недостаточность» и резкое сокращение валютных поступлений в результате падения цен на энергоносители оставляли мало надежд на успех в условиях фактически начавшегося очередного витка гонки вооружений. Широкая программа технической модернизации в СССР и резкое увеличение ассигнований на социальную сферу требовали перераспределения ресурсов «оборонки».

С внешнеполитической сферой связаны и наиболее заметные перемены в **идеологии**. Не отрицая классового противостояния на международной арене, на первый план выдвигалась идея «единого взаимосвязанного мира», «нового политического мышления», «всеобъемлющей системы международной безопасности», «общечеловеческих ценностей», которые рассматривались тогда советской стороной исключительно в международно-гуманитарном контексте.

Сферой, где позитивные перемены проявились в полной мере была **общественно-политическая атмосфера** тех лет, связанная с личностью и манерой поведения М. С. Горбачева. Он, безусловно, обладал определенной харизмой. «Умное улыбчивое лицо с привильными чертами, необычайно выразительные глаза, ладная, чуть полноватая, но подтянутая фигура; уверенная манера держаться; открытость и доброжелательность в сочетании со строгостью и властным видом. Словом, он весь соткан из обаяния, и этого было достаточно, чтобы с первых появлений на экране и на улице завоевать симпатии», — справедливо писал Г. Х. Шахназаров³⁵. «Эффект Горбачева» усиливался и благодаря невольным сопоставлениям нового лидера с предшествующими генсеками. Кроме того, несколькими хорошо продуманными акциями Горбачев продемонстрировал себя как лидер, близкий к народу. Этому способствовали его поездки в Ленинград, Киев, на московские заводы и в подмосковные колхозы, на Урал, Север, Дальний Восток, в некоторые республики, где он часто «без бумажки» общался с «трудящимися». Благоприятное впечатление произвело пресечение Горбачевым попыток возродить унизительную традицию восхваления вождей: на XXVII съезде КПСС он достаточно решительно одернул Э. А. Шеварднадзе, не сумевшего в выступлении скрыть своего расположения к новому лидеру. Аналогичная сцена повторилась на съезде кинематографистов — теперь Михаил Сергеевич «поправил» руководителя этого Союза Л. А. Кулиджанова³⁶.

Харизма

Постепенно набирала темпы «кадровая революция» Горбачева. Ощутимое впечатление производило избавление от престарелой элиты партийных и государственных деятелей, выдвинувшихся при Брежневле: в 1985—1986 гг. своих постов лишились Г. А. Алиев, Г. Гришин, Д. А. Кунаев, Г. В. Романов, Н. А. Тихонов, В. В. Щербаков и др. Большие перемены происходили и в центральном партийном аппарате. На смену приходили руководители, поддерживавшие нового лидера и нацеленные на реформы. В числе первых заместителей получили Н. И. Рыжков, Е. К. Лигачев, Э. А. Шеварднадзе, В. Н. Зайков, Б. Н. Ельцин. К началу 1987 г. было заменено 70% членов Политбюро, 60% секретарей областных партийных организаций, 40% членов ЦК КПСС, получивших свои посты при Брежневле. Изменения шли сверху вниз. С 1986 по 1988 г. на уровне горкомов и райкомов было заменено 70% руководителей. Еще более высокими темпами заменялись хозяйственные управленцы. Из 115 членов Политбюро Министров СССР, назначенных до 1985 г., в первый год правления Горбачева у власти сменилась одна треть, в 1988 г. их осталось 22, а в 1989 г. — 10 человек³⁸. Эта работа продолжалась и далее. Широкий общественный резонанс получили действия первого заместителя секретаря московского горкома Б. Н. Ельцина, который провел большую работу по очищению столицы от гришинских кадров в райкоме и райкомах партии. Ельцин изначально выделялся из гришинских выдвиженцев своей решительностью: в декабре 1985 г. в Ташкенте он выступил с острокритической речью о ситуации в Узбекистане, ставшей одним из первых звеньев в цепи разоблачения коррупции в республике в брежневскую эру. Привлек внимание доклад Ельцина на Московской партконференции. По той же оценке помощника Горбачева А. С. Черняева, «доклад по автоматичности, по отражению глубины и масштабов перемен можно поставить в ряд с XX съездом КПСС»³⁹.

Происходившие перемены первоначально позитивно оценивались массовым сознанием: на смену, как правило, пожилым, утратившим динамизм руководителям, часто подолгу «сидевшим» на своих местах, приходили более молодые, энергичные, стремившиеся «развернуться». Однако со временем темпы и масштабы перемен не столько радовали, сколько начинали смущать. Их стали называть «кадровой чисткой», сопоставимой со сталинской «кадровой революцией»⁴⁰; указывали на то, что при столь быстрой смене кадров нарушается преемственность в работе, дестабилизируется система управления. В литературе нет единства в оценке мотивов первой волны нового руководства в этом отношении. Одни считают,

что это — результат осознанно проводившейся политики, имевшей целью дестабилизацию и развал существовавшей системы (В. С. Павлов). Другие склонны оценивать происходившее как следствие торопливости, неспособности просчитать последствия принимаемых решений (В. И. Воротников).

✓ Благоприятное воздействие на атмосферу тех двух лет оказало **расширение информированности общества**. Этот процесс развивался постепенно, шел по нарастающей, ни у кого не вызвал протеста. Люди стали больше узнавать об экономических и социальных проблемах, осторожно приоткрывались некоторые страны прошлого.

В нашей исторической литературе начало второго этапа горбачевских реформ часто связывают с январским (1987) пленумом ЦК КПСС, после которого акцент в преобразованиях начал смещаться в политическую сферу. При этом из поля зрения исследователей выпадает менее «яркий» 1986 г., что, на наш взгляд, несправедливо, поскольку именно в это время в основном сформировалось новое видение содержания реформ, заметно отличавшееся от первоначальных установок.

Линия на ускорение социально-экономического развития была неизбежным этапом осмысления ситуации, сложившейся в стране к моменту прихода к власти Горбачева⁴¹. Принимаемые решения опирались на представление о том, что «так (как ранее) жить нельзя» являлись не столько результатом осуществления продуманной стратегии мер, сколько отражали «философию действия», стремление нового руководства взяться за решение стоящих перед страной проблем. В период после апреля 1985 г. и до XXVII съезда (конец февраля — начало марта 1986 г.) «выкристаллизовывались основные идеи и направления политики партии»⁴² в новых условиях. **XXVII съезд стал определенным рубежом**, после которого наметились некоторые перемены. Формула ускорения наполнялась новым содержанием, проводилась мысль о необходимости комплексного и глубокого реформирования. «Ускорение, радикальные преобразования во всех сферах нашей жизни — не просто лозунг, а курс который партия пойдет твердо и неуклонно», — говорил Горбачев⁴³ в своем заключительном слове. Формально термин «перестройка» по-прежнему был использован лишь применительно к партийной работе и работе с кадрами, однако содержательно характер намечаемых перемен был вплотную приближен к тому пониманию перестройки, которое стало утверждаться с середины 1986 г. и в таком виде вошло в политический обиход в нашей стране и за рубежом.

И речи, произнесенной в Тольятти 8 апреля 1986 г., Горбачев говорит, что «мы пошли по пути коренной перестройки всех сфер жизни общества», что необходима «глубокая, всесторонняя перестройка»⁴⁴. Начинать ее предлагалось прежде всего с перестройки в области культуры, философии и психологии, в организации, стиле и методах работы. Перестройка должна происходить на каждом рабочем месте, в каждом трудовом коллективе, в органах управления, в партийных и государственных органах, включая Политбюро и правительство»⁴⁵. На заседании ЦК КПСС в июне 1986 г. уже анализировались «первые итоги перестройки», под которыми понималось все происходившее после начала 1985 г.⁴⁶. Следующий шаг в толковании этого понятия был сделан в июле 1986 г. в Хабаровске. Вновь подчеркнув, что перестройка охватывает не только экономику, но и социальные отношения, политическую систему, духовно-идеологическую сферу, стиль работы партии, всех кадров, Горбачев заметил: «Перестройка — емкое слово. Я бы поставил знак равенства между словами «перестройка» и «революция». Наши преобразования, реформы — это настоящая революция во всей системе отношений в обществе»⁴⁷. Когда в Краснодаре в сентябре, он пояснил, что «перестройка — длительный, одномоментный акт, а процесс, который будет протекать в рамках определенного исторического периода»⁴⁸.

В итоге 1986 г. у Горбачева появляется еще одна тема, которая звучит все громче. Это тема *сознательного или неосознанного сопротивления* тем переменам, на которые нацеливает высшее политическое руководство. Инициатор перестройки отмечал, что «даже не все у нас разобрались в том, что же такое перестройка. Главная проблема — почему она так необходима. Некоторые даже приходят к таким выводам и суждениям: может быть, поспокойнее можно было бы дело?»⁴⁹ Немало и тех, кто, «понимая, какими будут последствия... не принимают ее... Мы... знаем этих людей. Это как раз те, кто хотел бы поменьше давать обществу и побольше брать от него... Только сейчас приступили к тому, чтобы по-настоящему предъявлять им требования. Главная забота у них сохранить старые, отжившие порядки, сохранить свои привилегии, хотя это не согласуется с нашими принципами, законами, моралью и нашей нынешней политикой»⁵⁰. Социологи горбачевского круга приводили обширный перечень групп, наиболее подверженных консервативным настроениям⁵¹. Список этот впечатлял, поскольку туда включались фактически вся управленческая верхушка.

Этим людям Горбачев противопоставлял других — «новаторов», «инициаторов», «живых, неугомонных, беспокойных», которые «разрушают сло-

жившийся стереотип работы некоторых руководящих кадров, но и сами их заставляют. А те привыкли, не хотят менять старое мышление». В выступлениях новый лидер все чаще апеллирует к интеллигенции и молодежи — двум социальным группам, интеллектуальный потенциал и динамизм которых позволял видеть в них наиболее естественных союзников задуманных масштабных перемен⁵². Проблема интеллигенции представала в нескольких аспектах: теоретическая «обслуживания» перестройки; поддержки преобразований со стороны значительного и влиятельного социального слоя; как «орудие гласности»; как источник духовного и нравственного обновления общества⁵³. Встречам с различными отрядами интеллигенции и размышлению смысла проводимых преобразований придавалось большое значение — в них постоянно участвовал и сам Горбачев, и его ближайшие соратники А. Н. Яковлев и В. А. Медведев.

С середины 1986 г. в выступлениях Горбачева начинает появляться мысль о том, что перемены в обществе идут недостаточно быстро. Среди главных причин этого он чаще всего выделял две: сохраняющуюся пассивность подавляющей массы населения; приверженность партийных организаций (шире — управленческих структур) директивным формам управления. В связи с этим проблема демократизации ставится не только как одна из целей реформ, но и как обязательная их предпосылка. «Важнейший участок перестройки — демократизация. Права даем реальные. А кто будет реализовывать? Есть люди, способные и храбрые, чтобы использовать права? Отучили ведь их от пользования демократией», — говорил Горбачев⁵⁴ на одном из заседаний Политбюро летом 1986 г. «Поэтому мы должны включить людей в процесс перестройки через демократизацию общества», — развивал он⁵⁵ ту же мысль в сентябре. Летом и осенью 1986 г. Горбачев постоянно возвращается к вопросу о необходимости реформирования партии. «Время переломное. Предстоит огромная перестройка во всех сферах, но начинать надо с партии, — говорил Горбачев на заседании Политбюро 24 июля. — И не потому только, что у нас такой принцип, а потому также, что иначе ничего не сделаешь, все надо перестроить. И партию тоже. Это задача исторического масштаба. И последствия огромные. Начался новый этап в развитии общества. Не надо бояться этого слова»⁵⁶. И осенью 1986 г. Генеральный секретарь заявлял не только о необходимости новой кадровой политики в КПСС, но и о стремлении «оживить Советы», расширить права общественных организаций, и первую очередь комсомола и профсоюзов, выведя их из-под мелочной партийной и административной опеки⁵⁷.

перестр. во всех сферах

В 1986 г. происходят существенные перемены в трактовке гласности «гласность». Инициаторы перестройки начинают воспринимать ее не только как средство формирования общественного мнения в определенном направлении, но и как важнейший механизм демократизации, повышения социальной активности пока еще инертного населения. Значительное расширение информированности, повышение уровня критичности обсуждаемых проблем, востребованность ранее не задействованного интеллектуального потенциала — все это должно было способствовать преодолению идеологического догматизма и ломке прежних стереотипов политического поведения и в конечном счете ускорить перестроительные процессы во всех сферах⁵⁸. По этой логике, гласность, интеллектуальное раскрепощение должны были предшествовать проводимым реформам и оптимизировать их, обогащая теорию и практику перестройки анализом зарубежного и отечественного опыта. Роль оппозиции консерватизму отводилась прессе. Выступая в 1986 г. перед работниками средств массовой информации, Горбачев заявил: «Многие из наших консервативных явлений, ошибок и промахов, вызывающих застой мысли и действия и в партии, и в государстве, связаны с отсутствием оппозиции, альтернативы мнений, инок. И здесь, на нынешнем этапе развития общества, такой своеобразной оппозицией могла бы стать наша пресса»⁵⁹.

Думается, что это высказывание позволяет лучше понять произошедшее в идеологической сфере в 1986—1989 гг. Во-первых, 1986 г. воспринимается как время организационной подготовки «наступления гласности»: во главе целого ряда массовых изданий были поставлены новые люди. Новых главных редакторов получили «Известия», «Огонек», «Московские новости», «Комсомольская правда», «Документы и факты», «Московская правда», «Московский комсомолец», «Юность», «Новый мир» и некоторые другие газеты и журналы, ставшие в 1987—1991 гг., как теперь известно, самыми популярными и читаемыми изданиями. Во-вторых, с учетом того, что, по крайней мере до 1989 г. включительно, назначение на должности такого рода являлось прерогативой идеологических подразделений центрального партийного аппарата, можно сделать вывод о том, что подбор этих людей не был случайным. Определяющую роль играл возглавивший в 1985 г. отдел пропаганды А. Н. Яковлев, политические симпатии которого во многом, особенно вначале, определили проводившийся идеологический курс. В 2000 г. он признавался, что брал на себя функцию «прикрытия» острых статей, «отстаивал одних, терпел других»⁶⁰. В-третьих, «политика гласности», как сразу

справедливо заметили на Западе, не означала введения «свободного слова», но была изначально «дирижируемым» явлением. В первые годы это делал Яковлев, проводивший в здании ЦК партии инспекторские проверки с работниками средств массовой информации — число присутствовавших доходило до 200 человек⁶¹. Затем, в 1989—1991 гг. содержание информационных кампаний стало во многом определяться борьбой за власть элитных группировок.

В середине — второй половине 1986 г. подходы, связанные с расширением инициативы и поощрением активности, нашли отражение и в **экономической политике**. 14 августа было принято постановление Совмина СССР, разрешавшее организацию кооперативов по сбору и переработке вторичного сырья при местных Советах. Постановлением от 19 августа 20 министерств и около 60 предприятий получили право самостоятельно выходить на внешний рынок. 19 ноября был принят закон «Об индивидуальной трудовой деятельности», разрешавший, по сути, частную деятельность и создание кооперативов в некоторых видах производства товаров и услуг. Осенью 1986 г. было разработано, а 13 января 1987 г. принято постановление, касающееся создания и деятельности на территории СССР совместных предприятий⁶². Все это были шаги в сторону рыночной экономики, легализации теневого бизнеса, ограничения вмешательства государства в деятельность предприятий.

В середине — второй половине 1986 г. в СССР сложились два различающихся между собой **подхода** к вопросу о путях реформирования общества. *Первый подход* можно условно назвать «экономико-технологическим». Его сторонники полагали, что к 1985 г. экономика страны все еще была крепкой. Необходимость же перемен диктовалась не слабостью народно-хозяйственного комплекса, а неизменностью экономического курса, который брал свое начало еще со сталинских времен, но на современном этапе развития НТР стал совершенно бесперспективным. Выход виделся в коренном изменении системы управления экономикой и мотивации труда. При таком подходе систему планового централизованного управления народным хозяйством было необходимо перевести с приоритета материально-вещественных показателей на *приоритет стоимостных критериев*. Подчеркивалось, что сфера государственного регулирования перестает быть всеобъемлющей, а само оно будет вестись в рамках товарно-денежных отношений при помощи экономических, стоимостных рычагов. Одной из главных задач сторонники этого подхода считали задействовать интерес человека, который должен самостоятельно искать место и способ

приложения своих сил в строгой взаимоувязке личных, коллективных и общегосударственных интересов. Добиться этого удалось только через реализацию комплекса разноплановых мер, среди которых особое место отводилось *реформе ценообразования*.

Все это в итоге должно было привести в том числе и к *легализации частной собственности*. Частный сектор должен был развиваться в дополнение к сектору государственному и имел бы наибольшие перспективы в сфере торговли и услуг, легкой промышленности, передовых ресурсосберегающих отраслях, тесно связанных с научно-техническим прогрессом. Здесь новый сектор путем конкуренции быстро вытеснил бы нерентабельные госпредприятия. Принципиальной особенностью данного подхода являлось то, что кардинальные экономические реформы предполагалось осуществить при *неизменности политической системы*, призванной поддерживать стабильность и порядок в неизбежно болезненный период массовой социальной адаптации к новым условиям⁶³. Такой подход развили не только советские специалисты⁶⁴.

Сторонники *второго подхода* к реформированию общества в СССР — его условно можно назвать «политическим» — исходили из того, что «гвоздь» проблемы — в политической системе, «в ее центре, движении, ее нацеленности на человека, ее связи с человеком, в степени ее служебной роли»⁶⁵. Отсюда выдвигалась необходимость: уничтожения разрыва между словом и делом, всеобщего слияния интересов личности, групп, общества в целом; последовательного и полного демократизма; развития личности как самостоятельной, творческой, «сознательно объединенной с другими в своих мыслях и действиях силы»; реального вовлечения всех и каждого в совершенствование жизни на местах и в государстве в целом. Основные принципы перестройки при таком подходе включали: толкование демократии «в широком значении этого слова» как средства и цели движения одновременно; комплексность реформирования всех сторон жизни — от экономики до внешних признаков демократизма; одновременное или даже опережающее развитие в ключевых сферах (прежде всего в партии); решительное, ограниченное лишь реальными возможностями отмирание ряда государственных функций; сам процесс должен вестись не только сверху, но и снизу, руками масс. Для этого предполагалось реформировать КПСС, уменьшить ее «глобальную» роль в жизни общества и государства; организовать полноценные выборы в Советы; повысить ответственность депутатов и их зависимость от избирателей; утвердить всестороннюю гласность; добиться реальной независимости

судебной власти от всех других ее видов; утвердить организационные формы осуществления права на демонстрации, свободу слова, совести, печати, собраний, права на свободное перемещение; двигаться по пути глубокой демократизации хозяйственной жизни. Все это позволило бы создать условия для «самодвижения» общества и снизить «диктатуру бюрократии».

Таким образом, мы видим, что сторонники обоих подходов были едины в понимании необходимости глубокого и даже радикального реформирования общества, однако они существенно разошлись в вопросе о последовательности преобразований, что имело принципиальное значение. В первом случае предстояла приоритетная концентрация усилий на обширном, но все же ограниченном экономическом поприще; во втором — фронтальное «наступление» на всех направлениях одновременно с акцентом на общественно-политическую сферу. Очевидно, что второй путь таил в себе намного больше опасностей, ибо без должных оснований предполагалось, что самоорганизация общества в новых условиях произойдет быстро и безболезненно и отношения по линии «общество — власть» сразу примут оптимальный характер. Формально **альтернатива в выборе курса** обозначилась осенью 1986 г. В это время по инициативе руководства страны одновременно началась подготовка двух пленумов ЦК КПСС. Одна рабочая группа занималась разработкой концепции нового хозяйственного механизма, который обеспечил бы постепенный переход к рынку, — пленум по экономической реформе первоначально предполагалось провести в декабре 1986 г.⁶⁶ Другая рабочая группа готовила пленум по перестройке и кадровой политике партии. (К подготовке материалов пленумов привлекались соответствующие специалисты, но в работе обеих групп принимали участие А. Н. Яковлев и В. А. Медведев, координируя их работу и обобщая представленные данные.) В ходе дискуссий вокруг подготовки этого пленума созрела идея поднять его значение до уровня апрельского и XXVII съезда КПСС, продвинувшись вперед в понимании смысла и значения перестройки. Центральной идеей пленума должна быть демократизация общества⁶⁷. Выбор был сделан в пользу **приоритетного решения политических проблем**. В результате проведение пленума по экономике было отложено на полгода, а начало реформы экономики — на год. Анализ мемуаров участников тех событий позволяет объяснить мотивы этого поистине исторического выбора. Полагают, что в конце 1986 г., когда под напором новых исторических требований власть бюрократии сильно зашаталась, Горбачев не решился начинать пол-

штабные экономические реформы, желая вначале подстраховаться в сфере властных отношений. Одной из субъективных причин была недооценка экономических факторов — и Горбачев, и другие чувствовали себя гораздо сильнее в сфере чистой политики. В 2001 г. В. И. Воротников вспоминал, что в 1986 г. экономическая реформа была отодвинута на второй план, так как Горбачев принял тезис о том, что политические реформы помогут сдвинуть экономику⁶⁸. Сыграла роль и уже отмечавшаяся ранее особенность менталитета высших хозяйственных руководителей⁶⁹, в том числе отношение к принятию решений: даже сторонники перехода к рыночным отношениям не до конца представляли сложность и механизм этого перехода; порой у них не хватало «политического веса», чтобы своевременно «пробить» нужные решения. Проведя анализ основных вех истории 1985–1986 гг., следует отметить еще на два события, имевших «знаковый» смысл. 23 декабря 1986 г. был возвращен из горьковской ссылки и фактически реабилитирован духовный лидер советских диссидентов западнической ориентации академик **А. Д. Сахаров**. А с начала этого месяца в кинозалах страны началась демонстрация фильма Т. Абуладзе «Покаяние». Формально посвященная осуждению абстрактного «диктаторского режима» не оставляла сомнений в том, о ком идет речь на самом деле. Воссоздание атмосферы ужаса, порожденного бессмысленными и кровавыми репрессиями, давало такую художественную версию истории, которая далеко выходила за рамки официальной трактовки истории 1920–1950-х годов. (В 2000 г. А. Н. Яковлев трактовал вышедшие экраны фильма Абуладзе как «начало обвала коммунистической идеологии»⁷⁰.) Тем самым лидирующая группа как бы демонстрировала, в каком направлении и насколько далеко она была готова пойти в будущем переосмыслении истории и политики.

* * *

Подводя некоторые итоги, можно констатировать, что первые несколько года объективно назревшие перемены происходили на базе политических подходов, сформулированных в конце 1982 — начале 1985 г., во многом совпадая с линиями, намеченными в андроповский период. Не случайно на Западе это время называют «авторитарной перестройкой». Конец 1986 г. стал определенным рубежом в истории преобразований 1985–1991 гг. К этому времени постепенно стали обозначаться экономические трудности. Они явились в результате, с одной стороны, неблагоприятного стечения

ряда обстоятельств (падение цен на нефть, затраты на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы)¹¹, с другой — просчетов собственного горбачевского курса. Увеличение ассигнований на машиностроение при сокращении закупок товаров народного потребления за рубежом, широкомасштабные социальные акции, а также антиалкогольная кампания — все эти мероприятия объективно носили проинфляционный характер и способствовали бюджетной дестабилизации, которая предшествовала значительному ухудшению положения в народном хозяйстве СССР. Значение этого обстоятельства не было в должной мере осознано в то время. Более того, не позднее второй половины 1986 г. был взят стратегический курс на приоритетное преобразование политической системы общества. Прогрессирующее же ухудшение экономических параметров развития, обострение ситуации в социальной сфере стали тем фоном, на котором разворачивались основные политические и идейные баталии тех лет. В этих условиях от реформаторов требовались крайняя осторожность и тщательный просчет своих дальнейших шагов, ибо кредит доверия, полученный советским лидером в 1985 г., не мог быть бессрочным.

Приведенные соображения позволяют лучше понять значение рассмотренного этапа для понимания последующего развития событий.

Примечания

¹ Hough J. F. *Democratization and Revolution in the USSR, 1985–1991*. Washington, 1997.

² Hough J. F. *Op. cit.* P. 67.

³ Горбачев М. С. *Жизнь и реформы*: В 2 кн. М., 1995. Кн. 1. С. 51–83.

⁴ Болдин В. И. *Крушение пьедестала*. М., 1995. С. 125.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ Горбачев М. С. *Указ. соч.* С. 147.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ Там же. С. 16.

⁹ Выражение Ю. В. Андропова. См.: Горбачев М. С. *Указ. соч.* С. 23.

¹⁰ Более подробно об этом: Фроянов И. Я. *Погружение в бездну*. СПб., 1999. С. 102.

¹¹ Горбачев М. С. *Указ. соч.* С. 234.

¹² Рыжков Н. И. *Перестройка: история предательства*. М., 1992. С. 41.

¹³ Горбачев М. С. *Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира*. М., 1988. С. 19.

- ¹⁴ Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 46.
- ¹⁵ Медведев В. А. Прозренис, миф или предательство? М., 1998. С. 86.
- ¹⁶ Львов Д. С. Развитие экономики России и задачи экономической ки. М., 1999. С. 19–20.
- ¹⁷ Примаков Е. М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 26–34; Богомо-
- О. Т. Моя летопись переходного времени. М., 2000. С. 14–17.
- ¹⁸ Попов Г. Х. Будет ли у России второе тысячелетие. М., 1998. С. 168–
- 171.
- ¹⁹ Павлов В. С. Упущен ли шанс? М., 1995. С. 257–260.
- ²⁰ Необходимо отметить, что в современной литературе идеи СОФЭ
- оценивают по-разному. В частности, высокую оценку им дает академик
- Д. С. Львов (Львов Д. С. Указ. соч. С. 20) и некоторые другие авторы.
- ²¹ См.: Печенев В. А. Взлет и падение Горбачева. М., 1996. С. 101.
- ²² Болдин В. И. Указ. соч. С. 133.
- ²³ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 2. С. 139.
- ²⁴ Там же. С. 157.
- ²⁵ Там же. С. 166.
- ²⁶ Там же. С. 95.
- ²⁷ Там же. С. 164.
- ²⁸ Медведев В. А. Указ. соч. С. 81–84.
- ²⁹ Горбачев М. С. Указ. соч. С. 251–252.
- ³⁰ Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992. С. 86.
- ³¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 339.
- ³² Там же. С. 342.
- ³³ Правда. 1988. 19 февраля; Рыжков Н. И. Указ. соч. С. 243; Черняев А. С.
- 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 154.
- ³⁴ Наиболее полный перечень упомянутых социально-экономических
- изменений приведен в кн.: Россия-2000. Современная политическая исто-
- рия (1985–1999). Т. 1. Хроника и аналитика. 3-е изд. М., 2000 (далее —
- Хроника...)
- ³⁵ Шахназаров Г. Х. Цена свободы. М., 1993. С. 37.
- ³⁶ Болдин В. И. Указ. соч.
- ³⁷ Одним из первых эти данные привел исследователь из Великобри-
- тании Ричард Саква (Sakwa R. Gorbachev and his Reforms. 1985–1990. N.Y.—
- Toronto—Sydney—Тоkyo—Singapore, 1990. P. 12–13).
- ³⁸ Sakwa R. Op. cit. P. 13.
- ³⁹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 63.
- ⁴⁰ Громыко Анат. А. В лабиринтах Кремля. М., 1997. С. 116.
- ⁴¹ Медведев В. А. В команде Горбачева. М., 1994. С. 29.
- ⁴² Там же. С. 31.
- ⁴³ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 3. С. 282.
- ⁴⁴ Там же. С. 331.
- ⁴⁵ Там же. С. 330.
- ⁴⁶ Там же. С. 420.
- ⁴⁷ Там же. Т. 4. М., 1987. С. 37.

- ⁴⁸ Там же. С. 88.
- ⁴⁹ Там же. С. 86.
- ⁵⁰ Там же. С. 88.
- ⁵¹ См.: *Заславская Т. И.* О стратегии социального управления перестройкой//Иного не дано. М., 1988. С. 24–33.
- ⁵² *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 4. С. 96–97.
- ⁵³ *Черняев А. С.* Указ. соч. С. 93.
- ⁵⁴ Там же. С. 89.
- ⁵⁵ *Горбачев М. С.* Избранные статьи и речи. Т. 4. С. 97.
- ⁵⁶ *Черняев А. С.* Указ. соч. С. 91.
- ⁵⁷ *Горбачев М. С.* Избранные статьи и речи. Т. 4. С. 98–100.
- ⁵⁸ Там же. Т. 3. С. 423–425, 454; Т. 4. С. 88, 97, 100 и др.
- ⁵⁹ Цит. по: *Ненашев Н. Ф.* Заложник времени. М., 1993. С. 351.
- ⁶⁰ *Яковлев А. Н.* Омут памяти. М., 2000. С. 256.
- ⁶¹ *Громыко Анат. А.* Указ. соч. С. 126–127.
- ⁶² См. об этом: *Хроника.* С. 39.
- ⁶³ Наиболее развернуто эта позиция изложена в: *Павлов В. С.* Упущен ли шанс? С. 35–57.
- ⁶⁴ В. В. Леонтьев в начале 1989 г. полагал, что чисто экономическими методами можно настолько повысить народно-хозяйственную эффективность, что политически острые вопросы отойдут на второй план. См. Правда. 1989. 27 февраля.
- ⁶⁵ Эта позиция была развернуто сформулирована А. Н. Яковлевым в записке под названием «Императивы политического развития», которая была представлена им Горбачеву в конце 1985 г. Видимо, записка оказала определенное влияние на Горбачева, поскольку логика его политического поведения в 1986–1989 гг. во многом совпадает с предложениями Яковлева. Документ был впервые опубликован в: *Яковлев А. Н.* Горькая чаша. Большевизм и реформация в России. Ярославль, 1994. С. 205–212.
- ⁶⁶ О подготовке к пленуму см.: *Павлов В. С.* Указ. соч. С. 39–44; *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 346–350.
- ⁶⁷ *Медведев В. А.* В команде Горбачева. С. 43.
- ⁶⁸ Фигуры и лица. Приложение к «Независимой газете». 2001. № 18 февраля.
- ⁶⁹ См.: *Николаев А. Н.* Исторические аспекты становления российской технократической элиты (1917–1996). Саратов, 1996.
- ⁷⁰ *Яковлев А. Н.* Омут памяти. М., 2000. Подпись к фотографии.
- ⁷¹ Внешнеторговый оборот страны за два года снизился на 10% (на 14 млрд руб.); Чернобыль обошелся стране в 8 млрд руб. (1,5% национального дохода). См.: *Абалкин Л. И.* Трудный перевал//Обратного хода нет. М., 1989. С. 41.

Лекция 4

ПЕРЕХОД К НОВОЙ СТРАТЕГИИ РЕФОРМ. ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ И ГЛАСНОСТЬ. 1987—1988

Как мы показали в предыдущей лекции, во второй половине 1987 г. в выступлениях Горбачева были обозначены новые подходы к формированию общества, заметно отличавшиеся от первоначальных представлений 1985 г. о том, что необходимо сделать для преодоления негативных тенденций предшествующего развития. Вместо во многом спонтанных установок 1985—1986 гг., провозглашенный на январском (1987) пленуме ЦК КПСС план преобразований был достаточно стройным и содержал пусть не бесспорную, но все же концепцию реформ. Принципиально новым в этом плане было то, что основное внимание концентрировалось не на изменениях в экономике, а на преобразованиях политической системы, которые в конечном итоге должны были дать мощный импульс социально-экономическому и духовному развитию общества. Некоторые авторы полагают, что перенос акцента на политическую сферу был реакцией на неудачи в экономике. Мы полагаем, что ситуация была сложнее. Видимо, у Горбачева, не без влияния его окружения, вызрела идея трансформации созданной в СССР общественной системы в иную, апробированную на Западе и основанную на «общечеловеческих ценностях» (в их широком понимании) социальную модель. Поэтому правильным было бы считать, что **начало собственно горбачевского этапа реформ**, именуемых «перестройкой», следует датировать **1987 г.** Ближайший соратник бывшего генсека В. А. Медведев переломный характер этого года связывал с «тремя крупнейшими вехами в жизни партии и страны»: январским пленумом ЦК КПСС, давшим исходный импульс реформе политической системы; июньским пленумом ЦК, разработавшим комплексную программу экономических преобразований; празднованием 70-летнего юбилея Октябрьской революции, в ходе и после которого развернулась переоценка важнейших этапов советской истории, в значительной мере определившая обстановку в стране¹. Эта оценка важна и интересна тем, что отражает взгляд лидирующей группы, во многом «программировавшей» ход перечисленных событий.

В докладе на январском пленуме ЦК для обоснования нового курса политики Горбачев существенно углубил критику доставшего ему «наследства» и — пока безлично — предшественников. Он констатировал, что «изменения к лучшему происходят медленно, дело перестройки оказалось более трудным, причины накопившихся в обществе проблем — более глубокими, чем это представлялось нам раньше»². Главная причина, по его мнению, состояла в том, «что ЦК КПСС, руководство страны прежде всего в силу субъективных причин не смогли своевременно и в полном объеме оценить необходимость перемен, опасность нарастания кризисных явлений в обществе, выработать четкую линию на их преодоление»³. Зстой в теории привел к абсолютизации сложившихся специфических исторических условий форм организации общества. И далее делался принципиальный вывод: «По сути дела, возникла целая система ослабления экономических инструментов власти, образовался своего рода механизм торможения (выделено мною. — А. Б.) социально-экономического развития, сдерживания прогрессивных преобразований, позволяющих раскрывать и использовать преимущества социализма. Корни этого торможения — в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии, в устаревших, а подчас и не отвечающих реальностям политических и теоретических установках, в консервативном механизме управления»⁴. Поэтому «перестройка — это слом механизма торможения, создание надежного и эффективного механизма ускорения»⁵. Понятие «механизм торможения» стало одним из новых теоретических штампов «перестроечных» идеологов. Оно, очевидно, было связано с желанием подчеркнуть значимость нового курса — на «ускорение». Однако если «ускорение» быстро «сошло на нет», то «механизм торможения» пустил в обществоведение корни: в 1987–1988 гг. этим термином стали описывать ситуацию едва ли не во всех сферах общественной жизни до 1985 г., что уже на новый лад догматизировало реальную историю⁶.

В качестве главного средства слома «механизма торможения» предлагалось углубление социалистического демократизма, развитие самоуправления народа. Рассматривались вопросы совершенствования работы Советов, профсоюзов, комсомола, говорилось о необходимости повышения роли суда, усиления прокурорского надзора, об обеспечении прав и свобод граждан. Поистине революционной была установка на реформирование избирательного процесса на всех уровнях. Впервые за долгие годы предлагало

ние выборов на альтернативной основе — выдвижение настоящих достойных людей в качестве кандидатов на руководящие должности, широкое гласное обсуждение их программ и, как итог, действительно свободное волеизъявление избирателей. Решающим фактором к оценке кадров должно было стать их отношение к политике, реальные дела по ее осуществлению. Особое значение имело, что обязательность выборов на альтернативной основе продекларирована и для КПСС⁷. Было обращено внимание на необходимость повышения роли всех выборных органов (партии, государстве, профсоюзах, других общественных организациях), которые часто «подминались» их «аппаратами».

На одном из центральных мест на пленуме оказалась проблема гласности, роли средств массовой информации в мобилизации масс на перестройку — Горбачев обращался к ней постоянно⁸. Однако тогда обозначились разные подходы к этому явлению. Ткачиха В. Голубева, первый секретарь Краснодарского крайкома И. К. Пономарев⁹ отметили чрезмерное смакование прессой негативных сторон жизни, выход за грань объективности в оценке явлений прошлого. В то же время известный актер М. А. Ульянов высказывался за «испринчесанную» гласность.

Итак, январский (1987) пленум ЦК КПСС санкционировал новую линию в проведении реформ, и их инициаторы активно выступили за проведение намеченного курса.

После пленума завершается оформление того понимания гласности, с которым связывают политику Горбачева. Гласность начинают рассматривать и как средство пробуждения общественного мнения, и как инструмент его формирования в определенном направлении, и как форму контроля за действиями неповоротливых управленцев, и как один из путей мобилизации активных сторонников перестройки. Не случайно А. Н. Яковлев писал о «выдвижении концепции гласности». Он также отмечал, что гласность мобилизовала и политизировала общество; она резко расширила возможности общественного анализа: по диапазону доступной информации, снятию запретных тем, возможности задавать любые вопросы и предлагать варианты ответов. Особый интерес представляет признание в том, что «поворот к гласности, строго говоря, не был неизбежен в те годы. Он был продиктован не столько минутной необходимостью, сколько философией перестройки — ее инициаторов»¹⁰. Общество же, по Яковлеву, на том этапе перенесло бы и какой-то достаточно спокойный вариант административного «совершенствования развитого социализма», укреп-

ления технократического — в противовес партийно-идеологическому — подхода к решению жизненных проблем. На Западе заметили, что гласность не равнялась свободе слова. Любопытное признание В. А. Коротича 2000 г.: «Первый период гласности под строжайшим надзором. Полегчало, пожалуй, в конце 90-х».

Естественно, что орудием политики гласности могла стать и не только пресса¹², и закономерно, что менее, чем через две недели после окончания работы январского пленума Горбачев собрал руководителей средств массовой информации и пропаганды для постановки соответствующих задач. Здесь он специально подчеркнул, что главный замысел январского пленума «с точки зрения решения всех проблем — развитие демократии»¹³. И в стране, и за рубежом отметили то место в речи, где Горбачев говорил, что «белых пятен ни в истории, ни в литературе не должно быть... давайте все расставим по своим местам»¹⁴. Впоследствии выступление стали называть «манифестом гласности». При этом осенью 1986 г., и в 1987 г. Горбачев постоянно призывает к беспристрастному освещению прошлого: «О делах тяжелых партийного зала. И мы не собираемся изображать их сегодня в розовом свете. Но и здесь вступает в силу непреложный, социалистический закон правды. Было и то и другое, и радостное и горькое»¹⁵. Колоритность «горького» на том этапе дозировалась сверху. На очередном заседании «сверке часов» с руководителями средств массовой информации и творческих союзов в июле 1987 г. Горбачев указал на то, что «мы никогда не можем и не должны прощать или оправдывать то, что было в 1937–1938 гг. Никогда. За это отвечают те, кто был тогда у власти»¹⁶. И он вновь призвал рассказать «о нашей великой революции, вспомнить о людях, о героях революции, о рабочих-революционерах-профессионалах и о поэтах и о тех, кто был тогда у власти, и о них вспомнить»¹⁷.

Мобилизующая роль прессы представлялась особенно значительной в связи с той оценкой, которую давали инициаторы реформы строительки состоянию общественных наук. 1 октября 1986 г. Горбачев принял участие во всесоюзном совещании заведующих кафедр общественных дисциплин, где отметил сохраняющуюся отсталость обществоведения от запросов жизни. В то же время, отмечая, что сейчас, когда общество пришло в движение и требуются новые подходы к решению обозначенных политиками проблем, существующая пока постановка и формы, методы преподавания общественных наук в немалой степени способствуют тому, что мы называем догматизмом, схоластикой»¹⁸. На январском пленуме

Горбачев вновь говорил о схоластическом теоретизировании отсутствия конструктивного анализа реальности как наиболее важных факторов развития общественнознания¹⁹. И накопился резкая оценка в адрес ученых-гуманитариев прозвучала в выступлении А. Н. Яковлева в Академии наук СССР. Здесь он сказал о том, что советское обществоведение пропитано догматизмом и занимается воспроизведением отживших схем 1930-х годов. Главный идеолог перестройки призвал повысить уроки критичности к сделанному в науке до сих пор, что должно было «развалить завалы» и раскрепостить мышление ученых²⁰. Побуждения к этому импульсы в 1987 г. появились прежде всего в публицистике, в массовых изданиях, направляемых горбачевским пропагандистским аппаратом. Таким образом, пресса была призвана обеспечить и интеллектуальную мобилизацию сторонников пере-

мены общественно-политической жизни 1987–1988 гг. выделяется ряд внутренних подэтапов в рамках этого периода. Исследовательская задача в определенном смысле упрощается: в мемуарной литературе, статьях и выступлениях за короткое время выделены явления и события, которые содержали содержание политического процесса тех лет.

Первый подэтап начинается после январского пленума и продолжается до осени 1987 г. Это время пробуждения общественной активности, формирования инициативного социального поведения, связанного с заинтересованным обсуждением широкого круга актуальных проблем. Начавшаяся самоорганизация общества вылилась в возникновении так называемых «неформальных» движений. Во многих городах стали появляться дискуссионные клубы, творческие объединения и группы, которые удовлетворяли потребности рядовой интеллигенции и молодежи в свободном общении и активной полезной деятельности. «Неформальные» объединения изначально демонстрировали больший динамизм в сравнении с традиционными общественными структурами (партией, профсоюзами, комсомолом), они сыграли главную роль в конституировании новых ассоциаций: межпрофессиональных, межколлективных, межтерриториальных²¹.

Курс на проведение политики гласности дал толчок развитию называемой *альтернативной прессы*. И хотя ее тиражи были ничтожны, тем не менее именно здесь острые проблемы общественной жизни обсуждались в достаточно откровенной и резкой манере. Издания такого рода становились не только способом вы-

ражения определенных позиций, но и важным средством организационной консолидации «неформалов», и не только их.

С июля 1987 г. С. И. Григорьянц начинает издавать журнал «Гласность». Одновременно стала функционировать и общественная приемная «Гласности». Она создавалась для оказания «помощи людям, чьи права нарушаются местными властями и систематически не восстанавливаются вышестоящими инстанциями». Материалы о таких нарушениях публиковались в журнале²².

С 1 августа 1987 г. издается газета «Экспресс-хроника», ставшая одной из наиболее популярных самиздатовских газет. В ней публиковались сведения о деятельности неформальных изданий. «Экспресс-хроника» одной из первых установила тесные контакты с вещающими на СССР зарубежными радиостанциями, а также с западными печатными изданиями.

Рост числа неформальных изданий привел к тому, что с лета 1987 г. стало действовать Информационное агентство СМОТ (Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся), целью которого была информационная деятельность независимого характера, а также систематический сбор материалов о неформальных изданиях в СССР. И хотя в провинции функционирование таких изданий наталкивалось на негативное отношение властей, к октябрю 1987 г. их число превысило сотню, что позволило им провести первую встречу редакторов 17 неформальных изданий в Ленинграде. На ней был поставлен вопрос о создании клуба независимой печати²³.

Следует отметить, что с началом политики гласности самиздат не проявил тенденцию к отмиранию. Напротив, его поступательное развитие шло одновременно с «раскрепощением» «формальной» прессы. Это позволяет сделать вывод о том, что самиздат перестроечного времени не являлся лишь средством «выведения белых пятен истории». Его цели и задачи были связаны прежде всего с организационным процессом консолидации неформальных групп и передачей определенного рода информации. Примечателен в этом плане и состав участников упомянутой ленинградской конференции. На встрече присутствовали корреспонденты центральных газет «Известия», «Смена», «Литературная газета», представители горкома ВЛКСМ²⁴. Официальные структуры не считали общественную направленность «самиздатовских» газет выходящей за рамки историко-культурных, экологических, религиозных проблем. Однако каждая из них обладала возможностью распространять сведения о деятельности неформальных групп и организаций, создавая

*неформальность
пресса*

самым их контактную информационную среду. Поэтому не случайно в конференции приняли участие «неформальные» клубы «Випина», «Аделаида», «Дельта», представители ряда групп Москвы и Ленинграда.

Начало возникновения *неформальных групп и объединений* относится к 1986 г., однако с большей интенсивностью этот процесс развернулся с начала 1987 г. В этот период по всей стране, и в особенности в крупных городах, возникают сотни групп, часто очень небольших по численности (3–5 человек), «целью которых является развитие социальных инициативных проектов». По мнению исследователя этого вопроса В. Н. Березовского, характерными особенностями этих групп были «организационная неустойчивость как источник их постоянных конфликтов и расколов; основная форма деятельности — общение участников группы; протест, политика — как цель деятельности»²⁵; самиздат являлся фактором сплочения. Наличие самостоятельного печатного издания часто было условием получения необходимого статуса и признания в среде самих «неформалов». Создание архивов и библиотеки печатных изданий свидетельствовало о стремлении движения к устойчивости и расширению сферы контактов между аналогичными организациями по всей стране: в 1987 г. в Москве была открыта Независимая общественная библиотека с абонементом и читальным залом. В ней работали сотрудники независимой прессы и участники неформальных организаций²⁶.

Как мы уже отмечали, в орбиту нового движения активнее всего втягивалась интеллигенция, поэтому естественной формой деятельности неформальных групп в 1986–1987 гг. были дискуссионные клубы и теоретические семинары²⁷. В тот момент это была оптимальная форма существования организаций, которые со временем не стали политический статус. Фактически дискуссии становились самым видом пропагандистской работы. К числу наиболее влиятельных групп можно отнести образованный в феврале 1987 г. в Ленинграде на «круглом столе» журнала «Эко» клуб межпрофессионального общения «Перестройка». В инициативную группу вошли молодые экономисты, социологи, философы — в их числе И. Б. Чубайс, Е. Г. Гайдар, В. Кикоть. Деятельность клуба была направлена на «выработку программ эффективного и ненасильственного разрешения общественных конфликтов, а также проведение экспертиз по вопросам экономического и политического развития страны». Первой крупной дискуссией, организованная «Перестройкой», прошла в марте 1987 г. и была посвящена обсуждению проекта «Закона о

государственном предприятии». В течение 1987 г. на заседаниях клуба выступали известные экономисты: Г. Х. Попов с докладом «С точки зрения экономиста», В. И. Данилов-Данильян — «Экономические проблемы перестройки», Н. Я. Петраков — «Управление экономикой и демократизация» и др.²⁸. В интеллигентских кругах деятельность «Перестройки» получила широкий резонанс во многом благодаря свободной системе участия в инициативных проектах клуба. Именно «Перестройка» инициировала проведение первой встречи-диалога неформальных групп в августе 1987 г.

Вместе с «Перестройкой» организатором этой встречи выступил Клуб социальных инициатив (КСИ), объединявший социологов, философов, журналистов. Клуб был зарегистрирован при Советской социологической ассоциации и стал одним из центров встреч представителей неформального движения в Москве. Основателями КСИ были Г. Л. Пельман, Б. Ю. Кагарлицкий, М. Милютин. Участники клуба поддерживали «общественно полезные инициативы, анализировали и обобщали предложения трудящихся, формируя на их основе общественные проекты»²⁹. В результате проведенной 20–23 августа 1987 г. встречи «Общественной инициативы перестройки» была организована Федерация социалистических общественных клубов (ФСОК). Во время встречи прозвучали два предложения о возможном объединении неформальных групп. Одно предусматривало создание широкой коалиции групп на основе общедемократических принципов, второе — создание организации клубов социалистической ориентации. В итоге были одобрены оба предложения, однако реализованным оказалось лишь второе; провозглашенная же на основе широкого проекта ассоциация «Кольцо общественных инициатив» так и осталась на бумаге. Вместе с тем участники августовской встречи приняли декларацию, в которой требовали проведения свободных выборов, отмены цензуры, развития рыночных отношений³⁰.

Осень 1987 г. явилась определенным водоразделом в развитии общественно-политической ситуации в СССР. На нее повлияли новые оценки истории и политики, прозвучавшие в связи с празднованием 70-летней годовщины Октябрьской революции; первые публичные проявления разногласий в оценке перестройки; политическое размежевание внутри «неформалов» (прежде всего, в крупных российских городах); возникновение национальных движений в союзных республиках.

Во время юбилейных мероприятий, посвященных Октябрю 1917 г., появилось два очень важных документа, представленные

Горбачевым и содержавших новые акценты в трактовке как прошлого, так и тогдашнего состояния советского общества. Это были доклад «Октябрь и перестройка: революция продолжается» и книга «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». В литературе, на наш взгляд, несправедливо трактуют доклад как «умеренный», «вызвавший разочарование». Во-первых, это доклад на торжественном совместном заседании высших партийных и государственных органов, и «юбилейная» обстановка неизбежно определяла тон выступления. Во-вторых, доклад был «умеренным» лишь в сравнении с «забегавшими вперед» публицистическими работами: на самом деле выступление Горбачева содержало существенно важные, в том числе и новые, акценты. Здесь лидер партии отметил творческий характер ленинизма, подчеркнул способность Ленина отказываться от не отвечающих жизни идей. В историческом плане Горбачев обратил внимание на важность живого творчества масс, на необходимость смелых социальных экспериментов при созидании нового. Говорил и о значении внутривластных дискуссий, которые помогали выработке нужных решений; о недоиспользованных возможностях НЭПа; при признании переломного характера коллективизации необычно много внимания уделил ее негативным последствиям. Был поставлен вопрос о социальной цене революционных преобразований.

На официальном уровне было признано создание к концу 1930-х годов административно-командной системы, охватившей не только экономику, но и распространившуюся на надстройку; при признании «противоречивости» оценки Сталина больше говорилось о законах, совершенных им и «его ближайшим окружением»; говоря на необоснованность репрессий против руководителей партии, государства, а также деятелей культуры, Горбачев призвал довести до конца приостановленный в середине 1960-х годов процесс «восстановления справедливости» — реабилитировать невинно пострадавших; политическая реабилитация Н. И. Бухарина, прозвучавшая в докладе, положила этому начало. В докладе упоминалось имя Л. И. Брежнева как человека прямо ответственного за нарастание негативных процессов в жизни общества в 1970-е — начале 1980-х годов³¹.

В книге же Горбачева принципы «нового политического мышления», первоначально затрагивавшие сферу международных отношений и предполагавшие перенос акцента в оценке явлений с «классовых» на «общечеловеческие» критерии, были распространены и на сферу внутренней политики. Здесь вновь подчеркивался

революционный характер перестройки, своеобразие которой заключалось в том, что «это одновременно революция «сверху» и «снизу» и только демократизация позволит преодолеть главного противника реформ — бюрократа.

Помня, какое значение в те годы для идеологической жизни имели выступления первого лица партии, мы должны констатировать: обозначенные им подходы фактически содержали программу переосмысления важнейших сторон жизни советского общества. Как бы призывая активизировать работу в этом направлении, А.Н. Яковлев на пресс-конференции перед журналистами заявил, что «анализ исторического прошлого, данный в юбилейном докладе, не следует рассматривать как окончательный и догматизировать те или иные выводы»³². Все эти сигналы были восприняты многими журналистами и обществоведами.

Еще одно важное событие осени 1987 г. — публичное проявление «оттенков во мнениях» по поводу перестройки, получившее название «*бунт Б. Н. Ельцина*». Его выступление было тесно связано со спадом общественной эйфории, вызванной ожиданием быстрых позитивных перемен. Причины этого Ельцин видел в проводимой Е. К. Лигачевым «консервативной линии». В своем письме Горбачеву от 12 сентября 1987 г. он писал: «Между аппаратом ЦК и партийными комитетами (считаю по вине тов. Лигачева Е. К.) нет одновременно принципиальности и по партийному товарищеской обстановки. Вот где, по-моему, проявляется партийный механизм торможения. Надо значительно сокращать аппарат (до 50%) и менять структуру аппарата»³³. Позже, выступая на октябрьском (1987) пленуме ЦК, Ельцин подчеркнул, что «настроение масс все время шло на высоком накале и высоком подъеме. Затем, после июньского Пленума ЦК, стала вера какая-то падать у людей, и это нас начинает очень беспокоить»³⁴. И хотя выступление было довольно сумбурным, все его оценили как обвинение Горбачева, по крайней мере в нерешительности и даже в отсутствии концепции преобразований в стране. Мотивы выступления Ельцина имеют разное объяснение в литературе. Однако для нас важно другое: отношение к нему высшего партийного руководства и реакция общественности на это отношение.

Сам Горбачев обвинил Ельцина в нарушении партийной этики и охарактеризовал его действия как «политический авантюризм». «Псевдореволюционным авангардизмом» назвал его выступление А. Н. Яковлев, заметивший также, что «Борис Николаевич перепутал большое дело со своими личными обидами и

капризами»³⁵. В аналогичном духе на пленуме выступили Лигачев, Шеварднадзе и др., осудившие своего коллегу. Однако наиболее гнетущее впечатление произвел пленум московского горкома, на котором «сняли» Ельцина. Здесь ему был устроен форменный разнос в духе худших традиций прежних лет, который производил особенно тягостное впечатление на фоне горбачевских призывов к демократизации и гласности. Следует отметить, что к тому времени Ельцин уже стал весьма популярным в Москве человеком. Горожанам импонировали его активность, решительность в смене «гришинских» кадров, готовность обсуждать самые трудные вопросы и ясность собственной позиции. Поэтому естественно, что в этих условиях массовые симпатии оказывались на стороне Ельцина вне зависимости от того, насколько справедливы были выдвинутые против него обвинения. 12 и 14 декабря в Московском университете в честь Ельцина прошли студенческие митинги; они были пресечены. 12 декабря там же состоялась дискуссия, в ходе которой студенты и преподаватели требовали гласности в «деле Ельцина» и публикации стенограммы его речи в прессе. Аналогичные митинги прошли в Свердловске и ряде других городов России³⁶.

События октября—ноября 1987 г. в Москве положили начало возникновению имиджа Ельцина как борца против «консерваторов» за последовательное проведение перестройки. Одновременно складывались «агитационный фольклор» и «народные мифы», которые, однако, формировались не вполне стихийно. М. Н. Полторакин вспоминал, что интерес к Ельцину был столь высок, что симпатизировавшие ему люди «составили» несколько вариантов его «речи на пленуме», которые были написаны в манере устного выступления³⁷. В них были и «протест против линии Лигачева», и осуждение привилегий «номенклатуры» (в одном из вариантов — «жирных котлов»), и некоторые другие «детали». Списки быстро «разошлись», и один из них даже достиг Франции и был напечатан в газете «Монд». Знакомившись с ним, А. С. Черняев записал в своем дневнике: «Должен, однако, заметить, что текст его речи, который я прочел, ну совсем не имел ничего общего с тем, что я услышал из уст Ельцина на пленуме, сидя во втором ряду зала, почти напротив трибуны. Не то чтобы не совпали какие-то абзацы или что-то было добавлено или упущено, или что-то изложено не совсем точно. Нет, просто абсолютно разные вещи! Я, помню, удивился, как такая солидная и информированная газета попала на явную фальшивку»³⁸.

К осени 1987 г. относят и *начало политизации «неформальных» организаций*, которые стали реальным фактором общественной

жизни. Постепенно осознавалась ограниченность клубных форм их деятельности, необходимость разработки долговременной стратегии демократического движения и такой его организации, которая позволила бы добиться поставленных целей. В то же время внутри самих «неформальных» групп постепенно происходит размежевание: скрытые ранее разногласия между сторонниками либеральных ценностей и социалистического выбора переходят в открытую конфронтацию. Примером такого рода может служить раскол Координационного центра культурно-демократического движения «Эпицентр», из которого выделилось Культурно-демократическое движение во главе с Г. Ивановым. Из Клуба социальных инициатив осенью 1987 г. выделилась группа «Социалистическая инициатива», вобравшая в себя марксистское крыло КСИ. Вслед за этим из КСИ уходит группа, возглавляемая С. Б. Скворцовым, положившая начало Фонду социальных инициатив. Затем ряд членов КСИ, выступавших против социалистической идеологии, вливается в «Перестройку», в результате чего к весне 1988 г. КСИ остался фактически без активистов³⁹. В ноябре же 1987 г. произошел раскол и в самой крупной из групп — в «Перестройке». Внутри клуба образовался целый ряд самостоятельных объединений — «Гражданское достоинство», «Перестройка-88» и некоторые другие⁴⁰. Заметно активизируют свою деятельность группы радикального направления, изначально выступавшие против социалистической идеологии и власти компартии. Речь идет о семинаре «Демократия и гуманизм» во главе с В. И. Новодворской и группе «Доверие» во главе с Е. Дебрянской. В течение ноября—декабря 1987 г. эти группы провели несколько несанкционированных акций в защиту политзаключенных и свободы слова в СССР⁴¹. Однако, несмотря на все это, к концу 1987 г. организации, идентифицирующие себя как «демократические», имели по меньшей мере две проблемы: они были малочисленны и на том этапе не имели массовой социальной поддержки (рабочее движение находилось в зачаточном состоянии и практически не поддерживало контактов с интеллигентскими группами). Все эти замечания относятся к общественным объединениям, расположенным, прежде всего, на территории России и Украины.

В то же время, и это тоже важная характеристика конца 1987 г., в союзных республиках начали формироваться *движения на национальной основе*, которые в первой половине 1988 г. стали массовыми. В октябре 1987 г. было создано Объединение национального самоопределения Армении. В Ереване прошли многотысячные эко-

политические демонстрации. Аналогичные акции экологов были проведены в Риге и Вильнюсе. А 18 ноября 1987 г. в Латвии состоялись демонстрации в годовщину провозглашения ее национальной независимости. Любопытно, что в тот же день в Москве прошел «митинг» группы «Доверие» в поддержку национальной независимости Латвии. В митинге приняли участие всего три человека, но он стал как бы символом будущей солидарности «демократической оппозиции» России и национальных движений в союзных республиках⁴². К явлениям такого рода можно отнести и публичную поддержку А. Д. Сахаровым крымско-татарского движения, его выступления по поводу Карабахской проблемы⁴³. Можно согласиться с мнением этнолога С. В. Чешко в том, что «дарование Горбачевым гласности открыло легальные способы формирования и пропагандирования национальной идеи, создания националистических политических организаций, которые стали заниматься пропагандой своих идей, давлением на республиканские власти»⁴⁴. Первоначально же национальная активность в республиках была облечена в форму народно-демократических движений в поддержку перестройки.

После юбилейных мероприятий осени 1987 г. наблюдается радикализация политики гласности, которая, в свою очередь, вела к поляризации общественных настроений и впоследствии — к *политическому размежеванию*. Новый этап идеологической активности связан с кампанией по «*десталинизации*», принявшей широкий размах и имевшей различные формы. В январе 1988 г. при ЦК КПСС была создана комиссия по реабилитации жертв репрессий конца 1930-х годов (первоначально ее возглавил М. С. Соломенцев, затем — А. Н. Яковлев). Одновременно разворачивается «десталинизация» «снизу». Союз архитекторов, Союз кинематографистов, журнал «Огонек», «Литературная газета» выступили в качестве организаций-учредителей историко-просветительского общества «Мемориал». Общество ставило своими задачами содействие полной реабилитации жертв репрессий, оказание помощи пострадавшим от этих лицам, создание на территории СССР памятника жертвам сталинизма, восстановление исторической правды о незаконных и террористических методах политической деятельности⁴⁵. Под лозунгом «возрождения ленинского облика социализма» в средствах массовой информации разворачивается кампания по «демифологизации» прошлого, в ходе которой начинается *критика идеологических ценностей социализма*. В авангарде шли популярные еженедельники «Огонек» и «Московские новости». На страницах этих и некоторых других из-

даний ликвидация «белых пятен» постепенно превращалась в закрашивание черной краской целых исторических периодов. При этом с понятием «сталинизм» все чаще начинают ассоциировать все происходившее в стране в 1920-е — середине 1950-х годов, ставить под сомнение социалистичность построенного в СССР общества⁴⁶. Критика прошлого не была самоцелью, но служила для обоснования радикальности намеченных преобразований.

Проблема была столь важной, что обсуждение идеологических аспектов перестройки было выдвинуто на первый план на февральском (1988) пленуме ЦК КПСС. Здесь Горбачев заявил, что в духовной сфере силы торможения «даже сильнее, чем в любой иной»⁴⁷, призвал работать с «учетом новых требований». В то же время он уверил, что все это не означает отступления от социализма, подчеркнув при этом, что «мы должны и в духовной сфере, а может быть, именно здесь в первую очередь, действовать, руководствуясь нашими, марксистско-ленинскими принципами. Принципами, товарищи, — добавил Горбачев, — мы не должны поступаться ни под какими предлогами»⁴⁸.

Реакцией на проводившийся курс была и известная *статья Н. А. Андреевой* «Не могу поступиться принципами», ставшая наиболее заметным явлением в идейной полемике весны 1988 г. С высоты сегодняшнего дня этот документ едва ли можно назвать «манифестом антиперестроечных сил»: при архаичности ряда формулировок здесь были поставлены многие вопросы, которые всерьез волновали не только так называемое «консервативное крыло КПСС», но и просто здравомыслящую часть общества. Н. А. Андреева отмечала тенденцию к политизации неформальных организаций, лидеры которых говорили «о разделении власти на основе парламентского режима»; поднимала вопрос о том, «признавать или не признавать руководящую роль партии, рабочего класса в социалистическом строительстве, а значит и в перестройке»; обращала внимание на ухудшение социально-экономической обстановки уже в годы реформ (о чем сами реформаторы скромно умалчивали); осуждала огульное отрицание всей советской истории, ставившее под сомнение не только прежнюю систему ценностей, но и смысл жизни целых поколений советских людей. Н. А. Андреева также осуждала отсутствие внятной цели и программы преобразований. В статье содержался призыв к защите социалистических идеалов от посягательств «леволибералов», чья идеология, по мнению автора, — «явная или замаскированная космополитическая тенденция»⁴⁹.

Статья привлекла к себе интерес, который был усилен ее печаткой в некоторых областных газетах и широким обсуждением в ряде организаций. Последние обстоятельства подогрели подопиния в «заказном» характере этого материала и намеренном его продвижении»⁵⁰. Любопытно, что первоначально Горбачев весьма спокойно отреагировал на статью. Однако эта публикация была использована как повод для атаки на «охранительное, традиционистское» крыло в КПСС. Ответ на статью был подготовлен главным редактором «Правды» В. Г. Афанасьевым, доработан А. Н. Яковлевым и В. А. Медведевым, на заключительной стадии в редакции участвовал сам Горбачев⁵¹. В итоге 5 марта в главной партийной газете появилась редакционная статья «Принципы перестройки: революционность мышления и действий», которая знаменовала переход радикально-реформаторских сил в решительное наступление. «Враг перестройки», «сталинист», «консерватор», «аппаратчик», «номенклатурщик» — эти и другие ярлыки активно использовались «радикалами» против «охранителей» и прочно вошли в политический лексикон так называемых «прорабов перестройки», которые к тому времени уже господствовали в информационном пространстве. Кампания против Н. А. Андреевой была рубежной и в другом плане: она разоблачала не только сталинизм, но и открывала этап критики марксизма-ленинизма как утопической и порочной доктрины, который позднее привел к отрицанию социалистической идеи и в итоге поставил под сомнение легитимность власти самого Горбачева⁵².

«Дело Ельцина», осуждение Н. А. Андреевой, кампания по подготовке к XIX партконференции активизировали процесс политического самоопределения в стране. С одной стороны, возрастало число людей, все более сдержанно относившихся к высшему руководству и к проводимому им курсу; отсутствие перемен к лучшему в социально-экономической сфере, смелость идеологических новаций подогрели этот скептицизм. С другой стороны, более уверенно почувствовали себя те, кто был готов — по разным причинам — идти по пути углубления и радикализации намеченных преобразований. В это время формируется довольно широкий круг литераторов и ученых, завоевавших большую известность на критике сталинизма и «застойного» времени. Многие из них сыграли заметную роль в политике и ее интеллектуальном обеспечении в 1988—1991 гг. В качестве примера можно привести вышедшую в середине 1988 г. книгу «Иного не дано». Эту работу можно условно назвать «манифестом перестроечных сил». Ее авторами были:

Ю. Н. Афанасьев, Т. И. Заславская, А. Д. Сахаров, Г. Х. Попов, В. И. Селюнин, А. А. Нуйкин, Ю. Ф. Карякин, Ф. М. Бурлацкий, С. П. Заминин, А. В. Яблоков, Ю. Д. Черниченко, М. Я. Гефтер, А. М. Адамониц, Д. А. Гранин, Е. А. Амбарцумов, А. Е. Бовин, Л. В. Карпинский, А. М. Мигранян, Н. Н. Моисеев, В. Л. Гинзбург, Л. М. Баткин, М. В. Милютин, М. Я. Лемешев, И. И. Виноградов, С. С. Дзарасов, В. П. Киселев, В. Г. Сироткин, В. А. Фролов, Г. Г. Водолазов, Ю. Г. Буртин, А. П. Бутенко, Д. Е. Фурман, Вяч. Вс. Иванов, М. Д. Франк-Каменецкий. Направление идейной эволюции этих авторов можно проследить, в частности, и по книгам, вышедшим в той же серии «Перестройка: гласность, демократия, социализм» в 1989–1991 гг.

Публикация тезисов ЦК КПСС к XIX партийной конференции активизировала деятельность общественно-политических движений. Весной 1988 г. было объявлено о создании Межклубной партийной группы, в которую вошли «Мемориал», «Демократическая перестройка», «Перестройка-88» и группа «Народное согласие». Лидеры МППГ — И. Б. Чубайс, Г. Г. Гусев, В. Н. Лысенко — стали инициаторами подготовки так называемого общественного наказа XIX партконференции⁵³. В состав группы вошли более 10 коммунистов — участников неформальных клубов: членство в КПСС уже не было препятствием для участия в структурах, ставящих самостоятельные задачи. 12 июня представители 18 клубов утвердили временный учредительный документ Московского народного фронта. Целью МНФ было объявлено «содействие демократической самоорганизации масс в борьбе за социалистическое обновление общества». Фронт стремился стать «союзом прогрессивных сил партии и широкого демократического движения»⁵⁴. В июне, накануне конференции, в ряде городов страны состоялись митинги. Некоторые были посвящены поддержке неизбранных делегатов на конференцию деятелей (в Москве — Ю. Афанасьева, Ю. Карякина, Э. Климова), другие прошли под лозунгом «Перестройка в опасности» (Томск, Иркутск, Свердловск)⁵⁵.

И мемуаристы, и исследователи главным политическим событием 1988 г. считают **XIX партийную конференцию**. Ее называют «революционной», «исторической», подчеркивают «революционный» характер принятых решений⁵⁶. Для подобных высказываний были определенные основания.

Прежде всего необходимо отметить совершенно новую атмосферу, в которой проходила конференция. Это был первый относительно свободный, демократический форум, проведенный после 1985 г. На конференции прозвучали действительно разные точки

нения по ключевым проблемам; публичной критике — не жесткой, но определенной — было подвергнуто руководство страны. Неравномерное отношение аудитории проявилось в бурных овациях одним и «захлопывающих» других. Влияние конференции на идейный климат в обществе было усилено трансляцией ее работы по телевидению.

Главным в большом докладе Горбачева было обоснование необходимости *реформы политической системы* как обязательного условия успеха реформ на всех других направлениях. Выступление свидетельствовало о дальнейшей идейной эволюции партийного курса: в качестве «общечеловеческих» прозвучали те принципы, которые ранее считались атрибутами «буржуазной демократии»: права человека, правовое государство, разделение властей, парламентаризм. Фактически было заявлено о намерении создать гражданское общество. И хотя сам термин не употреблялся, содержание оно был определен достаточно четко⁵⁷.

Новые подходы были конкретизированы в предложениях по реформе политической системы общества, которые затрагивали два базовых института — государство и партию. Намечавшиеся перемены должны были привести к реальному разграничению функций между ними: партия должна была уйти из сферы оперативного управления всеми социальными процессами. Демократизации общества, усилению влияния граждан на принятие решений были призваны способствовать два новых государственных института — съезд народных депутатов и действующий на постоянной основе парламент. Четкое разделение власти между законодательными, исполнительными и судебными органами было основой создания эффективной управленческой системы.

Следует обратить внимание на очень интересную, на наш взгляд, попытку Горбачева обеспечить плавный переход от старой политической системы к новой. Из общего числа в 2250 депутатов, которые должны были составить корпус народных избранников, 750 предполагалось выбирать от так называемых общественных организаций на их съездах и пленумах — имелись в виду партийные, профсоюзные, кооперативные, молодежные, женские, ветеранские, научные, творческие и другие организации⁵⁸. Первоначально многие негативно оценили это предложение и подвергли его критике. Действительно, некоторые кандидаты в депутаты могли иметь преимущества: руководителям «общественных организаций» было проще «организовать» свое избрание или избрание «нужных» людей; у кандидата же в депутаты по территориальному округу было намного больше сложностей. Определенные преимущества имели

реф. восприятие
ссылка

и некоторые группы избирателей: состоящие в ряде общественных организаций люди могли проголосовать несколько раз. На самом же деле, на наш взгляд, все это предполагало наименее болезненное встраивание активной части традиционной элиты в новую политическую систему, что должно было умерить возможное сопротивление реформе. При том что большая часть будущих депутатов — 1500 — избиралась вполне демократично и должна была состоять из «новых» людей, именно те 750 человек, которые избирались от общественных организаций, были призваны обеспечить преемственность власти и управления, что было особенно важно на первом этапе.

Столь же неординарным и интересным было предложение Горбачева о желательности совмещения постов руководителя партийного комитета и председателя Совета соответствующего уровня. Это предложение, во-первых, отражало реально сложившуюся в СССР ситуацию, «легализуя» ее. Во-вторых, оно должно было ориентировать партийные организации на поиск не аппаратного руководителя, но пользующегося у избирателя авторитетом лидера — иначе такой человек не смог бы возглавить Совет. С другой стороны, при таком подходе партийный лидер и партийная организация как бы ставились под контроль беспартийных масс. Все это могло существенно продвинуть вперед дело демократизации партии. О том, какое значение Горбачев придавал этому предложению, говорит любопытный эпизод. Пункт «о совмещении постов» резолюции «О демократизации» голосовался отдельно, и когда из 4986 делегатов лишь 209 проголосовали «против», Горбачев облегченно вздохнул и бросил реплику: если бы не прошло это предложение — он бы не голосовал и за всю резолюцию о демократизации⁵⁹. Показательно и то, что эта реплика не вошла в стенографический отчет конференции.

К числу наиболее ярких выступлений, отражающих скептическое отношение к происходящим переменам, относят речь В. В. Бондарева. Многие сочли точным его сравнение перестройки с самолетом, который подняли в воздух, не зная, «есть ли в пункте назначения посадка». Бондарев отразил и тревогу в отношении проводимого большинством официальных изданий идеологического курса. «Та наша печать, что разрушает, унижает, сваливает в отхожую яму прожитое и прошлое, наши национальные святыни, жертвы народов в Отечественную войну, традиции культуры, то есть стирает из сознания людей память, веру и надежду, — эта печать воздвигает уродливый памятник нашему недомыслию, те

граммы мысли, чистого чувства, совести... Вдвойне странно и то, что произносимые вслух слова «Отечество», «Родина», «патриотизм» вызывают в ответ некое змееподобное шипение, исполненное гонимости нападения и укуса: «шовинизм», «черносотенство»⁶⁰. Показательно, что выступление Бондарева было бурно поддержано делегатами, в то время как оппонировавший ему Г. Бакланов, призывавший прибавляться от «лишнего груза», был «захлопан»⁶¹.

Одним из центральных эпизодов конференции, привлечшим широкое общественное внимание, стала речь Б. Н. Ельцина. Он практически повторил основные идеи своего октябрьского выступления, однако, в отличие от осени 1987 г., признал ошибочной некую прозвучавшую тогда из его уст критику, но лишь избранный еще момент. Ельцин вновь обвинил руководство в отсутствии глубокого анализа реальной обстановки в обществе, в результате чего три года не решили каких-то осязуемых реальных проблем для страны, а тем более не добились каких-то революционных преобразований»⁶². Делегаты лояльно оценили выступление Ельцина, только о чрезмерной импровизации в действиях руководства звучало и у других ораторов. Здесь же фактически Ельцин публично сформулировал свой «фирменный» политический лозунг для 1988—1989 гг.: «Социальная справедливость и борьба с привилегиями бюрократической элиты»⁶³. Эти идеи, а также проявившаяся готовность Ельцина выступать в роли оппонента высшей партийной власти (впервые за долгие годы, да еще на глазах у всей страны), фигура «несправедливо обиженного», — все это вызывало искреннюю симпатию населения, делая его одним из самых популярных политиков. Ситуация нашла отражение, в частности, и в политическом фольклоре тех лет. Прозвучавшее на конференции со стороны Е. К. Лигачева обвинение «Борис, ты не прав!» молва быстро пеработала в другое — «Егор, ты не прав!». И эта реплика также способствовала на укрепление авторитета опального московского руководителя.

А. Х. Попов позже вспоминал, что именно участие Ельцина в конференции и его выступление на ней привлекли внимание сторонников радикализации перестройки и заставили их всерьез оценить его шансы как возможного лидера демократических сил в перестройке⁶⁴. Само понятие «демократические силы» конституируется примерно в это же время. «Демократ» в терминологии 1980-х гг. — активный сторонник реформ, антагонист «консервативно-партократов». Необходимость четкого определения собственного идеологического статуса становилась актуальной и неизбеж-

ной в преддверии реформы политической системы, в ходе которой речь шла не просто о поддержке начинаний «прогрессивного руководства», но началась реальная борьба за представительство в органах, принимающих решения⁶⁵.

Объективно конференция и ее решения вели к радикализации преобразований в общественно-политической сфере: фактически был дан старт глубокой конституционной реформе, усилился накал критических выступлений в прессе, развернулось обсуждение проблемы расширения прав союзных республик. Однако успех реформы политической системы во многом определялся состоянием социально-экономического развития СССР. Очевидно, что задуманные преобразования государственности, означавшие, по сути, коренную ломку — хороших или плохих, но «работавших» — институтов, неизбежно вели к снижению уровня управляемости социальными процессами, по крайней мере в рамках определенного временного промежутка. Экономическая стабильность или, наоборот, дестабилизация могли существенно повлиять на ход и направленность задуманных изменений.

Концепция экономической реформы Горбачева и его команды была сформулирована на июньском (1987) пленуме ЦК КПСС. Подготовка к нему шла трудно: как мы отмечали, еще осенью 1986 г. группа специалистов пыталась определить систему необходимых преобразований; весной же 1987 г. еще обсуждался вопрос, проводить ли пленум по научно-техническому прогрессу или посвящать его общим народно-хозяйственным проблемам⁶⁶. Сам Горбачев вспоминал, что только в марте 1987 г. стали нащупываться новые подходы⁶⁷. На проведении пленума по экономической политике в целом настаивали хозяйственные руководители.

Основным результатом июньского пленума стало принятие *Закона о государственном предприятии* и «пакета» из 11 совместных постановлений ЦК и Совмина СССР, конкретизирующих закон (о Совмине, Госснабе, Госплане, Минфине, республиканских органах управления, о реформе ценообразования, совершенствовании банковской системы). Законом изменялось соотношение прав министерств и предприятий, союзных и республиканских органов власти. Введением «государственного заказа», охватывавшего лишь часть производимой предприятиями продукции, предполагался постепенный перевод в рыночный режим работы. На самих предприятиях предусматривалось избрание руководителей, а также советов трудовых коллективов (СТК), что также должно было мобилизовать активность, повысить ответственность и заинтересовать

ны работников. Эту же цель преследовало расширение прав предприятий в определении зарплаты и выборе ассортимента выпускаемой продукции. Очень «рыночной» была статья 23 Закона, допускавшая возможность прекращения деятельности убыточного предприятия.

Закон о государственном предприятии, по мнению разработчиков, обобщил все лучшее, что существовало в тогдашней практике управления и было апробировано в порядке эксперимента⁶⁸. Однако именно Закон явился вершиной предшествующего этапа экономического вольномыслия, предоставляя предприятиям невиданную ранее свободу и вводя реальные элементы рыночного регулирования хозяйственных отношений⁶⁹. И тем не менее практически все — теоретики, и исследователи — отмечают, что уже первые результаты действия Закона были далеки от ожидаемых.

В 1988 г. госзаказ составил в среднем 85%, однако предприятия ожидали его увеличения, так как отсутствие опыта, а также рыночной инфраструктуры (бирж, посреднических контор и др.) мешало реализации изготовленных изделий. Постепенно прямые связи между предприятиями начали восстанавливаться, но принимали форму преимущественно бартерных отношений и, следовательно, были шагом назад даже не только в плане продвижения к проектируемому рынку, но и в сравнении с реальной социалистической экономикой. Выборность директоров часто приводила к выдвижению не лучших профессионалов, в деятельности которых к тому же усиливался популизм. Многие предприятия воспользовались возможностью поднять зарплату своим работникам и в то же время повышали цены на свои изделия, сокращали выпуск дешевого ассортимента. Не всегда повышали уровень управления советы трудовых коллективов, дублируя функции и профсоюзной и администрации. «Зависала» и статья 23 Закона (о возможном банкротстве): в 1988 г. более 30% предприятий были убыточными, а 25% получали небольшую прибыль; при переходе на самофинансирование и лишении господдержки они рисковали стать банкротами, вызвав взрыв безработицы. К такому повороту событий государство не было готово ни в экономическом, ни в социально-политическом плане⁷⁰. В современной литературе Закон о госпредприятии получил еще более жесткую оценку⁷¹.

Столь же неоднозначной оказалась и кооперативная политика. В 1987—1988 гг. был принят ряд актов, поощряющих частную инициативу. Главным из них стал Закон «О кооперации в СССР» (май 1988 г.)⁷². За счет стремительного роста кооперативного движения

государство стремилось улучшить положение в социальной сфере: неудовлетворенный спрос на промтовары народного потребления составлял более 30 млрд руб., а в сфере услуг, оказываемых госпредприятиями, — около 15 млрд. Однако чем активнее развивалось кооперативное движение, тем более настороженное отношение оно вызывало. Льготы позволяли кооператорам брать сырье по низким госценам, а продавать свою продукцию по высоким, коммерческим. При сопоставимой интенсивности труда зарплата в кооперативах была несравненно выше, чем в государственном секторе. Несовершенство системы контроля часто приводило к тому, что руководители некоторых предприятий создавали при них кооперативы. Возможности использовать государственную материально-техническую базу и ресурсы, соединенные с преимуществами и льготами кооператоров, давали особенно значительный эффект; полученные доходы распределялись, естественно, неравномерно. Такие кооперативы откровенно паразитировали на теле государственной экономики⁷³. Закон о кооперации легализовал и теневой бизнес, создал условия для «отмывания» криминальных денег. С принятием этого закона, способствовавшего увеличению социальных диспропорций, специалисты связывают быстрый рост рэкета. В 1988 г. было зафиксировано 600 случаев рэкета, и только в 137 из них потерпевшие обратились за помощью в правоохранительные органы⁷⁴.

Реформирование экономики страны в 1987—1988 гг. не ограничилось принятием законов о госпредприятии и кооперации. Стали создаваться совместные предприятия; были расширены права госпредприятий и кооперативов во внешнеэкономической деятельности; началась коммерциализация отраслевых банков; в августе 1988 г. был зарегистрирован первый кооперативный банк; в ходе обсуждения аграрных проблем продвигалась идея аренды; было разрешено приступить к выпуску акций предприятиями и организациями; рассматривался вопрос о возможной конверсии⁷⁵.

Но, тем не менее, реализация Закона о государственном предприятии, попытка использовать «кооперативный» ресурс были наиболее значимыми направлениями экономического курса 1987—1988 гг., однако ни одно из них не решило тех задач, которые первоначально на них возлагались. Более того, наложившись на проинфляционные меры предшествующего этапа, эти два элемента политики значительно усугубили ситуацию как в народном хозяйстве в целом, так и в особенности на потребительском рынке. В принципе результаты производственного развития СССР в 1986—

1988 г. выглядели предпочтительнее предшествующего периода. Однако увеличение денежной массы, не обеспеченной товарами, привело к инфляции в базовых отраслях. С 1988 г. отмечали начало жилищного спроса, а уже к осени говорили о развале потребительского рынка в результате финансовых диспропорций.

В литературе существуют различные объяснения **хозяйственных неудач в СССР в 1985–1988 гг.** Пишут о затягивании начала реформ, об ошибочности приоритетов (начали с машиностроения, а надо было с сельского хозяйства), о сопротивлении (консерваторов и радикалов). Однако нам наиболее корректной представляется позиция В. С. Павлова, занимавшего ряд ключевых управленческих постов (председатель Госкомцен, министр финансов, пресс-министр), который был и участником, и свидетелем дискуссий по поводу принятия важных экономических решений.

Павлов отмечает недооценку (мягко говоря) роли финансовых рычагов регулирования экономики в качестве элемента мышления высшей партийно-хозяйственной элиты, особенно проявившуюся в 1985–1988 гг. По его мнению, разделявшемуся и некоторыми экономистами, **ценовая и денежная реформы должны были или не предшествовать, то по крайней мере сопутствовать, не вытесняя от других «прорыночных» преобразований**⁷⁶. В СССР же ситуация развивалась иначе. Принципиальное решение о **реформе ценообразования** было принято на июньском (1987) пленуме ЦК, она должна была начаться с 1 января 1988 г. Всю вторую половину 1987 г. Госкомцен «гнал» подготовку реформы, и к началу января 1988 г. ее параметры были определены. Не отрицая ее важности и необходимости «в принципе», реформу, тем не менее, «отложили»⁷⁷. Это было сделано в силу существования ряда стереотипов, мощное давление которых испытывали как рядовые граждане, так и руководство страны.

За долгие годы у населения сложилась убежденность в том, что экономические преобразования при социализме могут приносить лишь медленное, но лишь повышение жизненного уровня. Перспектива изменения цен, возможность банкротства предприятий и появления безработицы негативно воспринимались общественным сознанием. На новых лидеров влияли и другие соображения. Для большинства из них понятие «реформа ценообразования» было синонимом «повышение цен», что подпитывалось опытом 1960–1980-х годов. Пойти на такую реформу означало поставить под удар свою популярность⁷⁸. Для Горбачева ситуация осложнялась «взрывом ожиданий» 1985–1986 гг., когда он стал олицетворением кур-

са на революционный прорыв в социальной сфере. Пойти на «повышение цен» было равнозначно подвергнуть сомнению свою компетентность и накопленный с большим трудом в течение многих лет политический капитал. Как политические, так и психологические, сугубо личностные мотивы заставляли всячески оттягивать принятие внутренне неприятного решения. Е.Ф. Сабуров прямо писал о «разрушительном страхе» как мотиве бездействия⁷⁹. Этим можно объяснить тот факт, что, несмотря на принятие аргументов в пользу изменения системы цен и неоднократное одобрение предложенных мер, в том числе и на заседаниях Политбюро, важнейшая рыночная реформа так и не была запущена ни в 1988 г., ни позже.

Интересно отметить, что даже «сочувствующие» реформаторам авторитетные исследователи уже в 1987–1988 гг. писали о неизбежных трудностях для населения на первом этапе преобразований⁸⁰. Тем не менее подконтрольная горбачевско-яковлевская пресса так и не была сориентирована на необходимую идеологическую подготовку болезненной реформы. О ней открыто заговорили лишь под влиянием кризиса в 1989 г., и она сразу же оказалась в центре политической борьбы и стала предметом популистских спекуляций. Можно согласиться с выводом о том, что, призывая к проведению рыночных реформ, горбачевское руководство само оттягивало их начало⁸¹. В результате кризисная ситуация в социально-экономической сфере становилась все менее управляемой, сужая возможности относительно плавного перехода к рыночным отношениям и создавая питательную почву для политического и экономического радикализма.

В сентябре 1988 г. Горбачев в ходе поездки в Красноярск впервые столкнулся с *негативным отношением населения к перестройке*: люди были озабочены не только отсутствием перемен к лучшему в социальной сфере, но и вопросом, куда делись товары, которые еще недавно не были дефицитом⁸². В прессе также стали появляться материалы, где звучали мотивы разочарования. В ответ на эти настроения 30 сентября на встрече в ЦК с руководителями средств массовой информации, идеологических учреждений и творческих союзов Генеральный секретарь призвал не приписывать перестройке то, что связано с предшествующим периодом, и заявил о неправомерности «догматично», «некритически» переносить на сегодняшний день «критический пафос о предкризисном положении»⁸³.

В 1992 г. А. Н. Яковлев, вспоминая о событиях второй половины 1988 г., указывал на происходившую в этот период «эволюцию

представлений» о путях, степени радикальности и конечных целях реформирования общества. Особенно важным является его замечание о том, что именно в это время «перестройка приобрела автономность от ее инициаторов»⁸⁴. Подобным образом оценивали ситуацию и другие участники событий тех лет⁸⁵.

В июне—июле 1988 г. по всей стране создаются «народные фронты», что позволило их представителям 13 августа провести рабочую встречу в Ялте. По оценке исследователей, наиболее крупными структурами в то время были: Байкальский народный фронт (Иркутск), Ивановский и Уральский народные фронты, образованные на основе клубов «Рабочий» и «Отечество»⁸⁶. Существенным было влияние московских представителей, которые еще до начала партконференции посетили десятки городов, пропагандируя идею создания народных фронтов на территории РСФСР. Итогом этой инициативы стало создание в середине декабря Российского народного фронта. Образование Народных фронтов обозначило новую фазу в движении «неформалов». Инициаторы создания этих объединений неизменно декларировали, что фронт — общественная организация, но не партия, так как «нелепо создавать партию, которая ставит цель проводить решения другой партии», что подобная структура необходима как «камертон развития демократических процессов, который бы реагировал на малейшее их искажение»⁸⁷.

Процесс образования более массовых, чем элитарные клубы, структур привел к резкой активизации митинговой деятельности. Показательно, что официальные власти сразу же (в июле 1988 г.) отреагировали на это принятием нового акта, регламентирующего проведение митингов и демонстраций⁸⁸. В сентябре—октябре Московский народный фронт развернул широкую кампанию в связи с введенными правилами, а также против лимитов на подписку, которые распространялись на 44 наиболее популярных издания⁸⁹. Начиная с октября, в Москве проводились многотысячные политические митинги (7 октября, 20 ноября, 10 декабря). В это время «неформальное» движение постепенно изживает стихийность в своем развитии, становится более организованным. Оно стимулируется и «новыми функционерами», «сознательно расширяющими базу своего движения методом «размножения» дочерних группировок и слияния их в «свободные» ассоциации, координируемые из одного центра»⁹⁰.

В середине — второй половине 1988 г. наблюдалась заметная активизация изданий и групп откровенно антикоммунистической

направленности. Наиболее отчетливо это проявилось в действиях «Демократического Союза» (ДС), один из лидеров которого, И. Царьков, прямо заявлял, обращаясь к коммунистам: «Подождите, скоро мы в вас будем стрелять»⁹¹. Общественный резонанс вызвали митинги ДС 21 августа и 5 сентября. В первом случае собрание на Пушкинской площади было связано с 20-летием со дня ввода войск в Чехословакию, во втором — приурочено к 70-летию «юбилею» «красного террора». Скандальный характер мероприятий привлек внимание журналистов и обеспечил «хорошую» прессу. Но примечательным в этой истории было другое: участников акции лишь ненадолго задержали, а затем вскоре отпустили. По сути, впервые призывы к насильственному свержению существующего в СССР строя не получили действенного отпора со стороны правоохранительных органов. Тем самым объективно было продемонстрировано, что границы дозволенной политической деятельности если не стерты, то по крайней мере отодвинуты на существенно отдаленные от прежних рубежи. При этом даже достаточно радикальные позиции, располагавшиеся, однако, между взглядами «деэсовцев» и официальными подходами, начинали выглядеть как относительно умеренные и респектабельные.

Все это в полной мере относится к событиям в Прибалтике. Здесь разворачивался основанный на национальной идее процесс *массовой политизации*. Осенью 1988 г. в Латвии, Эстонии и Литве оформились Народные фронты, которые интегрировали в свой состав многие, в том числе и антикоммунистические, организации этих республик. Местные компартии также не могли игнорировать возникшие структуры, поскольку озвучиваемые ими лозунги демократизации, расширения самостоятельности республик, защиты окружающей среды и национального возрождения были действительно привлекательны для населения. Общий «враг» — союзные партийно-государственные и ведомственные органы — обусловил идейную и организационную солидарность прибалтийских народнофронтовцев и российских «неформалов», которые изначально рассматривали себя частями единого протестного движения. При этом российские «демократы» не без ревности поглядывали в сторону прибалтийских союзников, создавших опережающую модель демократического движения и сумевших собрать под свои знамена практически бульшую часть граждан своих республик. На их территории в 1988 г. проводились конференции и съезды неформальных групп и движений России⁹². Интересно и то, как российские «демократы» обосновывали роль Прибалтики в каче-

*наоборот, процесс
в Прибалтике*

стве «передовой периферии», где быстрее, чем в целом по стране появлялись ростки гражданского общества.

По мнению одного из ведущих авторов 1988–1991 гг., вице-президента Советской социологической ассоциации Б. В. Ракитецкого, положение в СССР Латвии, Эстонии и Литвы имело «существенную специфику». «Сталинский режим был навязан прибалтийским народам в своем уже окончательно сложившемся виде, и его бесчеловечность была очевидна для этих народов с самого начала. Псевдогуманистическая, псевдосоциалистическая идеология прикрываемая марксистской фразой, по-настоящему так и не стала «своей» для коренного населения Прибалтики. Во всяком случае, оставаясь чуждой для старших поколений, она не смогла стать доминирующей и в новых поколениях. Именно это глубокое — мировоззренческое и моральное — противостояние прибалтийских народов казарменному строю, а не чисто национальный (как это зачастую выглядит на поверхности) фактор является истинной причиной широкой массовости и радикальности демократического движения в Прибалтике». Не менее характерен и взгляд демократов на политических оппонентов «коренных» прибалтов: «Отношение к сталинистским по сути порядкам, в том числе сталинской национальной политике, как к «своим», нормальным и справедливым свойственно преимущественно тем жителям Прибалтики, которые переселялись сюда из других республик... Они как бы не замечают, считают естественным положение, при котором ущемляются права и возможности развития коренной нации, не признается суверенность малого народа, его право распоряжаться своим национальным богатством и своей судьбой». И далее — особенно интересно: «На этой базе и возникли в Прибалтике так называемые интернациональные (на самом деле — антиперестроечные, реакционно-шовинистические) движения, в которые оказались вовлеченными оболваненные сталинистской великодержавной пропагандой рядовые рабочие»⁹³. Я не случайно «злоупотребил» цитированием, поскольку приведенные оценки и суждения содержат достаточно полный набор «демократических» стереотипов в отношении Прибалтики, которые постоянно воспроизводились в разных формах в 1988–1991 гг. В то же время и официальные союзные власти изначально снисходительно относились к «местным перехлестам». В ноябре 1988 г. во время пребывания в Латвии, Литве и Эстонии членов Политбюро ЦК КПСС В. А. Медведева, Н. Н. Слюнькова и В. М. Чебрикова их постоянно пикетировали с плакатами «Русские, убирайтесь вон!», «Немедленный выход из

Союза» и т.п. Однако, как и в случае с «Демократическим Союзом», никакой реакции властей не последовало⁹⁴. Бывший руководитель КГБ В. А. Крючков даже утверждал, что другой член Политбюро — А. Н. Яковлев, в то время ближайший советник и соратник Горбачева, — прямо поощрял создание народных фронтов и сыграл едва ли не решающую роль в дестабилизации обстановки, дав «зеленый свет» альтернативной, антикоммунистической активности в регионе⁹⁵.

Осенью 1988 г. развернулась работа по реализации мер, намеченных XIX партконференцией. Удовлетворив «просьбу» А. А. Громыко об уходе на пенсию, М. С. Горбачев 1 октября 1988 г. возглавил Президиум Верховного Совета СССР, сконцентрировав, таким образом, в своих руках высшую партийную и государственную власть. Избрание прошло в «лучших» партийных традициях — без обсуждения и без альтернативных кандидатур. Та же сессия Верховного Совета утвердила *поправки к Конституции СССР*, которые узаконили будущую реформу политической системы. В сентябре началась крупнейшая за многие годы *реорганизация аппарата ЦК КПСС*. Вместо более чем двадцати «отраслевых» отделов были созданы шесть комиссий в соответствии с основными направлениями партийной работы в новых условиях. Все комиссии возглавили секретари ЦК. Значительно сократилась общая численность сотрудников аппарата, что подчеркивало стремление освободить высшие партийные органы от функций оперативного управления⁹⁶. В то же время привлекались специалисты, не «отягощенные» опытом длительного пребывания на аппаратной работе, призванные формировать ее современный стиль. Создаваемая в Центре модель должна была стать образцом для нижестоящих партийных комитетов.

И в мемуарной, и в научной литературе обычно отмечают факт отстранения от руководства идеологической работой двух политических антагонистов — А. Н. Яковлева и Е. К. Лигачева, первый из которых возглавил аграрную, а второй — международную комиссию ЦК. Осуществив эту рокировку, Горбачев отреагировал на обозначившиеся в партии настроения, растущую неприязнь — по разным мотивам — к обоим лидерам. Однако если отдаление Лигачева от идеологического аппарата было очевидным, то вопрос о Яковлеве — сложнее. Во-первых, в руководстве средств массовой информации в 1989—1991 гг. доминировали кадры, расставленные на свои посты в 1985—1988 гг. Во-вторых, идеологическую комиссию ЦК возглавил В. А. Медведев, входивший, как и Яковлев, в ближайшее окружение Горбачева, где не было (по крайней мере,

была) существенных разногласий по ключевым аспектам перестройки. Поэтому назначение Медведева было не столько жестом примирения, сколько развитием в идеологии линии Яковлева, что подтвердили события 1988—1990 гг.

Продолжалась сложившаяся ранее практика взаимодействия со средствами массовой информации. В ЦК по-прежнему собирались совещания журналистов. Вплоть до середины 1990 г. подбор руководителей газет и журналов, творческих организаций осуществлялся идеологическими органами партии. Сюда же они вызывались для «высшей инстанции» и уточнения позиций. На некоторых «узких совещаниях» им предоставлялась «эксклюзивная информация»⁹⁷.

На идеологический фон осени 1988 г. оказывали влияние и другие события. Постановлением ЦК КПСС от 20 октября было отменено постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. «О журналах «Звезда» и «Ленинград», а в редакционной статье «Коммуниста» были дезавуированы и другие партийные акты второй половины 1940-х годов по вопросам культуры искусства. Были предприняты исполнительные меры по возвращению из спецхранов ранее изъятых из широкого обращения книг и журналов. Активизировала свою работу Комиссия Политбюро по реабилитации жертв необоснованных репрессий. Ее итогом стало принятие мер по отмене решений внесудебных органов («двоек», «троек» и др.). Комиссии по реабилитации было разрешено создавать и при Советах различных уровней⁹⁸. Некоторые начинающие политики принимали участие в этой работе не вполне бескорыстно.

Еще одним важным шагом в сфере идеологии была отмена ограничений на подписку газет и журналов на 1989 г. К тому времени безлимитно печатались только издания КПСС. Ограничения же касались главным образом непартийных и неполитических изданий, пользовавшихся большим читательским спросом; в 1987—1988 гг. к ним прибавилась и общественно-политическая литература оппозиционного плана. И не случайно «неформальные» объединения активно участвовали в кампании за отмену ограничений на подписку. В результате впервые в 1989 г. граждане СССР могли свободно выбирать газеты и журналы по «своему вкусу». Это был крупный шаг в отходе от административных методов регулирования информационной сферы, который таил в себе, однако, и определенный риск.

К числу особенностей журналистской профессии можно отнести ориентацию на сенсацию, громкое событие, «горячие факты». В этом плане задачи журналиста не обязательно связаны со стремле-

нием к осторожному, взвешенному освещению и анализу событий. Стремление «привлечь внимание» становится намного сильнее желания «осмыслить явление». Поэтому для пишущих людей было гораздо привлекательнее писать о скандалах, закрашивать «белые пятна», чем искать и пропагандировать немногочисленные позитивные перемены, к чему постоянно, и не без обиды, призывал Горбачев.

Надвигающиеся рыночные условия существования прессы также влияли на позиции редакционных коллективов. Популярность того или иного издания можно было использовать для оплачиваемого продвижения нужных идей, лоббирования определенных групп интересов. В случае наличия ресурсов на этом направлении концентрировались наиболее способные журналистские кадры, что делало газету или журнал еще привлекательнее. При этом издание получало все большую автономию от своих учредителей. В качестве яркого примера можно привести журнал «Огонек», ставший одним из основных органов «оппозиционного», «демократического» направления, но до середины 1990 г. выходивший под грифом «журнал ЦК КПСС».

Советской интеллигенции в 1960-е — первой половине 1980-х годов, несмотря на известные ограничения, было присуще определенное свободо- и разномыслие. Расширение информированности, поощрение социально значимой самодеятельности, постепенное возвращение некогда изъятых имен и идей значительно стимулировали интеллектуальную активность в научной и творческой среде. И хотя партийное руководство старалось регулировать этот процесс, тем не менее определять рамки становилось все труднее в силу логики его развития и определенной автономности. В постановке волнующих ее проблем интеллигенция начинает чувствовать себя намного более свободной, выходить за формально установленные пределы. Все эти обстоятельства ярко проявились в ситуации вокруг *реабилитации А. И. Солженицына*.

В середине октября 1988 г. в Президиум Верховного Совета СССР поступило обращение руководителей Союза кинематографистов, где ставился вопрос об отмене дискриминационных мер в отношении Солженицына. Группа писателей также выдвинула требование о восстановлении его в союзе. Идею поддержали литераторы разных направлений. Одни при этом рассматривали Солженицына как знамя патриотического движения, другие выдвигали на первый план его антисоветизм. Так, в письме на имя Горбачева, поступившем от «Московской трибуны» и подписанным группой ученых, на первый план было выдвинуто требование опубликовать

Архипелаг ГУЛАГ». 12 декабря в Доме кино состоялось собрание по случаю 70-летия Солженицына, на котором звучало много добрых и вышесловных слов в адрес писателя, а также критических выпадов в сторону властей. При этом говорилось о неприятии Солженицыным Октябрьской революции, советской власти и социализма⁹⁹.

В партийном же и государственном аппарате предложения о реабилитации писателя вызвали активное неприятие. Не было единства и в Политбюро. Решение о пересмотре вопроса, касающегося лишения гражданства Солженицына, было принято в начале ноября 1988 г., но «зеленый свет» ему дали лишь в конце июня 1989 г. Однако Горбачев не захотел ссориться с интеллигенцией, хотя имел свое мнение о писателе. «Что же вы делаете, кого поднимаете на щит? Это же наш противник, который вел и ведет борьбу против нас!» — с такими словами Генеральный секретарь обращался к писателю А. М. Адамовичу¹⁰⁰. И тем не менее, практические шаги горбачевских идеологов были направлены на «плавное» возвращение Солженицына советскому читателю.

Руководитель идеологической комиссии ЦК В. А. Медведев провёл серию встреч с деятелями культуры и редакторами журналов, желая их воздержаться от публикации наиболее острых антисоветских произведений писателя, в частности «Архипелага ГУЛАГ», и опасаясь с того, что ранее печаталось в СССР. Эти призывы, однако, не получили поддержки в писательской среде, где уже требовали не только реабилитации Солженицына, но и публикации всех его произведений. Спустя десять лет Медведев не без грусти вспоминал, что хотя никаких запретов и указаний со стороны руководства не было и оно верило в свою способность влиять на события, ситуация вышла из-под контроля. С начала 1989 г. писателя начинают издавать. Мы считаем важным вывод Медведева о том, что «публикация солженицынских произведений, отмена репрессивных мер в отношении писателя стали символом той расширительной трактовки плюрализма, которая не ограничивает его ни социалистическими, ни даже общечеловеческими ценностями»¹⁰¹.

Значительным событием идеологической жизни конца 1988 — начала 1989 г. стала публикация большой статьи философа А. С. Ципко «Истоки сталинизма». В статье ставился вопрос о доктринальных причинах неудач в социалистическом строительстве, об ответственности партийной интеллигенции и рабочего класса за сталинизм. Ципко обосновывал мысль о необходимости подходить к наследию классиков марксизма с позиций историзма, призывал к отказу от тех их идей, которые уже давно себя не оправдали¹⁰²; он

указывал на то, что многие наши беды были связаны со слепым следованием «азбучным истинам марксизма»¹⁰³. Однако интересным, на наш взгляд, является не это. Хотя автор и пишет о «наших святынях» — Октябре, социализме, марксизме¹⁰⁴, фактически основным в работе является отрицание созидательного пафоса Октябрьской революции. На это, по его мнению, повлияли, во-первых, «дурная наследственность» — русский революционный радикализм, традиции духовного максимализма и мессианские настроения; во-вторых, стечение обстоятельств, где «решающая роль принадлежала уму того человека, который сумел предвидеть миг, когда, казалось бы, несоединимое все же соединилось»¹⁰⁵; в-третьих, неспособность пришедших к власти революционеров предугадать последствия своих решений¹⁰⁶. При этом Ленин как бы выводился за скобки рассуждений, но в фокусе внимания оказывались все значимые партийные фигуры из его окружения, и, что особенно важно, автор едва ли не впервые в перестроечной литературе не противопоставлял «хорошим» начинаниям Ленина «плохой» социализм Сталина, непосредственно связывая события 1930-х годов с «ленинскими» годами. В результате, по мнению автора, в России возник строй, весьма далекий от научных разработок Маркса, а идеология и практика левого радикализма, утвердившиеся после 1917 г., и в 1988 г. являются главным тормозом поступательного развития советского общества¹⁰⁷.

Несмотря на то что статья была опубликована в периферийном для обществоведов журнале «Наука и жизнь», она сразу же привлекла к себе внимание. Для заинтересованного читателя не осталось секретом и то, что ее автор, доктор философских наук Александр Сергеевич Ципко, являлся работником аппарата ЦК КПСС. В соответствии с нравами того времени подобная публикация не могла появиться без одобрения партийного начальства. Поэтому статья не без оснований была расценена как определенный сигнал, снятие табу с обсуждения ранее неприкосновенных тем советской истории.

* * *

Итак, период 1987–1988 гг. является в определенном смысле ключевым, во многом предопределившим последующее развитие событий. В это время была сформулирована собственно горбачевская стратегия преобразований и началось ее воплощение. Основные усилия были направлены на пробуждение общества, повышение активности всех заинтересованных в обновленческих процес-

сах. Гласность, демократизация привели к началу самоорганизации наиболее динамичной части населения. Стремительно был пройден путь от создания групп по интересам к формированию широких общественных движений, имевших политический характер и протестную направленность. «Неформальные» организации, а также телевидение, пресса постепенно выходили из-под опеки партийных инстанций, приобретали некоторую автономность. «Инерция мышления» (Е. М. Примаков), концентрация внимания главным образом на процессах в общественно-политической сфере привели к тому, что предпринятые шаги по экономическому реформированию носили половинчатый, некомплексный характер. Они не только не улучшили экономическое положение, но и усложнили ситуацию в социальной сфере, что объективно способствовало появлению большого числа людей, неудовлетворенных проводимым курсом. К концу 1988 г. были обозначены конституционные рамки реформы политической системы страны. На характер будущей политической борьбы в условиях нарастающего идеологического плюрализма не могло не повлиять расширение круга недовольных реформами. В то же время в идеологии наметился переход от критики деформаций социализма к осуждению социалистической доктрины вообще. Это идеологически подрывало легитимность существующей в стране общественно-политической системы, что сказалось и на отношении к ее политическим институтам и связанным с ними лидерам.

Примечания

¹ Медведев В. А. В команде Горбачева. М., 1994. С. 42.

² Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 4. С. 300.

³ Там же. С. 301.

⁴ Там же. С. 304.

⁵ Там же. С. 308.

⁶ На эту тему в 1987 г. в ИМЭЛ прошла конференция, по итогам которой была издана кн.: Механизм торможения. М., 1988.

⁷ Там же. С. 323.

⁸ Там же. С. 326, 359.

⁹ См.: Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 310–311.

¹⁰ Яковлев А. Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 215.

¹¹ Коротич В. А. От первого лица. М., 2000. С. 330.

¹² Осенью 1987 г. М. С. Горбачев признавался: «Начиная перестройку, ЦК КПСС опирался на две могучие реальные силы — партийные комите-

ты и средства массовой информации» (см.: *Горбачев М. С.* Перестройка и новое мышление. М., 1988. С. 73).

¹³ *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 4. С. 372.

¹⁴ Там же. С. 373.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Т. 5. С. 217.

¹⁷ Там же. С. 218.

¹⁸ Там же. Т. 4. С. 113.

¹⁹ Там же. С. 303.

²⁰ *Яковлев А. Н.* Омут памяти. М., 2000. С. 488.

²¹ *Ракитский Б. В., Ракитская Г. Я.* Стратегия и тактика перестройки. М., 1990. С. 84–85.

²² Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999). Т. 1. Хроника и аналитика. 3-е изд. М., 2000. С. 44. (Далее — Хроника...).

²³ Неформальная Россия. М., 1990. С. 49.

²⁴ Хроника... С. 49.

²⁵ Россия: партии, ассоциации, союзы и клубы. М., 1991. Т. 1. С. 10.

²⁶ Неформальная Россия. С. 48.

²⁷ Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Т. 1. С. 175.

²⁸ Хроника... С. 46.

²⁹ Неформальная Россия. С. 263.

³⁰ Там же. С. 342.

³¹ *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. М., 1988. Т. 5. С. 386–436.

³² *Яковлев А. Н.* Муки прочтения бытия. М., 1991. С. 93.

³³ Россия сегодня. Политический портрет в документах. М., 1991. С. 409.

³⁴ Там же. С. 411.

³⁵ Там же. С. 414.

³⁶ Хроника... С. 50.

³⁷ Интервью создателям фильма о Б. Ельцине, показанного 31 декабря 1999 г. по НТВ.

³⁸ *Андрянов В. И., Черняк А. В.* Одинокий царь в Кремле. Борис Ельцин и его команды. Кн. 1. С. 85.

³⁹ Неформальная Россия. С. 263.

⁴⁰ Хроника... С. 50.

⁴¹ Россия сегодня. С. 270.

⁴² Хроника... С. 50.

⁴³ Там же. С. 120; *Сахаров А. Д.* Неизбежность перестройки//Иного не дано. М., 1988.

⁴⁴ *Чешко С. В.* Распад Советского Союза. М., 1996. С. 199.

⁴⁵ Россия: партии, ассоциации, союзы и клубы. Т. 1. С. 61.

⁴⁶ Власть и оппозиция. М., 1995. С. 291.

⁴⁷ *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. М., 1989. Т. 6. С. 72.

⁴⁸ Там же. С. 62, 64, 73.

⁴⁹ Советская Россия. 1988. 13 марта.

⁵⁰ *Шейнис В. Л.* Перестройка на новом этапе: опасности и проблемы//Постижение. М., 1989. С. 360.

- ¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 387.
- ² Власть и оппозиция. С. 290–294.
- ³ Хроника... С. 57.
- ⁴ Неформальная Россия. С. 288.
- ⁵ Хроника... С. 57, 60.
- ⁶ Яковлев Е. В. Четыре дня. Как это было//Обратного хода нет. М., 1990. С. 22; Шейнис В. Л. Указ. соч. С. 363; Ракитский Б. В., Ракитская Г. Я. Там же. С. 93.
- ⁷ Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 6. С. 353.
- ⁸ Там же. С. 363.
- ⁹ Более подробно об этом: Терещенко Ю. Я. К вопросу о конституционной реформе в СССР в период перестройки//Российское государство и общество. М., 1999.
- ¹⁰ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня — 1 июля 1988 года. Стеногр. отчет: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 24.
- ¹¹ Там же. Т. 2. С. 23.
- ¹² Там же. С. 55.
- ¹³ Ельцин Б. Н. Исповедь на заданную тему. М., 1990. С. 78.
- ¹⁴ Попов Г. Х. Снова в оппозиции. М., 1994. С. 45.
- ¹⁵ Шейнис В. Л. Указ. соч. С. 362.
- ¹⁶ Павлов В. С. Упущен ли шанс? Финансовый ключ к рынку. М., 1995.
- ¹⁷ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 346.
- ¹⁸ Рыжков Н. И. Перестройка: история предательства. М., 1992. С. 165–166.
- ¹⁹ См. об этом: Мау В. А. Политическая история экономической реформы 1985–1994 гг. М., 1994.
- ²⁰ См. об этом подробнее: Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 200; Политическая история: Россия — СССР — Российская империя. М., 1996. Т. 2. С. 625.
- ²¹ В 1997 г. Е. Ф. Сабуров писал: «Наиболее тяжелой из ошибок был отказ от государственного предприятия, который ликвидировал основу государственного способа капитализации прибыли до создания какого-либо альтернативного, вызвал рост личных доходов и создал предпосылки возникновения инвестиционного голода. Когда сегодня мы ищем истоки инфляционного взрыва, то прежде всего должны обратиться к Закону о государственном предприятии и его сокрушительным последствиям для экономики страны. Именно благодаря этому Закону страна в значительной мере лишилась резервов структурно-технологической перестройки» (Сабуров Е. Ф. Реформы в России: первый этап. М., 1997. С. 40).
- ²² Основные акты перечислены в: Хроника...
- ²³ Курашвили Б. П. Куда идет Россия? М., 1994. С. 147; Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. С. 225–227; Исправников В. О., Куликов В. В. Новая экономика в России: иной путь и третья сила. М., 1997. С. 44, 53–55.
- ²⁴ Хроника... С. 67.

- ⁷⁵ Там же. С. 88, 148, 150, 156; *Рыжков Н. И.* Указ. соч. С. 247–248; *Павлов В. С.* Указ. соч. С. 282–283; *Головков А. Л.* Подвиги банкира//Фигуры и лица. Приложение к «Независимой газете». 1998. № 15 (16). Сентябрь. С. 9.
- ⁷⁶ *Павлов В. С.* Указ. соч. С. 36–38.
- ⁷⁷ Там же. С. 79, 85.
- ⁷⁸ *Павлов В. С.* Указ. соч. С. 70–81; Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация. Т. 2. С. 625.
- ⁷⁹ *Сабуров Е. Ф.* Указ. соч. С. 37–44.
- ⁸⁰ Напр.: *Заславская Т. И.* О стратегии социального управления перестройкой//Иного не дано. М., 1988.
- ⁸¹ *Павлов В. С.* Указ. соч. С. 72, 91.
- ⁸² *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 6. С. 542; *он же:* Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 404–407.
- ⁸³ *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. Т. 6. С. 569–571.
- ⁸⁴ *Яковлев А. Н.* Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992. С. 130.
- ⁸⁵ Напр.: *Ракитский Б. В., Ракитская Г. Я.* Указ. соч. С. 93.
- ⁸⁶ Неформальная Россия. С. 111.
- ⁸⁷ Там же. С. 35–37.
- ⁸⁸ Хроника... С. 62.
- ⁸⁹ См.: Россия: партии, ассоциации, союзы и клубы. Т. 1. С. 191–193.
- ⁹⁰ Неформалы: кто они? Куда зовут? С. 31.
- ⁹¹ Московские новости. 1988. 8 сентября.
- ⁹² *Чешко С. В.* Распад Советского Союза: Этнополитический анализ 2-е изд. М., 2000. С. 228.
- ⁹³ *Ракитский Б. В., Ракитская Г. Я.* Указ. соч. С. 89–90.
- ⁹⁴ *Черняев А. С.* 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 12.
- ⁹⁵ *Крючков В. А.* Личное дело. М., 1996. Ч. 1. С. 288.
- ⁹⁶ *Медведев В. А.* Прозрение, миф или предательство? М., 1998. С. 123.
- ⁹⁷ Там же. С. 181–233.
- ⁹⁸ Там же. С. 122.
- ⁹⁹ Там же. С. 267–274.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 268–269.
- ¹⁰¹ Там же. С. 275.
- ¹⁰² Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 52–53.
- ¹⁰³ Там же. С. 50.
- ¹⁰⁴ Там же. 1989. № 2. С. 61.
- ¹⁰⁵ Там же. № 1. С. 56.
- ¹⁰⁶ Там же. 1988. № 12. С. 40; 1989. № 2. С. 53.
- ¹⁰⁷ Там же. 1989. № 2. С. 58–61.

Лекция 5

НАЧАЛО РЕФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СССР. 1989 — НАЧАЛО 1990

События 1985—1988 гг. «развязали» ряд очень важных социально-экономических, социально-политических и идеологических процессов, которые в 1989—1990 гг. зажили своей жизнью, все более выходя за пределы контроля инициаторов преобразований и дестабилизируя государственную жизнь и управление единой страной.

Многие авторы, изучающие историю перестройки, считают переломным для ее истории не 1991, и не 1990, а 1989 г., и, на наш взгляд, имеют для этого весьма серьезные основания. Во-первых, в это время складываются объективные предпосылки широкой анорбачевской и антикоммунистической оппозиционности. В 1989 г. объективные тенденции в развитии экономики приобретают необратимый характер. Ухудшение экономического положения, повлекшее обострение социальных проблем, привело к сужению первоначально значительной политической поддержки реформаторов. Одновременно в этот период быстро увеличивалось число новых субъектов хозяйствования, представлявших «альтернативную», негосударственную экономику. Эта социально динамичная часть населения концентрировала в своих руках все большие материальные и организационные ресурсы и была заинтересована в дальнейшей радикализации реформ, а также в политической защите своих интересов. В-вторых, в 1989 г. взрывается «национальная бомба». В большинстве республик Союза политическая жизнь все более окрашивается в националистические краски, что приводит к обострению существующих и возникновению новых противоречий и конфликтов. Происходит дальнейшая эскалация вооруженных столкновений (Закавказье, Средняя Азия), отработывается прибалтийская модель сепаратизма, на политической сцене впервые как самостоятельный появляется российский фактор. В-третьих, быстро эволюционирует идейно-политическая ситуация. Продолжавшееся углубление критики советского периода отечественной истории подводило к отрицанию коммунизма как общественной системы. В то же время все большее обоснование получала либерально-демократическая альтернатива

развития. В-четвертых, во второй половине 1989 г. происходит организационное оформление **политической оппозиции**, опирающейся на значительные теневые материальные ресурсы и организационную помощь Запада. Радикальная часть оппозиции изначально была нацелена на овладение властью, борьба за которую имела свою жесткую логику, дестабилизируя существующую систему управления и жизнь страны в целом.

В 1989 г. в народном хозяйстве страны произошел перелом в сторону ухудшения, обозначилась тенденция к падению валового общественного продукта и национального дохода. С января 1989 г. темпы развития народного хозяйства стали заметно снижаться, усилился развал потребительского рынка, вводились ограничения на вывоз товаров из регионов, а также талонная система. Стали явной угрозой разрушения денежного обращения. Снижение темпов производства, неизбежное в условиях структурной перестройки, усугублялось ошибками в проведении реформ, накопившимися за предшествующие годы, политической нестабильностью, нарушением хозяйственных связей между регионами и предприятиями. Значительные средства уходило на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии, а также землетрясения в Армении.

Темпы роста производства средств производства в процентах к предыдущему году в 1988 г. составили 3,4%, в 1989 г. — 0,6, в 1990 г. — падение 3,2%. Темпы роста производства товаров народного потребления в 1988 г. — 5,4%, в 1989 г. — 4,9, в 1990 г. — 4,4%. Темпы роста денежных доходов населения были более высокими: в 1989 г. в сравнении с предшествующим годом — 13,1%, в 1990 г. — 16,9%. Рост товарооборота отставал от роста денежных доходов: в 1989 г. он увеличился на 8,4%, а в 1990 г. — на 10,3%¹. По сути, происходила инфляционная «накачка» экономики. Государственные денежные вливания часто использовались предприятиями не на модернизацию производства, а на повышение зарплаты. Сказались отсутствие действенного экономического и административного контроля со стороны государства, а также стереотипы поведения «нехозяйина», дефицит рационального экономического поведения. И хотя в это время начинается активное привлечение иностранных кредитов, используемых, в том числе, и для закупки товаров народного потребления, тем не менее к началу 1990 г. неудовлетворенный спрос достиг колоссальной суммы в 95 млрд руб., порождая всяческие дефициты и спекуляцию².

Такая ситуация оказывала негативное воздействие на настроения населения. «Народ верил, что с перестройкой улучшится снаб-

ешие населения товарами и продуктами. А что получило
ствительности? Возросли розничные цены на все и вся, ор
иона спекулятивная перепродажа государственных товар
перативах, введены так называемые договорные цены,
по карману только ворами и грабителям, дефицитом ста
убная щетка, с прилавков магазинов исчезли импортные
Получается, что достоинства перестройки — в бурном рос
дефицита, в сплошных очередях и давках. Но народ нельзя
мить демократией и гласностью», — писалось в одном из
полученных ЦК КПСС в 1989 г. Подобные настроения ста
обными и звучали в различных частях страны³. При этом не
ство населения реформами стало приобретать и открытые

29 марта 1989 г. состоялась *первая крупная забастовка шах*
работников Норильского горнообогатительного комбината. А
и Кузбассе началась самая мощная в СССР забастовка шах
окигившая почти всю угольную отрасль. Забастовал Между
и за ним — другие шахты Кузбасса, затем — Донбасс, Ка
Печорский угольный бассейн. На основе стачечных комите
мировались постоянные структуры, которые часто подменя
местную власть. Почти во всех вовлеченных в забастовку
стали создаваться политические объединения⁴.

В 1989 г. забастовки прошли также в Москве, Ленинграде,
ноярске, Верхнетурьинске, Нижнем Тагиле, Бельцах, Ново
пецке, Одессе, Томске, Баку, Алма-Ате, Ярославле и др
родах. Первоначально выдвигались преимущественно экон
лие требования: повышение зарплаты, улучшение условий
наведение порядка в системе снабжения и торговли⁵. В пер
ловине 1990 г. масштабы стачечного движения увеличились
бывались новые отрасли; экономические лозунги бастующих
чаще дополнялись *политическими*⁶.

К 1988—1990 гг. относится возникновение *новых субъек*
твствования, заинтересованных в радикализации реформ
ных, экономические новации тех лет создали достаточно
приятные условия для функционирования и расширения
деятельности *теневого капитала*, возникшего еще в застой
По скромным экспертным оценкам, его масштабы оцени
150 млрд рублей, что составляло чуть менее четверти год
ционального дохода страны⁷. Во-вторых, проводившаяся
ством кооперативная политика (при всей ее непоследова
ти и непродуманности) привела к появлению пусть нем
ленного, но весьма социально активного слоя, заинтересо

в значительной либерализации экономических отношений, что было невозможно без политического представительства этой группы. И наконец, в-третьих, если не прямая приватизация, то фактическое разгосударствление экономики, переход к прямому распоряжению государственными ресурсами и использованию их в своих интересах значительными группами номенклатуры также датируются 1988 г.

В 1987 г. берет свое начало *«комсомольская» экономика*. Тогда при ЦК ВЛКСМ под кураторством ЦК КПСС создается Координационный Совет Центров научно-технического творчества молодежи (ЦНТТМ) и сеть ЦНТТМ при каждом райкоме в Москве. Это были первые коммерческие структуры. Их главная привилегия состояла в праве переводить безналичные деньги в наличные. За посреднические операции ЦНТТМ получали от 18 до 30% прибыли, из которых 5% перечисляли в ЦК КПСС. Эти Центры стали впоследствии зародышами крупнейших коммерческих предприятий.

Другой формой аккумуляции финансов стало создание *совместных предприятий*. Несоответствие официального и реального курсов рубля к доллару давало значительные прибыли при любых внешнеторговых операциях. Ранее эта сфера была монопольно-государственной. Теперь, при базовых государственных ресурсах, допускалась значительная свобода в осуществлении экспортно-импортных операций. Для управления этим процессом была создана Ассоциация совместных предприятий, глава которой, Л. И. Вайнберг, являлся членом Консультационного совета при Горбачеве.

Обозначился процесс превращения некоторых министерств в концерны. Концерн приобретал юридический статус *акционерного общества*. Держателями акций, наряду с государственными предприятиями, становились и физические лица, имевшие, разумеется, непосредственное отношение к руководству отраслью. Таким образом произошло преобразование Министерства газовой промышленности в концерн «Газпром».

Одновременно идет процесс фактической *приватизации банковской системы*. Упраздняется сеть Промстройбанков и Жилсоцбанков с их филиалами по всей стране. Каждая часть этой системы преобразуется в коммерческий банк. Так, бывший московский Жилсоцбанк становится Мосбизнесбанком; Промстройбанк даже не изменил название, но получил приставку «коммерческий». Некоторые руководители финансовой сферы создавали банки «под себя». Директора коммерческих банков, формально независимых, также, как правило, были связаны с традиционными финансовы-

ми структурами. И хотя контрольные пакеты новых банков не принадлежали частным лицам, тем не менее они получили возможность реально управлять финансовыми потоками (в условиях их дефицита), работать на получение прибыли и участвовать в ее перераспределении.

В 1988–1991 гг. начинается *приватизация советской распределительной системы*. На базе различных подразделений Госснаба складываются такие структуры, как Российская товарно-сырьевая биржа, Московская товарная биржа, Московская фондовая биржа и др. Коммерческие структуры создавались и руководством министерств торговли и внешней торговли. Одновременно разворачивается *приватизация крупных рентабельных производств*, которые становятся акционерными обществами. В качестве ярких примеров такого рода можно привести концерн «Бутэк», МНТК «Микрохирургия глаза», автозаводы КАМАЗ и ВАЗ⁸. Правда, правовая основа такой приватизации еще не была определена, но до нее оставалось сделать лишь один шаг. Видимо, Е. Т. Гайдар не преувеличивает, когда пишет о том, что основы большинства крупных состояний и коммерческих фирм были заложены в 1988–1991 гг.⁹

Все перечисленные и другие пути формирования «альтернативной» экономики широко практиковались в те годы. Следует специально отметить, что этот процесс, по всей вероятности, невольно, но стимулировался официальными властями, поскольку ни одна из перечисленных проблем не могла быть решена без системы сильных номенклатурных связей, притом на самом высоком уровне¹⁰. В политическом плане это означало, что в среде партийной, советской, хозяйственной номенклатуры также происходило течение, заинтересованное в легитимации своего нового положения и, следовательно, в радикализации реформ.

Итак, в 1988–1991 гг. увеличивалось число недовольных проводившимся социально-экономическим курсом. Уровень жизни многих социальных групп понизился даже в сравнении с «застойным» временем. Они стали чувствовать себя менее социально защищенными. В этой среде зрела уверенность, что отступления от социализма (даже в прежнем его виде) несут мало хорошего. Руководство начали подозревать в некомпетентности, в худшем случае — в том, что оно ведет страну «не туда», что идет просто «сдача» социализма, разграбление ранее созданных богатств. Эти подозрения усиливались нарастанием *социальных контрастов*, когда не связанные с государственным сектором экономики люди не стеснялись демонстрировать значительно возросшие материальные воз-

развития. В-четвертых, во второй половине 1989 г. происходит организационное оформление **политической оппозиции**, опирающейся на значительные теневые материальные ресурсы и организационную помощь Запада. Радикальная часть оппозиции изначально была нацелена на овладение властью, борьба за которую имела свою жесткую логику, дестабилизируя существующую систему управления и жизнь страны в целом.

В 1989 г. в народном хозяйстве страны произошел перелом в сторону ухудшения, обозначилась тенденция к падению валового общественного продукта и национального дохода. С января 1989 г. темпы развития народного хозяйства стали заметно снижаться, усилился развал потребительского рынка, вводились ограничения на вывоз товаров из регионов, а также талонная система. Стала явной угроза разрушения денежного обращения. Снижение темпов производства, неизбежное в условиях структурной перестройки, усугублялось ошибками в проведении реформ, накопившимися за предшествующие годы, политической нестабильностью, нарушением хозяйственных связей между регионами и предприятиями. Значительные средства уходили на ликвидацию последствий Чернобыльской аварии, а также землетрясения в Армении.

Темпы роста производства средств производства в процентах к предыдущему году в 1988 г. составили 3,4%, в 1989 г. — 0,6, в 1990 г. — падение 3,2%. Темпы роста производства товаров народного потребления в 1988 г. — 5,4%, в 1989 г. — 4,9, в 1990 г. — 4,4%. Темпы роста денежных доходов населения были более высокими: в 1989 г. в сравнении с предшествующим годом — 13,1%, в 1990 г. — 16,9%. Рост товарооборота отставал от роста денежных доходов: в 1989 г. он увеличился на 8,4%, а в 1990 г. — на 10,3%¹. По сути, происходила инфляционная «накачка» экономики. Государственные денежные вливания часто использовались предприятиями не на модернизацию производства, а на повышение зарплаты. Сказались отсутствие действенного экономического и административного контроля со стороны государства, а также стереотипы поведения «нехозяина», дефицит рационального экономического поведения. И хотя в это время начинается активное привлечение иностранных кредитов, используемых, в том числе, и для закупки товаров народного потребления, тем не менее к началу 1990 г. неудовлетворенный спрос достиг колоссальной суммы в 95 млрд руб., порождающая всяческие дефициты и спекуляцию².

Такая ситуация оказывала негативное воздействие на настроения населения. «Народ верил, что с перестройкой улучшится снаб-

шение населения товарами и продуктами. А что получилось в действительности? Возросли розничные цены на все и вся, организована спекулятивная перепродажа государственных товаров в кооперативах, введены так называемые договорные цены, которые по карману только ворам и грабителям, дефицитом стала даже зубная щетка, с прилавков магазинов исчезли импортные товары. Получается, что достоинства перестройки — в бурном росте цен, дефицита, в сплошных очередях и давках. Но народ нельзя накормить демократией и гласностью», — писалось в одном из писем, полученных ЦК КПСС в 1989 г. Подобные настроения стали массовыми и звучали в различных частях страны³. При этом недовольство населения реформами стало приобретать и открытые формы.

29 марта 1989 г. состоялась *первая крупная забастовка шахтеров* — работников Норильского горнообогатительного комбината. А 10 июля в Кузбассе началась самая мощная в СССР забастовка шахтеров, охватившая почти всю угольную отрасль. Забастовал Междуреченск, а за ним — другие шахты Кузбасса, затем — Донбасс, Караганда, Печорский угольный бассейн. На основе стачечных комитетов формировались постоянные структуры, которые часто подменяли собой местную власть. Почти во всех вовлеченных в забастовку регионах стали создаваться политические объединения⁴.

В 1989 г. забастовки прошли также в Москве, Ленинграде, Красноярске, Верхнетурьинске, Нижнем Тагиле, Бельцах, Новокузнецке, Одессе, Томске, Баку, Алма-Ате, Ярославле и других городах. Первоначально выдвигались преимущественно *экономические требования*: повышение зарплаты, улучшение условий труда, наведение порядка в системе снабжения и торговли⁵. В первой половине 1990 г. масштабы стачечного движения увеличились, прибавились новые отрасли; экономические лозунги бастующих все чаще дополнялись *политическими*⁶.

К 1988—1990 гг. относится возникновение *новых субъектов хозяйствования*, заинтересованных в радикализации реформ. Во-первых, экономические новации тех лет создали достаточно благоприятные условия для функционирования и расширения сферы деятельности *теневого капитала*, возникшего еще в застойные годы. По скромным экспертным оценкам, его масштабы оценивались в 150 млрд рублей, что составляло чуть менее четверти годового национального дохода страны⁷. Во-вторых, проводившаяся государством кооперативная политика (при всей ее непоследовательности и непродуманности) привела к появлению пусть немногочисленного, но весьма социально активного слоя, заинтересованного

возможности при неочевидно высокой интенсивности труда. Нараставшее недовольство направлялось на Горбачева и его команду, с которой связывали апрельский курс.

В то же время в расширяющейся сфере «альтернативной» экономики концентрировалось социально активное население. Значительная его часть была связана с государственно-хозяйственным аппаратом, обладала навыками управления и организации. Группы располагала солидными финансовыми ресурсами. Все это вело к тому, что ее влияние было намного выше, чем численность. Эта группа не противостояла Горбачеву, но стремилась к расширению своих возможностей, легализации статуса, прямому политическому представительству. Это объективно подталкивало ее к радикализации реформ и ориентации на политиков «правее» Горбачева.

К отступлению от социалистических принципов была готова и основная своей массе и интеллигенция. Здесь объективной основой недовольства была очевидная заниженность социального статуса: инженер-технолог или конструктор получал меньше, чем рабочий среднего разряда, мастер зарабатывал намного меньше бригадира, работой которого руководил. Недовольны были и представители интеллигенции, чей труд был связан с непроизводительной сферой и финансировался по «остаточному» принципу: учителя, врачи, работники культпросветорганизаций, лица, занятые в науке. Существовавшие для интеллигенции ограничения по приему в партию резко сужали возможности карьеры, допуска в органы управления, загранпоездки¹¹. Все эти группы охотно отказывались от перечисленных «преимуществ» «развитого социализма». Они были той средой, где утверждались представления о том, что существовавшую систему нужно и можно преобразовать в «нормальную», «демократическую», «как на Западе». Их убеждения поддерживала другая группа интеллигенции, связанная преимущественно с научной и творческой элитой, представители которой являлись идейными противниками социализма и советской власти и сторонниками утверждения в СССР экономических и политических институтов по образцу западных стран¹². В основном именно эта группа занималась «интеллектуальным обеспечением» движения, называвшего себя демократическим, формировала в массовом сознании образ нового общественного идеала¹³. Заметную активность демонстрировали потомки тех, кто в разные годы пострадал от репрессий.

Все указанные и некоторые другие, как мы видим, достаточно разнородные группы составили основу того мощного **протестного движения**, которое в целом оформилось в 1989 г. На повестке дня

поставил вопрос о его политическом структурировании, определении стратегии и тактики достижения определенных целей.

Как мы уже отмечали, в 1989 г. на одно из главных мест в политической жизни СССР выдвигается **национальный вопрос**. Его необычно громкое для страны звучание было следствием накопившихся в предшествующие годы проблем, которые в период перестройки было разрешено обсуждать открыто. Но главная причина была, видимо, связана с тем, что союзно-республиканские элиты по достоинству оценили мобилизующее значение этнонационализма как мощного оружия в борьбе против Центра за контроль над республиканскими ресурсами в ходе провозглашенной экономической реформы. Это лежало и в основе внутренней консолидации — разной по темпам и формам в различных республиках — национальных элит и в их стремлении к политическому — опять же в разных формах — обособлению от общесоюзного руководства. Не случайно практически во всех регионах СССР национализм пользовался по сути общими идеологемами.

Первой фазой актуализации национализма, как справедливо отмечает С. В. Чешко, была фаза «альтернативной лояльности»¹⁴, когда национализм «легализовался» в виде «движений за перестройку», но в «национальных формах». На этом этапе республиканские национальные объединения провозглашали себя сторонниками задуманных Центром преобразований, стремясь к их последовательной реализации на своих территориях. Однако постепенно республиканские проблемы стали приобретать этническую окраску и использоваться для нагнетания «национального вопроса». Активно использовалось *экологическое движение*. Естественная реакция на вредные последствия развития индустрии для природной среды и здоровья приобретала за пределами РСФСР форму заботы о сохранении этнической среды, а пренебрежение экологической безопасностью союзными ведомствами расценивалось как, в лучшем случае, безразличие к судьбе нерусских народов.

Аналогичным образом трансформировались *идеи национального возрождения*. Первоначально обращение к своей истории и культуре, заинтересованность в распространении языка и традиций были во многом естественными и не имели явной политической окраски. Затем вдруг обнаружилось, что все нерусские народы оказались в состоянии глубокого культурного упадка, деэтнизации и даже на грани исчезновения. Причины этого связывались со «зловредной политикой Москвы». Опровергающие подобные суждения аргументы отменялись с порога.

Важное место лидеры национальных движений отводили идее *республиканского хозрасчета и экономической самостоятельности*. Аналитики уже тогда обращали внимание на ее экономическую сомнительность и очевидную политическую подоплеку. Народное хозяйство СССР развивалось как единый комплекс, для которого внутри страны не было границ. В этих условиях идея «независимой» республиканской экономики выглядела, мягко говоря, неубедительной. Тем не менее в сознание местного населения внедрялась мысль о неэквивалентном (естественно, в пользу Центра) обмене и возможности быстрого улучшения социально-экономической ситуации при условии автономного ведения хозяйства.

Много внимания уделялось обоснованию идеологии об *аннексии* Советским Союзом, а до него Россией, тех государств и территорий, историческими наследниками которых провозглашали себя претендующие на независимость союзные республики. Согласно этой логике, СССР и русские были и остаются оккупантами, пребывание республик в Союзе — незаконно, а восстановление исторической справедливости требует воссоздания государственной независимости. Одна из главных исторических идеологем состояла в переносе пороков и преступлений сталинизма на русский народ. Его виновность распространялась и на послесталинский период: русские «мигранты», «наводнившие» Прибалтику, Казахстан, Молдавию, в силу своей численности угрожали существованию «коренных наций»¹⁵. Вообще исторические знания играли исключительную роль в обосновании политических претензий. В 1989—1990 гг. в целом ряде республик были приняты специальные постановления ЦК (например, на Украине)¹⁶, разработаны программы по истории (в Грузии, Молдавии)¹⁷, ориентированные ученых и преподавателей на усиление «национализации» местной истории, освещение ее «сложных» поворотов. Историки С. В. Константинов и А. И. Ушаков, специально изучавшие этот вопрос, констатировали, что «к моменту роспуска СССР исторический образ России — страны-агрессора всех времен и при всех вождах в республиках Советского Союза был демонизирован до немислимых размеров»¹⁸.

Весной—летом 1989 г., когда явственно наметился переход от «альтернативной лояльности» к открытой оппозиции Москве, перечисленные положения легли в основу политических дискуссий с союзными властями. С осени же 1989 г. обозначился переход республиканских коммунистических элит на националистические позиции¹⁹. Складывалась ситуация, которую применительно к Закавказью

Э. А. Шеварднадзе охарактеризовал так: «Мы уже не можем различить между секретарем ЦК республики и отъявленным националистом»²⁰.

Одновременно националистическими элитами был озвучен ряд идей, которые должны были быть положены в основу внутривнутриреспубликанского обустройства. Взятые вместе, они составили то, что исследователи назвали «концепцией приоритета коренной нации»²¹. Концепция включала (и включает) ряд пунктов. Первый: в мировой истории первичны нации, национальная культура, а классы, этнические социальные общности — вторичны. Основным субъектом социального действия выступает не класс, а нация. А поскольку раньше эта ситуация представлялась в перевернутом виде, то главное сейчас — национальное возрождение. Согласно второму пункту, «на территории национальной республики живет лишь одна нация — та именно, которая дала название данной республике». При этом «на исконной земле одной нации не может быть равноправия между всеми нациями». Третий пункт гласит, что только обеспечение приоритетного развития коренной нации дает надежду на будущее всем нациям. Смысл четвертой базовой идеи состоит в том, что представители некоренной национальности, проживающие на одной территории с коренной, в принципе не могут рассчитывать на равный с ней статус. Пятая позиция провозглашает, что только коренная нация имеет естественное право на самоопределение, сохранение и развитие своей культуры и самобытности. Откровенно расистский душок имела пропаганда вредности межэтнических браков для развития национальной культуры²². Шестой пункт предполагал определение временного отрезка, в рамках которого «некоренные» должны были адаптироваться к новым условиям и интегрироваться в «приоритетную» национальную среду. Часто говорили о трех—пяти годах — по аналогии с цензом, «который введен для получения гражданства во многих иммиграционных государствах». Согласно седьмой позиции, непризнание приоритета коренной нации может вызвать непреодолимый раскол между ней и представителями других национальностей, которым, в принципе, было бы разумнее вернуться туда, где жили их предки, и «там делать политику и перестройку».

Наиболее последовательно идеи «национального возрождения» были сформулированы и «отработаны» в Литве, Латвии и Эстонии. Изучение «прибалтийской модели» отношений с Центром в 1988—1990 гг. имеет исключительно важное значение, поскольку преимущественно отсюда внедрялось убеждение о необходимости

предварительного разъединения политического и экономического пространства СССР как обязательного условия преодоления «наследия тоталитаризма и сталинизма» и успешного проведения задуманных «демократических» реформ. И, что не менее важно, прибалтийский опыт 1988–1990 гг. был использован как инструмент внутриэлитной борьбы на территории России, что имело негативные последствия для страны и населявших ее народов²³.

Есть все основания для утверждения о том, что в основе действий национальных движений в Прибалтике изначально лежала идея обретения независимости от СССР. Планы ее восстановления появились на Западе еще в 1960-е годы и затем воспроизводились в республиканской прессе перестроечного времени²⁴. Эти планы удивительно совпали с реальным развитием событий, что говорило либо о прозорливости авторов, либо о давней укорененности содержащихся в них идей²⁵. Так или иначе, конституировавшиеся осенью 1988 г. народные фронты опирались на массовые сепаратистские настроения «титульного» населения, которые находили отражение на форумах и в программных документах этих организаций. Что касается политической деятельности, то помимо упрочения позиций в местных органах власти она была направлена на решение двух проблем: добиться признания незаконности предвоенной оккупации для легитимации претензий на независимость, а также максимально возможного — в зависимости от политической ситуации — обособления республик в рамках Союза ССР. Определенная синхронность акций, широкая пропаганда идей за пределами региона свидетельствовали о целенаправленности и скоординированности усилий прибалтийских «независимцев».

Первый этап движения «от Союза» можно отнести к середине — второй половине 1988 г. 30 мая Ассамблея национальных сил Эстонии, а затем — Латвии и Литвы потребовала внести ясность в события 1939 и 1940 гг., связанные с присоединением к СССР. Эти требования неоднократно поддерживались массовыми демонстрациями и митингами. Тогда же в политический обиход вводится термин «*республиканский суверенитет*», который трактуется достаточно широко. В резолюции учредительного съезда «Саюдиса» (22–23 октября 1988 г.) было записано, что «суверенитет Литовской ССР должен охватывать управление всеми отраслями хозяйства, включая экономику, политику, формирование бюджета, финансовую, кредитную, торговую, налоговую и таможенную политику»²⁶. В 1988 г. усилиями прежде всего эстонских ученых была разработана концепция «республиканского хозрасчета», которая

...полюсилось как прогрессивная модель реформирования экономических отношений, чудодейственное средство обеспечения процветания. Ее содержание сводилось к переподчинению союзных предприятий республиканским властям, резкому сокращению отчислений в союзный бюджет, обретению права самостоятельно вести внешнеэкономические операции. Были варианты, предусматривавшие введение таможенных границ с другими республиками и соборных денег. Концепция вышла за пределы прибалтийского региона и преподносилась как новейшее достижение экономической мысли. К ее пропаганде подключились и московские ученые.

Осенью—зимой 1988 г. были приняты и некоторые важные законодательные акты, отразившие движение в том же направлении. В сентябре в Латвии, в ноябре в Эстонии, а в декабре в Литве местные языкам был придан статус государственных. В ноябре сессия Эстонии приняла Декларацию о суверенитете и дополнения к Конституции, позволявшие в «определенных случаях» приостановить или устанавливать пределы применения союзных законов. Несколько позднее — в мае и июле 1989 г. — Декларацию и Закон о государственном суверенитете приняли соответственно Литва и Эстония.

Начало реформы политической системы СССР было использовано для вынесения прибалтийских проблем на общесоюзную арену. Депутаты открыто убеждали Председателя Совета Союза Р. Е. М. Примакова в том, что в случае предоставления независимости Литве, Латвии и Эстонии они с пониманием отнесутся к острым проблемам Советского Союза и будут готовы сохранить объекты ВМФ, аэродромы, станции раннего предупреждения, учреждения ПВО на своих территориях²⁷. Новый Верховный Совет СССР предоставил Латвии, Литве и Эстонии более широкие права управления экономикой²⁸. Депутатам от этих республик при поддержке радикалов из других регионов удалось добиться создания партийской Комиссии по расследованию обстоятельств 1939–1940 гг. Комиссия, работавшая под руководством А. Н. Яковлева, заняла «нужную» позицию, которая была подкреплена авторитетом резолюции беззастенчиво выдана народными депутатами в декабре 1989 г. Далекая от исторической корректности оценка событий пятидесятилетней давности, тем не менее «развязала руки» «независимцам». К этому же времени лидерам удалось «оторвать» местную партийную организацию от КПСС. XX съезд компартии Литвы (19–20 декабря 1989 г.) объявил ее независимой от КПСС. Тем самым каналы политического влияния Москвы на регион быстро сужались.

✓ В ходе *второго этапа* реформы политической системы, когда происходили выборы в местные органы власти (зима 1990 г.), «на роднофронтовцы» — сторонники отделения доминировали абсолютно, что позволило избрать идейно консолидированные парламенты. Уже 11 марта 1990 г. Верховный Совет Литвы принял Акт «О восстановлении независимого Литовского государства». Литовская ССР переименовывалась в Литовскую республику, отменялось действие Конституции Литовской ССР, а также Конституции СССР на территории Литвы. Вместо них утверждался временный Основной закон Литовской Республики на основе Конституции 1938 г.

30 марта 1990 г. Верховный Совет Эстонии принял закон «О государственном статусе Эстонии», где говорилось о незаконности власти СССР в Эстонии с момента ее «оккупации» и провозглашалось начало восстановления Эстонской республики. И на конец, 4 мая 1990 г. примеру соседей последовала Латвия, Верховный Совет которой принял Декларацию «О восстановлении независимости Латвийской республики». Таким образом, в первой половине 1990 г. прибалтийские «независимцы» прошли значительную часть пути к «свободе». Дальнейшая судьба «воссозданных стран» зависела от позиции союзного руководства, на властные полномочия которого стала предъявлять претензии уже вполне оформившаяся политическая оппозиция.

Важной проблемой, которая встала во второй половине 1980-х годов, но не решена и поныне, является **проблема исторической преемственности преобразований**. Это далеко не теоретический вопрос, как может показаться с первого взгляда. Дело в том, что национальное самосознание как фундамент государства и основа его устойчивости представляет собой тесное переплетение рациональных представлений и иррациональных чувств. Исследователи обратили внимание на то, что освобождение от коммунизма во всех странах сопровождалось восстановлением духовной преемственности с докоммунистической историей²⁹. Такой сценарий в принципе предвидели и некоторые российские мыслители в 20-е годы. Они полагали, что если сущностью большевистской власти была антинациональная диктатура, основанная на уничтожении культурно-исторической памяти, то уход от большевизма будет означать лишь восстановление связи времен, углубление национального сознания и национальной памяти.

Еще в 1918 г. П. Б. Струве писал: «На развалинах России, перед лицом поруганного Кремля и разрушенных ярославских храмов»

мы скажем каждому русскому юноше: России безразлично, вернешь ли ты в социализм, республику или общину, но ей важно, чтобы ты чтил величие ее прошлого и чаял, требовал величия для ее будущего, чтобы благочестие Сергия Радонежского, дерзновение митрополита Филиппа, патриотизм Петра Великого, героизм Суворова, поэзия Пушкина, Гоголя и Толстого, самоотвержение Нахимова, Корнилова и всех миллионов русских людей, помещиков и крестьян, богачей и бедняков, безропотно и бескорыстно умиравших за Россию, были для тебя святынями. Ибо ими, этими святынями, творилась и поддерживалась Россия, как живая творческая личность и как духовная сила. Ими, их духом и их мощью мы только и можем возродить Россию. В этом смысле прошлое России, и только оно, есть залог ее будущего. На том пепелище, в которое изуверством социалистических вожаков и разгулом соблазненных ими масс превращена великая страна, возрождение жизненных сил даст только национальная идея в сочетании с национальной страстью»³⁰.

Любопытно, что из советских вождей попытка легитимации настоящего через соединение рационального (строительство нового общества) и иррационального (любовь к Отечеству, его истории) была предпринята И. В. Сталиным. Причем стремление опереться на иррациональные эмоции относится к наиболее критическим моментам советской истории. Осуждая в 1941 г. планы гитлеровского командования, Сталин говорил: «Эти люди, лишенные совести и чести, люди с моралью животных имеют наглость призывать к уничтожению великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушкина и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова!»³¹ Едва ли «великий вождь» был знаком с приведенными словами Струве, но он интуитивно понимал важность опоры на историческую традицию. При этом Сталина нельзя, как это делают некоторые авторы, называть русским националистом. Даже его знаменитая здравница «За здоровье русского народа — наиболее выдающейся из всех наций»³² была не чем иным, как попыткой подкрепить проводимый курс иррациональным, но действенным ресурсом — русским, российским патриотизмом: ведь едва ли не главным достоинством русских в его глазах было доверие к партии и правительству. При этом политика Сталина носила прямо противоположный характер: запрещалось даже обсуждать вопрос о российских интересах («ленинградское дело»); не печатались русские писатели и

поэты, которые «просто» любили Родину без приложения «социалистическая»; кампания же борьбы против «космополитизма», и «русское первенство» носила, по сути, антирусский характер, поскольку методы ее проведения не вызывали ничего, кроме отторжения того, что тупо навязывалось официальной пропагандой.

Проблема поиска идейной и исторической опоры обновленных процессов во второй половине 80-х годов встала достаточно остро. Однако даже если бы «Горбачев и Яковлев были русскими патриотами, сторонниками реставрации дореволюционной России как государства, они, как лидеры коммунистической партии, должны были... искать обоснование своим действиям в социалистических авторитетах и в социалистической послеоктябрьской истории»³³. Критика сталинизма как извращения ленинизма выдвигала на главные политические роли шестидесятников, как правило, детей вождей ленинской гвардии, репрессированных Сталиным, являвшихся антиподами российского патриотизма и почвенничества. Опора на антисталинизм и реставрацию ленинизма предположительно «реабилитацию ленинской гвардии и идеалов Октября, реабилитацию коммунистической интернационалистической основы большевизма»³⁴.

Таким образом, с самого начала **идейные и духовные процессы** пошли в направлении, прямо противоположном логике и закономерностям освобождения от коммунизма: бюрократическому социализму Сталина—Брежнева—Сулова противопоставлялся романтический большевизм 1917 г. Возможность перехода на идейные основы традиционалистского плана теоретически существовала в 1989—1990 гг., когда в печати уже развернулась критика и ленинизма, и социализма как системы. По существу, перед радикальными реформаторами тогда стояла дилемма — перейти к обоснованию преобразований как восстановления прерванной историко-культурной традиции России или внедрить в жизнь страны «общечеловеческие ценности», присоединиться к «цивилизованным» государствам. Как нам известно, фактически политическая элита СССР избрала второй путь, оказавшийся тупиковым. Однако мотив именно такого выбора пока не получил достаточно объяснения в литературе, хотя, на наш взгляд, он был во многом закономерным и коренился в советской политической традиции.

В СССР в 20-е годы сложилась система партийно-государственных отношений, с небольшими модификациями просуществовавшая до середины 80-х годов. Страной реально руководила КПСС, построенная по жестко централизованному принципу. Определен

и автономией обладали союзно-республиканские компартии, которые в своей деятельности отражали не столько региональную, сколько национальную специфику соответствующих территорий, действуя от лица прежде всего граждан титульной национальности. Союзные республики обладали и наибольшим набором политических и иных институтов, способных артикулировать национальные сюжеты. Партийные и государственные органы, академия наук, творческие объединения интеллигенции, система республиканских средств массовой информации — все они ставили и решали (насколько это было возможно в тех условиях) проблемы, связанные с развитием главным образом тех этнических групп, которые дали название республике. В послевоенные годы широко развернулся процесс «национализации» республиканских органов. Это обстоятельство, а также прогрессирующая в 1960–1980-е годы догматизация официальной идеологии привели к тому, что в жизни многих народов росло значение национальных моментов, возникла определенная «деинтернационализация».

На территории РСФСР ситуация складывалась иначе. Находясь в Москве союзная бюрократия, будучи преимущественно русской в этническом плане, по «определению», была более интернациональной по взглядам, ибо в своей деятельности была обязана руководствоваться идеей гармонизации экономических, политических, социальных отношений в масштабах всего Советского Союза, учитывая особенности и запросы весьма разнородных частей. Собственно российская политическая элита была распылена по регионам, и хотя российские партийные и советские «бароны» формально доминировали в составе общесоюзных органов, этого, как показал исторический опыт, было недостаточно. Российские правительство и Верховный Совет в условиях политической гегемонии КПСС были не в состоянии играть роль консолидирующих республиканских центров. На протяжении 70–80-х годов верхушка КПСС постоянно пресекала тенденции расширения политической и экономической самостоятельности РСФСР, хотя необходимость в этом уже тогда многим казалась очевидной.

Следует специально отметить, что существовавшая система национально-государственной и партийной организации бывшего СССР оказала прямое влияние на идейное состояние и общественно-политические симпатии интеллигенции, интеллектуальных элит союзных республиках, с одной стороны, и в России — с другой. Названия городов Тбилиси, Киев, Ташкент ассоциировались преж-

де всего с центрами развития грузинской, украинской, узбекской культур. Москву же небезосновательно рассматривали как столицу единого многонационального государства, центр общесоюзной интернациональной культуры, призванный играть интегрирующую роль. В сравнении с этим статус Москвы как столицы РСФСР выглядел, и реально был, вторичным. В результате интеллектуальная элита союзных республик были намного больше укоренены в своих национальных историко-культурных традициях.

В Москве в силу объективной роли — столицы СССР — интеллектуальная элита была предельно интернационализирована или даже, как считают некоторые авторы, космополитизирована. В основе этого лежала необходимость интеллектуального обслуживания центральных политических и идеологических аппаратов, денационализаторский характер политики которых сейчас отмечают многие авторы. Будучи намного более многонациональной по своему составу, нежели республиканские, московская союзная общественно-политическая элита была намного меньше укоренена в российской и русской историко-культурной почве. Своим мировоззрением и объективным положением она была более открыта и подготовлена к восприятию «общечеловеческих ценностей», представленных преимущественно цивилизационными стандартами ряда стран Запада. Анализ состава наиболее активных проводников перестроечных идей второй половины 80-х — начала 90-х годов свидетельствует: в своем подавляющем большинстве они вышли из центральной политической интеллектуальной и научной элиты, были встроены в официальные государственные и общественно-политические структуры.

Появление национального вопроса было неожиданным для инициаторов реформ. «Раньше считали, что все вопросы решены, ими можно особо и не заниматься. Ваш покорный слуга на первом этапе перестройки искренне полагал, что здесь больших проблем нет. Так уж мы были воспитаны», — вспоминал М. С. Горбачев³⁵ в апреле 1990 г. Об уровне представлений высшего руководителя о национальной структуре государства говорит такой факт: в сентябре 1989 г. Горбачев утверждал, что в СССР за пределами границ «своих» национальных территорий проживают 50 млн человек³⁶, в апреле 1990 г. он говорил о 60 млн³⁷, и только в феврале 1991 г., уже в период подготовки к референдуму о сохранении Союза ССР, он вышел на реальную цифру в 75 млн человек³⁸. Можно констатировать непонимание той сложной и тонкой связи в системе «партия государство — этничность», ликвидация или ослабление одного

...которые в итоге привели к взрыву, мощь которого не могли предсказать даже самые смелые недоброжелатели СССР. Отсутствие адекватных представлений о реальностях межнациональных отношений и вытекавшие отсюда теоретическое бесплодие и политическая беспомощность во многом предопределили именно болезненные формы разрешения противоречий между основными элитными группами СССР. В результате на всех направлениях национальной политики руководство страны катастрофически запаздывало с принятием необходимых решений, а если действовало, то крайне вяло. Это проявлялось и в Закавказье, и в Средней Азии, и в Прибалтике. Неэффективность действий Горбачева на «национальном» направлении стала одним из факторов моментального падения политического авторитета лидера.

Несмотря на многочисленные «обновленческие» декларации, в своих действиях М. С. Горбачев и его окружение руководствовались идеями своих предшественников, многие из которых восходят еще к 20-м годам. Применительно к нашей теме следует выделить два аспекта. Во-первых, решение национального вопроса сводилось лишь в контексте экономических, социальных, политических преобразований. Значительная самостоятельность, подлинность национализма собственной логике развития явно не оценивались, что вело к серьезным упрощениям и вульгаризации национальной политики. Анализ многочисленных выступлений Горбачева показывает, что сам он национальный вопрос рассматривал исключительно как федеративный, причем в рамках сталинской конструкции³⁹. Во-вторых, эта политика допускала использование различных принципов в отношении разных народов страны и национально-государственных образований, что являлось источником подспудного сохранения целого ряда взрывоопасных межнациональных противоречий. Отступлений от этих принципов не предполагалось: «Наш Союз настолько разносторонен, придется по-разному держать его разные части: одних — за шиворот, других — на коротком поводке, третьих — на длинном поводке», — опираясь, прямо скажем, на сомнительную образность, разъяснял генсек свою позицию на заседании Политбюро 1 марта 1988 г.⁴⁰ В период перестройки такой «плюрализм» союзного руководства особенно ярко проявился в отношении, с одной стороны — к прибалтийским народам и республикам, а с другой — к Эстонии, Латвии и русским.

Определенная часть союзной политической элиты разделяла мнение об особом месте Прибалтики в Союзе, признавала ее

право на определенную исключительность, основанную на большей «цивилизованности» в связи с культурной близостью к Европе. В этой же среде считали, что Прибалтику «надо отпустить». Позиция Горбачева не была столь категоричной, но на деле вела именно к такому исходу. Генсек был убежден, что без Союза прибалты не выживут. «Да куда они денутся? Перебесятся»⁴¹. По мере роста сепаратистских настроений в выступлениях Горбачева зазвучали нотки обиды: как же, я дал вам невиданную свободу, а вы сразу «побежали». Он с удивлением обнаруживал, что вся его отчаянная аргументация в пользу пребывания в Союзе упирается в глухую стену непонимания⁴². Однако в апреле 1990 г., когда уже были предложения о применении жестких, но законных мер⁴³, Горбачев говорил, что «нельзя ремнем дать по «попе» Литве»⁴⁴.

В итоге в 1988–1990 гг. союзное руководство «заглотило» в Прибалтийские «наживки»: республиканский (государственный) суверенитет, республиканский хозрасчет, — и занялось разработкой механизма выхода из СССР. Такой подход едва ли можно считать дальновидным, поскольку при этом игнорировались права других народов, ибо история каждой этнической группы — «особенная». И если учитывать эту «особость», подобно тому, как это делалось в прибалтийском варианте, то потребовалось бы признать такие же права — «вплоть до» — и в отношении всех других наций. Пример прибалтов оказался заразительным. Сам Горбачев отмечал, что «за вирусом самостоятельности» туда потянулись националисты из других республик. Тем не менее отмеченная позиция союзного руководства объясняет отсутствие реального противодействия литовским, эстонским и латышским сепаратистам, изначально взявшим курс на отделение своих республик от Союза. В 1988–1989 гг. союзные власти «не замечали» активной антиконституционной деятельности прибалтийских «независимцев», которые разжигали антисоюзные и антирусские настроения по всей стране. В итоге именно в Прибалтике в 1988–1989 гг. была апробирована модель развала СССР, которая была реализована в 1990–1991 гг.

В отношении РСФСР и русских М. С. Горбачев выступал в качестве продолжателя традиций предшествующих поколений партийно-политической элиты, многие из которых восходили к 1917–1920 гг., но развивались и позже. Именно тогда сложилась «традиция» решать национальные проблемы без учета русских или национальной группы и фактического отказа им в праве представлять свои интересы. В политическом лексиконе тех лет понятие «русскости» часто было синонимом «великодержавного шовинизма».

которому основатели советской государственности относились весьма непримиримо. В. И. Ленин не раз, причем в хлестких высказываниях, критиковал «великорусский шовинизм»⁴⁵. Как отмечают современные исследователи, «благодаря авторитету Ленина и значимости его высказываний, приобретающих для партии силу руководящих указаний, было положено начало целенаправленной политике игнорирования национальных интересов русских»⁴⁶. Сталин говорил «об особом вреде уклона к русской великодержавности»⁴⁷. Л. Д. Троцкий настаивал на необходимости дать «решительный и беспощадный отпор... великодержавническим тенденциям»⁴⁸. А. Скрыпник призывал «заткнуть глотку» чудовищу великодержавности⁴⁹, а Г. Е. Зиновьев — «вытравить его окончательно, прибить каленым железом»⁵⁰. А. И. Микоян настаивал на длительную войну, так как «великорусский шовинизм будет, пока будет крепче»⁵¹.

На первом этапе «борьба» проявилась в *нежелании учитывать русский фактор* в структуре партии и государства. А после войны уже шла о *подавлении попыток* придать РСФСР равный с другими республиками статус. Наиболее явственно это проявилось в «фабрикациях и «расследования» «ленинградского дела», когда были расстреляны русские «националисты» и «шовинисты»: член Политбюро ЦК ВКП(б) Н. А. Вознесенский, секретарь ЦК А. Кузнецов, председатель Совета Министров РСФСР М. И. Родионов, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии П. С. Попков, — и репрессированы сотни других «ленинградцев», которые восприняли всерьез тост Сталина за здоровье русского народа на приеме в Кремле 24 мая 1945 г. и полагали возможным заняться решением вопросов, которые волновали российскую партийную элиту. Согласно воспоминаниям А. И. Микояна «ленинградцы» были якобы недовольны засильем «кавказцев» в руководстве страны и ждали естественного ухода из жизни Сталина, чтобы изменить это положение, а пока хотели перевести правительство в Ленинград, чтобы оторвать его от московского «совокупства»⁵². Выяснилось, что П. С. Попков в беседах со «встречными и поперечными» ратовал за создание, как в других республиках, компартии РСФСР со штаб-квартирой в Ленинграде, за перевод туда правительства России⁵³. В кулуарных беседах о Вознесенском говорили как о будущем председателе Совета Министров РСФСР, о Кузнецове — как о первом секретаре ЦК КП РСФСР, о Кланове — как о Генеральном секретаре. «Заговорщики» могли свалить вину и «русскую топонимическую революцию»: в 1944 г.

в Ленинграде некоторым улицам и площадям, обретшим новые названия после Октября 1917 г., были возвращены их исторические имена⁵⁴. Сталин резко отреагировал на возникшую «угрозу» — ведь он понимал, что если из его рук уходит российская партия и государственность, то он остается генералом без армии⁵⁵.

Политическому покровителю Горбачева Ю. В. Андропову приписывают фразу: «Главная забота для нас — русский национализм; диссиденты потом, их мы возьмем за одну ночь»⁵⁶. Подобный подход, видимо, разделял и Горбачев. Сейчас очевидно, что далеко не случайной была та шумная «протестная» реклама, которую делали обществу «Память» наиболее преданные делу перестройки издания⁵⁷.

Лукавство подобной позиции состояло в том, что фактически игнорировалось российское почвенническое, патриотическое движение 70-х — начала 80-х годов, накопившее значительный моральный и идейный потенциал. Создание же негативного имиджа русского национализма, основанного, по мнению его критиков, на антисемитизме и ксенофобии, было одной из задач официальных идеологов. Цель такой позиции была одна — дискредитация всего русского национального движения. О весьма сдержанном отношении к нему свидетельствуют и высказывания самого Горбачева. Призывая лучше понять природу обострения межнациональных отношений, Горбачев напоминал слова грузинского диссидента В. Чалидзе: «Демократия будет сопровождаться сепаратизмом, но русские не допустят сепаратизма, а значит, будут против демократии». «Это, конечно, — добавлял Горбачев, — примитивная точка зрения, но она находит отражение в действительности»⁵⁸. В. А. Медведев указывал на «великодержавный шовинизм сталинского руководства и проводимую им политику подавления по отношению к нерусским народам»⁵⁹. Он же предостерегал о «большой опасности» национально-патриотической идеологии, поскольку она «исключает жестернизацию, может оттолкнуть прозападно настроенную интеллигенцию»⁶⁰. Подобные пассажи множили и прогорбачевские публицисты, у которых можно было прочитать: «Призывы к защите интересов великого русского народа — показатель консервативности политического деятеля»⁶¹. Приведенная трактовка «русского вопроса» объясняет отсутствие какой-либо вразумительной реакции на открытую русофобию в союзных республиках, которая стала фактом в 1988—1989 гг. и шла по нарастающей.

Был в такой позиции и чисто прагматический момент. Вслед за Лениным, Каменевым, Троцким и Сталиным Горбачев прекра

...имам, что реальное равноправие России в ранге союзной республики будет означать конец власти центральных государственных структур и его лично. Благодаря гигантскому весу РСФСР, ее специальный лидер превращался в главную политическую фигуру в СССР, что, безусловно, лишило бы любого Генерального секретаря возможности бесконтрольно манипулировать российскими ресурсами. Поэтому в 1989 г. Горбачев не раз осуждал «голубую мечту прибалтов» — сделать и Россию суверенной: «Восстановить авторитет — это да. Но не на путях суверенизации»⁶². Поощряя возможные суверенизаторские «изыски» в других республиках, Горбачев настаивал на «интеграционной особенности» русских, «ожившейся исторически». «Специфика» России — быть «стержнем всей федерации», ее осью, вокруг которой «все в Союзе будет вращаться». Поэтому «идеологически мы должны обосновать российский феномен. Проблему регионального (!) управления в России пока надо дать только постановочно», — говорил он при объединении платформы ЦК по национальному вопросу⁶³. При общении со своим помощником Горбачев был прямее: «Если Россия суверенизируется, вот тогда и начнется!» А. С. Черняев вспоминал о своем «патроне»: «Железно» стоял против создания компартии РСФСР, против полного статуса России в качестве союзной республики. На Политбюро после отпуска (сентябрь 1989 г.) так прямо сказал: «Тогда конец империи»⁶⁴. В этой связи выглядит странное признание Горбачева образца 1995 г. о том, что именно Россия открыла парад суверенитетов⁶⁵.

Российский фактор появляется в политике в 1989 г. На рубеже 1988—1989 гг. как реакция на «прибалтийский вызов» в региональной прессе поднимается вопрос о российском суверенитете. При этом в это время в среде московской интеллигенции получает особенно широкое распространение записка доктора юридических наук Г. И. Литвиновой, где она указывала на пагубные последствия признания России и русских проводившейся до этого национальной политики, в результате которой республика, будучи общесоюзным донором, оказалась на одном из последних мест по важнейшим параметрам социального развития⁶⁶. Официальные издания не спешили обсуждать проблему. Катализатором послужила работа I Съезда народных депутатов СССР и, в частности, эмоциональное выступление на нем писателя В. Г. Распутина — единственного из депутатов, кто в открытой форме решился дать отповедь многочисленным русофобским выпадам в республиках СССР. Едва ли ему можно приписывать авторство концепции «отделения России от

Союза»⁶⁷ — в этом направлении подталкивала логика политического противостояния и, главное, нежелание правящей команды замечать российскую тему. Тогдашние российские лидеры — В. И. Воротников и А. И. Власов — не смогли выступить в качестве консолидирующих фигур общереспубликанского масштаба. Их предложения, регулярно излагавшиеся, в частности, в записках⁶⁸, носили паллиативный характер и были выдержаны в духе предельной лояльности к генсеку. Именно поэтому «борьбу за Россию» повели «снизу» провинциальные делегаты и депутаты. «Плотину прорвало» на сентябрьском (1989) пленуме ЦК, посвященном национальному вопросу: впервые российские коммунисты «предъявили счет» союзному партруководству за бедственное положение республики. Позицию многих выразил секретарь Смоленского обкома КПСС А. А. Власенко: «Крупнейшая в стране республика — Россия — находится в условиях финансовой, ценовой, экономической дискриминации. Ее население, особенно в Нечерноземье, да и в других регионах живет значительно беднее, страдает из-за бездорожья, отсталости социальной сферы»⁶⁹. На этом пленуме и позднее — на II Съезде народных депутатов, а также в печати середины — второй половины 1989 г. был вскрыт многолетний механизм перекаса цен, предопределявший «законное» недофинансирование России⁷⁰.

Однако официальные власти по-прежнему не проявляли должного внимания к русским проблемам России. Поэтому часть российских депутатов выступила с инициативой созыва совещания, на котором бы приняли участие все народные депутаты СССР от Российской Федерации. На совещании предполагалось выработать консолидированную позицию отношений республики с союзным Центром. Идея не получила поддержки в Москве, и была предпринята попытка сорвать проведение этого форума. В итоге на совещание в Тюмени (20–21 октября 1989 г.) приехал лишь 51 депутат. Здесь была рассмотрена политическая ситуация в СССР, положение России, а также создан Российский депутатский клуб⁷¹.

Анализ отмеченных и других событий позволяет сделать заключение о том, что Горбачев и его окружение оказались не готовы предложить какой-либо разумный вариант разрешения давнего исторического противоречия между союзными и российскими властными структурами. Апогеем их «творчества» стало создание Бюро ЦК по России. Эта идея изначально не могла быть продуктивной. Во-первых, существование такого органа еще в хрущевские времена показало свою искусственность, в результате чего он и бы

социальнополучно ликвидирован. Во-вторых, в 1989 г. во всех республиках полным ходом шел процесс «национализации» и обретения большей самостоятельности уже существовавших там компартий, а Россия вновь «дозволялось» лишь Бюро. Растерянность союзных лидеров проявилась в их уклонении от создания новых российских политических структур, будь то Съезд народных депутатов или Российская компартия. Парадоксально, но ни партийные, ни советские органы власти союзного уровня не занимались ни серьезной подготовкой к выборам народных депутатов России, ни работой с региональными парторганизациями в ходе набиравшего силу движения за создание республиканской компартии⁷². Ошибочность подобного курса перспективно отмечали не только противники бывшего Генерального секретаря, но и его наиболее преданные сторонники.

Возможным разумным объяснением такой линии может послужить лишь то, что в период формирования российских властных структур (весна — лето 1990 г.) авторитет и популярность Горбачева стремительно падали по мере нарастания социальных и других трудностей. Инициатор перестройки уже не был общепризнанным национальным лидером, как это было в 1985—1986 гг. Он имел все основания опасаться того, что открытое волеизъявление россиян ни в ходе партийной, ни в ходе советской избирательных кампаний не принесет ему никаких политических дивидендов. Широко используемый радикалами популизм делал шансы Горбачева и его сторонников еще более иллюзорными: осуждению партийных привилегий, смакованию экономических провалов и обещанию быстро решить все стоящие перед страной проблемы официальные власти не могли ничего противопоставить. Фактически в этот период СССР находился на пути к возникновению дуоцентризма (Союз—Россия) в принятии наиболее важных для страны решений, что во многом предопределило и стиль дальнейшего поведения Горбачева — политическое лавирование, при котором личностные мотивы (сохранение собственной власти и демократического имиджа) порой становились доминирующими.

В 1989 г. произошли стремительные изменения и в **идеологической жизни** общества. Из них в числе наиболее важных перемен логично выделить три. *Первое*: критика истории советского общества в средствах массовой информации приняла откровенно деструктивный характер. *Второе*: «обвальный» характер критики подводил к сомнению в «социалистичности» построенного в СССР общества, напрочь лишал позитивного смысла все послеоктябрьское развитие страны. *Третье*: на этом фоне формулировалась програм-

ма отречения от прошлого и возвращения страны в «лоно цивилизации» через укоренение на советской почве «демократических» экономических, политических и ценностных институтов.

Ситуацию в сфере *исторического сознания* достаточно точно определили некоторые из участников совещания историков, проведенного в ЦК КПСС 3 октября 1989 г. Открывая его, секретарь ЦК по идеологии В. А. Медведев выразил официальную позицию. Он отметил, что от представлений о прошлом зависит общественно-политический фон в стране. «И конечно же, историческая проблематика, ее исследование играют огромную инструментальную роль, являясь необходимым компонентом обоснования того, как следует решать сегодняшние задачи». «Нельзя защищать то, что требует разоблачения, — говорил главный партийный идеолог. — С совестью не может быть сделок. Расчет с ошибками прошлого должен быть обязательно доведен до конца, и никаких ограничений здесь быть не может»⁷³. В то время, когда профессиональная историческая наука переживала непростой период адаптации к меняющимся на глазах условиям, такие призывы объективно осложняли ее развитие. Зато фактически они поощряли «исторические исследования» непрофессионалов, готовых к беспощадному «расчету с ошибками прошлого».

С тревогой о складывающейся ситуации говорил академик Г. Л. Смирнов. Он отметил, что в стране все чаще появляются публикации, представляющие всю историю социалистического строительства в СССР антигуманным, разрушительным для человека процессом. «В такого рода публикациях этапы нашей истории — 20—30-е годы, Великая Отечественная война, послевоенный период и перестройка — преподносятся таким образом, чтобы не оставить у читателя никаких положительных представлений об осуществленных преобразованиях, конструктивно-созидательной деятельности народа, росте экономики, страны и культуры народа. Репрессии, преступления, ошибки, просчеты составляют при этом не только драматические, трагические стороны исторического процесса, а исключительное и исчерпывающее содержание нашего развития и деятельности партии. Очевидно, цель поставлена такая — не оставить никакого следа в сознании людей, в памяти потомков, доказать крах дела партии, ее идеологии и политики, обосновать необходимость отстранения партии от руководства обществом»⁷⁴. На совещании констатировалось, что сейчас историческое сознание формируется преимущественно публицистами, которые господствуют в многотиражных изданиях. В результате в

массовом сознании — особенно молодежи — более чем 70-летний период истории страны воспринимается лишь как сплошная цепь преступлений, как своего рода «уголовная хроника»⁷⁵. Академик Ю. С. Кукушкин отметил, что без бережного отношения к марксистской идеологии, без тщательного обоснования теории перестройки нельзя рассчитывать на ее успех. Он обратил внимание на то, что невозможно вести подлинную перестройку под флагом нигилизма, деидеологизации, а между тем требование деидеологизации исторической науки усиленно навязывалось с помощью многих средств массовой информации. Оратор выразил удивление пассивностью официальных структур в деле перестройки преподавания общественных наук, что осложняет социальную ориентацию молодежи при столкновении с нескрываемой идеологической агрессивностью экстремистских сил⁷⁶. Академик-секретарь Отделения истории АН СССР И. Д. Ковальченко также выразил убеждение в том, что по важнейшим методологическим вопросам позиция ЦК КПСС должна быть более развернутой и определенной. «Ученые могут соглашаться или не соглашаться с нею, но она должна быть, и ее должны знать»⁷⁷. Как бы отвечая на прозвучавшие соображения, В. А. Медведев весьма лапидарно сформулировал «принципиальные позиции» ЦК: Ленин, Октябрь, социалистический выбор. В то же время в своих мемуарах 1998 г. Медведев фактически признает крах собственных попыток повлиять на ситуацию: в 1989 г. в идеологическом отделе ЦК была предпринята попытка создать группу «быстрого реагирования» на необъективные антиисторические выступления в печати. Затея не принесла положительных результатов, так как не нашла заинтересованной опоры среди обществоведов. Уже сложилась ситуация, когда научно-корректная, сдержанная позиция могла быть ошельмована за «консерватизм» или даже «догматизм». Интересен пример, приводимый самим Медведевым. В 1989 г. он как секретарь ЦК обратился к руководству ИМЛ проделать анализ готовившейся публикации «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына с тем, чтобы читатель получил квалифицированный научный разбор далеко не бесспорных исторических конструкций писателя. Однако, по свидетельству Медведева, «энтузиазма у ученых эта просьба не вызвала» и, несмотря на неоднократные напоминания, работа так и не была проведена⁷⁸. Желающих «подставиться» не оказалось. И хотя профессиональные историки немало сделали для действительно научного переосмысления и осуждения многих важных страниц советской истории⁷⁹, решающим их влияние на историческое сознание так и не стало.

Отмеченный подход к освещению советского прошлого повлек за собой попытки дать целостную характеристику построенной в стране системе. К началу 1990 г. в публикациях ученых, прежде всего философов, можно было прочитать, что в СССР построен «не социализм и не ранний социализм», а «казарменный псевдосоциализм, тоталитаризм» (Б. В. Ракитский)⁸⁰. Предлагалось «полностью и без остатка» избавиться от «авторитарно-бюрократической социальной и политической системы» (Г. Г. Водолазов)⁸¹. Отмечалось, что в СССР реализована «тупиковая линия эволюции», сложилась тоталитарная система (А. П. Бутенко)⁸². Писалось об «органических пороках системы социализма» (Л. С. Васильев)⁸³, о том, что сейчас «терпит крах... коммунистическая версия социализма», что Октябрь потерпел поражение, «оставив только иллюзию социалистического облика нашего общества», что большевики навязали России «маргинальный путь» (В. П. Киселев)⁸⁴. Указывалось на трагедию России, «где в результате революции были с корнем вырваны слабые ростки и без того уродливого русского капитализма, уничтожены культурные традиции... а взамен было предложено восстановление до невиданных размеров «азиатского» имперско-деспотического прошлого, впрочем, несколько приукрашенного (усиленного!) элементами двадцатого века». При этом «марксизм и ленинизм предоставили в распоряжение Сталина все то, чем он пользовался» (Л. С. Васильев)⁸⁵.

Избавление от прошлого виделось в возвращении на путь к демократическому, гуманному обществу, движению к «мировой цивилизации»⁸⁶. Воплотить эти намерения в жизнь предполагалось через осуществление «антитоталитарной», «антиказарменной» революции, которая будет решать свои задачи в течение определенного «переходного» (или «переводного») периода⁸⁷.

Главным политическим событием 1989 г. исследователи называют **Первый съезд народных депутатов СССР**, работа которого означала вступление реформы политической системы в практическую фазу. Однако начало реформы по времени совпало с появлением организованной политической оппозиции, с момента возникновения настроенной достаточно решительно. И эти два процесса — *реформа государственного устройства* и *расширение активности оппозиции* в борьбе за власть — разворачивались параллельно, при этом последний оказывал все большее, но не всегда позитивное влияние на развитие событий в масштабах всей страны.

Анализ документальных публикаций дает основания для вывода о том, что возникновение оппозиции на I Съезде народных

депутатов не было спонтанным актом, но явилось результатом уже имевшейся поляризации и предварительно проведенной организационной работы. Определенным катализатором активизации протестного движения в обществе стала кампания по выборам народных депутатов зимой—весной 1989 г. В обстановке нарастания экономических трудностей усиливались антибюрократические настроения, стремление выдвинуть депутатов из неаппаратной среды. С 22 января в Рязани, Москве, Куйбышеве и других городах проходили несанкционированные предвыборные митинги, организованные группами поддержки кандидатов (А. Д. Сахарова, В. П. Ельцина и др.). На этой волне 4 февраля 1989 г. была учреждена новая политическая организация — «Московская трибуна». Этот клуб московской интеллигенции создавался для организации и поддержки акций, связанных с выборами на первый съезд. Было также заявлено, что «Московская трибуна» предполагает играть роль конструктивной оппозиции, занимаясь в основном организацией общественных дискуссий⁸⁸. Группы поддержки «неаппаратных» кандидатов действовали намного изобретательней и эффективней официальных структур, фактически проваливших выборы в Москве и Ленинграде. После выборов по инициативе «независимых» депутатов от Москвы (Г. Х. Попова, С. Б. Станкевича, В. П. Ельцина, А. М. Емельянова, А. Н. Мурашева, Т. Х. Гдяна) был создан Московский депутатский клуб⁸⁹. На первом же его собрании было принято решение объединить на будущем съезде в особую группу демократически ориентированных депутатов и разработать альтернативные варианты регламента работы съезда, проектов решений⁹⁰. Накануне открытия этого форума, 21 мая 1989 г., демократические группы и движения Москвы провели в Лужниках 150-тысячный митинг в поддержку демократических депутатов на съезде. В период его работы такие «митинги давления» проводились неоднократно.

На I СНД в противовес «агрессивно-послушному большинству» было заявлено о переходе «демократических» депутатов в оппозицию. 7 июня 1989 г. депутат из Оренбурга В. Шаповаленко объявил о создании *Межрегиональной группы депутатов* (МГД), в которую первоначально вошли 150 человек. Летом 1989 г. группа увеличилась до 388 членов, 286 из которых представляли РСФСР⁹¹. Окончательное организационное конституирование МГД произошло 29 июля на первой общей конференции ее членов. На ней были избраны пять сопредседателей: Ю. Н. Афанасьев, В. П. Ельцин, В. А. Пальм, Г. Х. Попов и А. Д. Сахаров. Был избран Координацион-

ный совет в количестве 20 с лишним человек. С программными тезисами группы выступил Б. Н. Ельцин, выделив следующие принципиальные идеи: признание частной собственности, децентрализация власти, экономическая самостоятельность республик, реальный хозяйственный суверенитет. Реформа политической системы предлагала превращение Советов в главный источник власти, что на политическом языке означало необходимость отмены 61-й статьи Конституции СССР, закреплявшей ведущую роль КПСС. В экономической сфере упор был сделан на ускоренный переход к рыночным отношениям. Одним из главных было предложение о перераспределении объектов общественной собственности: в рамках государства должны были остаться только те отрасли, которые требуют централизованного управления. В социальной сфере декларировалось создание системы льгот для малообеспеченных, оказание всех бесплатных социальных услуг на конкурентной основе между учреждениями, работающими в этой сфере. Впоследствии идеи МГД были «отчеканены» в пяти «де»: *децентрализация, демонаполизация, департизация, деидеологизация, демократизация*⁹¹.

При популярности демократических депутатов в обеих столицах и некоторых крупных городах их позиции не были столь прочными, чтобы оказывать влияние на принятие серьезных решений или для давления на официальные структуры. Поэтому изначально перед ними стояла проблема привлечения политических союзников, которые также обозначились в досъездовский период. Намечавшееся сближение с националистами и сепаратистами закончилось формированием политического альянса на I съезде. Представители прибалтийских республик, выступая за суверенитет, получали поддержку со стороны депутатов МГД: Г. Х. Попов, Ю. Н. Афанасов трактовали эстонские и литовские требования как справедливые, демократические. С этих же позиций выступал и Б. Н. Ельцин. «Межрегионалы» и на других съездах в дискуссиях между Центром и суверенизирующимися республиками становились на сторону последних, отказываясь замечать проявления сепаратизма и махрового шовинизма у своих союзников. Обосновывая свою позицию, они полагали, что экстремизм и сепаратизм вполне совместимы с демократическим движением⁹². В ответ «демократы» получали поддержку «сепаратистов» в обличении «отживших» экономических, политических и идеологических «тоталитарных» институтов, олицетворяемых союзными властными структурами.

Другим союзником конституирующейся оппозиции становилось стачечное движение. Интерес к рабочим инициативам в «

ратической» среде существовал давно⁹⁴, но летом 1989 г. он становится более предметным. К этому времени в регионах, охваченных шахтерскими забастовками, идет создание чисто политических объединений. 17 августа 1989 г. на конференции стачечных комитетов шахт, производственных объединений и городов Донбасса был учрежден Союз стачечных комитетов Донбасса. Был принят его Устав и организован Координационный совет⁹⁵. С Донбасом координировали свои действия шахтеры Воркуты и Караганда. Из руководителей МГД наиболее тесные контакты с лидерами комитетов поддерживали Г. Х. Попов и Н. И. Травкин, которые в своих поездках по шахтерским регионам вели переговоры о координации действий с рабочими лидерами⁹⁶. Объективной основой этого альянса была та же неприязнь к центральным властным структурам: шахтеры «нажимали» на союзные ведомства, требуя быстрого решения накопившихся за десятилетия проблем. «Демонстрации» «подсказывали», когда и какие шаги (лозунги, протесты, забастовки) нужно предпринимать, подключая шахтеров к общенациональной схватке за власть.

В 1994 г. Г. Х. Попов так определял стратегию и тактику МГД: «...исходили из того, что аппарат еще долго будет у власти, и надо учиться бороться, оставаясь в меньшинстве: запросы, обращения, разоблачения. Потому мы готовились к долголетней позиции. Я полагал, что пройдет 3–4 года, пока, выступая с трибуны парламента, мы просветим массы, создадим свои организации, структуры, газеты. Чтобы подойти с большими шансами к будущим выборам через пять лет»⁹⁷. Однако автор явно лукавил, как свидетельствует его выступление на закрытой конференции Московского объединения избирателей и Московской ассоциации избирателей в сентябре 1989 г. «У нас есть все шансы для победы. Надо ставить на учет каждого депутата РСФСР. Он должен полагаться (по другой версии — «ему надо втолковать»), что если он не будет голосовать не так, как скажет МГД, то жить ему в этой стране будет невозможно», — говорил Гавриил Харитонович⁹⁸. При этом ставка делалась на «народное возмущение», для чего предлагалось «довести систему торговли до такого состояния, чтобы ни при каких обстоятельствах невозможно было приобрести». На конференции прозвучала уверенность, что во время избирательной кампании не обойдется без нарушений общественного порядка, будет пролита кровь. Возникли вопросы: «Кто защитит нас от суда? Кто будет платить штрафы и защищать от закона?» Из президиума прозвучал показательный ответ: «У нас есть деньги, чтобы платить

штрафы. Есть список 30 адвокатов, которые будут защищать наши люди. Двигать дело будут те, кто не боится сесть на 15 суток более»⁹⁹. Думается, что избранные молодой оппозицией средства достижения цели едва ли можно признать демократическими, они были скорее радикальными. Поэтому самоназвание «демократическая оппозиция» также является условным.

В стане этой оппозиции во второй половине 1989 — начале 1990 г. происходили важные процессы. Во-первых, шла дальнейшая общесоюзная и общероссийская консолидация «демократических», а по сути антикоммунистических организаций. Во-вторых, произошло возвращение формирования мобилизационных выборных структур, оказавших большое влияние на итоги голосования по выборам в республиканские органы власти России весной 1990 г.

В это время создается Ленинградский народный фронт — один из самых крупных и активных политических организаций РСФСР. По оценкам, туда входило 6–7 тысяч человек. ЛНФ выступил инициатором объединения демократических сил в масштабах всего Советского Союза. На учредительном съезде прозвучала мысль о создании «демократической суперпартии» как противовеса КПСС. В развитие идеи 28–29 октября 1989 г. в Челябинске прошла Учредительная конференция демократических организаций и движений. По окончании ее работы была создана Межрегиональная ассоциация демократических организаций и движений (МАДО). В программных документах было указано, что «в основу платформы ассоциации положены принципы признания приоритета прав человека и общечеловеческих ценностей над любыми общественными и национальными интересами». МАДО поддержала требования об отмене 6-й статьи Конституции, демонополизации государственной собственности, преобразовании СССР в федерацию суверенных республик. Некоторые активисты заявляли, что целью ассоциации является ее превращение в радикальную политическую партию, способную направить страну по несоциалистическому пути развития. Ситуация в стране и общие задачи демократического движения рассматривались в декабре 1989 г. на очередной конференции МАДО в Таллине¹⁰¹. В то же время в силу серии причин Российский народный фронт не стал организацией, координирующей деятельность «демократических» организаций на республиканском уровне. Здесь образовался определенный вакуум, который, однако, был быстро заполнен.

Одновременно продолжалось совершенствование «предвыборных механизмов». В июле 1989 г. в МГУ состоялась учредительная

конференция Межрегионального объединения избирателей — МОИ. МОИ входили клубы избирателей 30 районов Москвы, клуб избирателей АН СССР, «Мемориал», Московский народный фронт. Координационный комитет МОИ возглавили Л. Шемаев, Л. А. Помирив, В. Боксер. По линии МОИ было образовано несколько самостоятельных групп с характерными названиями «Забастовка», «Боме отряды». Шемаев был известен как организатор митингов и акций в поддержку Ельцина с 1988 г. Широкую известность получила так называемая «шемаевская тысяча» — группа активистов, составлявшая постоянную основу проводимых митингов и уличных шествий¹⁰³. Складывалось своеобразное «разделение труда»: МГД выступала как официальная парламентская оппозиция, МОИ — как организатор массовых мероприятий и «внешнего давления» на власти.

В развитие этого процесса в октябре 1989 г. в Москве прошел Предительный съезд Всесоюзной ассоциации избирателей (ВАИ). Ассоциация поставила следующие задачи: проведение активной критической кампании против реакционных сил, выдвижение своих и поддержка прогрессивных кандидатов в Советы. Интересно отметить, что на съезде неоднократно подчеркивалась роль ВАИ как «протопартии».

В конце 1989 г. центр тяжести в политической деятельности переносится на подготовку к выборам делегатов на съезд народных депутатов РСФСР. Создание общероссийского движения, координирующего деятельность и политических организаций, и из местных объединений, становилось особенно актуальным. Обобщилось стремление к их определенному единству. В декабре в Москве было сформировано движение «Демократический фронт» для поддержки кандидатуры Б. Н. Ельцина. В Москве по инициативе «Демократической перестройки» состоялось совещание 15 неформальных групп, где обсуждался вопрос о подготовке предстоящим выборам. Одновременно в столице прошла Всесоюзная конференция движения избирателей, в которой приняли участие более 300 представителей клубов избирателей из 50 городов союзных республик. Важнейшей практической целью создаваемого Межрегионального объединения избирателей объявлялась подготовка МГД и аналогичных депутатских групп в регионах России и союзных республиках СССР. В качестве основных форм деятельности были заявлены: участие в избирательном и парламентском процессе, контроль за работой народных депутатов и Советов, изучение общественного мнения¹⁰⁴. В результате серии консультаций ко-

ординирующих и руководящих органов московских и общесоюзных общественно-политических организаций 4 января 1990 г. был оформлен рабочий комитет блока «Выборы-90». В течение последующих двух недель обсуждалась его платформа, сам он получил название «Демократический блок». Его окончательное оформление произошло 20—21 января 1990 г., когда было выбрано и его новое название — «Демократическая Россия». Платформа блока ориентирована на привлечение максимально широкого круга демократически настроенных кандидатов. Ее основные идеи состояли в следующем. СНД РСФСР должен взять всю полноту власти и стать постоянно действующим органом и объявить суверенитет России. КПСС должна быть лишена монопольного права на власть, а ее деятельность поставлена под общественный контроль. Предполагалось ограничить функции КГБ, который также предстоит контролировать. Указывалось на недопущение снижения жизненного уровня населения, и в первую очередь малообеспеченных слоев. Привлечению внимания к движению способствовала публикация его программы в одном из самых популярных изданий тех лет — журнале «Огонек»¹⁰⁵. Надежды российских «демократов» подогревались успехом «бархатных революций», произошедших в странах Восточной Европы во второй половине 1989 г. Помимо возможности перехода власти к оппозиции мирным путем, они еще получили большую притягательность антикоммунистической идеологии, способствовали более быстрому поправению всего спектра оппозиционных сил.

Возможности оппозиции в борьбе за власть были во многом усилены благодаря наличию в ее рядах яркого харизматического лидера популистского толка. Возвышению в 1989 г. Ельцина лидера общенационального масштаба способствовал целый ряд объективных и субъективных обстоятельств. Во-первых, он был «раскрученный» политик первого эшелона, получивший всесоюзную известность в 1986—1987 гг. своей борьбой с брежневским режимом в Москве. Во-вторых, неясные обстоятельства отставки создали вокруг него таинственный ореол мученика, пострадавшего от «партийных бюрократов» за борьбу «против их привилегий». В-третьих, звезда Ельцина восходила по мере ухудшения социально-экономического положения, когда осознание необходимости изменения политики стали связывать с необходимостью смены лидеров. В-четвертых, в стране сформировались достаточно мощные силы, заинтересованные в радикализации преобразований, нуждающиеся в ярком привлекательном лидере. В консолидации

Ельцин

«демократической» оппозиции был заинтересован и Запад, также много сделавший для поддержки ее лидеров. В-пятых, безусловно, большую роль сыграли личностные качества самого Ельцина. Выступившие о нем отмечают мощнейшую интуицию, способность улавливать массовые настроения, умение общаться с самой широкой аудиторией. Однако намного большее значение имели его инстинктивные власто- и честолюбие, подавлявшие любые идеологические привязанности и позволявшие «легко» менять ценностные ориентиры в зависимости от политической конъюнктуры. Менее чем за пять лет он прошел путь от главного столичного коммуниста до главного российского антикоммуниста, запретившего КПСС проводить антикоммунизм в ранг национальной политики. Ельцин, как никто другой из политиков обладал гениальной способностью обосновать необходимый политический лозунг понятным простым людям мотивом. Он был одним из первых, кто в современной российской истории умел столь эффективно использовать в борьбе за власть огромную силу популизма.

Так или иначе, в 1989 г. степень популярности Ельцина являлась зеркальным отражением уровня падения авторитета Горбачева. Первой пощечиной Горбачеву стала триумфальная победа Ельцина на выборах в Москве весной 1989 г. Иррациональный характер восприятия сопредседателя МГД как антипода генсека осенью 1989 г. особенно ярко проявился в оценке трех эпизодов сомнительного характера из жизни Ельцина, каждый из которых мог нанести другому политику его репутации или даже карьеры. В случае с Ельциным все три ситуации молва приписала козням его оппонентов, сам же Борис Николаевич вновь состриг купоны популярности как «незаслуженно обиженный»¹⁰⁶.

В это время, когда оппозиционное движение находилось на подъеме, шла динамичная перегруппировка его различных частей, обретение все большей идейной определенности и организационной самостоятельности, ситуация в КПСС складывалась иначе. Традиционные партийные структуры оказались малопригодными для конкуренции яркими неаппаратными претендентами на депутатские места. Наставление демократизации в партии от демократизации в обществе проявилось во время работы I Съезда народных депутатов. Жестко централизованная, строго иерархическая структура КПСС оказалась в прямое противоречие с новыми задачами совершенствования советского общества. Однако изменений в работе самой партии было явно недостаточно. Уже в середине 1989 г. в партийной среде стало возникать ощущение, что партию невольной

(а может, и сознательно) «подставляют». В силу специфики организации, в строении которой «централизм» традиционно был намного сильнее «демократизма», возможность ее реформирования связывали с инициативой «сверху», со стороны центральных партийных структур. Однако ЦК партии не спешил до конца определяться в стратегии перестройки деятельности КПСС в новых условиях, начиная от низовых звеньев и кончая центральным аппаратом. Этот вопрос специально обсуждался на совещании в ПК 18 июля 1989 г. Обычно сдержанный Н.И. Рыжков фактически публично обвинил Горбачева в бездеятельности на этом направлении, потребовав, чтобы тот как генсек «больше уделял внимания своим партийным обязанностям», освобождался от «мелочных вопросов», «которые его захлестывают»¹⁰⁷. Тревожное предупреждение Рыжкова было своевременным, хотя и не ранним, поскольку из-за запаздывания реформирования «изнутри» импульсы стали поступать «извне». 2 августа 1989 г. на заседании Московского партийного клуба было принято решение о создании *Демократической платформы в КПСС*. Ее лидеры — В. Н. Лысенко, И. Б. Чубайс, В. Н. Шостаковский — объявили о создании организации коммунистов — сторонников многопартийности и радикальной демократизации КПСС¹⁰⁸. Инициатива была достаточно быстро подхвачена в регионах, и 30 сентября 1989 г. прошла рабочая встреча организаций, выступающих за реформу КПСС. Представители партийных клубов семи союзных республик приняли обращение к коммунистам страны, где обозначили конкретные требования к партийному руководству: немедленная отмена 6-й статьи Конституции СССР; введение фракционного плюрализма в КПСС; переход к созданию кооперативной партии России; превращение КПСС в парламентскую партию. К концу 1989 г. по стране уже существовало несколько десятков ориентированных на эти идеи структур¹⁰⁹. И хотя некоторые из них критично оценили «Демплатформу» как «пятую колонну», она ставила реально существовавшие проблемы, решать которые официальные партлидеры не торопились. Как пишет один из организаторов движения — В. Н. Лысенко, — накануне XXVIII съезда КПСС Демократическую платформу идейно поддерживало свыше 40% членов КПСС. «Демплатформа» была единственной после КПСС структурой, которая имела отделения не только в России, но и во всех союзных республиках¹¹⁰.

К концу 1989 г. советское общество подошло с **неоднозначными политическими результатами**, что нашло отражение в ходе работы и в материалах Второго съезда народных депутатов СССР (декабрь

1990 г.). На съезде Н. И. Рыжков изложил план перехода страны к рыночной экономике, который радикальными депутатами был оценен как консервативный, и эта оценка тиражировалась в прессе. На съезде были приняты конституционные законы, которые конкретизировали задачи реформы политической системы на 1990 г., — изменения в системе власти должны были спуститься с «союзного» на «республиканский» уровень¹¹¹. Бурную реакцию вызвало обсуждение «Тбилисского дела». И хотя парламентская комиссия подарила в целом сбалансированное заключение о произошедшем, само обсуждение вопроса на съезде было превращено в акт политической борьбы, в атаку на «партийных консерваторов», привело к утверждению в принципе возможности использовать вооруженные силы в случае разгорающихся межэтнических конфликтов¹¹².

Столь же политически деструктивными были итоги обсуждения вопроса об обстоятельствах вхождения Прибалтийских республик в состав СССР накануне Великой Отечественной войны. Принятые решения лишь подхлестнули сепаратистов в Литве, Латвии и Эстонии. Антирусской и антирусской риторикой со стороны некоторых депутатов из республик была столь резкой, что Горбачев был даже вынужден вмешаться, чтобы одернуть «увлекшихся»¹¹³.

Зима 1989/90 г. — время активной перегруппировки политических сил. С одной стороны, в КПСС постепенно нарастал процесс идейного размежевания. С другой — шла консолидация радикально-демократических сил, проводивших активную подготовку к борьбе за овладение республиканским уровнем власти весной 1990 г.

Анализ основных событий 1989 г. будет не полным без обращения к тем процессам, которые в это время развернулись в странах «социалистического содружества» в Европе. До конца 1988 г. руководители этих стран как бы ожидали от советских лидеров проявления инициативы в назревшем реформировании общественных отношений, но такая инициатива так и не последовала. Напротив, советское руководство настойчиво подчеркивало, что более не собирается вмешиваться во внутренние дела стран, ранее находившихся под пристальной опекой СССР. В этих условиях — вначале в Польше и Венгрии — антикоммунистическая оппозиция заявила о своих претензиях на власть и, используя механизм «круглого стола», эту власть получила. Современникам бросалось в глаза отсутствие реакции на это со стороны советского руководства, которое, по сути, впервые за послевоенные годы повело себя так, буд-

то его эти события не касались. Такая позиция явилась фактическим поощрением тех сил, которые противостояли правящим коммунистическим режимам. В результате последовали революционные выступления в ГДР, Болгарии, Чехословакии. Как отмечает исследователь этой проблемы В. К. Волков, «события развивались по принципу цепной реакции, обращало на себя внимание, что ни в одном из этих случаев не была применена сила, хотя в каждом из этих государств армия и службы безопасности существовали в достаточном количестве. Складывалось впечатление, что руководство коммунистических партий было повсеместно охвачено параличом власти»¹¹⁴. В литературе высказывалось небезосновательное предположение, что причиной такого поведения было влияние советского руководства. В итоге к концу 1989 г. в Восточной Европе повсеместно произошли «бархатные» (за исключением Румынии) антикоммунистические революции. Трудно было поверить, что всего за один год возможно осуществить такие разительные перемены. Во всех восточноевропейских государствах формировались новые политические системы, в которых не было места «ведущей роли коммунистической партии», утверждался политический плюрализм, многопартийность, началось проведение радикальных рыночных реформ, во внешней политике развернулась активная переориентация на Запад.

События 1989 г. в Восточной Европе академик О. Т. Богомолов назвал «прологом грядущих перемен в СССР»¹¹⁵, а философ А. С. Ципко даже полагает, что Восточная Европа была «главным субъектом нашей антикоммунистической революции»¹¹⁶. Так или иначе все происшедшее в социалистических странах в 1989 г. привело к прекращению существования Организации Варшавского Договора, объединению Германии и складыванию новой, малоконтролируемой Советским Союзом геополитической ситуации в Европе. Не меньшее значение «восточноевропейский пролог» имел и для внутривнутриполитического положения в СССР. «Демократическая» и националистическая оппозиции страны имели возможность наглядно убедиться в том, что советское руководство едва ли пойдет на применение силы в политической борьбе, независимо от того, насколько радикальными будут лозунги противостоящих официальным властям движений и политиков.

Примечания

- ¹ Рыжков Н. И. Десять лет великих потрясений. М., 1995. С. 404; Сабуров Ф. Реформы в России: первый этап. М., 1997. С. 28; Гайдар Е. Т. Дни драматических и побед. М., 1997. С. 58–59.
- ² История современной России. 1985–1994. М., 1995. С. 51.
- ³ Андриянов В. И., Черняк А. В. Одиноким царь в Кремле. М., 1999. Кн. 1. 221–224.
- ⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 460–463; Рыжков Н. И. Перестройка: история предательства. М., 1992. С. 214–215.
- ⁵ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999). Т. 1. Хроника и аналитика. 3-е изд. М., 2000. С. 73–82. (Далее — Хроника...)
- ⁶ История современной России. С. 51.
- ⁷ Там же. С. 52.
- ⁸ Этой теме посвящена большая содержательная статья О. В. Крыштановской. См.: Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту//Трансформация социальной структуры и страификация российского общества. М., 1996. С. 281–288.
- ⁹ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М., 1995. С. 150.
- ¹⁰ См.: Шкаратан О. И., Фигатнер Ю. Ю. Старые и новые хозяева России (от властных отношений к собственническим)//Мир России. 1992. Т. 1. С. 77–78.
- ¹¹ См.: Андриянов В. И., Черняк А. В. Указ. соч. С. 154.
- ¹² Там же. С. 150–154.
- ¹³ Хроника... С. 583.
- ¹⁴ Чешко С. В. Распад Советского Союза. 2-е изд. М., 2000. С. 229.
- ¹⁵ Наиболее полно идеологемы национализма проанализированы в: Чешко С. В. Указ. соч. С. 229–237.
- ¹⁶ Национальные истории в советском и постсоветском государствах. М., 1999. С. 215.
- ¹⁷ Там же. С. 171, 196.
- ¹⁸ Константинов С., Ушаков А. Восприятие истории народов СССР в России и исторические образы России на постсоветском пространстве//Национальные истории в советском и постсоветском государствах. С. 77.
- ¹⁹ На примере Украины это хорошо показано в: Наоми Асано. Перестройка в СССР и общественно-политическая жизнь на Украине: проблемы периодизации. М., 1999.
- ²⁰ Союз можно было сохранить. Белая книга. М., 1995. С. 63.
- ²¹ Наиболее подробно в нашей литературе концепция проанализирована в ст.: Вдовин А. И. Новая национальная политика в СССР//Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1990. № 4. С. 9–11.
- ²² Чешко С. В. Указ. соч. С. 233.
- ²³ Там же. С. 198–211.
- ²⁴ Емельянов Ю. Большая игра. Ставки сепаратистов и судьбы народов. М., 1990.

- ⁸⁵ Там же. С. 22–23.
- ⁸⁶ Там же. С. 227.
- ⁸⁷ Там же. С. 263. А также: *Ракитский Б. В., Ракитская Г. Я.* Стратегия и тактика перестройки. М., 1990. С. 62–95.
- ⁸⁸ Хроника... С. 71.
- ⁸⁹ Там же. С. 73.
- ⁹⁰ *Попов Г. Х.* Указ. соч. С. 72.
- ⁹¹ *Андрянов В. И., Черняк А. В.* Указ. соч. Кн. 1. С. 229.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ *Попов Г. Х.* Август девяносто первого//Известия. 1992. 24 августа.
- ⁹⁴ *Андрянов В. И., Черняк А. В.* Указ. соч. С. 178–179.
- ⁹⁵ Хроника... С. 81.
- ⁹⁶ *Попов Г. Х.* Снова в оппозиции. С. 70.
- ⁹⁷ Там же. С. 67.
- ⁹⁸ Этот важный материал был введен в научный оборот Л. Н. Доброхотовым в книге «Власть и оппозиция» (М., 1995. С. 309).
- ⁹⁹ *Андрянов В. И., Черняк А. В.* Указ. соч. С. 169.
- ¹⁰⁰ Россия: партии, ассоциации, союзы и клубы. Т. 2. С. 172, 175.
- ¹⁰¹ Там же. Т. 4. С. 19, 22.
- ¹⁰² Там же. Т. 7. С. 130–131.
- ¹⁰³ См.: Коммерсант. 1991. 21 сентября.
- ¹⁰⁴ Хроника... С. 86; Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Т. 4. С. 78.
- ¹⁰⁵ Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Т. 1. С. 93.
- ¹⁰⁶ Подборка различной информации по поводу инцидентов содержится в кн.: *Андрянов В. И., Черняк А. В.* Указ. соч. С. 188–248.
- ¹⁰⁷ *Рыжков Н. И.* По-новому осмыслить функции и роль партии в обществе//Демократизация советского общества. М., 1989. С. 166.
- ¹⁰⁸ Хроника... С. 81.
- ¹⁰⁹ Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. Т. 1. С. 242–243.
- ¹¹⁰ В. Н. Лысенко ссылается на социологические опросы, проведенные Высшей партийной школой. См.: *Лысенко В. Н.* 10 лет «демократической платформе в КПСС» и эволюция партийной системы в России. М., 2000. С. 6.
- ¹¹¹ См. подробнее: *Терещенко Ю. Я.* К вопросу о конституционной форме в СССР в период перестройки//Российское государство и общество. М., 1999.
- ¹¹² См.: *Лигачев Е. К.* Тбилисское дело. М., 1991; *Собчак А. А.* Тбилисский синдром. М., 1993.
- ¹¹³ См.: Известия. 1989. 24 декабря.
- ¹¹⁴ *Волков В. К.* Этнономенклатура и распад государства//Свободная мысль XXI. 2000. № 9. С. 71.
- ¹¹⁵ *Богомолов О. Т.* Моя летопись переходного времени. М., 2000. С. 129.
- ¹¹⁶ *Ципко А. С.* Папу надо благодарить, а не ссориться с ним//Независимая газета. 2001. 3 июля.

Лекция 6

ФОРМИРОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОЙ ПОЛИТИКИ РСФСР. ВЕСНА 1990 — ВЕСНА 1991

Провозглашение российского суверенитета по времени совпало со вступлением СССР в кризисную фазу развития. С 1990 г. обострившиеся ранее негативные тенденции приобрели обвальныи характер, ведя к разрушению всего государственного организма. На этом фоне разворачивалась борьба за власть между отдельными элитными группировками.

В 1990—1991 гг. продолжалось углубление кризиса в экономике. В это время практически все параметры хозяйственного развития имели отрицательную динамику (внутренний валовой продукт, капитальные вложения и др.); зато невиданными ранее темпами росла инфляция. Значительно снизился жизненный уровень населения. По словам А. А. Собчака, страна оказалась перед «устрашающей экономической пропастью»¹.

Угрожающий характер приобретали конфликты на международной почве. Если в 1989 г. в них погиб 221 человек, то за шесть месяцев 1990 г. — уже 632. К этому времени было совершено 4648 погромов, более 600 тыс. человек стали беженцами в своей стране. Межэтническая нестабильность все чаще становилась мотивом эмиграции из СССР².

В кризисном состоянии находилась и политическая система СССР. Начало ее реформы в 1989 г. привело к общему снижению уровня управляемости социальными процессами. Передача властных функций от партийных структур советским, которые организационно не были к этому подготовлены, привела к ослаблению централизованного влияния на экономику и политику, международные отношения и социальные процессы. Ситуация осложнялась претензиями на перераспределение власти со стороны союзных республик. Современники констатировали повсеместную «эскалацию безнаказанности»³. Идеологический плюрализм стремительно превращался в политический, явочным порядком утверждалась многопартийность. Одновременно приходило осознание необходимости со-

здания политического института, который бы компенсировал утрату интеграционной функции КПСС.

Общее ощущение нестабильности усиливалось характером происходивших перемен во внешнеполитической сфере. Вызывал тревогу стремительный отход от СССР в 1989—1990 гг. его союзников по Варшавскому пакту и их открытая переориентация на Запад. Особые (и оправдавшиеся) опасения были связаны со стремительным объединением Германии, которое было выпущено советским руководством из-под контроля⁴. Неоднозначное отношение вызывали комплиментарные оценки М. С. Горбачева со стороны западных лидеров, раздававшиеся на фоне ухудшения ситуации внутри СССР.

В этих условиях в январе—феврале 1990 г. в окружении Горбачева решают дать ход идее о **введении в СССР президентской системы**. Совмещение на I Съезде народных депутатов высших партийного и государственного постов было важным шагом политической реформы, но оказалось недостаточным с точки зрения исполнительских полномочий для того, чтобы оперативно вмешиваться в ситуацию. Представление о том, что Горбачеву «не хватает власти», было связано с растущей нелегитимностью партии в условиях проведения курса на разделение функций между КПСС и государством, когда вмешательство в конфликтные ситуации по линии партаппарата стало затруднительным и малоэффективным⁵. Разрастание социальных и межнациональных конфликтов было обстоятельством, ускорившим принятие идеи президентства. Не случайно учреждение этого института сопровождалось обсуждением необходимости введения чрезвычайного положения (или прямого президентского правления) в зонах нестабильности.

Учреждение поста президента СССР на **Третьем съезде народных депутатов в марте 1990 г.** произошло одновременно с отменой 6-й статьи Конституции, закреплявшей руководящую роль КПСС. Сам М. С. Горбачев так оценил это событие: «Это же, товарищи, в буквальном смысле слова переворот, завершение, полное завершение изменения политической системы»⁶. Действительно, революционный смысл произошедшего состоял в том, что верховная государственная власть законодательно отделялась от партийной и становилась подотчетной всем гражданам, независимо от их политических взглядов. Сама же партия юридически превращалась в одну из общественных организаций, призванных бороться за влияние сугубо политическими методами. Однако Горбачев преувеличивал масштабы переворота — он был далеко не полным. Фактически он

... мог добиться лишь легитимации собственной верховной власти: ни концепции, ни системы управления страной посредством института президентства в переходный период разработано не было. Но желаемого внедрения системы разделения властей было еще далеко. Новая вертикаль исполнительной власти, связанная с учреждением президентства на союзном уровне, так и не была создана. Поэтому на фоне существования таких реальных субъектов политики, как КПСС, Верховный Совет, Съезд народных депутатов, институт президентства выглядел, по справедливому выражению В. Б. Кувалдина, «несколько бутафорским», и до конца существования СССР он так и остался неустойчивой аппаратной структурой⁷. Сам Горбачев осенью 1991 г. признавал, что президентство так и не получилось.

На том же III Съезде народных депутатов Горбачева ожидала еще одна неожиданность. Н. А. Назарбаев, поддержав учреждение президентского поста, высказался за применение той же модели в республиках, чтобы «снять уже наметившиеся противоречия между идеей президентства и стремлением республик к расширению своей самостоятельности». Это никак не входило в планы Горбачева, поскольку, по его словам, «наполовину обесценивало все приобретения, которые мы связывали с повышением авторитета центральной власти»⁸. Но «процесс пошел» своим естественным путем. Уже 30 марта 1990 г. — всего через две недели после избрания самого Горбачева — на заседании Совета Федерации стало известно, что пост президента введен в Узбекистане. На недоуменные вопросы Горбачева («Как же это произошло? Без совета, консультаций, явочным порядком избирается президент в Узбекистане») последовал спокойный ответ И. А. Керимова: «Так захотел народ»⁹. Узбекского лидера поддержал Н. А. Назарбаев: «Да, и у нас в Казахстане тоже народ говорит, а почему бы нам не иметь президента». Пожурив сторонников этой идеи («президентство в республиках — нельзя»), Горбачев «закрыв вопрос» и больше к нему не возвращался¹⁰. В итоге региональные элиты получили дополнительный мощный инструмент в борьбе за свои суверенитеты, что объективно подталкивало центробежные процессы.

Зимой—весной 1990 г. разворачивается движение за **российский суверенитет**, ставшее важнейшим фактором союзного значения. В основе общероссийской консолидации лежали две основные причины. Первая была связана со снижением эффективности управления со стороны союзных структур, что вызвало повсеместный кризис. Естественный выход из него связывался с наведением порядка

идея президента в республиках

своими силами на республиканской территории¹¹. Вторая причина была связана с хроническим нежеланием союзного руководства заниматься российскими проблемами: при обилии правильных и красивых слов о консолидирующей роли России и русских Горбачев и его окружение не смогли вообще предложить ни одного варианта решения существующих и озвученных противоречий. Самосознание россиян было уязвлено и тем, что недовольство и претензии со стороны национальных регионов часто направлялись против России и русских, а не против того самого «интернационального» Центра, от которого Россия страдала не меньше других¹².

В силу этих и других причин в начале 1990 г. в республике был достаточно определенно поставлен вопрос о государственном статусе РСФСР. Самые различные организации считали необходимым уточнить место и полномочия РСФСР в Союзе ССР, сформировать в полном объеме республиканские органы власти и общественные организации по аналогии с другими республиками. Говорилось о делегировании центральному правительству лишь части властных полномочий, предлагалось установить новые формы взаимоотношений с национальными регионами на демократической основе. Показательно, что этот напор снизу уже не могли игнорировать обычно лояльные Горбачеву российские официальные структуры. Так, 26 марта 1990 г. Совет Министров РСФСР обсудил проект концепции экономической самостоятельности (уже не просто «суверенитета») РСФСР. На заседании отмечалось, что на долю России приходится почти две трети национального продукта СССР, однако значительная часть российского потенциала, намного большая, чем других союзных республик, используется для решения «общественных задач». Констатировалось, что «сложившаяся структура народного хозяйства Российской Федерации в условиях действующей системы ценообразования не обеспечивает эквивалентного обмена с другими союзными республиками». Отмечалось, что народное хозяйство РСФСР крайне слабо ориентировано на удовлетворение потребностей своего населения: Россия занимает последнее место среди союзных республик по удельному весу расходов, выделяемых на социальные нужды в национальном доходе, восьмое — по обеспеченности жильем. При этом выражалась уверенность, что реализация концепции экономической самостоятельности России будет способствовать консолидации всех союзных республик в едином народно-хозяйственном комплексе¹³.

В этих условиях произошло соединение «несоединимого»: выступившая за большую независимость от Центра российская (прежде всего региональная, или, как пишут некоторые авторы, провинциальная) элита находит себе союзника в лице части расколовшейся союзной элиты, выступающей за радикальную смену социально-экономической и политической систем. Этот весьма условный союз нашел наиболее яркое отражение в почти единодушном принятии *Декларации о государственном суверенитете РСФСР*, одобренной на I Съезде народных депутатов России 12 июня 1990 г. (417 — «за», 13 — «против», 9 — воздержались), и борьбе за него во второй половине 1990 — первой половине 1991 г.

Единство в стремлении к суверенитету совмещалось с существованием фундаментальных различий в представлениях о перспективах развития РСФСР. В рамках сложившейся к 1985 г. коммунистической легитимности надежды на решение многих проблем связывались с конституированием в рамках КПСС республиканской компартии, что, с учетом особого места партии в жизни советского общества, могло открыть определенные возможности для россиян. Существовавшая десятилетиями переплетенность партийных, государственных, производственных и иных структур давала для этого основания. Действовала и определенная «инерция мышления»: в 1989—1990 гг. далеко не все улавливали нюансы происходивших в политической системе перемен и по-прежнему продолжали считать партию главным звеном в системе государственного управления. Горбачевские клятвы в верности «социалистическому выбору» и призывы к обновлению методов работы КПСС не проигнорировали этим представлениям. Поэтому движение за создание Российской коммунистической партии получило достаточно широкую поддержку в республике.

В то же время в первой половине 1990 г. шло интенсивное структурирование «антикоммунистической альтернативы» в российской политике. В этот период происходит создание новых партий: возникли Социал-демократическая, Демократическая, Социалистическая, Конституционно-демократическая, Христианско-демократическая, Республиканская и некоторые другие партии. Большинство их объединилось в рамках движения «Демократическая Россия». Основой консолидации стал не только антикоммунизм, но и отторжение социалистического принципа в любом его виде¹⁴. У руководства «Демроссии» изначально оказались радикально настроенные, прагматически мыслящие политики. Для достижения своих целей они поставили задачу овладения республиканским уровнем

управления, что и определило их активное участие в кампании по выборам народных депутатов России зимой—весной 1990 г. При этом весьма активно эксплуатировался популизм. Нам представляется достаточно точным его определение, данное А. Н. Яковлевым «Популизм как средство борьбы за власть — это спекулятивное движение политика навстречу настроениям и ожиданиям толпы, причем такое, которое безжалостно расцарапывает общественные и личные болячки, паразитирует на предрассудках, на слепых эмоциях, демонстрирует жесткость к соперникам, манипулирует лживой информацией, дает обещания и обязательства, невыполнимость которых очевидна»¹⁵. Историки отмечают, что в ходе той предвыборной кампании «щедро раздавались обещания поднять зарплату и увеличить пенсии, обеспечить жильем и хорошим медицинским обслуживанием, наполнить магазины продовольствием и защитить от распоясавшихся преступников, очистить от загрязнения водный и воздушный бассейны, помирить враждующие нации и дать всем долгожданную свободу»¹⁶. «Фирменным знаком» кампании стала борьба с необоснованными привилегиями партийно-советской номенклатуры, оскорбляющими чувство социальной справедливости масс. Широкую рекламу получило прикрепление Б. Н. Ельцина к районной поликлинике, его поездки на трамвае, использование семейного «Москвича» вместо персональной «Волги». Предвыборный характер обещаний быстро и безболезненно решить накопившиеся проблемы контрастировал с печатными предупреждениями «демократических» авторов о неизбежности серьезных трудностей для населения при проведении рыночных реформ¹⁷.

В мемуарной литературе констатируется разединенность левых сил в ходе проведения кампании и высокая степень организованности «демократических движений». Не составили им серьезной конкуренции организации и объединения патриотической направленности, группировавшиеся вокруг блока «Общественно-патриотических движений России».

Вспоминая о событиях 1990 г., один из идеологов и лидеров демократического движения Г. Х. Попов писал: «Мы недоучли того, что выборы в республиках неизбежно усилят силы национального освобождения или заставят коммунистов-националистов самим в погоне за голосами — выдвигать лозунги национального возрождения. Мы избрали тот путь борьбы за власть, который уже содержал вариант отказа от СССР»¹⁸. Трудно сказать, пришло ли «прозрение» к автору только в 1994 г., но еще в 1990 г. коллега Попова И. М. Клямкин писал о необходимости «решить главную задачу

«монтировать империю», дать политическую независимость республикам («в том числе, разумеется, и России»), поскольку без этого немыслимы глубокие реформы в экономике. Клямкин выражал симпатии Литве, которая к тому времени «со своей стороны» уже вышла из СССР¹⁹.

Судьба провозглашенных в 1985 г. реформ и Союза ССР во многом зависела от состояния ведущего элемента советской политической системы — КПСС. Можно констатировать, что к началу 1990 г. партия переживала серьезный кризис. В то время, когда в обществе реально существовал инициированный «сверху» идеологический и политический плюрализм, партия формально оставалась единой «монolithicной» организацией. Руководство уклонялось от признания того факта, что КПСС уже не была союзом единомышленников, а внутрипартийные разногласия часто имели нерешимый характер. Между тем к началу 1990 г. партия была фактически расколота на несколько течений²⁰. Часто говорили о «консервативно-сталинском», «умеренно-реформистском» и «радикально-реформистском» направлениях, за которыми стояли определенные концепции развития партии и страны, отраженные в пропагандистско-политической литературе; имелись группы избранных всей стране лидеров, намечались зачатки организационных структур, были налажены связи со «своими» социальными слоями²¹. Поэтому сокрытием существующих разногласий были недовольны многие члены партии. Это нашло, в частности, отражение в скептическом отношении к «Платформе ЦК КПСС к XXVIII съезду». Здесь содержались уже набившие оскомину призывы решительно порвать с авторитарно-бюрократической системой, ориентироваться на гуманный демократический социализм, эффективную планово-рыночную экономику, правовое государство, обновление советской федерации, на «создание народу достойных условий жизни». Однако в «Платформе» обходились главные вопросы, волновавшие партийную массу: что нужно практически сделать, каковы конструктивные пути перестройки.

Мы полагаем, что отмеченная ситуация в КПСС сложилась не стихийно и была связана с определенными представлениями о характере этого политического института и перспективах его возможной эволюции. В принципе, в 1985—1991 гг. сложилось два подхода к партии, которые можно условно назвать *ликвидаторский* и *драматический*.

Первый исходил из того, что КПСС — хребет тоталитарной системы, а главные беды проистекают от засилья партийно-но-

менклатурного слоя, всевластие которого необходимо ликвидировать через передачу управленческих функций Советам. Такое видение реформы политической системы (образца 1987 г., когда принимались базовые решения) прежде всего не учитывало асимметричность союзной федерации, где существовало пять видов ее субъектов. Поспешное устранение «имперской» унитарной структуры, какой была построенная на принципе централизма (называемого демократическим) КПСС, неизбежно высвечивало политико-правовой антагонизм устройства СССР, единство которого обеспечивалось властным влиянием партийных органов. Отодвигая партию, Горбачев и его ближайшее окружение фактически присвоили себе право определять, направлять и толковать смысл перестроечных процессов, и делалось это, видимо, сознательно. Как отмечает знаток и исследователь этого вопроса Л. А. Оников, «Горбачев не только не занимался научной разработкой концепции перестройки партии. Он даже пытался доказать ее ненужность... Более того... сдерживал тех, кто настаивал на ней»²². В июле 1989 г. на совещании первых секретарей компартий союзных республик, крайкомов и обкомов он не без раздражения говорил: «Некоторые выступающие неоднократно просили и даже требовали от Центрального Комитета партии, от Политбюро... дайте концепцию перестройки партии, дайте концепцию перестройки организационной работы, дайте концепцию по другим вопросам». В этом генсек видел «эхо многолетнего иждивенчества». «У нас, — говорил он, — есть общая линия перестройки... Определено главное: социализм, интересы народа, демократия, гласность и партия. В остальном надо самостоятельно думать и действовать самостоятельно»²³. Можно согласиться с саркастическим замечанием по этому поводу Оникова: «К самостоятельности Горбачев призывал тех, кто полстолетия был вышколен на обязательном согласовании каждого самого робкого самостоятельного шага с курирующим завсектором или замзаворготделом ЦК. Не научился самостоятельно предпринимать какие-либо шаги. Не говоря уже об их прямой кадровой зависимости от руководителя Орготдела ЦК КПСС»²⁴. Фактически Горбачев аккуратно «приотплевывал» партию: не занимаясь ее реформированием, он стимулировал демократические процессы за пределами КПСС. В таких условиях ее структуры не могли конкурировать с новыми динамичными политическими объединениями и закономерно становились объектом критики со стороны общественности за «нежелание» или «неумение» перестраиваться²⁵. В 1990 г. Горбачев утрачивает интерес к партии и по чисто практическим соображениям

и неизбежное, помимо его воли, возникновение компартии России выборы ее руководителя в перспективе снимали вопрос о том, кто на самом деле является первым лицом в КПСС. При сильной конкуренции в КПСС Горбачеву была уже не нужна. Он мог бы какое-то время сохраняться в качестве партийного лидера только в условиях неопределенной «полозковщины». По мере же «прозрения» российских коммунистов такому положению неизбежно пришел бы конец. Поэтому создание РКП сопровождалось мощной антирекламой в контролируемых горбачевцам СМИ, а сама партия рассматривалась как средоточие «партийных фундаменталистов» — как будто польская, узбекская или, например, грузинская компартии были более «авангардны».

Все это привело как к изменению роли КПСС в государстве, так и к значительным внутрипартийным переменам, которые были зафиксированы в июле 1990 г. на XXVIII съезде КПСС. На форуме съезда делегаты выразили неудовлетворенность работой высшего партийного руководства и ближайшего окружения генсека. Особую озабоченность вызывала складывающаяся неопределенность идеологических основ партии. В докладе Горбачева говорилось о том, что концепция перестройки находится в движении, саморазвитии, должна обогащаться новыми идеями и выводами по мере движения вперед. Когда же главного партийного идеолога В. А. Медведева спросили, существует ли идеология и концепция перестройки, то он ответил: «А что такое сама перестройка? Это ведь и есть идеология»²⁶. Съезд заменил Программу партии программным документом «К новому демократическому социализму», также содержащем достаточно общие декларации. Коренное изменение претерпели и организационные основы деятельности КПСС. Съезд закрепил «право партийных коммунистов и групп выражать свои взгляды в платформе». Многие расценили это решение как превращение партии в «своевольный идеологический клуб», что приводило к утрате идеологической и политической боеспособности организации. Съезд установил фактически неограниченную «самостоятельность компартий союзных республик». Имея общие с КПСС «программные принципы», партии отныне «разрабатывают собственные программные и нормативные документы, в которых сами решают политические, организационные, кадровые, издательские и финансовые вопросы, проводят линию партии в сфере государственного строительства, социально-экономического и культурного развития республик, осуществляют связи с другими, в том числе с зарубежными партиями и общественными движениями».

Как справедливо отмечал правовед Д. Л. Златопольский, «установление фактических федеративных отношений между коммунистическими партиями союзных республик стало одним из важнейших факторов, который, в конечном счете, также привел к отрицанию, а затем и к разрушению государственной федерации Союза ССР»²⁷.

Скептическое отношение Горбачева к КПСС к лету 1990 г. было достаточно устойчивым. Показательны его слова, прозвучавшие в ответ на совет своего помощника А. С. Черняева оставить после партии (любопытно, что происходило это в дни работы XXVI съезда КПСС): «Знаешь, Толя, думаешь, не вижу... как сговорились все, уговаривают бросить генсекство. Но пойми: нельзя на паршивую взбесившуюся собаку отпускать с поводка. Если я это сделаю, вся эта махина целиком будет против меня». Под «собакой», как следует из цитаты, понимается партия. Программный характер мысли о «цепи» подтверждается и тем, что Черняев приводит ее в мемуарах и 1993 г., и 1998 г. Правда, во втором случае «собака» заменена на «монстра»²⁸.

2
 2
 реформировать КПСС

Сторонники *другого подхода* в отношении к КПСС, которых можно назвать прагматическим, рассматривали партию не столько как «тоталитарную структуру», сколько как исторически сложившийся институт управления, который может быть охарактеризован скорее как «партия власти», в которой коммунистов-фанатиков давно уже не было. Как отмечал публицист Г. Г. Водолазов, «КПСС сегодня — действительно пока единственная общесоюзная сила, держащая в своих руках все общественные связи. В мгновение ока оставить все рычаги управления, бросить на произвол все сложившиеся связи, сцепляющие нашу коллективную жизнь, механизмы... — означает в наших условиях не демократический шаг, а дезертирство, которое непременно ввергнет страну в еще больший хаос. Задача партии... не в том, чтобы немедленно исчезнуть с авансцены политической жизни... но постараться выйти из тупиковой ситуации организованно, согласованно, достойно»²⁹. Л. А. Оников доказывал в те годы, что, исходя из роли и места партии в обществе, перестройку партии надо было начинать прежде всего с демократизации партаппарата, затем демократизовать саму партию и, наконец, общество³⁰. Решающее звено демократизации КПСС — ликвидация отчуждения коммунистов от партийной политики путем прямого включения активистов первичных организаций в работу райкомов, горкомов³¹. Известный политолог А. М. Мигранян в серии интересных статей обосновывал возможность и необходимость

...ность использования традиционных идеологических и политических советских институтов для проведения достаточно радикальных преобразований при сохранении высокой степени управляемости социальными процессами, «без потрясений». Предложения основывались на анализе нашей реальности и изучении позитивного мирового опыта, в частности китайского³². Все эти идеи не были тайной для Горбачева, но оказались невостребованными и даже всерьез не обсуждались³³.

Овладение российским уровнем управления, по мнению радикалов, делало необходимым *разрушение союзных государственных структур* — центральных министерств и ведомств, армии, МВД, отсюда следовало их постоянное шельмование в подконтрольной прессе. Логика борьбы за власть на территории РСФСР вела к расчленению политико-географического пространства исторического Российского государства, существовавшего в форме СССР, ибо только так, по мнению радикалов, можно было создать «реакционный» имперский Центр. А эта линия вела к почитанию духа державности, патриотизма как традиционных исторических ценностей России и русских. Более того, патриотизм и демократия объявлялись несовместимыми. Та же логика диктовала необходимость поддержки просыпающегося национального самосознания, прежде всего союзно-республиканских этносов, а также с националистическими сепаратистскими движениями, имевшими откровенно антироссийский и антирусский характер. В то же время у русских формировалось чувство вины перед другими народами за длительную «имперскую» эксплуатацию, которая якобы началась много веков назад и активно продолжалась в советский период. Более того, именно в этот период даже в официальном политическом лексиконе входит понятие «**русофобия**». Ее проявлениями считали: 1) очернение исторического прошлого, отрицание позитивного вклада России в мировую историю и культуру; 2) отрицание нравственных ценностей русского народа, прежде всего патриотизма и подвижничества; 3) отнесение русских к главным виновникам создания и поддержания административно-командной системы и сталинизма; 4) трактовка временного кризиса межнациональных отношений как результат политики великодержавного шовинизма; 5) двойной стандарт при подходе к национальным интересам русских, с одной стороны, и остальных народов — с другой³⁴. Русский характер исторически выродился, реанимировать его — значит вновь обрести страну на отставание, которое может стать хроническим, рус-

ский народ — «это народ с искаженным национальным самосознанием», русская культура — «накраденная», русская душа — «тысячелетняя раба» — эти и другие оскорбительные клише проагандировались многотиражными перестроечными изданиями.

Занявшая заметное место в информационном пространстве русофобия уже тогда у многих вызывала возмущение. Группа известных российских писателей направила в адрес Верховного Совета СССР письмо, где, в частности, отмечалось: «Стремление вывести русских за рамки homo sapiens приобрело в официальной прессе формы расизма клинического, маниакального, которому нет аналогий. «Да, да, все русские люди — шизофреники. Одна их половина — садист, жаждущий власти неограниченной, другая — мазохист, жаждущий побоев и цепей», подобная «типология» русских тиражировалась московскими «гуманистами» в прессе союзных республик для мобилизации всех народов страны, в том числе и славянских, против братского русского народа. Русофобия в средствах массовой информации СССР догнала и перегнала зарубежную антирусскую пропаганду»³⁵.

Дополнительным фактором ухудшения межнациональных отношений в 1989—1991 гг. явилось создание жупела «русского фашизма». Термин «фашизм» стал часто использоваться не для осуждения гитлеризма, который, напротив, фактически реабилитировался как противостоящий сталинизму, в фашизме пытались обвинить русский народ. Выстраивалась следующая логическая цепочка: патриотизм—национализм—шовинизм—антисемитизм—фашизм, — в которой три промежуточных звена убирались, и оставалось простое тождество патриотизма и фашизма³⁶. При этом в качестве «фашизированного» преподносился лишь русский патриотизм. Патриотизм же других народов «не нес фашистской угрозы».

Происходившие с середины 1980-х годов в СССР процессы часто называют модернизацией³⁷. Анализируя российскую ситуацию, философ В. Г. Федотова ставит вопрос: «Возможна ли модернизация без русофобии?»³⁸ Мы полагаем, что это идеологическое и политическое явление в конце 1980-х годов не было случайным. Во-первых, оно было связано с предшествующей советской традицией. Формально у русских не было оснований для ощущений дискомфорта: по всей стране преподавались русская история и литература, их язык был языком межнационального общения. Русские доминировали в союзных органах власти, а институт второго секретаря ЦК в республиках (на должности обыкновенно назначался русский) негласно трактовался как форми-

«пригляда» за «национальными компартиями» со стороны центральных структур³⁹. При этом сложилось представление, что «национальный вопрос» — это вопрос, имеющий отношение ко всем национальностям, кроме русских. Парадоксальность ситуации состояла в том, что русские при их доминировании не имели общенационально-политических институтов, артикулирующих проблемы их национального бытия. В сентябре 1989 г. председатель Президиума Верховного Совета РСФСР В. И. Воротников вспоминал: «Вопросы, связанные с расширением суверенных прав нашей республики и созданием целого ряда структур, которых у нас нет, вопрос сложный. Во всяком случае, помню, что с 1975 г. мы неоднократно рассуждали эти вопросы. Но всегда нам говорили: да не надо вам беспокоиться, зачем это нужно России? Обычно Россия отождествлялась с Советским Союзом и считалась каким-то амортизатором социальных процессов, которые происходят в стране»⁴⁰. Как отмечал в 1993 г. И. Р. Шафаревич, «русское национальное сознание живет в состоянии неусыпным враждебным присмотром, как преступник, сокрытый под надзор полиции»⁴¹. В итоге русские оказались не готовыми своевременно противостоять натиску более агрессивных национально-республиканских «национализмов» и «русский вопрос» в период перестройки возник как защитная реакция на давление из-

Второй источник русофобии в годы перестройки — интеллигентская традиция советского диссидентства. В его структуре большое влияние имело демократическое правозащитное движение, которое часто выступало в союзе с «национально-освободительными» группами. Идея разрушения «коммунистической империи» сочеталась со стремлением «освободиться от русского имперского гнета», что неизбежно придавало союзу антирусский оттенок.

Исследователи констатируют факт противостояния указанных течений в диссидентстве русскому национальному движению⁴². «Интеллектуальная» русофобия была широко распространена в зарубежных русскоязычных изданиях, особенно там, где доминировали эмигранты «третьей волны»⁴³. Активность бывших диссидентов и сочувствующей им интеллигенции в период перестройки способствовала переносу на советскую почву культивируемых ими ранее идей.

Третья причина русофобии была связана с господствовавшими тогда представлениями о будущем страны. Как мы уже отмечаем, исследователи делят все существующие модели развития на две группы. Первая исходит из необходимости догнать Запад и

изменить духовные качества населения, вторая считает, что традиционные качества могут стать предпосылками развития. Первую группу называют *институциональной* моделью развития, вторую — *культурологической*⁴⁴. В бывшем СССР, а затем в России возобладал институциональный подход. Он предполагал, что в ходе реформ такие черты граждан России, как коллективизм, стеснительность, «притерпелость», патриотизм, вера в авторитеты, низкие потребительские ожидания... зависть и неприязнь к богатству... должны быть устранены как неспособные служить основой развития и процветания страны⁴⁵. Институциональный подход делал упор на «смену духовной идентичности», изживание присущих жителям страны ценностей, духовных особенностей. В годы перестройки появился поток литературы, прославлявшей автономного и ответственного индивида, руководствующегося протестантской этикой («Стать Европой», «Легко ли стать Европой» — публикации под подобными названиями были не редкостью⁴⁶). Известный публицист С. Г. Кара-Мурза считает, что евроцентризм составлял основу идеологии перестройки⁴⁷. Возможность выбора именно такого сценария «демократические» идеологи перестройки обосновывали «кризисом великорусской нации»⁴⁸, тем, что за годы «тоталитаризма» именно русские (больше других!) понесли невосполнимые потери, приведшие к их фактической этнокультурной деградации и утрате национально привлекательных черт⁴⁹. Спасением предлагалось видеть в возвращении в лоно «цивилизации», естественно западной⁵⁰.

Тем не менее, думается, что преобладание радикалов в российском руководстве не было неизбежным. Об этом, в частности свидетельствует и тот факт, что их лидер Б. Н. Ельцин был избран Председателем Верховного Совета лишь в третьем туре голосования минимально необходимым количеством голосов (набрал при том, что требовалось 531). Вероятно, эта победа была одолжена рядом обстоятельств. Во-первых, как мы уже отметили, союзные власти не имели концепции взаимоотношений Центр — Россия в новых условиях, а прежний курс — «не пущать» Ельцина — уже не устраивал никого. Отсюда — на российском уровне Горбачевцы не вели практически никакой политической работы. Во-вторых, фронтальные неудачи реформаторов, их идеологическая аморфность вызывали в общественном сознании отторжение того, что Горбачев называл «социалистическим выбором», и делали привлекательность «демократического», а по сути — антисоциалистического выбора. В-третьих, безусловно, сказались

ическая гибкость радикалов, использование ими широко применяемых на Западе современных политических технологий. На том этапе радикалам фактически удалось консолидировать вокруг себя большую часть протестного электората, куда входили и патриоты-государственники, и представители различных социалистических и коммунистических течений. Лозунги демократии как антикоммунизма, несвободы, тоталитаризма пользовались тогда широкой популярностью, несмотря на то что людей, называвших себя «демократами», можно было считать таковыми лишь условно: изначально предлагавшиеся их идеологами методы борьбы за власть были скорее большевистские, нежели демократические. События 1992—1993 гг. показали: последовательно на радикально-либеральных позициях (согласно итогам голосований в Верховном Совете) стояли примерно 25% российских депутатов⁵¹, что лишнее подчеркивает весьма относительный характер общероссийского единства и подтверждает его антигорбачевскую направленность.

Некоторые политики высказывают мысль о том, что не Прибалтика, не Грузии или Украине принадлежит решающая роль в распаде СССР: судьба единого государства зависела от политической воли российского руководства. Формально дискуссии второй половины 1990 — первой половины 1991 г. касались прежде всего вопросов, связанных с различным толкованием понятия «суверенитет» и будущего национально-государственного устройства обновленного Союза. Фактически же расхождения между союзными и российскими политиками крылись в проблеме социалистического выбора и радикального изменения существовавшей социально-экономической и социально-политической системы. Если Горбачев по-прежнему утверждал, что целью преобразования является обновление социализма, то Ельцин и его окружение все определеннее заявляли о либерально-демократическом характере будущих реформ.

Принятие Декларации о российском суверенитете, выборы народных руководителей, готовых этот суверенитет отстаивать, создали уникальную в истории СССР ситуацию: впервые появился альтернативный союзному центру принятия решений, российская власть вышла из тени общесоюзной. Однако если провозглашение суверенитета было делом относительно легким, то для проведения реформ в РСФСР по сценарию радикалов в их руках не было столько материальных и властных ресурсов: в 1990—1991 гг. подавляющая часть экономических объектов в России была по-пре-

жнему подчинена союзным ведомствам. Непосредственно республике подчинялись лишь 17% предприятий, расположенных на территории (в других союзных республиках эта доля колебалась от 25 до 60%)⁵². Общесоюзные власти управляли и всеми силовыми структурами. Все это и предопределило политику российских лидеров: ее содержанием стала борьба за овладение находящимися на территории республики материальными, финансовыми и прочими ресурсами. По форме это была жесткая борьба «по всему фронту» против союзных властных структур и институтов и проводимой ими политики.

Известно, что **борьба за власть** имеет свою логику. На одних из первых мест в ней — подрыв позиций своего политического противника, причем методы такой борьбы далеко не всегда бывают моральны. У оппонентов Горбачева изначально была определенная «фора»: с одной стороны, они могли сколько угодно критиковать президента СССР за ошибки, бездействие, а с другой — предлагать и обещать то, что в принципе было невыполнимым, выглядело привлекательно. Осознание же народом того, что в настоящее время у российских властей нет возможности выполнить обещанное, отодвигало на второй план вопрос о потенциальной ответственности за явно утопические рецепты решения наиболее острых проблем. Поэтому Б. Н. Ельцин последовательно создавал себе имидж политика действия, через разноплановые популистские акции оттягивал от Горбачева его политических сторонников. Тактика «встречного пожара», при которой любая, даже разумная инициатива Центра «побивалась» более широкомасштабными декларациями, носила откровенно конфронтационный характер, способствовала дестабилизации во всех сферах. Позже, в октябре 1991 г., Горбачев фактически признало и само российское руководство: необходимость замены И. С. Силаева на посту председателя Совета Министров РСФСР обосновывалась тем, что его работа была эффективной лишь в период борьбы за суверенитет России; для реализации же конструктивной программы реформ требовался руководитель иного плана. Во второй же половине 1990 г. «двуцентрие» постепенно превращалось в «двоевластие». А. Н. Яковлев даже утверждал, что уже к декабрю 1990 г. Горбачев потерял власть лишь формально сохраняя ее внешние атрибуты⁵³.

Так или иначе, но с середины 1990 г. начинается проведение **независимой политики России**. Реализация принципов суверенитета рассматривалась как основа выхода из кризиса⁵⁴. В правовом плане эта политика опиралась на статью 5 Декларации о суве-

е, где провозглашалось верховенство республиканской Конституции и законов над союзными⁵⁵. Эти идеи были развиты в последующих документах: 24 октября 1990 г. был издан закон, дававший право российским органам власти приостанавливать действие союзных актов в том случае, если они нарушают суверенитет РСФСР. Этим же законом предусматривалось, что решения высших органов государственной власти СССР, указы и иные акты президента СССР вступают в действие лишь после их ратификации Верховным Советом РСФСР⁵⁶. Соответствующие изменения и дополнения в декабре 1990 г. были внесены в российскую Конституцию⁵⁷. Другой закон устанавливал штраф в размере 500 до 10 000 тыс. рублей за умышленное невыполнение законов РСФСР⁵⁸. Угрозы применения этой санкции звучали и в публичных выступлениях лидеров⁵⁹. В чем же конкретно выражалась новая российская политика?

Во-первых, была принята серия актов, где развивалось положение одного из первых новых законов России — «Закона о собственности на территории РСФСР» от 4 июля 1990 г. В нем прямо говорилось о том, что право собственности на природные богатства и основные производственные фонды регулируется законами РСФСР и автономных республик. Союзу же ССР эти фонды «могут предоставляться в пользование на основе законов РСФСР и международного договора»⁶⁰. Постановлением Президиума ВС РСФСР от 1 августа 1990 г. признавались недействительными ранее заключенные без согласования с РСФСР внешнеэкономические соглашения и сделки по продаже драгоценных металлов и других стратегических ресурсов и товаров. Здесь же говорилось о том, что РСФСР не несет ответственности за кредиты, соглашения и сделки, заключенные без согласия соответствующих органов РСФСР. Упоминалось введение особого режима осуществления торговых операций с произведенной в республике продукцией⁶¹. В этой связи 1 августа 1990 г. Совмин РСФСР получил поручение заключать торгово-экономические соглашения с правительствами основных стран — импортеров российских товаров. Одновременно правительству СССР запрещалось без ведома российского «реэкспортировать» произведенные в республике изделия или добытое сырье. Для реализации этой задачи предполагалось создание Торгово-промышленной палаты РСФСР, Главного таможенного управления РСФСР, Главного управления по туризму, Академии внешней торговли, Товарной биржи РСФСР⁶². Оптово-посреднические фирмы Госснаба СССР, находившиеся на территории

РСФСР, переводились в ведение Госкомитета РСФСР по материально-техническому обеспечению республиканских и региональных программ⁶³.

Те же цели преследовала и реформа российской финансовой системы⁶⁴. Собственностью России объявлялись расположенные территории республики учреждения Госбанка СССР, Промстробанка СССР, Агропромбанка СССР, Жилсоцбанка СССР, Сббанка СССР, Внешэкономбанка СССР. Российский республиканский банк СССР был преобразован в Государственный банк РСФСР⁶⁵. Ряд законов и постановлений конкретизировал политику России в банковском деле, регулируя статус и взаимоотношения действующих здесь субъектов⁶⁶. Изменения в банковской системе были тесно связаны с коренными новациями в подходе к формированию союзного бюджета. Российские законодатели предполагали лишить бюджет СССР собственных источников налоговых поступлений — теперь все собираемые налоги должны бы идти в республиканский бюджет; Россия же передавала СССР «целевые финансовые средства» в размере, утвержденном ВС РСФСР⁶⁷. В результате в конце 1990 г. союзный бюджет недополучил 90 млрд руб.⁶⁸.

Новые задачи ставились и перед судами республики. Постановлением ВС РСФСР от 18 октября 1990 г. Государственному арбитражу РСФСР и его территориальным организациям вменялось обязательство при разрешении споров исходить из принципа верховенства в республике законодательства РСФСР, решений ее Верховного Совета и съездов народных депутатов⁶⁹. Защищать республиканские интересы был призван создаваемый Конституционный суд РСФСР⁷⁰.

Постепенно создавались и другие параллельные союзным государственным и прочие структуры и институты⁷¹. По предложению М. Н. Полторанина возникло Министерство печати и информации: предполагалось создание «четвертой власти», без которой «сделать демократию необратимой»⁷². В противостоянии союзными властями рождалось российское телевидение; разгорелась борьба за обретение республикой своих газет⁷³, разрабатывалась партийной полиграфической базы⁷⁴. События января 1991 г. в Прибалтике были использованы как повод для постановки вопроса о необходимости собственной армии для России⁷⁵. Вскоре было принято решение о создании Комитета по обороне и безопасности: в мае 1991 г. — собственного КГБ⁷⁶. В январе 1991 г. был создан Совет Федерации РСФСР⁷⁷, началась подготовка Федеративной

порядка для России⁷⁸. Определялся порядок введения чрезвычайного положения⁷⁹ и проведения референдума⁸⁰ на территории республики. На государственном уровне началось внедрение идеи о денационализации официальных учреждений⁸¹.

Всплеск конфронтации между российскими и союзными властями пришлось на важный период, когда в среде советско-российской партийно-управленческой элиты при значительном влиянии интеллигентного экономического сообщества сложилось представление о новой системе мер, которую необходимо осуществить для перехода к рыночным отношениям. Намерение проводить решительные реформы, хотя и явно болезненные преобразования, было существенно простимулировано нарастающим экономическим хаосом в РСФСР. В то же время Горбачев, очевидно, постепенно осознавал, что в середине 1990 г. пойти на непопулярные меры с существующим союзным правительством, которое, хотя он это и не признавал, вместе с ним несло свою долю ответственности за ухудшение ситуации после 1985 г., будет трудно. Радикальная оппозиция уже вовсю критиковала Н. И. Рыжкова как символ экономической некомпетентности и нерешительности союзного руководства⁸². В этих условиях Горбачев начинает дистанцироваться от должности премьера: на XXVIII съезде КПСС именно правительство объявил ответственным за хозяйственные неурядицы. Это было вполне справедливо, ибо, как мы уже отмечали, все «спорные» решения по экономике были приняты в 1985–1988 гг., когда началось ослабление партийного вмешательства («руководства») на местном уровне.

В то же время именно в окружении Рыжкова, пусть и с запозданием, были разработаны два варианта перехода к рынку, которые обсуждались политиками и общественностью в середине 1990 г. Первый план связывают с именем академика Л. И. Абалкина, отвечающего в ранге вице-премьера союзного правительства за подготовку экономической реформы. Этот документ представлял и за подписью Рыжков в качестве общесоюзной программы. Авторство второго варианта плана связывали с именем Г. А. Явлинского, занимавшего должность начальника отдела и секретаря Государственной комиссии Совета Министров СССР по экономической реформе — той самой комиссии, которую возглавлял Абалкин⁸³. Интересно, что специалисты отмечали совпадение базовых положений обеих программ⁸⁴. Их отличия касались двух моментов. Программа Явлинского — «500 дней» — предполагала проведение реформы при заключении *лишь экономического союза* между республи-

ликами, отодвигая на дальний план проблему заключения политического договора и даже не затрагивая эту тему⁸⁵. Основными субъектами государственного регулирования считались «суверенные государства», предполагалось верховенство их законодательств⁸⁶. Уловив общие настроения нетерпения и отражая их, к рынку автор намечал пройти за 500 дней — сторонники Яковлевского подхода рассчитывали, что на это уйдет 6–8 лет. Характерно, что в газете «Демократическая Россия» программа была опубликована под заголовком «Россия ждать не может»⁸⁷. Имя заключавшаяся в плане «500 дней» «философия действия» сразу определила то, что он был взят на вооружение руководством РСФСР в качестве российской программы экономических реформ. Различия между союзной программой и «500 днями» стали трактоваться как непреодолимые. Пропаганда российского плана была снабжена изрядной дозой популизма: помимо революционных лозунгов, переход к рынку обещали осуществить без ущерба для населения. Горбачев начал лавировать: не выступая против союзной программы, он проявлял большой интерес к «500 дням», видимо, усматривая в этом шанс на достижение компромисса-примирения с Ельциным⁸⁸. Российское же руководство использовало программу Явлинского для массивной атаки на союзное правительство, усиливая конфронтацию между двумя уровнями власти.

Очевидное преимущество положения нового российского правительства в сравнении с союзным образца середины 1985 г. связано, во-первых, с тем, что к середине 1990 г. уже имелись достаточно определенные представления о том, что нужно для перехода страны к рынку. Во-вторых, российские руководители не имели за спиной «шлейфа проб и ошибок», который сопровождал союзных лидеров. Реформаторы РСФСР начинали как с «чистого листа». Поэтому они могли пользоваться наработкой предшественников и располагали кредитом доверия у населения. Все это давало возможность демонстрировать осознанную и эффективную *прорыночную политику*.

Закон «О собственности в РСФСР» легализовал многообразие ее форм: здесь говорилось о том, что имущество может находиться в частной, государственной и муниципальной собственности, а также в собственности общественных объединений⁹⁰. Привнес вслед за ним Закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности» был призван стимулировать активность предприятий с различными формами собственности⁹¹. Была разработана и законодательно оформлена программа приватизации государственных

му и муниципальных предприятий в РСФСР⁹². Созданием конкурентной среды и ограничением монополистической деятельности на товарных рынках должен был заниматься соответствующий Госкомитет⁹³. Был принят Закон о приватизации жилищного фонда⁹⁴. Стимулировалась и регламентировалась инвестиционная деятельность⁹⁵, создавались предпосылки для привлечения иностранного капитала⁹⁶. Российские власти поощряли создание своих экономических зон: к середине 1990 г. этот статус был предоставлен девяти территориям⁹⁷. Все юридические лица и отдельные граждане получили право на участие во внешнеэкономической деятельности и прямой выход на внешний рынок⁹⁸. Большое внимание российские законодатели уделяли аграрной проблематике: здесь и списание долгов с колхозов и совхозов, и решения о приоритетном финансировании производственной и социальной сфер деревни, и попытки начать аграрную реформу через поощрение всех форм хозяйствования; предусматривалось использование как рыночных, так и административных методов управления⁹⁹.

Решения, кардинально отличавшиеся от горбачевских, выносились и применительно к проекту нового **Союзного договора**: вместо постепенной трансформации бюрократического государства «сверху» радикалы предлагали фактически его разрушить и создать новую федерацию «снизу». В октябре 1990 г. была озвучена идея начать прямые переговоры делегаций республик и Союза ССР об ограничении компетенции союзных и республиканских органов власти и управления, собственности и т.д.¹⁰⁰. Переход к новой стратегии был осуществлен во второй половине 1990 — начале 1991 г. С одной стороны, российская сторона резко критиковала исходившие от союзных структур проекты договора, на мартовом (1991) референдуме о судьбе Союза вела агитацию проотделение. В то же время в октябре 1990 г. были заключены прямые двусторонние договоры между Россией и Украиной, Россией и Казахстаном. Выдвигалась идея «*Союза четырех*»: России, Украины, Белоруссии и Казахстана. В подписанных договорах говорилось о готовности строить межгосударственные отношения на основе признания взаимного суверенитета, отказа от вмешательства во внутренние дела, нерушимости существующих границ¹⁰¹. Аналогичные, откровенно антисоюзные договоры были подписаны Россией с Латвией, Литвой, Эстонией после известных событий января 1991 г. Здесь Б. Н. Ельцин еще раз повторил свою мысль о том, что «у русского человека все-таки есть Родина»¹⁰², которая

В тех конкретных условиях означала поддержку прибалтийских дикал-националистов в их намерении осуществить этническую «чистку» «своих» территорий. В январе 1991 г. за подписью первого заместителя председателя Верховного Совета РСФСР Р. И. Хасбулатова появился проект преобразования Союза, где автор определял предлагаемое им Сообщество как «конфедеративное объединение суверенных с международно-правовой точки зрения государств». Провозглашался абсолютный приоритет законов государств над законами Сообщества. Сообщество предполагалось без своей собственности, без конституции, решение вопросов об общем гражданстве откладывалось на более позднее время. В «посредственном управлении» Сообществу передавались лишь «атомная энергетика, — и то под контролем государств-участников. Функции же Сообщества сводились к «координации», разработке «рекомендаций» и т.п.¹⁰³. В этой связи особенно шокировавшее «ученую» публику заявление Б. Н. Ципина, также озвученное в январе 1991 г., о том, что «федерация и конфедерация — это одно и то же». «Заменить» Союз на Содружество предлагали и представители «Демократической России» выступившие в январе 1991 г. в Харькове на Демократическом конгрессе¹⁰⁴. Интересно, что для обоснования дезинтеграционных идей был использован и авторитет А. И. Солженицына. Характерно, что его статья «Как нам обустроить Россию?» была опубликована в «демократических» «Литературной газете» и «Комсомольской правде», авторы которых в мировоззренческом плане были весьма далеки от писателя.

В 1990—1991 гг. автономные республики стали объектом борьбы за влияние между союзным Центром и Россией. В это время конфликт во многом имел «инерционную» природу. Еще в платформе ЦК КПСС по национальной политике (сентябрьский пленум 1989 г.) содержался целый раздел под названием «Поднять правовой статус национальной автономии», где, в частности, декларировалось намерение властей расширить компетенцию автономных республик, учитывая их «правовую природу как союзных социалистических государств»¹⁰⁵. Расширение возможностей в форме напоминало схему будущих отношений с союзными республиками, хотя понятие «суверенитет» в данном случае не присутствовало.

Следующий шаг, стимулирующий самостоятельность автономий, был сделан в конце апреля 1990 г. в Законе СССР «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами федерации».

Как справедливо пишут исследователи этого вопроса, «содержание закона свидетельствовало о том, что союзную право-мощность он распространил и на автономные республики в составе союзных республик, т.е. реформирование Союза происходило бы на основе этого закона за счет развала союзных республик». Закон рассматривал автономные республики в качестве равноправных социалистических государств — субъектов федерации (РСФСР). Они получили право передавать полномочия Союзу ССР, а также «свою» союзную республику. Отношения же автономных республик с союзными, в состав которых они входили, предписывались строить на договорах и соглашениях. А поскольку предусматривалось, что Закон ляжет в основу обновления отношений между Союзом ССР и субъектами федерации, то из этого прямо следовало, что автономные республики могли напрямую «обновлять свои отношения с Союзом, поскольку согласно Закону являлись его субъектами, что прямо нарушало Конституцию¹⁰⁷.

Сейчас трудно судить, чем руководствовались союзные законодатели: то ли они просто следовали логике «расширения полномочий», то ли здесь содержался дальний политический расчет — «продать» «суверенизаторские» настроения России через ее ослабление путем переориентации автономных образований на союзно-инициативные структуры¹⁰⁸. В этих условиях после принятия российской Декларации о суверенитете борьба за автономии проходила под лозунгом «Кто больше даст?» и разогревала аппетиты местных национальных элит, которые никто и не пытался ограничивать. В то время у российских лидеров нервы были намного крепче, чем у союзных; последние хотя бы предполагали участие автономий в каком-либо переговорном процессе — российские же и таких условий не выдвигали. «Россия заключит договор с Татарской Республикой и Чеченским государством — это как решит Верховный Совет. Будет конфедеративный договор внутри России... Не надо исходить из того, сколько прав даст вам Россия. А надо исходить из того, сколько вы можете взять и какую долю власти делегировать России... Возьмите какую-нибудь долю самостоятельности, какую можете переварить. А что можете — отдайте России по договору» — так летом 1990 г. в Иркутске сформулировал позицию руководства РСФСР Б. Н. Ельцин¹⁰⁹. В числе лозунгов, с которыми его встречали, был и такой: «Иркутск — союзная республика».

Новые «субъекты Союза» сразу же встали на путь «старших братьев»: до зимы 1990 г. 14 из 16 российских автономных республик провозгласили свой суверенитет, а две оставшиеся и некоторые из

автономных областей приняли декларации, которыми в одном порядке повышали свой политический статус. Спустя год уже все автономные области провозгласили суверенитет в качестве республик¹¹⁰. У всех из названий исчезло слово «автономная», а в некоторых была оставлена только «республика», «советская» и «социалистическая». Декларации бывших автономных областей повторяли содержание союзных аналогов: в них встречались требования верховенства республиканского законодательства над российским, а также права собственности республики на ресурсы (природные и производственные) на ее территории¹¹¹.

Борьба за автономии между союзными и российскими структурами продолжалась вплоть до августа 1991 г. Очевиден деструктивный характер этого противостояния, дополнительно расшатывавшего уже и без того нестройную систему управления. В перспективе же проблема неизбежно должна была приобрести и приобрести остроконфликтную форму, поскольку после завершения борьбы за власть, в «мирных условиях», становилась явной несуразность существования «суверенных государств» в составе другого суверенного государства, при котором обязанности одних субъектов (республик) произвольно определялись местными элитами в зависимости от «аппетитов», а статус других (краев и областей), имевших перед государством совсем иные экономические обязанности, выглядел и реально был неполноценным. Отсюда вытекало стремление «русских» субъектов получить такие же права, которыми располагали республики, и одновременно — необходимость их центральными властями части присвоенных республикам полномочий. Клубок возникших тогда противоречий оказывал поныне оказывает большое негативное влияние на внутриполитическую ситуацию в России.

Отношения новых российских структур с союзными властями носили остро конфронтационный характер. Российский парламент отверг союзную программу перехода к рынку, не признавая возможности компромисса. Российские законодатели постоянно требовали отставки правительства Н. И. Рыжкова¹¹². Российские власти резко осудили решение союзного парламента по изменению тематики президентской власти в СССР с целью ее усиления (так называемые «8 пунктов Горбачева», ноябрь 1991 г.). Российская сторона сорвала заранее согласованную реформу системы ценообразования¹¹³. Российский парламент выступал против посылки граждан РСФСР за пределы республики для урегулирования межнациональных конфликтов, а также против вовлечения войск в полити-

конфликты¹¹⁴. Апофеозом стали обращение Ельцина по телефону 19 февраля 1990 г. с требованием отставки президента и передачи всей полноты власти Совету Федерации, а также выступление 9 марта 1991 г. в Доме кино, где он призвал своих сторонников «объявить войну руководству страны»¹¹⁵.

В сфере **внешней политики** началась разработка концепции национально-государственных интересов России. Как писал бывший министр иностранных дел РСФСР А. В. Козырев, «направленность этой концепции была задана программными документами «Демократической России», идеями ряда публицистов и общественных деятелей, стремившихся выработать альтернативу внешнеполитическому курсу Союза»¹¹⁶. Однако тогда идея независимой внешней политики России не нашла понимания на Западе. В феврале 1991 г. после визита Б. Н. Ельцина в Страсбург на сессию Европарламента был оказан более чем холодный прием. Российского лидера назвали «дельцом», «безответственным человеком», упрекали в том, что он «представляет собой оппозицию Горбачеву», с которым, как сказал один из депутатов, «мы чувствуем себя уверен-

Контрпродуктивность проводившейся Россией политики постепенно становилась очевидной для многих — столь разительным несоответствие реальностей начала 1991 г. намерениям и ожиданиям весны—лета 1990 г. Показательно, что недовольство сложившейся ситуацией проявилось на самом высоком властном уровне. 21 февраля 1990 г. на сессии Верховного Совета РСФСР ряд членов его Президума выступили с заявлением, содержащим осуждение действий Б. Н. Ельцина, и потребовали его отставки. Интересен ранг «протестантов». Это были: заместители председателя Верховного Совета С. П. Горячева и Б. М. Исаев, председатель палат Верховного Совета Р. Г. Абдулатипов и В. Б. Исаков, заместитель председателя палаты А. А. Вешняков и секретарь Президума Верховного Совета В. Г. Сыроватко — в прошлом все сторонники Ельцина. В документе отмечались авторитарный характер руководства со стороны Председателя Верховного Совета, «презрение теми органами, которые законно избраны», единоличное принятие многих важных решений. Далее указывалось, что Ельцин «проводит узко партийный курс, отвечающий интересам только новых политических сил, но противоречащий коренным интересам России». Как писал В. Б. Исаков, «похоже, что жизнь началась с нами злую шутку: вырвавшись из лап одной партийной диктатуры, мы сейчас приближаемся не к демократии, а к другой

диктатуре, перекрашенной в иной цвет, но такой же жесткой, непримиримой, искореняющей всякое инакомыслие»¹¹⁹. Ельцин обвинялся в развале Союза ССР, борьбе за власть, неспособности организовать консолидированную и созидательную работу РСФСР. Констатировалось нежелание проводить реформы при громких призывах к ним¹²⁰.

Некоторые авторы указывают на «коммунистическое» происхождение этого демарша, что, на наш взгляд, не очевидно. В первых, прозвучавшие в заявлении идеи действительно отражали то, что происходило в реальности, в нем не было натяжек. Во вторых, формальная принадлежность к КПСС тогда уже ни о чем не говорила. В-третьих, среди наиболее активных участников «истерки» был В. Б. Исаков, который еще в 1990 г. вслед за Ельциным вышел из КПСС.

К началу 1991 г. потеря управляемости экономическими, социальными, политическими, межнациональными процессами в СССР стала очевидной для всех. Единственно, в чем сохранялись различия, так это в объяснении причин возникновения кризиса. Руководство страны во главе с Горбачевым связывало их с неумными суверенизаторскими амбициями союзных республик, наиболее активные из которых во главе с Россией развернули фронтальную атаку на «имперский Центр». Группировавшиеся же вокруг Ельцина российские лидеры во всем винили «реакционные силы партийно-хозяйственную номенклатуру, не желавших демонтировать отжившие экономические и политические структуры СССР». Каждая из сторон претендовала на большую обоснованность своего права вытаскивать страну из пропасти.

В первой половине 1991 г. заметную активность проявлял первый вице-премьер правительства В. С. Павлов. Будучи назначенным на этот пост лишь в январе 1991 г., он был достаточно свободен как в оценках сложившейся ситуации, так и в определении причин, которые к ней привели. Жесткий анализ экономического положения был сделан в его докладе 23 апреля 1991 г. на сессии Верховного Совета СССР. Доклад — под характерным названием «Труд. Ответственность. Компетентность» — был одним из важнейших документов 1991 г., где фактически подводились итоги социально-экономической политики за 1985—1991 гг.¹²¹.

Мы разделяем точку зрения, согласно которой экономический кризис в СССР в 1991 г. следует рассматривать как кризис власти. К этому времени произошла «структуризация» социально-политического пространства, основанная на сложившихся группах ин-

Возникновение же полицентризма политической власти привело к росту конкуренции между ее различными институтами, что привело к резкому снижению эффективности существовавшей системы управления экономикой. К этому времени сложились два основных подхода относительно вывода страны из кризиса: рыночный и стабилизационный. За обоими стояли достаточно сильные экономические и политические силы, обслуживающие различные психологические институты¹²².

Экономическое неблагополучие особенно болезненно проявилось в социальной сфере. В 1991 г. основных продуктов в расчете на душу населения приходилось столько же или чуть меньше, чем в 1985 г., хотя уже тогда этот уровень признавался недостаточным. В 1991 г. четко фиксировался спад производства продовольственных изделий в сравнении с 1990 г.: до этого времени наблюдался незначительный, но рост. Меньше было произведено сахара, мяса, колбасных изделий, мясных полуфабрикатов, животного масла и цельномолочной продукции¹²³. Продолжавшийся рост денежной массы привел к повышению цен практически на все потребительские товары, которые от этого не стали доступнее. В марте 1991 г. Госкомстат констатировал, что на долю нормированной розничной продажи основных видов продукции приходится от 70 до 100% всех ресурсов. Однако, в связи с нехваткой товаров, в ряде регионов не вводилась (это уже стало нормой), а отменялась талонная система, так как не было возможности обеспечить население даже по заявленным скудным нормам¹²⁴.

Все это приводило к тому, что вопрос о степени социальной защищенности при выборе модели реформирования выдвинулся на одно из видных мест в политической полемике первой половины 1991 г. Российское руководство ревниво доказывало большую эффективность своих планов социальной защиты населения. Характерен один из заключительных аккордов этой борьбы. 25 июня 1991 г. ВС СССР одобрил основные параметры защиты населения при переходе к рынку¹²⁵. А уже через три дня, в «пику» союзным, российские законодатели приняли свой Закон об индексации доходов населения, который шел в этом вопросе дальше союзного. При обсуждении российского Закона прозвучали сомнения относительно реальности финансирования такой «щедрости», однако в ответ от разработчиков были получены заверения в том, что «источники дополнительных ассигнований в республике имеются»¹²⁶.

Анализ политики, проводившейся после провозглашения российского суверенитета ее новыми руководителями, позволяет сделать вывод о том, что несогласованность в действиях союзных и российских центров власти оказала огромное влияние на ситуацию в стране в целом, привела к таким последствиям, которые в 1990 г. едва ли кто мог бы предсказать.

Примечания

¹ Собчак А. А. От съезда к съезду: становление новой политической системы//Через тернии. М., 1990. С. 479.

² Об этом подробнее: Вдовин А. И. Проекты преобразования советской федерации//Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. 1991. № 1. С. 43.

³ Собчак А. А. Указ соч. С. 480.

⁴ Примаков Е. М. Годы в большой политике. М., 1999.

⁵ Клямкин И. М. Логика власти и логика оппозиции//Через тернии. 1990. С. 702.

⁶ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 482.

⁷ Кувалдин В. Б. Президентство в контексте российской трансформации//Россия политическая. М., 1998. С. 18–19.

⁸ Горбачев М. С. Указ. соч. С. 485.

⁹ Воротников В. И. А было это так... М., 1995. С. 367.

¹⁰ Там же. С. 367.

¹¹ Там же. С. 368–369.

¹² См.: Мунтян В. Некоторые проблемы русского национального движения//Неформалы: Кто они? Куда зовут? М., 1990.

¹³ Советская Россия. 1990. 28 марта.

¹⁴ Согрин В. Б. Политическая история современной России. М., 1997. С. 66.

¹⁵ Яковлев А. Н. Постигание. М., 1998. С. 160.

¹⁶ История современной России. М., 1995. С. 60.

¹⁷ Напр.: Клямкин И. М. Указ. соч. С. 716–717.

¹⁸ Попов Г. Х. Снова в оппозиции. М., 1994. С. 78.

¹⁹ Клямкин И. М. Указ. соч. С. 717–719.

²⁰ По наблюдениям Н. Б. Биккенина, партия и до этого времени не была монолитной: «К 80-м годам... партия не была одноцветной. Поскольку партия была одна, да к тому же правящая, в ней состояли и коммунисты-интернационалисты, и националисты-государственники, и сепаратисты, и западники, и почвенники, и социал-демократы, и даже, как выяснилось позднее, «антикоммунисты». Был даже свой «монархист» — прекрасный сателит, поэт-лирик Владимир Солоухин» (Биккенин Н. Б. Сцена общественной и частной жизни//Свободная мысль. 2000. № 7. С. 96).

- ¹ *Водолазов Г. Г.* Формулы консолидации//Через тернии. М., 1990. С. 736.
- ² *Воронников Л. А.* КПСС: анатомия распада. М., 1996. С. 70.
- ³ Перестройка работы партии — важнейшая ключевая задача дня. Сообщение в ЦК КПСС первых секретарей компартий союзных республикомов и обкомов партии 18 июля 1989 г. М., 1989.
- ⁴ *Воронников Л. А.* Указ. соч. С. 71.
- ⁵ Там же. С. 40.
- ⁶ *Воронников В. И.* Указ. соч. С. 397—398.
- ⁷ *Воронников Д. Л.* Разрушение СССР. М., 1998. С. 24.
- ⁸ *Воронников А. С.* Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 356; *он же:* 1991 г.
- ⁹ Помощника Президента СССР. М., 1998. С. 326.
- ¹⁰ *Водолазов Г. Г.* Указ. соч. С. 738.
- ¹¹ *Воронников Л. А.* Указ. соч. С. 71.
- ¹² Там же. С. 69.
- ¹³ Там же. Новый мир. 1989. № 7; Литературная газета. 1989. 16 августа; Новая Америка. 1990. № 3; Новое время. 1991. № 2.
- ¹⁴ *Воронников Л. А.* Указ. соч. С. 74. Интересно, что к этой теме с 1987 г. постоянно обращался Б. Н. Ельцин. Например, на XIX партконференции отмечал, что «перестройку надо было начинать именно с партии, зато она повела бы за собой, как всегда, остальных. А партия, как раз с началом перестройки, и отстала».
- ¹⁵ См. подробнее: *Барсенков А. С., Вдовин А. И., Корецкий В. А.* Русский век в национальной политике. XX век. М., 1993. С. 126.
- ¹⁶ Письмо писателей России//Московский литератор. 1990. 2 марта.
- ¹⁷ См. об этом: *Казинцев А. И.* Новые политические мифы. М., 1990.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Кувалдин В. Б.* Указ. соч. С. 16.
- ²⁰ *Федотова В. Г.* Возможна ли модернизация без русофобии?//На переломе. М., 1999.
- ²¹ Напр.: *Старовойтова Г. В.* Государство, общество, нация//Через тернии. М., 1990.
- ²² *Воронников В. И.* Россия, открытая перестройке//Советская Россия. 1989. 1 сентября.
- ²³ *Шафаревич И. Р.* Обособление или сближение?//Дон. 1989. № 12. С. 165.
- ²⁴ *Алексеева Л. А.* История инакомыслия в СССР. М., 1992. С. 337.
- ²⁵ Более подробно см.: *Казинцев А. И.* Указ. соч.
- ²⁶ См.: *Федотова В. Г.* Указ. соч. С. 156.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ См., напр.: *Баткин Л. М.* Статья Европой//Век XX и мир. 1988. № 8; *Воронников А. М.* Легко ли стать Европой//Там же. 1988. № 12.
- ²⁹ *Кара-Мурза С. Г.* Евроцентризм — скрытая идеология перестройки. М., 1996.
- ³⁰ *Попов Г. Х.* Будет ли у России второе тысячелетие? М., 1998. С. 195.
- ³¹ Напр.: *Старовойтова Г. В.* E pluribus unum//В человеческом измерении. М., 1990.

- ⁵⁰ См.: *Казинцев А. И.* Указ. соч. С. 161.
- ⁵¹ *Согрин В. Б.* Указ. соч. С. 121.
- ⁵² *Челноков М. М.* Россия без Союза, Россия без России. М., 1994. С. 10.
- ⁵³ *Яковлев А. Н.* Горькая чаша. Ярославль, 1994. С. 242.
- ⁵⁴ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. № 28. Ст. 371. (Далее — Ведомости...)
- ⁵⁵ Правовед Е. А. Лукьянова обращает внимание на необыкновенно активную законотворческую деятельность российских законодателей: с мая 1990 г. до 9 декабря 1991 г. было принято 95 законов (а если не считать законы о «дополнениях и изменениях, то — 63). См.: *Лукьянова Е. А.* Российская государственность и конституционное законодательство в России. 1917–1993. М., 2000. С. 121.
- ⁵⁶ Ведомости... № 21. Ст. 237.
- ⁵⁷ Там же. № 29. Ст. 395.
- ⁵⁸ Там же. № 19. Ст. 197.
- ⁵⁹ *Андрянов В. И., Черняк А. В.* Одинокий царь в Кремле. М., 1999. Книжка 1. С. 280.
- ⁶⁰ Ведомости... № 7. Ст. 101.
- ⁶¹ Там же. № 10. Ст. 133.
- ⁶² Там же. № 12. Ст. 151.
- ⁶³ Там же. № 34. Ст. 1131.
- ⁶⁴ *Павлов В. С.* Упущен ли шанс? М., 1995. С. 101.
- ⁶⁵ Ведомости... № 7. Ст. 107.
- ⁶⁶ Там же. № 11. Ст. 146; № 21. Ст. 242; № 27. Ст. 384; № 31. Ст. 1047.
- ⁶⁷ Там же. № 22. Ст. 261; № 29. Ст. 384.
- ⁶⁸ *Андрянов В. И., Черняк А. В.* Указ. соч. С. 312.
- ⁶⁹ Ведомости... № 16. Ст. 174.
- ⁷⁰ Там же. № 19. Ст. 621; № 30. Ст. 1017.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² *Андрянов В. И., Черняк А. В.* Указ. соч. С. 280.
- ⁷³ Ведомости... № 17. Ст. 180.
- ⁷⁴ *Андрянов В. И., Черняк А. В.* Указ. соч. С. 280.
- ⁷⁵ Союз можно было сохранить. М., 1995. С. 135.
- ⁷⁶ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999). Т. 1. Хроника и аналитика. 3-е изд. М., 2000. С. 112, 117.
- ⁷⁷ Ведомости... № 6. Ст. 97.
- ⁷⁸ Там же. № 8. Ст. 112; № 16. Ст. 501.
- ⁷⁹ Там же. № 22. Ст. 773.
- ⁸⁰ Там же. № 21. Ст. 277.
- ⁸¹ Там же. № 12. Ст. 390; № 31. Ст. 1035; *Андрянов В. И., Черняк А. В.* Указ. соч. С. 278.
- ⁸² *Петраков Н. Я.* Русская рулетка. М., 1998. С. 156.
- ⁸³ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999). Т. 1. Лица России. 3-е изд. М., 2000. С. 6, 1066.
- ⁸⁴ В. С. Павлов пишет о том, что план Явлинского является авторским

- ...ской одного из базовых вариантов программы, созданной в «ша-
...кой» комиссии (см.: Павлов В. С. Указ. соч. С. 261).
- ... История создания группы Явлинского и ее работа описаны в кн.:
...ов Н. Я. Указ. соч. С. 133–157.
- ... Там же. С. 140–141.
- ⁸⁷ Демократическая Россия. Октябрь. 1990.
- ⁸⁸ Пестраков Н. Я. Указ. соч. С. 154–155.
- ⁸⁹ Там же. С. 164–165.
- ⁹⁰ Ведомости... № 30. Ст. 417.
- ⁹¹ Там же. Ст. 420.
- ⁹² Там же. № 18. Ст. 568; № 20. Ст. 649.
- ⁹³ Там же. № 16. Ст. 499.
- ⁹⁴ Там же. № 28. Ст. 960.
- ⁹⁵ Там же. № 29. Ст. 1005.
- ⁹⁶ Там же. № 18. Ст. 188; № 29. Ст. 1165.
- ⁹⁷ Там же. № 7. Ст. 108; № 20. Ст. 650; № 21. Ст. 766; № 22. Ст. 789, 793;
23. Ст. 803, 804.
- ⁹⁸ Там же. № 7. Ст. 107.
- ⁹⁹ Там же. № 4. Ст. 62; № 15. Ст. 160; № 30. Ст. 412; № 12. Ст. 391; № 17.
508, 562; № 19. Ст. 637; № 23. Ст. 812.
- ¹⁰⁰ Там же. № 23. Ст. 237.
- ¹⁰¹ Там же. № 27. Ст. 353.
- ¹⁰² Впервые Ельцин произнес эту фразу в Свердловске в 1989 г., за-
— в 1991 г. в Прибалтике.
- ¹⁰³ Мегалополис-экспресс. 1991. 24 января.
- ¹⁰⁴ См.: Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. Воронеж, 1993.
48–50.
- ¹⁰⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 19–20 сентяб-
1989 г. М., 1989. С. 226.
- ¹⁰⁶ Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф. Федерализм в исто-
рии России. М., 1993. Кн. 2. С. 102.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 104.
- ¹⁰⁸ В литературе — вслед за высказываниями российских лидеров —
... больше представлена вторая позиция, хотя, как нам кажется, она обо-
...нована недостаточно.
- ¹⁰⁹ См. об этом подробнее: Митрохин С. С. Российский федерализм:
...рия болезни//НГ-регионы. 1998. № 16 (20).
- ¹¹⁰ Дробижева Л. М., Аклаев А. Р., Коротеева В. В., Солдатова Г. У. Де-
...ратизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х го-
... М., 1996. С. 116.
- ¹¹¹ Там же. С. 115.
- ¹¹² Напр.: Ведомости... № 16. Ст. 169.
- ¹¹³ Андриянов В. И., Черняк А. В. Указ. соч. С. 290.
- ¹¹⁴ Ведомости... № 5. Ст. 83; № 17. Ст. 177; № 22. Ст. 780.
- ¹¹⁵ Андриянов В. И., Черняк А. В. Указ. соч. С. 284–285.

¹¹⁶ Козырев А. В. Преображение. М., 1995. С. 46.

¹¹⁷ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 40.

¹¹⁸ Правда. 1991. 22 февраля.

¹¹⁹ Исаков В. Б. Председатель Совета Республики. Парламентские дневники. М., 1996. С. 238–240.

¹²⁰ Там же.

¹²¹ Правда. 1991. 24 апреля. См. также его доклад 12 апреля 1991 г. (Правда. 1991. 13 апреля).

¹²² См.: Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991–1997. М., 1998. С. 72–79.

¹²³ Народное хозяйство Российской Федерации. 1992. М., 1992. С. 15, 159, 207.

¹²⁴ См. подробнее: Жуков В. И. Реформы в России. М., 1997. С. 19.

¹²⁵ Правда. 1991. 26 июня.

¹²⁶ Правда. 1991. 29 июня.

Лекция 7

КРИЗИС ГОРБАЧЕВСКОГО ЛИДЕРСТВА И НОВОАРЕВСКИЙ ПРОЦЕСС. ВЕСНА—ЛЕТО 1991

К весне 1991 г. М. С. Горбачев был далеко не самым популярным политиком, все чаще публично подвергался достаточно жесткой критике как со стороны тех, кто тогда называл себя «левыми», так и со стороны «правых». В этой связи интересно понять, почему же безусловный лидер 1985 г. через шесть лет уже не устраивал ни одну из реальных политических сил? На наш взгляд, это было связано с различным толкованием понятия «перестройка». И сейчас ведутся дискуссии о том, что это было: попытка реформирования социализма с правоцентристских позиций или революционная ломка социалистического строя («построение демократического общества»). На наш взгляд, ответ на этот вопрос включает в себя ответы на три раскрывающих его вопроса. Что представлял замысел перестройки? Что получилось в итоге? Как оценивать случившееся?

Первоначально замысел перестройки был связан с идеей совершенствования социализма, однако содержание понятия «совершенствование социализма» заметно менялось. Вначале это предполагалось осуществить через ускорение социально-экономического развития, затем — с упором на реформу политической системы («соединение социализма и демократии»). Даже постоянные сравнения 1986—1991 гг. перестройки с революцией воспринимались как решительность в продолжении строительства социализма, начало которому было положено в Октябре 1917 г.

Современные исследователи обращают внимание на то, что важным рубежом в официальной трактовке понятия «совершенствование социализма» была статья М. С. Горбачева «Социалистическая идея и революционная перестройка», появившаяся в конце ноября 1989 г. и привлекшая внимание существовавшими новациями¹. Как отмечает академик Г. Л. Смирнов, статья была интересна не только тем, что в ней содержалось, но и тем, что в ней отсутствовало². Это была едва ли не первая работа лидера столь высокого ранга, где не упоминалось понятие «реальный социализм», —

его вытеснила «социалистическая идея», которая, по Горбачеву, хранилась лишь в сознании народа, и только перестройка начала переводить изначальные принципы социализма в разряд реальных. Фактически это означало отрицание социалистического характера построенного в СССР общества, что предполагало уже не совершенствование его, а радикальное реформирование, направленность и границы которого четко не определялись. Все это стало определяться новым термином, примерно тогда же появившимся в окружении Горбачева. Этот термин — «реформация»: революционное по содержанию, но ненасильственное по форме изменение общественных отношений. Позже Горбачев и некоторые из его идеологов (В. А. Медведев)³, отвергая «социализм советского типа», утверждали, что и капитализм в прежних формах также себя исчерпал, на смену им должно прийти новое, качественно отличное от предшествующих общество. Однако положительный социальный идеал в 1990—1991 гг. формулировался столь эклектично и смутно, что ни одно из реальных политических течений не выразило желания его поддерживать. Видимо, осознавая все это, Горбачев и его окружение примерно с весны 1991 г. в качестве главной заслуги последнего генсека и первого советского президента стали рассматривать *разрушение* прежней общественно-политической системы и создание условий для построения нового, демократического общества. Тем самым даже в этой среде фактически было признано, что *созидательных задач* в рамках перестройки решить *не удалось*.

Тем не менее остается вопрос о том, что же реально *получилось в итоге горбачевской перестройки*. Сторонники и левых, и правых взглядов справедливо полагают, что в стране произошло *утверждение капитализма*, притом не в самых передовых для конца XX столетия формах. Однако на этом сходство в характеристике явления заканчивается. Одни полагают, что произошла *реставрация* капитализма, делая упор на изменение отношений собственности и восстановление эксплуатации⁴. Это рассматривается как отбрасывание от завоеваний социализма с его системой социальных гарантий и планово-государственного регулирования основных сфер общественной жизни.

Другие, правые, полагают, что следствием перестройки стало преодоление тоталитаризма и возвращение советского общества на магистральный путь развития человечества. Происходящее во второй половине 1980—1990-х годов в России трактуется как «*великая революция*», которая охватит несколько десятилетий⁵. Ныне же эта революция решает три задачи: слом тоталитарного государ-

ства, ликвидация планового хозяйства и возвращение различных форм собственности, а также преодоление международной изоляции. 1985—1991 гг. рассматриваются как начальный этап этой революции.

Отсюда и полярные различия в оценках перестройки. Одни полагают, что она отбросила страну назад, и приводят аргументы, связанные с анализом состояния постперестроечного общества. Другие доказывают, что переживаемые трудности — неизбежное следствие переходного периода, в течение которого создаются условия для движения общества вперед на качественно новой основе.

Оценка итогов перестройки прямо влияет на отношение к ее инициатору. Кто он: революционер, реформатор или предатель? Все эти версии представлены на страницах печати. Думается, корректный ответ возможен лишь на базе принципа историзма.

Безусловно, М. С. Горбачев — незаурядная личность. Без этого он не сделал бы столь блестящей и быстрой по советским временам карьеры, пройдя свои одиннадцать ступенек на пути к вершине власти. Нет сомнений и в том, что он действительно хотел реформировать общество, но, как и другие представители элиты, не до конца представлял себе, как это можно сделать. По мере развертывания преобразований приходило убеждение в том, что их нужно проводить решительнее. Представлялось, что это можно сделать через активизацию «человеческого фактора» («соединение социализма и демократии»). Однако уже на этом этапе был допущен стратегический просчет. Активизация «человеческого фактора» развернулась за пределами существовавших властных структур, которые были объявлены бюрократическими и консервативными. Очевидно, Горбачев переоценил свои возможности воздействовать на те процессы, которые он считал демократическими. Здесь, видимо, сказан «синдром советского вождя», когда нижестоящий лидер почти беспрекословно подчинялся своему начальнику, требуя аналогичного отношения к себе со стороны своих подчиненных. Горбачев, получив верховную власть в стране, не испытывал стеснения в ее использовании, но не до конца просчитывал последствия собственных политических шагов. Это привело к тому, что уже в 1989 г. он не был свободен в принятии решений, поскольку запущенные им процессы не только «пошли», но и приобретали все большую независимость от инициаторов перестройки. Полагаю, что с 1990 г. управление страной носило не стратегический, а ситуативный характер. Причем логика эволюции центральной власти шла в направлении, прямо противоположном тому, которого требовало

время. Вместо укрепления исполнительной вертикали власти в период глубоких структурных преобразований наблюдалась все большая утрата инициативы и влияния руководимыми президентом СССР союзными структурами. И не случайно весной и летом 1991 г. в КПСС, в союзном парламенте и правительстве в различной форме, но все чаще звучала критика в адрес президента-генсека. Основные мотивы — неясность позиции по многим ключевым проблемам экономики и политики, нерешительность, бездействие. В итоге это привело к тому, что перестройка как система реформ призванных усовершенствовать советское общество, не состоялась. Мы солидарны с теми исследователями, которые разделяют эту позицию, хотя имеются и диаметрально противоположные оценки⁷. В литературе рассматриваются и основные причины, которые привели к неудаче.

Как справедливо отмечает философ Н. Б. Биккенин⁸, «исторический опыт показал, что важно при любых общественных преобразованиях: 1) четко поставленная цель, 2) источники, средства и инструменты ее достижения, 3) общественные силы, на которые можно опереться, 4) идеология преобразований, ведущие идеи времени или как цель оформлена идеологически. Ясный ответ на эти вопросы имели столь различные лидеры, как Сталин и Рузвельт, де Голль и Дэн Сяопин, которые достигли поставленных ими целей». У перестройки, констатирует Биккенин, «была цель, но какая-то постоянно меняющаяся, блуждающая... Еще хуже, чем с целью, обстояло дело с инструментами, средствами и социальной базой перестройки»⁹. Философ напоминает, что в советском обществе властной вертикалью была партия, представлявшая собой жестко централизованную, широко разветвленную структуру, которая не раз демонстрировала свою эффективность. Отказ от использования партийного аппарата, возможно, измененного и подобранного под нового лидера, резко сокращал управленческие возможности главных «перестройщиков». Однако наиболее интересным и показательным является признание Г. Х. Попова — одного из активнейших борцов против «партийных консерваторов» 1989—1991 гг. В 2000 г. автор широко известного определения «административно-командная система» признал ошибочность требования отстранения КПСС от власти. Ныне Попов считает, что КПСС, будучи очищенной от консерваторов, могла стать эффективным инструментом перестройки.

Говоря об общественных силах, на которые опирался Горбачев, чаще называют интеллигенцию, средства массовой информации

ми. СМИ, однако, очень скоро оказались поделенными между К. Лигачевым и А. Н. Яковлевым и были, по сути, Горбачевым потеряны: его критиковали издания разных направлений. Что же касается интеллигенции, то она полностью подтвердила правоту диссидента, писавшего о ее политической неустойчивости, выводя последнюю не из личных качеств тех или иных интеллигентов, а из экономического и социального положения этой группы. Поддержка других социальных слоев в 1990–1991 гг. также была проблематична из-за ухудшающейся экономической обстановки, чем в два раза эффективно пользовались политические оппоненты Горбачева.

Идеологией перестройки стали *общечеловеческие ценности* и *«новое мышление»*. Однако эти идеи не вышли за пределы относительно узкого круга интеллигенции, не вошли в структуру народного сознания¹⁰.

Все это привело к резкому ослаблению государственности, породило многие деструктивные явления в экономике, общественной жизни и морали. Как емко это выразил философ А. А. Зиновьев, «целились в коммунизм, а попали в Россию».

В первые месяцы 1991 г. **политическое противостояние** между общесоюзными и республиканскими властями приняло форму борьбы за «рамочные» условия своего влияния в Союзе, и на первый план вышла проблема разграничения полномочий между Центром и союзными республиками, получившая название «подготовки нового союзного договора». Без решения этой главной проблемы ни о каком восстановлении управляемости страной и тем более о реформах не могло быть и речи. Интересно, что обе стороны — и горбачевцы, и радикалы — впервые в отечественной истории при решении своих задач попытались опереться на прямое волеизъявление народа — на референдум.

Идея проведения референдума была сформулирована Горбачевым и одобрена Верховным Советом СССР в январе 1991 г. Идя на эту акцию во всесоюзном масштабе, Горбачев рассчитывал на численное преобладание русских, государственно-патриотический настрой которых заранее предопределял нужный президенту СССР исход задуманной комбинации. К русским, несомненно, присоединились бы представители этнических групп, живущих на «чужих» национальных территориях и не имевших уже никаких иллюзий относительно своих перспектив в будущих независимых государствах. Расчет, наконец, делался и на мобилизацию консолидирующих сегментов советской исторической памяти — войны, послево-

енного восстановления, совместного освоения территорий и решения общих хозяйственных задач, взаимопомощи в экстренных ситуациях.

Российское руководство осознавало шаткость своих позиций поэтому изначально выступило против формулировок вопроса референдума, используя целый спектр разнообразных аргументов. Однако и при самой активной агитации эта линия едва ли увеличилась бы успехом. В этих условиях выдвигается беспроигрышная идея введения института президента в России, и этот вопрос выносился в республике на референдум вместе с общесоюзными. Учреждение этого поста было призвано укрепить суверенитет республики в ее отношениях с Центром, что в конкретных условиях того времени означало усиление центробежных тенденций, так как суверенитет понимался прежде всего как обособление. В этом состоянии определенная парадоксальность результатов голосования в РСФСР 17 марта 1991 г.: с одной стороны, 71,3% участников проголосовали за сохранение Союза в горбачевской формулировке, а с другой — почти столько же (70%) высказались за введение в республике поста президента¹¹. Итоги референдума по России трудно было трактовать как победу замысла президента СССР. Во-первых, республика находилась на предпоследнем месте по проценту положительных ответов (меньше — 70,2% — было только у Украины), во-вторых, возможность победы на грядущих выборах политического оппонента союзного лидера была более чем вероятной, что не сулило мира в отношениях между двумя центрами власти. И случайно в день референдума Горбачев в беседе на избирательном участке отметил, что «если развивать концепцию президентского правления в Российской Федерации, заложенную в проекте Российской Конституции, то ни о каком Союзе суверенных государств и речи быть не может»¹². Проект этот, однако, не был известен широкой публике, поэтому ощущения тревоги в связи с введением нового поста не было.

Интеграционный ресурс результатов референдума был ослаблен не только в России. На Украине по постановлению Верховного Совета СССР одновременно с общесоюзным референдумом проводился опрос населения по вопросу «Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза советских суверенных государств на началах декларации о государственном суверенитете Украины?». Количество граждан, ответивших «да» на вопрос республиканского бюллетеня, составило 80,17%, т.е. больше, чем выказалось за Союз¹³. Это подтверждало базовую идею Декларации

приоритете украинских законов над союзными, что практически означало создание нового федеративного государства с полным участием Украины¹⁴.

Определенной политической вехой весны 1991 г. можно считать (высочерредной) съезд народных депутатов РСФСР, созванный по инициативе российского руководства, судьба которого после этого решения могла сложиться по-разному. Однако ввод в столицу войск накануне открытия съезда вновь способствовал «антицентристской» консолидации российского депутатского корпуса, который почувствовал себя оскорбленным непродуманной горбачевской акцией. Ельцин и его сторонники максимально использовали предоставленный им шанс. Осудив давление на российский съезд, Ельцин заявил, что является сторонником коалиционной политики, в реализации которой могут принять участие все, в том числе «прогрессивно мыслящие члены КПСС». Возможность такой коалиции была подтверждена демаршем полковника А. В. Руцкого, заявившего об образовании фракции «Коммунисты — за демократию» и готовности фракции поддержать Б.Н. Ельцина. Это раскололо коммунистов на съезде. Давление на съезд «снизу» оказали и шахтеры, с которыми весной 1991 г. лидеры радикалов работали в тесном контакте». В серии своих резолюций горняки требовали отставки Горбачева и безоговорочно поддерживали российских радикалов как его политических оппонентов. Учитывая общие настроения, Ельцин также выступил за скорейшее подписание Договора о Союзе Суверенных Государств как «федеративного добровольного и равноправного объединения»¹⁵.

Эти и некоторые другие шаги привели к тому, что Ельцин не только не был отстранен от власти, но, наоборот, получил дополнительные полномочия и решение съезда (уже следующего, четвертого, май 1991 г.) о проведении выборов президента в сжатые сроки (в середине июня), что повышало его шансы на победу, выходясь в первую очередь на протестное единство россиян. Этот момент следует подчеркнуть особо, поскольку именно он, на наш взгляд, предопределил исход выборов 12 июня 1991 г. В основе победы Ельцина (57,3% от числа пришедших) лежали обещания привести страну к достойной жизни без снижения жизненного уровня; заявления о готовности максимально удовлетворить различные национальные «аппетиты» внутри РСФСР; декларации о стремлении к «обновлению» Союза, в котором Россия имеет должное место; антикоммунизм как альтернатива горбачевскому «социалистическому выбору». Лозунг «Народного депу-

тата — в народные президенты!» апеллировал к тому периоду, когда Ельцин был безусловным символом антиаппаратного протеста: этот прием оказался удачным. Вновь была реанимирована тема борьбы с привилегиями¹⁶. Население же по-прежнему иррационально не воспринимало те публикации, где проводилась мысль о конструктивном характере политического поведения Ельцина в 1989–1991 гг.¹⁷. Между тем начало оформления института российского президентства, соединенное с определенным складом лидером в главе радикально настроенных реформаторов, оказало значительное влияние на последующее развитие событий.

Проведение **референдума 17 марта 1991 г.** и его итоги дали возможность Горбачеву продолжить попытки реанимировать разработку нового союзного договора, с тем чтобы завершить ее в самые сроки. Началась подготовка третьего за год (с весны 1990 г.) проекта. Особенность договорного процесса на этом этапе состояла в том, что политическая инициатива с конца 1990 г. целиком перешла к республиканским элитам, влияние же центральных структур было предельно ослаблено. В этих условиях Горбачев практически полностью переориентируется на прямой диалог с республиканскими лидерами, преимущественно игнорируя позицию высших органов власти СССР и используя их лишь в случае необходимости подкрепить собственные инициативы соответствующими коллегиальными решениями. В новых условиях начало переговоров могло состояться лишь при молчаливом согласии президента СССР на конфедеративное устройство будущего Союза, хотя это означало отход от позиции, зафиксированной референдумом. Горбачев пытался хоть как-то задержать становящийся фактом расвал страны; республики же, прекрасно осознавая слабость позиций союзного президента, уверенно требовали себе все новые и новые полномочия, до предела усекая властные возможности Центра. Решая свои, весьма различающиеся задачи, обе стороны, однако, не могли полностью игнорировать итоги только что прошедшего референдума и поэтому в своей риторике активно использовали понятия «единое союзное государство», «федерация» в правовом же плане все более отходя от них.

Все это и стало содержанием так называемого «**новоогаревского процесса**», первый этап которого продолжался ровно три месяца с 23 апреля 1991 г. Переговоры лидеров республик проходили очень трудно. Как вспоминал их участник А.И. Лукьянов, даже последнее заседание 23 июля, где обсуждался итоговый вариант договора об ССГ, было неконструктивным. Две республики — Азе

Литва и Киргизия — предложили вообще исключить из договора упоминание о том, что Союз ССР является суверенным федеративным государством, и даже не применять слово «федерация» в одной из статей проекта. Представители нескольких республик вновь и вновь настаивали на том, что у Союза не может быть собственности и что закрепленное за ним имущество определяется как совместная собственность государств, образующих Союз. Предлагалось также снять понятие исключительной компетенции Союза, рассматривая ее как сферу совместных интересов суверенных государств. Президент России предложил зафиксировать в договоре, что все предприятия, находящиеся на ее территории, включая оборонные, переходят под юрисдикцию республики. Он же отстаивал одноканальную систему поступления налогов. Представитель Украины выступил на встрече с заявлением, что Украина будет решать вопрос о своем отношении к союзному договору не раньше середины сентября¹⁸.

В результате, одобрив в целом проект, участники встречи пришли к выводу о целесообразности подписать договор в сентябре — октябре, имея в виду сделать это на Съезде народных депутатов ССР с приглашением всех полномочных делегаций. Тогда Горбачев поддержал именно такой порядок подписания союзного договора¹⁹. Далее, однако, согласование спорных моментов происходило в узком кругу политических лидеров, причем практически в обратном порядке.

29–30 июля 1991 г. в Ново-Огареве прошли закрытые встречи Горбачева с Ельциным и Назарбаевым, где Горбачев предложил президентам России и Казахстана начать подписание проекта не в сентябре—октябре, а 20 августа²⁰. Оба республиканских лидера охотно согласились с этой идеей, ибо прекрасно понимали, что продвигание договора в последней редакции не пройдет в Верховном Совете ССР и уж тем более на союзном Съезде народных депутатов ССР. А поскольку в августе парламентарии были на каникулах, время для подписания «нужного» проекта представлялось удачным. В обмен на согласие республиканских лидеров Горбачев потребовал от Ельцина об одноканальной системе поступления налогов в бюджеты республик²¹: российский президент собственноручно вычеркнул из статьи 9 (о союзных налогах) слова: «Указанные налоги и сборы вносятся плательщиками непосредственно в союзный бюджет». Одновременно Горбачев взял на себя обязательство сразу после подписания договора издать указ о переводе юрисдикцию России всех союзных предприятий, расположен-

ных на территории республики²². По настоянию собеседников Горбачев согласился произвести перестановки в высшем эшелоне союзной власти: немедленной замене подлежали В. С. Павлов, В. А. Крикунов, Д. Т. Язов, Б. К. Пуго, Г. И. Янаев. Это были люди, которые в июне—июле 1991 г. активно выступали за принятие энергичных мер по сохранению СССР и последовательно критиковали «новоогаревцев». На этой же встрече Ельцин убеждал Горбачева отказаться от совмещения постов генерального секретаря и президента Союза, и, по свидетельству российского лидера, «удивительно на этот раз он (Горбачев. — А. Б.) впервые не отверг мое предложение»²³.

После этого 2 августа Горбачев выступил по телевидению, объяснил, что 20 августа открывается для подписания договор, которому сохраняется единое государство, но вместе с тем создается новое, действительно добровольное объединение суверенных государств. Президент сообщал, что первыми договор подписали Россия, Казахстан и Узбекистан, выражал уверенность, что за «через определенные промежутки времени» — представители других республик. Горбачев говорил слушателям, что такой порядок дает возможность Верховному Совету Украины завершить рассмотрение проекта; провести референдум в Армении; позволит принять решение об отношении к **Союзному договору** Молдове; «смогут определиться в этом жизненном вопросе и народы Грузии, Латвии, Литвы и Эстонии»²⁴. Столь изящная формулировка скрывала тот негласный факт, что к началу августа 1991 г. из 15 бывших союзных республик лишь 8 согласились подписать новый Союзный договор²⁵. Упоминание пяти последних (Молдова и далее) было вообще, мягко говоря, умиротворяющим ораторским приемом: к этому времени «приняли все мыслимые акты о независимости и не проявляли никакого интереса к «новоогаревским сидениям».

Вслед за этим руководителям полномочных делегаций, а также некоторым высшим должностным лицам Союза был разослан и торговый текст договора с грифом «Совершенно секретно. Разглашению не подлежит», а сам Горбачев 4 августа отправился в отпуск в Крым²⁶.

Нам нет необходимости подробно анализировать получившийся документ — это сделано в содержательной работе С.В. Чешко. Можно согласиться с выводом автора, что этот документ — «нагромождение противоречивостей и неологизмов», смысл которого в том, что «республики выразили таким образом свое желание быть абсолютно бесконтрольными со стороны Центра, но в то же вре-

ранить его, чтобы эксплуатировать в своих интересах»²⁸. Од-
некоторые комментарии сделать все-таки необходимо.

В первых, проект признавал республики-участники суверен-
ными государствами, которые «обладают всей полнотой полити-
ческой власти», «являются полноправными членами междунаро-
дного сообщества», могут заключать любые договора с зарубежны-
ми странами, «не нарушая международные обязательства Союза»²⁹.
Советских Суверенных Республик также определялся как
«единое федеративное демократическое государство», однако
в контекста следовало, что суверенитет республик первичен.

Во вторых, сфера ведения Союза практически полностью (от-
личия лишь формулировки) совпадала со сферой совместного
ведения Союза и республик; разграничение можно считать услов-
ным. Поэтому сфера компетенции Союза выглядела расплывчато,
неопределенно.

В третьих, за Союзом предусматривалось сохранение объек-
тов собственности, необходимых для осуществления возложен-
ных на него полномочий, однако он лишался собственных налого-
вых поступлений. Устанавливалась одноканальная система сбора
налогов, при которой союзный бюджет определялся республика-
ми на основе представленных Союзом статей и расходов. Контроль
за расходами союзного бюджета должен был также осуществляться уча-
стниками договора.

В четвертых, в совместном Заявлении «9+1», одобренном 23
апреля, декларировалась необходимость не позднее шести месяцев
после подписания договора подготовить и принять новую Конститу-
цию Союза. В итоговом же тексте договора, а также в сопутствующих
документах сроки принятия нового Основного Закона четко не
указывались, что не связывало государства-участники никакими
определенными обязательствами по этому поводу. Заявление от
апреля вводило понятие «переходного периода», под которым
понималось время между подписанием Союзного договора и при-
нятием новой Конституции вместе с последующими выборами ор-
ганов власти нового Союза на ее основе³⁰. При этом декларирова-
лась непрерывность осуществления государственной власти и уп-
равления органами СССР до создания новых союзных структур
(п. 26). Фактически же это положение на неопределенное время
консервировало ситуацию правовой конфликтности, характери-
зовавшую отношения между Центром и республиками после при-
нятия деклараций о суверенитете, от которых в 1991 г. никто не
отказывался.

Также вполне реальной становилась перспектива, когда государства, подписавших новый договор, с той же даты считали бы утратившим силу Договор об образовании Союза ССР 1922 г. Их лидеры были бы «чисты» перед своими народами, отразив в том подписания нового договора их волю, выраженную на референдуме; в то же время отсутствие документов, регламентирующих взаимоотношения в новом союзе, и затягивание с их принятием полностью развязывали элитам руки в плане определения будущего своих государств. Более того, такой «мягкий» выход СССР освобождал новые страны от выяснения отношений с бывшими «братьями» по Союзу, что предусматривал принятый в апреле 1990 г. соответствующий Закон³¹. В этой связи особенно абсурдным выглядело положение той же статьи 23 проекта, где предусматривалось, что «отношения Союза Советских Суверенных Республик и республик, входящих в состав Союза Советских Социалистических Республик, но не подписавших настоящий договор, подлежат урегулированию на основе законодательства Союза ССР, взаимных обязательств и соглашений».

Необходимо специально отметить, что общественность могла обсуждать только один, самый первый новоогаревский проект, который был одобрен 16 июня 1991 г. и опубликован в центральной печати 27 июня. Практически все мемуаристы отмечают, что работа над договором проходила в обстановке секретности, что порождало различные слухи, будоражило умы членов правительства, депутатов, общественные организации³². Итоговый документ был опубликован лишь 16 августа 1991 г., т.е. за три дня до подписания (причем в пятницу), когда обстоятельно обсудить его и внести поправки было практически невозможно. Некоторые авторы вообще считают, что документ издали вынужденно³³.

Верховный Совет СССР имел возможность рассмотреть лишь первый подготовленный «десяткой» («9+1») проект договора. Однако его обсуждение весьма показательно. В постановлении по этому поводу (12 июля 1991 г.) предусматривалось формирование полномочной делегации Союза ССР для доработки и согласования текста договора в соответствии с замечаниями и предложениями, высказанными комитетами, комиссиями, членами Верховного Совета СССР, а также народными депутатами СССР. В переводе с парламентского языка на обычный это означало выражение недоверия президенту СССР, который в ходе совместной с республиканскими лидерами работы над документами игнорировал позиции союзных законодателей. Поэтому союзные парламен-

и продолжали настаивать на сохранении единой банковской системы, а также двухканальной системы поступления налогов, в которой союзные власти имели бы свои источники бюджетных поступлений и в меньшей степени зависели от республиканских. В постановлении предлагалось сформулировать в договоре перечень основ законодательства Союза ССР и республик — в проекте отсутствовал. Законодатели считали необходимым включить пункт, не допускающую взаимное приостановление законов. Предлагалось уравнивать в правах палаты будущего парламента — в проекте складывалось преимущество Совета республик, избираемого прямым голосованием, но составляемого из представителей, контролируемых высшими органами власти суверенных государств. СССР полагал, что договор следует подписать на Съезде народных депутатов СССР³⁴.

Характерно, что ни одно (!) из этих замечаний не было учтено при доработке текста. Не удивляет и то, что Горбачев ни разу не привел союзную делегацию³⁵. В то же время в июле и августе 1991 г. влияли и другие документы, которые оказали влияние на характер и трактовку итогового варианта.

7 июля 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял постановление о проекте Договора о Союзе суверенных государств, где, в частности, отмечалось, что исключительная компетенция Союза определяется как сфера совместных интересов образующих его государств; вновь подчеркивалось, что формирование союзного бюджета осуществляется из фиксированных взносов республик³⁶. Совет Министров РСФСР в июне 1991 г. принял документы, которые предусматривали автономное развитие экономики республики в 1992 г.³⁷. 18 июня 1991 г. ВС Украины установил новый праздник — День независимости, который был торжественно отмечен 24 июля³⁸. Чуть раньше эта же республика в одностороннем порядке перевела под свою юрисдикцию союзные предприятия и организации, расположенные на ее территории, а Россия вновь подтвердила принятое ранее аналогичное решение³⁹. В июле 1991 г. президенту СССР стало известно о планах украинского руководства ввести собственную валюту, организовать таможенную охрану на границах с Россией, создать собственные вооруженные силы⁴⁰.

К середине августа 1991 г. высшие должностные лица СССР занялись с тем, что без обсуждения с ними дата подписания договора была значительно приближена, на руках имелся согласованный за их спиной текст, а президент СССР отдыхал в Крыму. По мемуарам А. И. Лукьянова, у председателя Верховного

Совета СССР возникло объяснимое ощущение, что все это время на переговорах его использовали как ширму: с одной стороны, он присутствовал на большинстве заседаний, как бы олицетворяя союзных законодателей, а с другой — ни одна из их позиций так и не была учтена и итоговый документ не мог удовлетворить его ни как руководителя парламента, ни как юриста-государствоведа⁴¹. Приглашение же А. И. Лукьянова на подписание договора 20 августа выглядело делом как еще одна попытка «освятить» его присутствием разрушающей союзную федерацию документ. Все это Лукьянов изложил Горбачеву 13 августа в получасовом телефонном разговоре⁴². После этого 16 августа Лукьянов подготовил «Заявление Председателя Верховного Совета СССР», где воспроизвел идеи постановления ВС СССР от 12 июля 1991 г. Автор акцентировал внимание на том, что Союзный договор необходим, но его следует заключать после доработки в ВС СССР и с обязательным отражением результатов референдума 17 марта, где большинство высказалось за сохранение обновленного, но единого федеративного государства⁴³.

Определенные демарши предпринял и глава Союзного правительства. 10 августа Павлов общался с Горбачевым по телефону и тот же день отправил ему письмо, в котором также напоминал, что постановлением ВС СССР от 12 июля 1991 г. утверждена полномочная союзная делегация для подписания Договора, и настаивал на ее созыве для обсуждения проекта документа. Кроме того «в предварительном порядке» премьер приложил на четырех страницах «Предложения и замечания Кабинета Министров СССР к проекту Договора»⁴⁴. Затем полученный от Горбачева проект Павлов разослал членам Президиума Кабинета и большой группе министров и поручил им в ближайшие дни сообщить свои замечания и предложения. Одновременно была создана межведомственная группа специалистов для более тщательной доработки проекта и обобщения предложений структур, подчиненных Кабинету. 13 августа было принято решение провести заседание Президиума Правительства для определения его отношения к проекту ССГ. 17 августа такая встреча состоялась; присутствовавшие на ней министры, также выразив одобрение идее подписания, сформулировали ряд требований, которые они считали необходимым включить в прилагаемый к Договору протокол. Этот протокол должен был стать составной и обязательной для исполнения частью Договора⁴⁵. Горбачев согласился встретиться с премьером 19 августа для обсуждения предложений, однако их характер был таков, что компромисс уже вряд ли мог быть достигнут.

Все это создавало весьма необычную ситуацию. Высшим руководителям СССР практически «некуда было обратиться» для отстаивания права выполнять свои конституционные обязанности: глава государства отказывался реагировать на требования двух реальных ветвей союзной власти, которые защищали тот самый Основной Закон, гарантом которого был Горбачев. Президент открыто пошел против Съезда народных депутатов СССР, который дал ему власть и обеспечивал легитимность его собственного статуса. Тем не менее сам глава государства полностью окупился в сфере «политической целесообразности»; об этом он открыто писал после распада Союза.

История не имеет сослагательного наклонения, и поэтому нам трудно судить, что могло бы произойти 20 августа 1991 г., не случись чрезвычайных обстоятельств. Однако исследователь вправе попытаться определить тот политический «коридор», который во многом предопределял возможные решения, в первую очередь, российского руководства, в чьих руках находилась политическая инициатива. Прежде всего, мы можем констатировать отсутствие в 1991 г. значительной общероссийской партии или мощного движения государственнического, «державно-патриотического» плана, которые могли оказывать влияние или давление на лидеров с целью недопущения дезинтеграции СССР. Нельзя сказать, что такие попытки не предпринимались, однако они были по меньшей мере шизодалыми; организации не были многочисленными, не поощрялись реально существующими центрами власти. Сторонники же сохранения СССР, выступавшие от лица общесоюзных объединений, часто по инерции рассматривались (или преподносились) как противники российского суверенитета.

К тому времени и КПСС уже объективно не могла противостоять радикалам: во-первых, ее федерализация во второй половине 1990—1991 гг. ослабила межреспубликанское единство. Во-вторых, обозначившиеся еще в 1989 г. процессы политического размежевания в КПСС интенсивно продолжались в России и в 1991 г., что, безусловно, препятствовало проведению эффективных политических акций. Так, несмотря на то что большинство российских депутатов и членов Верховного Совета формально были коммунистами, они не смогли выработать общей конструктивной позиции. В третьих, сказалась пассивность высшего партийного руководства, его неспособность (или нежелание) опираться на партийные рычаги при решении неотложных политических задач. Горбачев сам много сделал для того, чтобы центр власти переместился из партий-

ных структур в советские, государственные. На российском уровне ими стали оппозиционные президенту СССР Съезд народных депутатов и Верховный Совет РСФСР, которые превратились в центры принятия решений, неподконтрольных КПСС. В этих условиях Горбачев переориентируется на прямой диалог с российскими антикоммунистическими лидерами, откровенно игнорируя позиции даже прямые интересы компартии. Особенно ярко это проявилось в ситуации вокруг Указа Президента РСФСР от 20 июля 1991 г. «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах, учреждениях и организациях РСФСР», который нанёс удар по святой святых «партии нового типа» — территориально-производственному принципу ее строения, резко сокращая возможности влияния. И хотя даже в печати указывалось на неконституционность этого акта⁴⁶, тем не менее президент-генсек молча проглотил эту пилюлю, никак не прореагировав на протесты коммунистов⁴⁷. Характеризуя его позицию, секретарь Союза журналистов России Д. В. Остальский не без иронии писал, что ссору с ЦК Горбачев предпочел ссоре с Ельциным, поскольку «сегодня Ельцин, пожалуй, «перевесит» все ЦК, вместе взятые»⁴⁸.

Реально организованной и консолидированной силой, заработавшей значительный политический капитал на критике советского прошлого, ошибок горбачевской команды реформаторов и убеждавшей в возможности быстрого создания демократического общества с социально ориентированной рыночной экономикой сумевшей объединить протестно настроенные массы, было движение «Демократическая Россия». В 1990–1991 гг. Ельцин ориентировался преимущественно на его интеллектуальные и организационные ресурсы; в свою очередь «демороссы» рассматривали Ельцина как «своего» лидера. Так, в ходе президентской кампании 1991 г. Ельцин публично выступал как независимый кандидат, хотя на самом деле опирался по большей части на активистов этой организации⁴⁹. На пленуме совета представителей движения «Демократическая Россия» (20.07.91) констатировалось, что именно это движение, победило на выборах президента РСФСР и мэров столичных городов⁵⁰.

Эти замечания необходимы, поскольку стратегические и тактические воззрения «демороссов» и их лидера оказывали значительное влияние в вопросе о будущем СССР. Как мы помним, зимой 1991 г. на высоком властном уровне в России была определенно озвучена идея желательности конфедеративного устройства будущего Союза

нее выдвигавшаяся преимущественно в публицистике. Можно считать, что согласованный 30 июля 1991 г. президентами СССР и России итоговый документ не противоречил этой идее, тем более что сам Ельцин называл новоогаревский договор «цивилизованным разводом»⁵¹. И не случайно вслед за этим он вылетел в Кузнецк и предложил шахтерам прекратить забастовки⁵².

Однако тайный характер итогового мероприятия президентов вызвал определенные подозрения и у ряда известных сторонников российского лидера, выступивших 8 августа 1991 г. с обращением «Независимой газете». Они вновь поставили вопрос «ребром»: «будет представлять собой система власти на уровне Союза? Будет ли она воспроизведением теперешней системы, сложившейся в условиях тоталитарной диктатуры, когда республики не были суверенными государствами, или это будет совокупность республиканских органов управления, созданных самими республиками для выполнения совместных функций и программ и связанных с этой целью строго ограниченными распорядительными и координационными полномочиями?» Договор, по мнению авторов, ни в коем случае нельзя подписывать на Съезде народных депутатов СССР, избранном «в условиях, превзойденных юридическим развитием нашей страны»⁵³. Как видим, Ю. Н. Афанасьеву, Е. В. Боннэр и др. не о чем было беспокоиться — все их сомнения уже были развеяны в разосланном в республики тексте проекта. Вообще же совпадение по существу содержания проекта и обращения» при вполне вероятном допущении могло бы быть рассмотрено и как подготовка общественного мнения к тому, о чем предстояло узнать лишь после 20 августа. Поэтому, думаю, можно согласиться с предположением М.С. Горбачева о том, что 20 августа президент России, скорее всего, поставил бы свою подпись под Договором о ССГ, обусловив это новыми оговорками, которые президент СССР был готов принять⁵⁴.

Однако следует заметить, что факт тайной подготовки Договора и перенос сроков его подписания вызвали негативную реакцию ряда российских парламентариев. 17 августа 1991 г. было опубликовано заявление народных депутатов РСФСР Е. Басина, Мухомовой, С. Филатова, О. Качанова, где отмечалось: «Мы ознакомились с представленным 10 августа Президентом РСФСР проектом Договора о Союзе суверенных государств. Считаем, что его нельзя подписывать 20 августа... Перед подписанием и вступлением в силу Договор должен быть одобрен высшим органом государственной власти — Съездом народных депутатов РСФСР. Обраща-

ем внимание и на то, что ряд положения Договора требует внесения изменений в действующую Конституцию РСФСР, а это, как известно, можно сделать только на Съезде народных депутатов РСФСР»⁵⁵.

Уже согласовав текст Договора, в августе Ельцин сделал ряд высказываний, которые очень важны для понимания дальнейшего развития событий. Находясь в Тюмени, российский президент заявил о том, что промышленные предприятия региона, в том числе и занимающиеся нефтедобычей, будут освобождены от 40% так называемого президентского (естественно, союзного) налога, и выразил надежду, что президент СССР не воспримет болезненно эту вынужденную меру, поскольку это позволит заинтересовать нефте- и газодобытчиков в повышении производительности их труда. Тем самым решение вопроса о ценах на энергоносители переносилось с союзного на российский уровень. Президент СССР лишал важнейшего рычага влияния (и давления) на потреблявшие российские нефть и газ республики. Одновременно Россия через механизм согласования цен получала возможность — не оглядываясь на Центр — самостоятельно определять (и диктовать) условия существования государств в будущем Содружестве. В этом случае союзные структуры становились просто не нужны. Эту идею российский президент не считал нужным скрывать. Выступая 10 августа 1991 г. на «Радио России» Ельцин заявил, что после подписания 20 августа Союзного договора власти союзных ведомств придет конец, что мы, россияне, немедленно откажемся от услуг этих министерств, а все предприятия перейдут под юрисдикцию России. Исходя из этого, президент сообщил, что желание Горбачева 21 августа созвать Совет Федерации для обсуждения некоторых вопросов не имеет юридической силы и, соответственно, не состоится. 15 августа было заявлено о переводе в российское управление трех гигантов индустрии: Череповецкого и Западно-Сибирского металлургических комбинатов и знаменитого Уралмаша.

В такой трактовке Ельциным будущего Договора при непритворении Горбачева союзные руководители не без оснований улавливали ликвидацию единого государства и, как следствие, усугубление экономического хаоса⁵⁶.

Юридическая оценка итогового проекта Договора была сделана группой из 15 экспертов еще до 19 августа 1991 г. Они поставили под сомнение правовую значимость документа, признав его внутренне противоречивым, нелогичным и не имеющим значения при приеме. Последнее следует отметить особо, поскольку

Взгляды на реальное госстроительство проблема правопреемственности — одна из важнейших. Правопреемственность Договора не обеспечивалась сразу в нескольких сферах. Во-первых, в финансовой: не оговаривались функции Госбанка СССР и национальных банков. Во-вторых, в сфере обеспечения прав личности, не был конкретизирован механизм правовой и социальной защиты граждан. В-третьих, вне признания Договора верховной законодательной властью СССР этот документ не был легитимен в мировом сообществе. В-четвертых, проект обходил вниманием вопрос о выходе республик из Союза, что оставляло неопределенным, например, отношение к международным, в том числе финансовым, обязательствам бывшего Союза. В-пятых, «признав федерацию, Договор на деле создает даже не конфедерацию, а просто клуб царств. Он прямым путем ведет к уничтожению СССР, в нем разрушены все основы для завтрашних валют, армий, таможен и др. Следуя эту линию тайно, неявно, он вдвойне опасен, поскольку подмывает все понятия в такой мере, что возникает государственный монстр»⁵⁷. По справедливому замечанию Ю. М. Батурина, свихнувшись в ходе новоогаревских дискуссий, выбор между юридическим капризом и политической целесообразностью был сделан в пользу первого⁵⁸.

Думаю, есть все основания для вывода о том, что итогом «новоогаревского процесса» еще до 19 августа стало создание документа, который означал прекращение существования СССР как единого государства. И тогда, и позже президент СССР трактовал проект Договора как начало возрождения Союза, решающий шаг на пути преодоления политического, экономического кризиса⁵⁹. Однако анализ позиций основных участников переговоров — прежде всего России и Украины — уже в то время не давал оснований для подобного оптимизма. Возможное подписание Договора еще не означало бы «мгновенного» исчезновения СССР, поскольку сохранились единая армия, валюта, связывающая советское производство инфраструктура (энергетическая, транспортная и т.д.), а раздел при сознательной ликвидации общих управленческих институтов становился вопросом ближайшего времени. Договор по сути легализовал те процессы, которые составили содержание отношений между бывшими союзными республиками после подписания декабрьских документов 1991 г.

В этой связи оценка степени деструктивности беловежских соглашений, утвердившаяся в литературе, представляется преувеличенной. В политическом плане констатация «смерти» СССР имен-

но в декабре 1991 г. со стороны и союзных, и российских руководителей выглядит логически оправданной. Союзный президент мог указать на то, что отмена Договора об образовании СССР 1922 была произведена без его участия. Российский же лидер не менее справедливо обращал внимание на то, что недальновидная политика Центра привела к всестороннему глубокому кризису и что предпринимать ничего было преступно. При этом обе стороны обходили молчанием «консенсус» российской правящей элиты президента СССР в августе 1991 г.

Примечания

¹ Горбачев М. С. Социалистическая идея и революционная перестройка//Правда. 1989. 26 ноября.

² Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. М., 1997. С. 266.

³ Медведев В. А. Прозрение, миф или предательство? К вопросу идеологии перестройки. М., 1997.

⁴ Напр.: Кирсанов В. Н. «Реставрация» капитализма в России. Исторические причины. 2-е изд. М., 1999.

⁵ Стародубровская И. В., Мау В. А. Великие революции. От Кроуфорда до Путина. М., 2001.

⁶ Заславская Т. И. Мы не знали того общества, в котором жили//Правда в обществе. М., 2000.

⁷ Преимущественно такого рода оценки собраны в книге «Милейшему Михаилу Горбачеву — 70» (М., 2001).

⁸ Биккенин Н. Б. — главный редактор ведущего партийного журнала «Коммунист» (1987–1991), затем — созданного на его базе (1991) журнала «Свободная мысль — XXI». Во второй половине 1980-х гг. входил в достаточно узкий круг лиц, готовивших материалы для М. С. Горбачева.

⁹ Биккенин Н. Б. Сцены общественной и частной жизни//Свободная мысль — XXI. 2000. № 10. С. 99–102.

¹⁰ Там же.

¹¹ Союз можно было сохранить. М., 1995. С. 148.

¹² Там же. С. 147.

¹³ Там же. С. 145.

¹⁴ Истории республики в этот период посвящена интересная монография преподавателя Бирмингемского университета Тараса Куцио: *Taras. Ukrain: Perestroika to Independence*. London, 2000.

¹⁵ См. об этом: Согрин В. Б. Политическая история современной России. М., 1994. С. 86–87.

¹⁶ В частности, обыгрывался факт приватизации госдачи одним из конкурентов Ельцина — Рыжковым.

- ¹⁰ Правда. 1991. 10 июня; *Челноков М.* Россия без Союза, Россия без Снв. М., 1994. С. 71.
- ¹¹ *Лукьянов А. И.* Переворот мнимый и настоящий. Воронеж, 1993. С. 39–43. Позиции республик описаны, в частности, в: *Андриянов В. И., Чердаков В.* Одиноким царь в Кремле. М., 1999. Кн. 1. С. 302–304.
- ¹² Там же. С. 44.
- ¹³ Встреч было две: вначале Горбачев общался с Ельциным и Назарбаевым, затем — один на один с Ельциным.
- ¹⁴ Этот эпизод, хотя и с упором на различные моменты, описали и другие авторы, в частности, в: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 202; *Ельцин Б. Н.* Записки президента. М., 1994. С. 54–55). В западной литературе о нем прошла информация о том, что в ответ на согласие Горбачева на капитальную систему налогов он получил обещание от Ельцина на новые налоговые отчисления из республиканского бюджета в пользу центра (см.: *Hough Jerry.* Democratization and Revolution in the USSR. 1985–1991. Р. 425).
- ¹⁵ *Лукьянов А. И.* Указ. соч. С. 45.
- ¹⁶ *Ельцин Б. Н.* Указ. соч. С. 55.
- ¹⁷ Союз можно было сохранить. С. 184.
- ¹⁸ *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. М., 1995. С. 404; по данным *Крючкова*, лишь шесть республик были готовы подписать договор.
- ¹⁹ *Крючков В. А.* Личное дело. М., 1996. Ч. 2. С. 142.
- ²⁰ *Павлов В. С.* Август изнутри. Горбачев-путч. М., 1993. С. 88.
- ²¹ *Чешко С. В.* Распад Советского Союза: этнополитический анализ. 2-е изд. М., 2000. С. 350–353.
- ²² *Чешко С. В.* Указ. соч. С. 354.
- ²³ Союз можно было сохранить. С. 187–188.
- ²⁴ Там же. С. 154.
- ²⁵ *Болдин В. И.* Указ. соч. С. 404.
- ²⁶ Напр.: *Воротников В. И.* А было это так... М., 1995. С. 438.
- ²⁷ *Павлов В. С.* Указ. соч. С. 99.
- ²⁸ Союз можно было сохранить. С. 166.
- ²⁹ *Павлов В. С.* Указ. соч. С. 87.
- ³⁰ Ведомости... № 28. Ст. 961.
- ³¹ *Павлов В. С.* Указ. соч. С. 84.
- ³² Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999). Т. 1. Хроника и аналитика. 3-е изд. М., 2000. С. 123. (Далее — Хроника...)
- ³³ Там же. С. 296; Ведомости... № 28. Ст. 961.
- ³⁴ *Крючков В. А.* Указ. соч. С. 83.
- ³⁵ *Лукьянов А. И.* Указ. соч. С. 46. В период «окончательных» переговоров Лукьянов находился в заграничном командировке.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Правда. 1991. 20 августа.
- ³⁸ *Павлов В. С.* Указ. соч. С. 97.
- ³⁹ Там же. С. 101–102.

⁴⁶ См.: Гласность. 1991. 25—31 июля; правовая сомнительность Указа отмечалась и позже (см.: Известия. 1992. 4 и 25 мая).

⁴⁷ Пленум ЦК КПСС 25 июля 1991 г. принял заявление по этому поводу. См.: Хроника... С. 124. Сам Горбачев отклонил просьбу министра юстиции СССР С.Г. Лушикова прокомментировать этот указ (см.: *Андрянов В. И. Черняк А. В.* Указ. соч. С. 299).

⁴⁸ См.: Независимая газета. 1991. 23 июля.

⁴⁹ *Согрин В. Б.* Указ. соч. С. 90.

⁵⁰ Хроника... С. 123.

⁵¹ *Ельцин Б. Н.* Указ. соч. С. 54.

⁵² Там же. С. 43.

⁵³ Письмо подписали Ю. Афанасьев, Л. Тимофеев, Л. Баткин, В. Иванов, Ю. Буртин, В. Библер, Е. Боннэр.

⁵⁴ *Горбачев М. С.* Указ. соч. С. 554. Горбачев ссылается, в том числе, на Г. В. Старовойтову, которая позже признавалась, что накануне подписания Ельцин предложил бы новые оговорки.

⁵⁵ Российская газета. 1991. 17 августа.

⁵⁶ Такой вывод обосновывается, в частности, Д. Хоугом (См.: *Hough J.* Op. cit. P. 428).

⁵⁷ Полный текст заключения содержится в материалах дела о ГКЧМ. Цит. по: *Павлов В. С.* Указ. соч. С. 103—105.

⁵⁸ Союз можно было сохранить. С. 174.

⁵⁹ Правда. 1991. 3 августа; *Горбачев М. С.* Указ. соч. С. 552.

КРУШЕНИЕ СССР, РОЖДЕНИЕ СУВЕРЕННОЙ РОССИИ

Август—декабрь 1991

2

- Лекция 8. *Политический кризис августа 1991 г.*
- Лекция 9. *Демонтаж союзной государственности*
- Лекция 10. *Выбор модели экономического развития*
- Лекция 11. *Концентрация власти в исполнительных структурах России*
- Лекция 12. *Федеративная политика России*
- Лекция 13. *Тенденции идейно-политического развития общества после августа 1991 г.*
- Лекция 14. *Легитимация распада СССР и рождение Российской Федерации*

Лекция 8

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС АВГУСТА 1991

События 19–21 августа 1991 г. занимают особое место в отечественной литературе. С одной стороны, можно констатировать, что тема не обделена вниманием, а с другой — то, что преобладают мнения мемуарного и публицистического плана, где, хотя и освещаются многие важнейшие стороны кризиса, целостная картина все же отсутствует¹. Остаются без ответа достаточно крупные вопросы, в числе которых и вопрос о том, а кто же в те дни совершил переворот. Публикации обнаруживают не менее трех различных позиций по этому поводу.

Наиболее распространенной является *версия, сформулированная российским руководством* еще 19–21 августа 1991 г. Согласно этой версии, «путч» попыталась осуществить «имперская» реакционная партийно-государственная номенклатура, которая противилась глубоким демократическим преобразованиям, проводимым прежде всего российскими властями. Тогда же в 1991 г. была издана подборка материалов под характерным названием «Коричневый путч красных. Август 1991 г.». Обложка книги была украшена знаком, соединявшим звезду и свастику.

Согласно *второй версии*, главным инициатором неудавшегося переворота» являлся президент СССР. Сторонники этой версии полагают, что М. С. Горбачев, провоцируя столкновение российских и союзных властей, рассчитывал на их взаимное ослабление и большую уступчивость в будущем. В. С. Павлов же считает, что таким образом президент СССР хотел избавиться от своего окружения, которым он тогда уже тяготился². При этом, как предполагали некоторые авторы, Горбачев действовал в сговоре с Ельциным³.

И наконец, *третья версия* принадлежит Г. Х. Попову, который весной 1992 г. в интервью руководителю санкт-петербургского телевидения Б. А. Курковой заявил, что в августе 1991 г. «путч» совершили «демократы», чем немало шокировал собеседницу.

Противники ГКЧП обычно акцентируют внимание на событиях именно августа 1991 г., указывая на противоправный характер действий и документов «заговорщиков». Участники и сторонники ГКЧП подчеркивают, что их выступление явилось отчаянной по-

3
2
3
версия путч 90

пыткой остановить действие тех деструктивных процессов, которые начались задолго до августа 1991 г., привели советское общество к глубокому кризису и поставили под вопрос существование самого государства. Для историка интересны те **правовые и политические границы**, в рамках которых действовали конфликтующие стороны.

Высшие союзные руководители стремились помешать подписанию Договора, означавшего прекращение существования единого государства. Как это можно было сделать? Президент СССР был одним из разработчиков этого договора и инициатором его скорейшего подписания, причем отказавшимся выполнять решения, носившие для него обязательный характер⁴. По мнению ряда высших руководителей СССР, единственно, что было способно предотвратить крах страны, это введение режима чрезвычайного положения, который мог бы положить конец «войне законов» и восстановить управляемость государством в рамках СССР. Однако проблема состояла в том, что введение режима ЧП осуществлялось президентом СССР с последующим утверждением Верховным Советом СССР, а глава государства длительное время пойти на этот шаг не решался. Поэтому в правовом плане перед будущими «заговорщиками» стояла практически нерешаемая задача: реально «надавить» на президента мог лишь Верховный Совет, созвать который до 20 августа было тогда уже невозможно. По сути, высшие должностные лица Союза оказались перед дилеммой: либо молча смириться с подписанием Договора, либо попытаться что-то предпринять; причем в обеих ситуациях их позиция не была бы юридически безупречной. Во втором случае перед сторонниками сохранения Союза было три варианта действий: попытаться все же склонить президента к введению ЧП; под благовидным предлогом постараться «отодвинуть» его на период «непопулярных» действий; реально отстранить Горбачева от выполнения обязанностей с последующим вынесением вопроса на Съезд народных депутатов. Впоследствии В. А. Крючков сожалел о том, что не был избран последний сценарий⁵. В августе же 1991 г. обсуждались лишь два первых варианта, а, учитывая все предшествующие обстоятельства, реальным считали лишь второй⁶. Сильно давил и временной фактор: все нужно было сделать до 20 августа.

Идея введения чрезвычайного положения в августе 1991 г. не была новой. С 1990 г. неоднократно ставился вопрос о введении ЧП на территории всей страны или в ряде регионов как вариант президентского правления. Причем тема не просто обсуждалась: Горбачев давал конкретные поручения по подготовке соответствующих материалов. Правоохранительные органы неоднократно получали на этот

мет указания в связи с событиями в Прибалтике, Закавказье, Молдавии, Южной Осетии, в регионах особой забастовочной активностью. Не раз обсуждалась ситуация и в Москве. Поручения президента носили прикладной характер: они касались подготовки соответствующих постановлений, обращений, содержали перечень необходимых организационных и чрезвычайных мер⁷. На общесоюзном уровне вопрос регулярно поднимался с ноября 1990 г. В декабре 1990 г. на IV Съезде народных депутатов были утверждены предложения Горбачева о реорганизации исполнительно-распорядительных органов власти СССР и введении формы президентского правления. 29 декабря 1990 г. был подписан совместный приказ министра внутренних дел и министра обороны об организации совместного патрулирования⁸, неоднозначно воспринятый различными политическими силами.

В практическую плоскость вопрос о введении режима чрезвычайного положения перешел в середине 1991 г. На закрытом заседании сессии Верховного Совета СССР 17 июня 1991 г. после доклада премьер-министра В. С. Павлова на необходимости его введения настаивали председатель КГБ В. А. Крючков, министр внутренних дел В. К. Пуго и министр обороны Д. Т. Язов⁹. По перечню ведомств, которые они представляли, и с учетом сфер, которыми они занимались, можно сделать вывод о том, что о применении решительных мер говорили люди, каждодневно и остро ощущавшие последствия потери управляемости социальными процессами. Однако тогда, в разгар «новоогаревского процесса», президент СССР не поддержал чинов своего Кабинета. В то же время поручения Горбачева продолжать анализ ситуации, изучать возможности полного или частичного введения ЧП в стране или в отдельных ее частях, применения жестких мер, прежде всего для предотвращения экономического краха, получали как указанные должностные лица, так и другие ответственные работники аппарата президента и руководители ЦК¹⁰. Им предлагалось работать и «ждать момента». Последнее поручение Крючков, Язов и Пуго получили перед самым отъездом Горбачева на юг. О большой степени достоверности этой версии может свидетельствовать тот факт, что позже, уже находясь в Форосе, Генеральный секретарь взялся за подготовку статьи о недопустимости введения чрезвычайного положения¹¹. Нетрудно предположить, что в случае потенциального успеха подобного мероприятия статью «о вреде» можно было бы без труда переделать в статью «о пользе»; не менее основательной будет и догадка о том, что он знал (или догадывался), что могло произойти, но ничего не предпринял (или что-то предпринял, но это осталось неизвестным)¹². В пользу этой версии

говорит заявление, сделанное Горбачевым для журналистов 22 августа 1991 г.: «Всеї правды вы никогда не узнаете!»¹³

Создание ГКЧП и его действия 17–18 августа достаточно, хотя и противоречиво, отражены в литературе. Намного меньше внимания уделено **«содержательной» стороне деятельности «гекачепистов»**, связанной прежде всего с первым «пакетом» документов, появившихся от их имени 19 августа.

Первым был указ вице-президента Г. И. Янаева, где сообщалось о «невозможности» Горбачевым выполнять обязанности президента «по состоянию здоровья» и о вступлении в этой связи в исполнение обязанностей главы государства самого Янаева. Этот — самый короткий из всех — документ должен был легализовать все последующие действия ГКЧП, однако он не был подкреплён никаким, даже формальным медицинским заключением или чем-то подобным, что делало его изначально уязвимым и ставило под сомнение всю последующую политическую комбинацию¹⁴.

Вторым документом было «Заявление советского руководства», подписанное Г. И. Янаевым, В. С. Павловым и О. Д. Баклановым, где сообщалось, что в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 19 августа вводится чрезвычайное положение. Предписывалось «установить, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР». Этот пункт «Заявления» обозначил основное средство, которое должно было положить конец «конфронтации, хаосу и анархии». Реализовать это был призван специально создаваемый Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР, решения которого были обязательны для неукоснительного исполнения всеми органами власти на всей территории Союза¹⁵.

Третьим документом ГКЧП было «Обращение к советскому народу», где впервые на столь высоком уровне констатировалось, что «начатая по инициативе М. С. Горбачева политика реформ зашла в тупик». Причины, вызвавшие «безверие, апатию и отчаянье», потерю доверия к власти и неуправляемость страны, члены ГКЧП связывали с «возникновением экстремистских сил, взявших курс на ликвидацию Советского Союза и захват власти любой ценой». И хотя в руках этих сил в некоторых случаях оказалась власть, используется она «в чуждых народу интересах как средство беспринципного самовыражения». Авторы «Обращения» указывали на то, что кризис власти катастрофически сказался на экономике, где хаотичное сползание на рынке вызвало взрыв регионального, ведомственного, группового и личного эгоизма. Война законов привела к разрушению единого

миродно-хозяйственного комплекса, результатом чего стало резкое падение уровня жизни людей. Члены ГКЧП предупреждали, что без принятия срочных и решительных мер по стабилизации экономики неизбежны голод и новый виток обнищания с возможным массовым проявлением стихийного недовольства. Авторы обращали внимание на то, что префектуры, мэрии и другие противозаконные структуры явочным порядком подменяют Советы; фактически целенаправленно совершается антиконституционный переворот, ведущий к «необузданной личной диктатуре». Под угрозой оказалась элементарная личная безопасность; размываются нравственные устои общества. Ярким свидетельством ослабления государства являются появление к нему территориальных претензий, а также предложения об установлении международной опеки некоторыми объектами и регионами.

Члены ГКЧП обещали: провести широкое обсуждение нового Союзного договора, восстановить законность и правопорядок, поддерживать действительно демократические процессы, взять под контроль социальную защиту самых широких слоев населения, развивать многоукладность народного хозяйства, сосредоточиться на решении жилищной и продовольственной проблем. В заключение авторы обращения обращались ко всем патриотическим силам с призывом объединиться, чтобы «положить конец нынешнему смутному времени»¹⁶. Документ интересен тем, что едва ли не впервые в советской, по крайней мере послевоенной, истории не содержал призывов защищать социализм; в нем даже не встречались прилагательные «коммунистический» и «социалистический». Апелляция к патриотическим чувствам была призвана подчеркнуть критичность момента, консолидировать всех национально-государственно настроенных граждан СССР, независимо от их политических симпатий. Документ очень напоминал сделанное в момент острейшего экономического и политического кризиса в Польше в 1982 г. обращение В. Ярузельского, когда партийный лидер — президент — также обратился ко всей нации¹⁷.

И наконец, в первом «пакете» было *Постановление ГКЧП № 1*, где перечислялся комплекс конкретных мер преимущественно политического плана, реализовать которые намечалось в первую очередь. Что это были за меры? Во-первых, предусматривалось приостановление полномочий органов власти (союзных и автономных республик, краев, областей, городов и т.д.), неспособных обеспечить соблюдение режима чрезвычайного положения и выполнение постановлений ГКЧП. Выполнение функций этих органов власти могло быть возложено на лиц, специально уполномоченных ГКЧП. Во-вторых, предписывалось незамедлительно расформировать структу-

ры власти и управления, военизированные формирования, противоречащие Конституции СССР и законам СССР. В-третьих, подтверждалась недействительность законов и решений, противоречащих Конституции и законам СССР. В-четвертых, приостанавливалась деятельность политических партий, общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки. Всего постановление содержало 16 пунктов, в числе которых — меры по охране общественного порядка и безопасности государства, общества и граждан; меры, не допускающие проведения митингов, уличных шествий и демонстраций, а также забастовок; меры по установлению контроля над средствами массовой информации, по наведению порядка и дисциплины во всех сферах жизни общества по своевременной уборке урожая и удовлетворению первоочередных социальных нужд¹⁸.

О том, какое значение члены ГКЧП придавали наведению порядка в информационной сфере, свидетельствует факт издания *двух специальных постановлений (№ 2 и № 3)*, одно из которых регулировало издание печатной продукции, а другое — деятельность Всесоюзной гостелерадиокомпании¹⁹.

Одновременно 20 августа было опубликовано написанное ранее Заявление Председателя Верховного Совета СССР А. И. Лукьянова по поводу подготовленного текста Союзного договора²⁰ и его же Постановление о созыве 26 августа сессии ВС СССР, призванной утвердить решение о введении чрезвычайного положения.

Проанализировав все перечисленные документы, определившие концепцию потенциальных действий ГКЧП, можно сделать вывод о том, что все содержавшиеся в них подходы и предложения обобщали идеи, которые не раз в различных формах выдвигались союзными органами власти до августа 1991 г., и в этом смысле документы первого «пакета» не содержали ничего нового, за исключением идеи создания самого ГКЧП и управления страной от его имени.

Российское руководство, преимущественно против которого была направлена активность ГКЧП, достаточно оперативно, продуманно и комплексно отреагировало на первые же действия Комитета. Но одно из центральных мест вышла тема «заботы» о президенте СССР и его здоровье, что было далеко не случайно: этот сюжет становится одним из важнейших рычагов политического давления на противников, так как фокусировал внимание на действительно сомнительном характере повода отстранения Горбачева от должности. «Отстранен от власти законно избранный Президент страны», «отстранен от должности Президент СССР, являющийся Главнокомандующим

Вооруженных Сил СССР», «Провести в ближайшие 3 дня медицинское освидетельствование Президента СССР с участием специалистов-экспертов Всемирной организации здравоохранения. Валютные расходы российское правительство принимает на себя» — это цитаты из важнейших российских документов 19–21 августа²¹; «педалирование» темы было призвано подчеркнуть отсутствие правовой базы как для создания ГКЧП, так и для его деятельности. Отсюда — акцент на антиконституционности Комитета и признание незаконными всех его шагов, разумеется, без их рассмотрения по существу.

В то же время в первом российском документе — обращении *«К гражданам России!»* — отмечалось, что «руководство России заняло решительную позицию по Союзному договору, стремясь к единству Советского Союза... Наша позиция по этому вопросу позволила существенно ускорить подготовку этого Договора». Такое развитие событий, по мнению подписавших документ Б. Н. Ельцина, И. С. Силаева и Р. И. Хасбулатова, вызвало «озлобление реакционных сил», подтолкнув их к авантюре. Авторы призвали не только не оказывать поддержки «заговорщикам» и следовать Законам и Указам Президента РСФСР, но и настаивали на проведении всеобщей бессрочной забастовки в республике²².

Однако в содержательном плане наиболее важным, на наш взгляд, был подписанный сразу же 19 августа *Указ Президента РСФСР № 61*. Отгалкиваясь от идеи утраты легитимности «советским» (союзным) руководством в связи с «совершением государственного преступления», Ельцин переподчинил все органы исполнительной власти Союза ССР «избранному народом президенту РСФСР». Главное, что специально подчеркивалось в Указе, состояло в том, что под управление России «временно» переводились все силовые структуры Союза: расположенные на территории республики подразделения КГБ, МВД и МО СССР. Комитет РСФСР по оборонным вопросам фактически приобретал статус Министерства обороны²³. *Указом № 64 от 20 августа* Ельцин объявил о принятии на себя полномочий командующего Вооруженными силами СССР на территории РСФСР²⁴, переподчинив себе высший армейский командный состав, обязав его отказаться от выполнения приказов Язова и Крючкова и следовать только своему воинскому долгу. Этим указом вице-президенту А. В. Руцкому предлагалось разработать предложения по созданию национальной гвардии РСФСР²⁵.

На эти шаги, выходящие за пределы союзной Конституции, российский президент не решался пойти на протяжении всей первой половины 1991 г., хотя и делал многое для приближения к этой

цели. Теперь же, воспользовавшись моментом, Ельцин выбивал по сути единственную остававшуюся опору и главный рычаг влияния президента СССР, что окончательно предопределяло и судьбу СССР. И хотя формально 9 сентября 1991 г. некоторые из этих указов были отменены²⁶, тем не менее с конца августа 1991 г. именно голол российского руководства оказывался решающим в вопросах обороны и безопасности.

К числу несомненных «творческих удач» сторонников Белого дома следует отнести развертывание информационно-психологической войны, которая велась наступательно и агрессивно, что позволило им демонизировать ГКЧП в общественном сознании и принести дополнительный «протестный» политический капитал российскому руководству. Уже объявление происходящего в первый же день «путчем хунты» должно было вызвать ассоциации со стереотипными образами кровавых диктаторов и правовым беспределом. В официальных документах констатировалось, что страна оказалась перед угрозой террора («сгустились тучи террора»²⁷), предвещалось подавление инакомыслия, концентрационные лагеря, ночные аресты²⁸. Говорилось о «реакционном», «правом», «антиконституционном перевороте», который совершила «группа высокопоставленных коррумпированных партократов», «предавших своего друга и шефа»²⁹, об «измене Отчизне»³⁰, о «коммунистической хунте». Продолжали выходить некоторые активные некоммунистические газеты (например, «Демократическая Россия»), приостановленные издания организовали специальный выпуск под эгидой «Общей газеты»³¹, функционировала радиостанция «Эхо Москвы», печатались листовки³², готовились транспаранты. Широко распространялись слухи о якобы уже сделанных и готовящихся арестах³³, о намечающемся штурме Белого дома, о возможном применении отравляющих веществ. Для обороны строили баррикады, раздавали противогазы, обучали применению бутылок с зажигательной смесью³⁴, что также имело огромное пропагандистское значение, хотя с военной точки зрения было совершенно бессмысленным.

В этих условиях 20–21 августа появляется «второй пакет» документов ГКЧП, носивших ситуативный характер и являвшихся реакцией на действия российского руководства. Указом Г. И. Янаева в связи с попытками организовать митинги, шествия и манифестации, а также в связи с фактами подстрекательства к беспорядкам в Москве вводилось чрезвычайное положение³⁵. Следующим Указом «исполняющий обязанности Президента СССР» отменял ельцинские акты о переводе под юрисдикцию России союзных исполнительных структур, переподчинении силовых ведомств, а также акты

прокалывала штырь / 1991
в Кремле

поддержавшие требования непризнания и неподчинения ГКЧП и неисполнения его распоряжений³⁶. В «Сообщении» ГКЧП от 20 августа обнародован приказ замминистра внутренних дел России об откомандировании в Москву сотен вооруженных курсантов, которых предполагалось использовать в качестве инструмента давления на «советское руководство». Выражалось опасение, что это может стать «детонатором» опаснейших взрывоопасных процессов в столице СССР³⁷. Этим документом, собственно, и закончилась нормотворческая деятельность ГКЧП.

Интересен и вопрос о реакции на противостояние союзной и российской властей со стороны республик, регионов, различных общественно-политических сил. Показательно, что в воспоминаниях лидеров противостоящих сторон — Ельцина и Крючкова — оценки ситуации во многом совпадали. Крючков писал, что 19 и 20 августа члены ГКЧП переговаривали по телефону с руководителями всех союзных республик, многих краев и областей. Кравчук, Назарбаев, Аклев, Дементей и другие, отмечая сложность ситуации, осуждения по поводу ввода чрезвычайного положения не высказывали. Кравчук, вспоминая Крючкова, даже не исключал возможности введения чрезвычайных мер в западных областях Украины, где обстановку считал наиболее настораживающей³⁸. Ельцин, со своей стороны, писал, что «реакция лидеров республик меня поначалу просто поразила. Они разговаривали крайне сдержанно. Их тоже смутило заявление Лукьянова. Они тоже хотели знать истинную роль Горбачева... Но главное — это желание дистанцироваться от московских событий, сохранить... суверенитет... выступить в диалоге с ГКЧП как равноправный партнер»³⁹. Аналогичная ситуация наблюдалась и в российских регионах. Несмотря на призывы российского руководства к политической мобилировке и акциям политического неповиновения, ситуация по стране была спокойной⁴⁰. Интересно, что даже в Москве не забастовало ни одно (!) предприятие⁴¹; московских «демократов» поддержали лишь «черные» шахтеры: в Кузбассе по указанию Совета рабочих комитетов забастовали 16 шахт и разрезов из 101⁴². Местные органы власти чаще проявляли сдержанность, ограничиваясь принятием документов, где выражалась готовность следовать Конституции СССР и российским законам и осуждалось введение ЧП. В то же время были и достаточно крупные регионы, лидеры которых открыто поддержали ГКЧП. Это — руководство Татарстана, Краснодарского края, Ростовской, Самарской и Липецкой областей⁴³. Корректно-негативную позицию заняли профсоюзы (ВКП и ФНРП)⁴⁴, многие другие общественные организации. 19–21 августа хранили молчание — по край-

История ГКЧП
История поддержки
История п-во

ней мере, внешнее — организации КПСС разных уровней⁴⁵. И хотя документы «путчистов» публиковались в центральной партийной прессе, это было скорее данью советской традиции.

Анализ фактического материала, воспоминаний участников событий подтверждает тезис Крючкова о том, что изначально позиция России носила двойственный характер. С одной стороны, ее лидеры встали на путь беспощадной информационно-политической конфронтации с «советским руководством», а с другой — Ельцин и его окружение находились в постоянном контакте с членами ГКЧП и другими союзными руководителями, выясняя намерения и степень их серьезности. Сам Ельцин в эти дни разговаривал по телефону и с Янаевым, и с Язовым; Силаев не раз соединялся с Крючковым и Янаевым; Силаев, Хасбулатов, Руцкой ездили в Кремль к Лукьянову⁴⁶. В Белом доме телефоны не отключались. Новый лидер российских коммунистов Купцов поддерживал постоянную телефонную связь с Ельциным. Секретарь ЦК КПСС А.С. Дзасохов также общался по телефону с представителями президентского аппарата и Совета Министров РСФСР. В российском парламенте побывали замещающие отделами ЦК⁴⁷.

Изучение событий 19–21 августа 1991 г. показывает, что на исход повлияли не столько силовые факторы или правовая обоснованность позиций сторон, сколько чувство политической ситуации, умение собрать в нужный момент и в нужном месте своих сторонников и поставить противника в такие условия, в которых даже численное или силовое превосходство не принесет ему победу.

Судя по воспоминаниям и другим источникам «из лагеря ГКЧП» цель его создания состояла в том, чтобы «надавить» на российское руководство, заставить сесть за стол переговоров и сформулировать приемлемые для сохранения СССР и вывода страны из кризиса условия будущего Союзного договора. При этом союзные лидеры справедливо рассчитывали на неприятие большинством населения М. С. Горбачева и отсутствие массовой устойчивой политической базы у Ельцина, а также на подвластные им, союзным руководителям, КГБ, МВД и СА СССР.

Что недооценили «гекачеписты»? Во-первых, информационно-политическую и организационную «отмобилизованность» оппонентов, бескомпромиссность их позиции, готовность идти «до конца». Во-вторых, неприятие населением военного давления, хотя и очевидно, что оно было направлено против узкой элитной группы. Российской же стороной это преподносилось как использование силы против народа.

Ельцин был осторожен

Очевидно также и то, что среди членов ГКЧП были как те, кто и готов пойти в использовании силы достаточно далеко, так и те, не знавшие об этом вовсе или не готовые это сделать сразу. Неудачная позиция последних, полагавших привлечь армию, прежде всего для оказания психологического давления. Как позже говорил журналист Д. Т. Язов, он согласился войти в Комитет с твердой оговоркой, что армии будет отведена роль пассивной давящей силы⁴⁸.

Интересно, что Ельцину принадлежит едва ли не первая попытка сопоставить политический кризис августа 1991 г. и сентябрьско-ноябрьский 1993 г., чтобы выявить, каких ошибок следовало избежать, чтобы не проиграть схватку. По «методологии» российского президента единственный вариант, который сулил успех ГКЧП в августе 1991 г., — это изоляция наиболее активной части конфронтационно настроенной оппозиционной элиты с последующим превращением ее из «непримиримой» в «системную»⁴⁹. Поэтому, возвращаясь к событиям тех дней, можно достаточно уверенно утверждать, что мною было предопределено 19 августа, когда была упущена (недооценена) возможность мирно и без крови отсечь от рычагов политического, информационного и, отчасти, силового влияния «верхушку» российского руководства, а затем продиктовать ей условия своего «компромисса». Победителей едва ли судили бы строго, поскольку при этом выход за конституционные рамки был бы не большим, а мы допустили российские лидеры после появления ГКЧП.

Утром 19 августа, когда стало известно о создании Комитета, но еще не были ясны его намерения, российское руководство стало готовить условия сопротивления по двум сценариям: на случай возможного ареста и на тот, если этого не произойдет⁵⁰. Для реализации второго предполагалось создать опорную базу сопротивления в Свердловске, для чего туда в срочном порядке был отправлен О. И. Лобов, назначенный главой резервного состава правительства⁵¹; министр иностранных дел А. В. Козырев вылетел в Париж для организации международной поддержки России. Однако и тактически, и стратегически более важным оказался другой шаг, из второго сценария: узнав о ГКЧП, Ельцин сразу же предложил «поднимать на баррикады»⁵². Это была беспроигрышная акция, поскольку тбилисский, бакинский и вильнюсский «синдромы», когда армия использовалась против экстремистов, но была подвергнута хуле за то, что было взято оружие против «мирного населения», затрудняли и даже делали практически невозможным ее привлечение для активных действий в Москве. Но в тех случаях применению Вооруженных сил все предшествовали крупные и кровавые провокации, в столице же

все приобретало вид «верхушечной разборки», смысл которой был затуманен сложной политической риторикой. Поэтому противники ГКЧП сразу же включили проверенный многими предыдущими акциями «мобилизационный» механизм: российские руководители призывали под стены Белого дома своих сторонников и старались на протяжении всего периода противостояния сохранять вокруг него «живое кольцо», для чего культивировалась атмосфера предстоящего штурма. По оценке генерала А. И. Лебеда, в середине дня 19 августа перед Белым домом находилось 70–90 тысяч человек⁵³. Такой же цифрой — 70 тысяч — оперировал и П. С. Грачев⁵⁴. По данным В. А. Крючкова, численность «защитников» в разное время колебалась от 4 до 30 тысяч⁵⁵. Встречавшаяся же цифра 600–700 тысяч едва ли отвечает реальности⁵⁶.

Вторая задача, которую стали решать российские власти, — организация «обороны» Белого дома. К ночи 20 августа среди «защитников демократии» были 1500 ополченцев, 300 вооруженных профессионалов, 300 «афганцев», 6 застав, 16 баррикад⁵⁷. Чуть позже к ним присоединились бойцы ОМОНа российского подчинения⁵⁸, а утром 21 августа в Москву вошли курсанты Рязанской и Орловской школ милиции⁵⁹. Наличие относительно немногочисленных сил обороны окруженных многотысячным безоружным «живым кольцом», было тем не менее, важным сдерживающим фактором. Обе противостоящие стороны прекрасно понимали политические последствия возможного кровопролития. Поэтому количественное увеличение вооруженных сторонников Белого дома вело, с одной стороны, к повышению риска даже случайного столкновения, а с другой — снижало возможности использовать против оборонявшихся армию: осознание неизбежности жертв среди мирного населения в случае конфликта привело к отказу от участия в возможном штурме не только войсковых генералов, но и руководства дисциплинированной элитной «Альфы».

Ситуация в армии тоже была сложнее, чем могла показаться на первый взгляд. При сохранении свойственных ей дисциплины и субординации здесь, так же как и в обществе, существовали различные политические симпатии, которые проявлялись менее открыто, но определенные моменты оказывали значительное влияние на события. Так произошло и в августе 1991 г., когда в составе армейского руководства идейно-политического единства уже не существовало.

В 1992 г. на следствии по делу ГКЧП госсоветник Ю. В. Скоков сообщил, что с командующим Воздушно-десантными войсками П. С. Грачевым он познакомился в феврале 1991 г., после того, как

Ельцин поручил ему наладить контакты с армией⁶⁰. Обещанием поддержки со стороны Грачева Ельцин заручился и накануне «путча» в ходе посещения образцовой Тульской дивизии⁶¹. Взаимодействие с ним для российского руководства было особенно важным, поскольку Грачев был одним из тех трех генералов, которые по поручению Крючкова в августе разрабатывали план конкретных мероприятий по введению чрезвычайного положения, т.е. Грачев изначально был «в курсе» в отношении военного аспекта предстоящих событий⁶². Ельцин даже писал, что Грачев руководил военной стороной «путча». Тем не менее именно Грачеву Ельцин позвонил утром 19 августа, получил подтверждение прежних договоренностей и обещание помочь⁶³. Тогда же заместителю командующего ВДВ генералу Лебедеву был дан приказ отправиться к Верховному Совету РСФСР, войти в контакт с начальником охраны и организовать охрану и оборону здания силами 2-го батальона Рязанского полка⁶⁴. Когда батальон достиг стен Белого дома, президент России объявил, что «на сторону восставшего народа переходит парашютно-десантный батальон под командованием генерала Лебедева»⁶⁵. Через сутки по приказу Язова батальон был отведен от стен Белого дома, а при отходе «в люки БМД и открытые окна кабин летели конфеты, пряники, червонцы»⁶⁶. Сам Грачев чуть позже так говорил по поводу этих событий: «Язов приказал мне взять под охрану пять объектов — Гостелерадио, Моссовет, Верховный Совет РСФСР, Госбанк и Госхранилище. Но и Ельцин распорядился выделить себе охрану. Поэтому о невыполнении приказа речь на первых порах не шла: я старался лавировать между моим армейским руководством и российским правительством... Но из штатских мало кто представлял, что происходит в войсках на самом деле... доходило до курьезов... Не успели взять под охрану Моссовет, как навстречу... вышел Лужков: «Какого... вы сюда прислали десантников?» Не желая накалять ситуацию, солдат вывели в Тушино. А буквально через час Грачеву позвонил мэр Москвы Г. Х. Попов: «Павел Сергеевич, мы тут тебя неправильно поняли. Верни нам этот батальон обратно». Несколько обиженный «непониманием» Грачев вернул батальон отказался, однако помочь, в случае необходимости, обещал⁶⁷. Грачев говорил и о том, что не намерен отдавать десанникам приказ о штурме, если этого потребует от него начальство⁶⁸.

Однозначно отрицательную позицию по отношению к ГКЧП занял командующий ВВС маршал Е. И. Шапошников; ее разделял и комсостав военной авиации⁶⁹. Причем эта позиция не скрывалась от Д. Т. Язова⁷⁰. Шапошников был готов и на активное противостояние «путчистам»: он полагал возможным использовать авиацию в каче-

стве сдерживающего фактора в случае перехода ГКЧП к применению оружия⁷¹. В ходе следствия по делу ГКЧП Скоков ссылался на разговор Грачева с Шапошниковым, в котором последний предупреждал, что «если будет штурм “Белого дома”, то для отвлечения сил путчистов будет дана команда двумя самолетами бомбить Кремль»⁷².

В ходе переговоров Грачева с первым заместителем министра внутренних дел СССР генералом Б. В. Громовым тот тоже заявил, что не поведет внутренние войска на штурм Белого дома⁷³.

Сколько реально войск было введено в столицу? 21 августа 1991 г., выступая на сессии российского парламента, Хасбулатов сказал, что «на Москву были брошены 500 танков и около 10 дивизий»⁷⁴. Годом позже бывший управляющий делами Кабинета министров СССР И. Простяков писал, что 19-го в город вошли 4 тыс солдат и офицеров, однако члены ГКЧП, быстро поняв свою ошибку, уже в первый день чрезвычайного положения в 17 часов 45 минут стали планировать вывод войск, который тогда и начался. К вечеру 20 августа 95% войск уже вернулось на пункты сбора⁷⁵.

Вопрос о возможности штурма Белого дома действительно обсуждался в Генеральном штабе в середине — второй половине дня 20 августа. Окончательное решение предполагалось принять после рекогносцировки, которую было предложено провести генералам А. И. Лебедю, В. Ф. Карпухину (командир «Альфы») и А. А. Головневу (зам. командующего Московским военным округом). Вернувшись, они доложили, что с военной точки зрения взять здание не составило труда, однако любые силовые действия на подступах приведут к массовому кровопролитию. Тем не менее Лебедю было поручено «на бросать план блокирования здания Верховного Совета», для реализации которого предполагалось задействовать дивизию Дзержинского, Тульскую ВДВ, бригаду спецназа «Теплый Стан» и группу «Альфа»⁷⁶. Затем в беседе один на один Грачев попросил Лебедея лично поехать к Верховному Совету и довести до сведения защитников, что блокирование возможно и штурм начнется в три часа ночи. Информация была адресована Скокову и Коржакову⁷⁷. Ночью стало известно, что «Альфа» от участия в блокировании и штурме отказалась, Дзержинская и Тульская дивизии не тронулись с мест, а бригада «Теплый Стан» «вообще куда-то пропала». Позже командир бригады «Витязь» внутренних войск СССР В. Лысюк вспоминал, что в ту ночь его бойцы, вооруженные по «полной программе», разместились в грузовых автомобилях и отправились на задание. Однако при выезде из воинской части они получили благодарность за готовность и приказ вернуться в казармы⁷⁸.

Как в официальных источниках, так и в мемуарной литературе нет упоминаний о том, что приказ о штурме был отдан. Думается, если бы он существовал, то этот факт непременно получил бы значительное освещение, в особенности в источниках «оборонявшейся» стороны.

Такое толкование событий действительно правдоподобно, оно примыкает к официальной российской версии, согласно которой «патристы» были готовы «силой и кровью» задушить «российскую демократию», чему воспротивились военные и помешали москвичи. Такой версией категорическим не согласны Язов и Крючков, утверждавшие, что штурмом брать Белый дом никто не собирался и поэтому приказа о его захвате не отдавали. Тем не менее многие мемуаристы считают ночь с 20 на 21 августа наиболее тревожной, поскольку тогда все в Белом доме находилось в ожидании нападения. Однако и Коржаков, и Крючков пишут о том, что этой ночью состоялись телефонные переговоры между Крючковым и Ельциным, тон которых был достаточно спокойный. Предметом обсуждения были варианты выхода из конфликта. Рассматривали, в частности, и то, каким образом возвращать в Москву Горбачева⁷⁹.

В этих условиях в ночь с 20 на 21 августа произошел инцидент, которому было суждено оказать значительное влияние на развитие политической ситуации. При странных обстоятельствах погибли три молодых человека — все из числа «защитников» Белого дома. Последующее расследование этих событий показало, что случившееся было скорее даже не несчастным случаем, а результатом заранее подготовленной провокации⁸⁰, последствия которой могли быть чудовищными⁸¹. Тем не менее факт пролития крови «мирных» жителей находившимися в подчинении ГКЧП военными стал, с одной стороны, той мишурой, которая предредила конец колебаниям и без того неустойчивых сторонников Комитета, а с другой — позволил российскому руководству начать развернутое политическое наступление на своих противников и одержать полную и безоговорочную победу.

В 8.00 21 августа началось заседание Коллегии Министерства обороны СССР⁸². Высшие военные руководители высказались за то, чтобы вывести войска из Москвы, отменить повышенную готовность, а министру обороны без промедления выйти из ГКЧП. Наиболее определенно за это выступали главком ВВС Е. И. Шапошников, главком ракетных войск стратегического назначения Ю. П. Максимов и главком ВМФ В. Н. Чернавин; с ними солидаризировались и заместители Язова⁸³. В итоге Коллегия приняла решение о выводе войск из Москвы и о переводе их из повышенной в постоянную, т.е.

«обычную», боевую готовность⁸⁴. Решение Минобороны было оперативно доведено до участников открывшейся 21 августа сессии Верховного Совета России. Почти одновременно последнюю попытку «задержать» армию предприняли члены ГКЧП. 21 августа в 10.00 несколько участников Комитета, а также О. И. Шенин, Ю. А. Прокофьев и Ю. С. Плеханов явились к Язову в Министерство обороны, с тем чтобы «посоветоваться о дальнейших шагах»⁸⁵. К Москве к этому времени подошли новые воинские части, которые, однако, в столицу введены не были. Язов же сообщил прибывшим о решении коллегии МО, не без обиды обратив их внимание на бездействие как ГКЧП, так и других ведомств⁸⁶.

В этих условиях начала работу сессия Верховного Совета РСФСР. На ход ее работы оказала влияние атмосфера острейшей конфронтации двух предшествующих дней. Руководители России предстали на сессии как главные организаторы борьбы с «противниками демократии», подвергшиеся к тому же большому личному риску; их авторитет, по крайней мере среди республиканских депутатов, был необычайно высок. Этот момент был использован не только для подтверждения правильности принятых в течение двух дней решений, но и для дальнейших изменений в системе организации российской власти. 21 августа было принято постановление Верховного Совета РСФСР, согласно которому президенту РСФСР предоставлялось право впредь до принятия Закона РСФСР об управлении краем, областью отстранять от должности председателей (всех уровней) Советов народных депутатов в случае неисполнения этими Советами законодательства РСФСР, указов президента РСФСР, актов правительства РСФСР либо исполнения ими решений антиконституционных органов. Не менее революционным был второй пункт постановления. Им вводилась должность главы администрации в крае, области и др. как руководителя соответствующего исполнительного органа. Глава администрации становился правопреemptником исполкома соответствующего Совета народных депутатов. В третьем пункте постановления президенту РСФСР предоставлялось право на указанный период («впредь до принятия Закона», где бы регулировался порядок выборов, т.е. на неопределенный четкий срок) единолично назначать глав администраций и освобождать от этих должностей. Причем постановление вводилось в действие с момента его принятия⁸⁷. Документ существенно изменял действовавшую систему управленческих отношений, значительно ограничивая властные функции Советов и усиливая «исполнительную вертикаль», подчиненную непосредственно (и почти исключительно) президен-

19 Делалось это под эгидой «ликвидации последствий государственного переворота в СССР»; чрезвычайные условия возникновения документа отодвигали на второй план вопрос о его соответствии даже действующей российской Конституции.

Президент России в первый же день воспользовался новым правом: его указом (№ 70) «за поддержку антиконституционной деятельности ГКЧП» и «невыполнение указов Президента РСФСР» были освобождены от занимаемых должностей четыре председателя исполкомов ряда крупнейших регионов⁸⁸.

21 августа 1991 г. российский президент издал указ о передаче Всесоюзной телерадиокомпании в ведение правительства РСФСР. Именно, до назначения ее председателя, руководить компанией предписывалось министру печати и массовой информации РСФСР М. И. Полторанину. Второй же общесоюзный телеканал передавался в управление Всероссийской телерадиокомпании для создания общереспубликанской телесети⁸⁹.

21 августа 1991 г. состоялось еще одно важное событие. В принципе, события 19–21 августа можно было рассматривать и как проявление острого политического кризиса, и как попытку государственного переворота. Многое зависело от позиции Горбачева, которая не была ясна ни для одной из конфликтующих сторон и которой обе они опасались. Поэтому российское руководство торопилось. Определив случившееся как попытку отстранения от власти законного президента, т.е. совершение преступления, оно рассчитывало на соответствующую реакцию правоохранительных органов, которые, однако, не проявляли своей позиции. Первоначально на требование Ельцина арестовать высшее руководство страны генеральный прокурор России В. Г. Степанков вообще отказался это сделать без санкции генпрокурора СССР Н. С. Трубина. Союзный прокурор указывал на юридические сложности: он говорил, что вначале парламент должен подтвердить факт попытки свержения власти или что-то в этом роде, а также высказаться относительно освидетельствования Горбачева. Ельцину же удалось «дожать» прокурорских работников и получить согласие на задержание⁹⁰.

Надо сказать, что колебания юристов 21 августа были небезосновательны. Забегая несколько вперед, можно констатировать, что в 1992–1993 гг. в деле ГКЧП прокурорские работники испытывали заметные затруднения в определении состава преступления. Это нашло отражение в замене обвинения в «измене Родине» на «заговор с целью захвата власти». Новую формулировку обвинения считали неоспорной даже с формально-правовой точки зрения многие юристы

ты⁹¹. О. М. Попцов в 1995 г. сожалел, что на суде «команда, заявленная со стороны обвинения, менее профессиональна, чем со стороны защиты»⁹². В переводе на обычный язык это означало признание того факта, что, даже имея по меньшей мере моральную поддержку власти, обвинение не смогло быстро и убедительно доказать преступность совершенных союзным руководством в августе 1991 г. поступков. Известно также и то, что в феврале 1994 г. Госдума амнистировала проходивших по делу ГКЧП⁹³, однако генерал В. И. Варенников отказался от амнистии и был оправдан, т.е. в его действиях августа 1991 г. не нашли состава уголовно наказуемого деяния. Более того, в приговоре отмечалось, что «мотивами и целью содеянного были не корыстные побуждения или личная заинтересованность, а сохранение государства, что соответствовало воле народа, высказанной на референдуме 17 марта 1991 г.». Самое же интересное, видимо, состояло в том, что оправдательного приговора потребовал государственный обвинитель⁹⁴.

Последним эпизодом противостояния между ГКЧП и российским руководством на завершающем этапе политического кризиса 19–21 августа 1991 г. стал вопрос о том, кто первый встретится с Горбачевым, поддержку которого в этой ситуации считали важной обе конфликтующие стороны. Ельцин предпринял ряд демаршей, направленных на то, чтобы вооруженная российская делегация опередила гекачепистов и «освободила» «отстраненного от власти законно избранного Президента страны»⁹⁵. В свою очередь, «советское руководство» рассчитывало на определенную лояльность президента СССР и спешило представить ему свою версию происшедшего раньше. Горбачев, однако, уже сделал свой выбор; в Форосе он отказался принять «заговорщиков» и поздним вечером 21 августа вернулся в Москву в окружении «победителей». Там же, во Внукове, по распоряжению Генерального прокурора России В. Г. Степанкова были задержаны В. А. Крючков, Д. Т. Язов и А. И. Тизяков. В последующие дни к ним были присоединены и другие активные участники событий.

* * *

Итак, возвращаясь к вопросу, поставленному в начале лекции «Кто же в августе 1991 г. совершил переворот?» — можно сказать следующее.

К середине 1991 г. страна подошла с печальным итогом. Деструктивные процессы развивались столь интенсивно, что для восстановления элементарной управляемости обычных мер было уже недостаточно. И это осознавали все политические силы.

За право вывода страны из кризиса боролись два четко обозначившихся центра политической власти: союзное руководство за воцелением Горбачева и российские лидеры. На бескомпромиссность противостояния повлияло то, что за каждым из них стояли не просто личностные амбиции, а различные представления о путях экономического, политического и национально-государственного развития страны. Первые выступали за социалистический выбор, развитие системы Советов, сохранение единого государства в рамках СССР. Вторые заявляли о приверженности либеральным подходам в экономике, о необходимости изменения советской системы, считали возможным осуществить это лишь в рамках конфедеративного союза государств.

С союзным руководством ассоциировали все неудачи в социально-экономической, национальной и внешней политике 1985—1991 гг., поэтому его привлекательность и политический авторитет постоянно снижались; в информационном пространстве господствовали «вирус анти-СССР»⁹⁶. В то же время российское руководство не было отягощено грузом очевидных просчетов, на протестной волне смогло сплотить самые различные социальные группы. На протяжении второй половины 1990 — первой половины 1991 г. молодая «российская демократия» продемонстрировала большую политическую активность, способность приспосабливаться к быстро меняющимся обстоятельствам и готовность «идти до конца». «Консерваторы понимали, что осенью бой дадим уже мы, — писал в 1992 г. один из лидеров радикалов Г. Х. Попов. — Консерваторы попытались опередить нас... ГКЧП — конечно нарушение законности. Но и нам бы пришлось ее нарушать (как, кстати, произошло при ликвидации СССР)»⁹⁷.

Огромное значение в тех условиях играл временной фактор. Даже Горбачев в 1992 г. признавал, что переговоры о подписании нового Союзного договора нужно было начать на несколько месяцев раньше, осенью 1990 г., и что он сам «на каком-то этапе не уловил момента»⁹⁸. К августу 1991 г. ситуация действительно вышла из-под контроля. Дезинтеграция страны зашла очень далеко, союзный центр существовал по многом номинально, а сам президент еще до 19 августа переходил на позиции «сильнейших», следовал в политическом фарватере российских лидеров. В этом плане он объективно был заинтересован в том, чтобы «отодвинуть» своих соратников по союзным структурам: правовая предпочтительность их позиции в глазах Горбачева меркла перед реальным соотношением политических сил, в котором сам президент уже «определился». Как справедливо писал А. С. Грачев, подобно пожару в большом универсаме, путч давал возможность

Горбачеву, как его директору, списать наряду с реально сгоревшими и, может быть, никогда не имевшимися у него товары»⁹⁹.

Единственными дееспособными общегосударственными структурами оставались вооруженные силы и спецслужбы СССР. Однако уже тогда было сложно оценить, насколько эффективным могло быть их вмешательство в ситуацию. Этот вопрос так и остался в числе риторических, поскольку реализованное частью политиков и военных выступление не было подготовлено ни политически, ни технически, что и привело к его неудаче.

Трудность понимания событий 19–21 августа состоит в том, что **«путч» начали одни, а переворот совершили другие**, противоположные силы. Угасание военного вмешательства со стороны ГКЧП сопровождалось расширением правотворчества российских властных структур, которые в «чрезвычайных условиях» пошли на то, что собирались сделать лишь после намеченного подписания Союзного договора. Этот момент следует подчеркнуть особо, поскольку в действиях российского руководства 19–21 августа не было экспромтов; все принятые акты отражали давно и определенно обозначенные позиции. В этом плане нельзя согласиться с широко распространенной точкой зрения, согласно которой «путч» сорвал планы реформирования Союза. События 19–21 августа лишь перевели латентный процесс дезинтеграции СССР в открытую форму, положив начало новому периоду (до конца 1991 г.), основным содержанием которого явился **последовательный демонтаж союзных структур**.

Примечания

¹ Горбачев М. С. Августовский путч. Причины и следствия. М., 1991; Коричневый путч красных. Август 1991 г. М., 1991; Белоусова Г. А., Лебедев В. А. Партократия и путч. М., 1992; Горбачев М. С. Декабрь-91. Моя позиция. М., 1992; Григорьев С. М. Истина момента. М., 1992; Красное или белое? (Драма августа 1991: факты, гипотезы, столкновение мнений). М., 1992; Степанков В. Г., Лисов Е. К. Кремлевский заговор. Версия следствия. М., 1992; Хасбулатов Р. И. Технология переворота. М., 1992; Соловьев В., Клепикова Е. Борис Ельцин. М., 1992.; В августе 1991-го. Россия глазами очевидцев. М.; СПб., 1993; Лукьянов А. И. Переворот мнимый и настоящий. Воронеж, 1993; Павлов В. С. Август изнутри. Горбачев-путч. М., 1993; Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993; Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993; Гульбинский Н., Шакина М. Афганистан... Кремль... Лефортово...? Эпизоды политической био-

графии Александра Руцкого. М., 1994; *Ельцин Б. Н.* Записки президента. М., 1994; Несокрушимая и легендарная. В огне политических баталий. М., 1994; *Шебаршин Л. В.* Из жизни начальника разведки. М., 1994; *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М.С. Горбачева. М., 1995; *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 2. М. 1995; *Лебедь А. И.* За державу обидно... М., 1995; *Попцов О. М.* Хроника времен «царя Бориса». М., 1995; *Филатов С. А.* Совершенно несекретно. М., 2000; *Шапошников Е. И.* Выбор. 2-е изд. М., 1995; *Крючков В. А.* Личное дело: В 2 ч. М., 1996; *Широнин В. С.* Под колпаком контрразведки. Тайная подоплека перестройки. М., 1996; *Коржаков А. В.* Борис Ельцин: от рассвета до заката. М., 1997; *Черняев А. С.* 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997; *Широнин В. С.* КГБ — ЦРУ. Секретные пружины перестройки. М., 1997; *Зенькович Н. А.* Новости из Кремля. Смоленск, 1998; *Лукьянов А. И.* В водовороте российской смуты. М., 1999; *Язов Д. Т.* Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. 2-е изд. М., 2000 и др.

² *Павлов В. С.* Указ. соч.

³ Независимая газета. 1991. 21 августа.

⁴ Имеется в виду Постановление Верховного Совета СССР «О проекте Договора о Союзе суверенных государств» от 12 июля 1991 года. См.: *Правда.* 1991. 13 июля.

⁵ *Крючков В. А.* Указ. соч. С. 161.

⁶ *Крючков В. А.* Указ. соч.; *Лукьянов А. И.* Переворот мнимый и настоящий; *Павлов В. С.* Указ. соч.

⁷ *Крючков В. А.* Указ. соч. С. 37–38.

⁸ Хроника... С. 109.

⁹ См.: День. 1991. 21 декабря.

¹⁰ *Крючков В. А.* Указ. соч. С. 146.

¹¹ *Черняев А. С.* 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 190–191.

¹² К такому выводу пришел в 1994 г. и суд, занимавшийся «делом генерала Варенникова». См.: *Язов Д. Т.* Указ. соч. С. 490.

¹³ *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым. С. 489.

¹⁴ Советская Россия. 1991. 20 августа.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Правда.* 1982. 27 января.

¹⁸ Советская Россия. 1991. 21 августа.

¹⁹ Там же.

²⁰ *Лукьянов А. И.* Указ. соч. С. 53.

²¹ Красное или белое? С. 71, 73, 80.

²² Там же. С. 72.

²³ Коричневый путч красных. С. 45–46; Официальная публикация указов: Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 34.

²⁴ Б. Н. Ельцин утверждает, что убедил его это сделать генерал А. И. Лебедь. См.: *Ельцин Б. Н.* Указ. соч. С. 114.

Лекция 9

ДЕМОНТАЖ СОЮЗНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

После кризиса 19–21 августа 1991 г. сложилась ситуация, когда с существовавшей Конституцией СССР уже открыто не считались основные субъекты политических отношений, главными из которых были республиканские лидеры, выразившие волю своих элит. Принимаемые тогда решения определялись реальным соотношением сил и по-разному понимаемой «политической целесообразностью».

Прежде всего, события 19–21 августа в массовом сознании окончательно дискредитировали союзные органы власти, которые после кризиса оказались парализованными, а некоторые были просто ликвидированы. Нельзя было не видеть, что у М. С. Горбачева практически не осталось реальных властных рычагов, и это прекрасно осознавали его партнеры по переговорам, которые, внешне соблюдая субординацию, без особого труда «продавливали» нужные им решения, заставляя президента СССР зачитывать выработанные под их диктовку тексты, придававшие беспорядочному распаду Союза видимость конституционного процесса¹.

Сразу же после 21 августа главные субъекты политики поспешили представить свое видение дальнейших социально-экономических и политических перспектив страны. Ведущие российские политические силы, а также союзно-республиканские органы власти четко обозначили свои позиции, действуя открыто, без оглядки на Центр. В принципе это, вероятно, происходило бы и в случае подписания 20 августа нового Союзного договора, но теперь «независимцы» охотно обосновывали свои «свободолюбивые» устремления необходимостью уйти от непредсказуемого в своей «агрессивности» Центра. Августовское выступление ГКЧП стало удобным поводом для отказа от серьезных интеграционных предложений.

Новая ситуация была ярко обозначена 23 августа на сессии Верховного Совета России, куда для объяснения с российскими законодателями был приглашен М. С. Горбачев. Депутаты общались с президентом СССР без всякого почтения: ему был устроен унижительный допрос с пристрастием, который на экранах телевизоров могла видеть вся страна. Многие депутаты были убеждены, что Горба-

чев являлся главным вдохновителем «путча»², ему было недвусмысленно продемонстрировано, что, хотя он и оставался обладателем высшего государственного титула, считаться с ним больше не намерены. Обстановку на сессии достаточно точно описал депутат М. Б. Челноков: «Ельцин откровенно и с удовольствием издевался над Горбачевым, а тот, не в силах ничего сделать и не зная как себя вести, вел себя как нашкодивший мальчишка, униженно принимая отношение Ельцина как должное. Когда Горбачев стоял на трибуне, Б. Н. Ельцин потребовал, чтобы тот сказал, что он думает о стенограмме заседания правительства СССР. Горбачев ответил, что он не читал стенограмму, но Ельцин не поленился, встал, подошел к трибуне, положил стенограмму перед Горбачевым и повелительно сказал: «А Вы прочтите». И Горбачев покорно прочел то место из стенограммы, которое ему указал Ельцин»³. Сам Горбачев позже отмечал, что «Ельцин все делал на этой встрече с садистским наслаждением»⁴.

И тем не менее главным событием этой сессии стал фактический запрет КПСС. Внешне это выглядело как экспромт, когда Ельцин — «для разрядки» — подписал соответствующий указ. Однако, как стало известно позже, эта акция была хорошо спланирована и подготовлена заранее и решение принималось накануне, 22 августа. Интересно, что о «расставании» с КПСС думали и Горбачев, и российский руководящий состав, и их подходы не были непримиримыми.

22 августа «проблему КПСС» Горбачев обсуждал в кругу советников и единомышленников — Яковлева, Медведева, Примакова, Черняева, Шахназарова, Ревенко, Кудрявцева. Как писал Горбачев, «в результате мучительных раздумий родились решения: сложение с себя обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и рекомендация Центральному Комитету самораспуститься, предоставив партийным организациям самостоятельно решить вопрос о своей дальнейшей деятельности»⁵. При этом Горбачев исходил из того, что распад КПСС был неизбежен, поскольку она включала в себя представителей различных идейно-политических течений. Поэтому генеральный секретарь полагал, что в ноябре 1991 г. нужно провести съезд, где и «размежеваться по-доброму». Он считал, что бурные сожаления о распаде КПСС лишены смысла, «она свою историческую роль отыграла и должна была уйти с исторической арены». При этом одна треть партии должна была остаться с Горбачевым, а «остальные разошлись бы кто куда: к Нине Андреевой и Анпилову, к Бузгалину и Косолапову, Зюганову, Р. Медведеву и Денисову, Липицкому и Руцкому. А немалая часть, видимо, присоединилась бы к Демокра-

тической России, к Демократической партии Травкина, христианским демократам»⁶. По итогам обсуждения было подготовлено соответствующее заявление, которое было оглашено 25 августа 1991 г.

Российские лидеры были настроены более решительно. Алгоритм их действий описан одним из активных участников событий, тогдашним мэром Москвы Г. Х. Поповым. Идеолог «Демроссии» полагал, что «надо было тактические успехи развивать в стратегическую победу. Узел — КПСС. Надо было предпринять шаги по главному вопросу: отстранение КПСС от власти». Задача представлялась состоящей из трех частей⁸. Во-первых, необходимо было заставить Горбачева самого объявить о выходе из КПСС, о разрыве с ЦК и о ликвидации аппарата КПСС. Однако Горбачев к такому радикальному решению не был готов, и события пошли помимо него.

Вторая акция касалась **Москвы**. Сессия Моссовета поддержала предложение Попова о взятии под контроль зданий райкомов, «чтобы не дать им возможности уничтожить следы своего участия в путче». Тогда же был лишен депутатского мандата и руководитель московского горкома партии Ю. А. Прокофьев.

Третья акция касалась уже **всей КПСС**. Президент России согласился взять на себя ответственность за запрет КПСС. Его сторонники исходили из того, что российский Верховный Совет сам на запрет не решится, но и не выступит активно против, а Горбачев в присутствии депутатов также не будет протестовать. Однако смелый шаг российского президента должен был быть подкреплён «весомым аргументом», гарантирующим необратимость задуманной акции. В качестве такого аргумента предполагалось использовать взятие зданий ЦК КПСС и МГК. Госсекретарь Бурбулис подписал бумагу, разрешавшую это сделать, «договорились с КГБ». Ведущую роль в ликвидации структур КПСС сыграло руководство московской мэрии. «Всей операцией руководил префект Центрального округа Александр Музыкантский... управляющий делами мэрии Василий Шахновский и заместитель генерального департамента мэра Александр Соколов»⁹. Торопились взять здания к моменту начала выступления Ельцина, и это удалось. Информацию о захвате зданий российский президент получил от Полова, когда на трибуне находился Горбачев, и Ельцин не удержался от соблазна прервать Генерального секретаря, демонстративно подписать указ и объявить о том, что он вступает в силу с момента подписания¹⁰.

В Указе «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР» утверждалось, что КП РСФСР поддержала совершивший госпереворот ГКЧП, и на этом основании МВД и Проку-

ратура РСФСР получили поручение «провести расследование фактов антиконституционной деятельности органов компартии РСФСР». Соответствующие материалы предполагалось впоследствии направить для рассмотрения в судебные органы, а до такого рассмотрения деятельность органов и организаций КП РСФСР приостанавливалась¹¹. Решение о запрете КП РСФСР, а фактически — КПСС, носило стратегический характер и впоследствии ставилось под сомнение многими юристами¹². Формальное обоснование издания указа — участие КП РСФСР в «путче» — было не бесспорным. Во-первых, лишь некоторые партийные комитеты открыто выступали в поддержку ГКЧП, большинство же, как и многие другие общественные, а также государственные организации, заняли настороженно-выжидательную позицию. Были и такие, которые выступили в поддержку российского президента. Во-вторых, в качестве аргумента участия партии в «путче» приводили шифrogramму с обоснованием необходимости поддержки ГКЧП, отправленную из ЦК за подписью О. С. Шенина; этот документ не обсуждался и тем более не был одобрен руководящими структурами КПСС¹³. В-третьих, многие члены ЦК выступили с осуждением введения чрезвычайного положения¹⁴. В-четвертых, уже 21 августа 1991 г., когда «формально» «путч» еще не былвершен, а также 22 августа центральные партийные органы выпустили ряд документов, в которых осуждали произошедшее¹⁵.

Идея устранения с политической арены КПСС была развита в серии последовавших за указом от 23 августа документов. 25 августа президент РСФСР подписал указ «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР», согласно которому госсобственностью России объявлялось все принадлежащее КПСС и КП РСФСР движимое и недвижимое имущество, включая денежные и валютные средства. Право пользования уже бывшей партийной собственностью передавалось соответствующим органам исполнительной власти РСФСР.

Горбачев также был вынужден «определиться». Тогда же 25 августа 1991 г. он призвал ЦК КПСС «принять трудное, но честное решение о самороспуске» и заявил: «Судьбу республиканских компартий и местных партийных организаций определяют они сами... Не считаю для себя возможным выполнение функций Генерального секретаря ЦК КПСС и слагаю соответствующие полномочия»¹⁶. Одновременно как президент Горбачев издал два указа: первый — «О прекращении деятельности политических партий и политических движений в Вооруженных Силах СССР и правоохранительных органах и в государственном аппарате» и «Об имуществе Коммунистичес-

кой партии Советского Союза». В последнем президент предписывал Советам «взять под охрану имущество КПСС. Вопросы дальнейшего его использования должны разрешаться в строгом соответствии с законами СССР и республик». А чуть позже, 13 сентября 1991 г., Горбачев и Ельцин издали совместное распоряжение об использовании комплекса зданий ЦК КПСС и ЦК РСФСР, передав их в пользование Администрации президента РСФСР¹⁷. События 23–25 августа в Москве вызвали цепную реакцию в союзных республиках. Первым Политбюро покинул Н. А. Назарбаев. Он поставил вопрос о выходе республиканской компартии из КПСС, поскольку, по его словам, получаемые в дни кризиса указания из Секретариата ЦК свидетельствовали о поддержке путчистов руководством партии. Вслед за Н. А. Назарбаевым приостановил деятельность компартии и национализировал ее имущество А. А. Акаев. О выходе из состава Политбюро ЦК КПСС объявили секретарь компартии Азербайджана А. Н. Муталибов и секретарь компартии Узбекистана И. А. Каримов. О выходе компартии республики из состава КПСС заявил лидер белорусских коммунистов А. А. Малофеев, а руководитель украинских коммунистов Л. М. Кравчук проинформировал о своем выходе из состава ЦК даже республиканской компартии. До конца августа 1991 г. деятельность компартий была приостановлена в Белоруссии, Грузии, Киргизии, Эстонии; компартии были запрещены на Украине, в Молдавии, Литве. **Процесс «департизации» республик** в основном завершился к середине сентября 1991 г.¹⁸

Следующим компонентом демонтажа союзных структур стало назначение на высшие должности СССР только тех лиц, которых поддерживало российское руководство. Горбачев был лишен права самостоятельно подбирать людей по своему усмотрению. «У нас уже есть горький опыт, август нас многому научил, поэтому, прошу вас, теперь любые кадровые изменения — только по согласованию со мной», — заявил российский президент¹⁹ Горбачеву после возвращения последнего из Фороса. Тем не менее союзный президент 22 августа «проявил инициативу» и назначил министром обороны генерала М. А. Моисеева, председателем КГБ — Л. В. Шебаршина; министром иностранных дел был оставлен А. А. Бессмертных. О новых назначениях было сообщено вечером того же дня. Однако отобранные кандидатуры не устроили Б. Н. Ельцина, и на следующий день он в ультимативной форме потребовал отменить принятые накануне решения. Горбачев послушаться не решился²⁰.

Определился и главный критерий выдвижения на ключевые должности: отношение к ГКЧП и степень поддержки российского руководства в августовские дни 1991 г. При этом шанс на назначение

получали лишь те, кто активно выступил на стороне Белого дома, «нейтральные» кандидатуры не рассматривались. В этом плане характерны первые кадровые предложения Ельцина. Пост министра обороны был предложен П. С. Грачеву, сыгравшему одну из ключевых ролей в дни кризиса. Тот, однако, отказался, сославшись на неподготовленность на том этапе к выполнению обязанностей союзного министра, но получил пост его первого заместителя. Министром же под диктовку российского президента Горбачев назначил Е. И. Шапошникова, «который мужественно повел себя во время путча»²¹. Кадровый разведчик Шебаршин был отставлен на том основании, что он — «ближайший человек Крючкова»²². Вместо него был назначен В. В. Бакатин, имевший репутацию «демократа» и выступивший 20 августа с осуждением ГКЧП. Министром внутренних дел СССР был назначен один из активных участников «обороны» Белого дома, замминистра МВД РСФСР В. П. Баранников. Был отставлен проявивший осторожность в дни кризиса глава МИДа А. А. Бессмертных. Главным достоинством нового министра иностранных дел Б. Д. Панкина было то, что он «был одним из немногих послов, кто в первый же день переворота дал однозначную оценку путчу»²³. Панкин, однако, на новом посту продержался недолго и в ноябре 1991 г. был отправлен послом в Лондон.

25 августа указом Горбачева был ликвидирован Совет Министров СССР и вместо него создан Комитет оперативного управления народным хозяйством, который возглавил российский премьер И. С. Силаев. Его заместителями стали А. И. Вольский, Ю. М. Лужков и Г. А. Явлинский. Создание Комитета и назначение его руководства обозначили еще одну важную послеавгустовскую тенденцию — **перевод союзных структур под управление российских органов власти**; тем самым как бы преодолевалось существовавшее более года на территории РСФСР «двоевластие»²⁴.

Как справедливо писал С. В. Чешко, лидеры союзных республик в ситуации, возникшей после падения ГКЧП, воспользовались случаем для поднятия планки своей независимости²⁵. 24 августа 1991 г. ВС УССР провозгласил Украину независимым демократическим государством, заявив при этом, что с этого момента действующими на территории являются лишь Конституция, законы, постановления и другие акты законодательства республики. В постановлении говорилось, что этот шаг предпринят «исходя из смертельной опасности, нависшей над Украиной в связи с государственным переворотом 19 августа 1991 года». На 1 декабря был назначен референдум по вопросу, оставаться ли Украине в составе Советского Союза, а

также выборы ее президента. 24 августа свою независимость провозгласила Белоруссия, 27-го это сделала Молдавия, 30-го — Азербайджан, а 31 августа — Киргизия и Узбекистан. Грузинский лидер З. Гамсахурдия выступил с требованием, чтобы мировое сообщество признало фактически и юридически независимость Грузии. Верховные Советы Латвии, Литвы и Эстонии еще 20–21 августа объявили о своей независимости и восстановлении своих старых конституций, которые действовали до 1940 г.²⁶ А 24 августа Ельцин заявил о признании Российской Федерацией независимости трех прибалтийских республик.

На одном из важных мест после подавления «путча» стоял вопрос об «избавлении от КГБ». По мнению «победителей» и их сторонников, «вся мощь этой организации готовилась для того, чтобы обрушиться на неокрепшие силы демократии, не останавливаясь при этом перед нарушениями Конституции и Законов государства»²⁷. Существовало единодушное желание избежать этой ситуации в будущем. В. В. Бакатин, вступая в должность председателя КГБ СССР, на заседании Госсовета 23 августа 1991 г. прямо заявил, что его направляют в такую организацию, которую «вообще надо расформировать»²⁸. В Указ президента СССР о новом назначении был включен и пункт о подготовке предложений по коренной реорганизации Комитета государственной безопасности.

Реформирование КГБ разворачивалась преимущественно по двум направлениям. Первое — «дезинтеграция, раздробление КГБ на ряд самостоятельных ведомств и лишение его монополии на все виды деятельности, связанные с обеспечением безопасности». Предполагалось «разорвать комитет на части», которые, находясь в прямом подчинении главе государства, уравновешивали бы друг друга, конкурировали друг с другом²⁹. Второе направление — децентрализация, или вертикальная дезинтеграция, предоставление полной самостоятельности республиканским органам безопасности в сочетании с главным образом координирующей работой межреспубликанских структур. Это определялось бурно идущими процессами «размежевания» республик Союза.

В соответствии с первым направлением уже в августе КГБ был лишен нескольких десятков тысяч войск специального назначения, которые были переданы армейскому командованию. Была реорганизована и Служба охраны. Так называемая «Девятка» была передана в непосредственное подчинение президенту СССР и должна была также выполнять функции охраны президента Российской Федерации.³⁰ Указом президента СССР от 29 августа 1991 г. произошло выделение

на КГБ комплекса управлений, отвечавших за правительственную связь, шифровку и радиоэлектронную разведку. На их долю приходилась четвертая часть бюджета прежнего КГБ. На их базе был создан Комитет правительственной связи при президенте СССР.

Следующим по хронологии шагом по структурной дезинтеграции центрального аппарата КГБ стало выделение из него Управления по Москве и Московской области. Переговоры на сей счет велись с президентом России, мэром Москвы и председателем КГБ России. В результате Управление перешло под руководство российских органов. Его по предложению Г. Х. Попова возглавил член Координационного совета Движения демократических реформ Е. В. Савостьянов³¹.

После этих сравнительно небольших по масштабам структурных изменений дошла очередь и до самых крупных подразделений комитета — разведки, контрразведки, пограничных войск. Было принято решение о создании вместо ПГУ КГБ независимой центральной службы разведки. Ее первоначально в ранге первого заместителя председателя КГБ возглавил Е. М. Примаков. Обсуждался вопрос о передаче в Министерство обороны СССР военной контрразведки, что было, однако, признано нецелесообразным. Еще в августе были сформулированы предложения о преобразовании погранвойск КГБ в погранвойска СССР.

Комплекс вопросов, связанных с реорганизацией КГБ, обсуждался на заседании Госсовета СССР 22 октября 1991 г. Было принято постановление, явившееся крупным шагом в ликвидации КГБ. В документе было записано: «Считать необходимым упразднить Комитет государственной безопасности СССР. Комитеты государственной безопасности республик и подчиненные им органы считать находящимися исключительно в юрисдикции суверенных республик. Создать на базе Комитета государственной безопасности СССР на правах центральных органов государственного управления СССР — Центральную службу разведки СССР — Межреспубликанскую службу безопасности — Комитет по охране государственной границы СССР с объединенным командованием пограничных войск». В компетенцию Межреспубликанской службы безопасности входила главным образом выработка «общих принципов в деятельности органов безопасности республик и координация их деятельности». Официально КГБ СССР прекратил свое существование 3 декабря 1991 г., когда Совет Республик принял Закон «О реорганизации органов госбезопасности».

Декабрьское решение, по сути, завершило оформление тех процессов, которые развернулись в органах госбезопасности с конца

августа 1991 г. и содержанием которых являлась децентрализация этой системы. 11 сентября вместо Коллегии КГБ создавался Координационный совет в составе председателей комитетов республик.

18 сентября были существенно расширены права республиканских руководителей: отныне председатель КГБ союзной республики получал право вносить любые изменения в штаты, назначать начальников областных управлений, зачислять на военную службу и увольнять с нее, присваивать воинские звания³². С этого момента республиканские органы власти самостоятельно назначали председателей своих комитетов. Органы госбезопасности союзных республик становились все более независимыми от Москвы, меняя даже свои названия. Еще до формальной ликвидации КГБ СССР характер его отношений с республиканскими структурами стал определяться двусторонними соглашениями, где фиксировались компетенция и объем делегируемых в центр функций. В октябре—ноябре 1991 г. такие соглашения были подписаны со Службой национальной безопасности Украины, КГБ Республики Беларусь, Министерством национальной безопасности Республики Молдова, КГБ Республики Таджикистан, КГБ Казахстана и Киргизии, а в декабре — с Арменией и Азербайджаном³³.

Главная же проблема, связанная с децентрализацией, решалась в процессе создания самостоятельной службы безопасности РСФСР. В данном случае не просто формировалась еще одна республиканская спецслужба³⁴. Особенность ситуации состояла в том, что КГБ Союза лишался «своей» территории и неизбежно становился сугубо координирующей структурой.

Созданная сразу после «путча» Государственная комиссия по расследованию деятельности органов госбезопасности — в эту руководимую С.В. Степашиным Комиссию входили лишь российские депутаты — в середине сентября 1991 г. направила в Госсовет СССР предложение о прекращении деятельности КГБ СССР и создании на его базе Комитета госбезопасности России³⁵. Новый председатель КГБ уже 4 сентября 1991 г. издал приказ «О неотложных мерах по обеспечению формирования и деятельности КГБ РСФСР». В подчинение КГБ России были переданы все комитеты бывших автономных республик и управления по краям и областям. Управлению кадров КГБ Союза было поручено произвести передачу российскому комитету штатной численности за счет подразделений КГБ СССР. Одновременно осуществлялась передача занимаемых помещений, имеющих средств связи, вычислительной техники, транспорта и другого имущества. Устанавливалась принципиально новая практика, при которой руководители подразделений центрального аппарата КГБ

СССР могли направлять любые указания в органы госбезопасности России только по согласованию с КГБ РСФСР. Показательно, что для размещения центрального аппарата КГБ РСФСР предписывалось выделить центральное здание КГБ на Лубянской площади, которое в течение десятилетий являлось символом КГБ³⁶.

КГБ России сам, уже без союзного Комитета, разрабатывал свою структуру, функциональную подчиненность подразделений и штатную численность. К 26 ноября 1991 г., когда был издан Указ Президента РСФСР № 233 «О преобразовании Комитета государственной безопасности РСФСР в Агентство федеральной безопасности РСФСР», в центральном аппарате российской службы безопасности работали 20 тысяч сотрудников и 22 тысячи — на местах. Это уже была полноценная организация, способная самостоятельно решать крупные задачи³⁷.

Постановлением ВС РСФСР от 15 ноября 1991 г. в ведение Генерального прокурора РСФСР передавались находящиеся на территории республики органы прокуратуры СССР. Тем же постановлением предписывалось до 1 января 1992 г. принять в юрисдикцию РСФСР органы военной прокуратуры, расположенные на ее территории³⁸.

Происходившие в союзных республиках после 21 августа процессы вызвали далеко не однозначную оценку в среде российской политической общественности. Любопытна реакция российского президента, которая отражала его видение этой проблемы в тот период.

26 августа 1991 г. пресс-секретарь Ельцина П. И. Вощанов сделал заявление, где говорилось, что Россия не ставит под сомнение чье-либо право на самоопределение, «однако существует проблема границ, неурегулированность которой возможна и допустима только при наличии закрепленных соответствующим договором союзнических отношений. В случае их прекращения РСФСР оставляет за собой право поставить вопрос о пересмотре границ. Сказанное относится ко всем союзным республикам»³⁹. Если мы вспомним сделанное накануне «путча» заявление о том, что цены на энергоносители будет определять не Центр, а Россия, и учтем слова Вощанова, то становятся очевидными те аргументы, которые российский президент намеревался использовать для охлаждения чрезмерных устремлений к полной «свободе» новых «государств». Обладая двумя указанными рычагами, он мог настаивать на сохранении единого экономического пространства и соблюдении определенных политических условий в рамках территории СССР, где бы доминировала Россия, не отказываясь при этом от риторических реверансов в адрес бывших «младших братьев». В принципе, при наличии политической воли, такой подход мог лечь в основу будущей модели взаимоотношений государств Содружества.

Естественной была остронегативная реакция на заявление П. И. Вошанова со стороны руководителей Украины и Казахстана, которые не без оснований правильно оценили направленность возможных территориальных претензий России. Однако столь же резкой была реакция ряда известных деятелей «Демроссии», объединившихся в группу «Гражданская инициатива». В своем «Заявлении» 28 августа они отмечали, что «можно с разными и смешанными чувствами воспринимать развал государства, которое раньше называлось Российской империей, а затем СССР, но этот свершившийся факт должны приветствовать все истинные демократы как существенную сторону краха коммунистического режима и проявление в принципе прогрессивной тенденции». Авторы «Заявления» выразили особую обеспокоенность и решительно отвергли территориальные и имущественные претензии России к соседним республикам в случае роспуска СССР. Была выдвинута формула «Россия — единая и делимая»⁴⁰. Ельцину было обещано отказать в политической поддержке «если его и дальше понесет в великую Россию» (Е. В. Боннэр). Лидеры «Демроссии» потребовали немедленно дезавуировать заявление пресс-секретаря президента России.

В то же время лидер РХДД В. В. Аксютин обратился к Б. Н. Ельцину с поддержкой его позиции. В его заявлении выражалась надежда, что президенту удастся избежать агрессивного давления леворадикальных кругов, для которых задача расчленения Отечества давно затмила задачу освобождения всей страны от тоталитарных коммунистических структур⁴¹.

Совет ЦК Конституционно-Демократической партии (партии Народной свободы) также принял Заявление в связи с решением ряда республик (Украины, Белоруссии и Казахстана) о невхождении в состав нового союзного государства. Действия руководства этих республик рассматривались как бегство от возрожденной демократической России и попытка консервации под предлогом «развала союзной империи» собственных имперских национал-коммунистических режимов, где грубым образом ущемляются индивидуальные права человека и интересы населения отдельных регионов, не желающих порывать с Россией. Авторы Заявления считали, что в случае отказа Украины, Белоруссии и Казахстана от участия в новой демократической федерации требование России о пересмотре произвольно «нарезанных» большевиками границ между союзными республиками является конституционным⁴².

Ельцин, однако, был вынужден согласиться на дезавуирование заявления собственного пресс-секретаря, и уже 28 августа в ходе

переговоров с лидерами «заволновавшихся» республик возникшая напряженность была снята⁴³.

В среде «победителей» рождались достаточно экстравагантные идеи. Так, профессор-демократ В. Корсланов предложил «колонизировать» нашу страну на определенное время развитыми странами». «Сегодня для Запада, — рассуждал профессор, — мы представляем интерес как рынок, богатый сырьем и человеческими ресурсами... Естественно, надо обратиться к Западу с просьбой прикрепить отдельные республики и регионы к развитым странам. Допустим, Россию к США и Японии, Украину — к Англии, Белоруссию — к Франции. Понадобится создать смешанную администрацию по управлению колониями»⁴⁴.

Нам представляется справедливым достаточно категоричный вывод Р. Г. Пихойи о том, что по-настоящему Советский Союз «умер» в первые дни после подавления «путча», формально продолжая существовать до конца декабря 1991 г.⁴⁵ Этот вывод разделяет и известный экономист А. В. Улюкаев⁴⁶. Ельцин также в своих мемуарах применительно к этому периоду использует термин «бывший Советский Союз»⁴⁷. Поэтому мы считаем не вполне корректным при рассмотрении временного отрезка с сентября до начала декабря 1991 г. считать его основным содержанием стремление сохранить в какой-то форме единое государственное образование. Главным, на наш взгляд, было строительство союзными республиками независимой, «самостоятельной» государственности, создание соответствующих государственных институтов и правовых актов, все меньше оглядываясь на необратимо угасавшие союзные органы власти и управления. К итогам мартовского референдума уже никто, за исключением Горбачева, не апеллировал, а предлагаемые варианты возможного «союза» становились все менее обязывающими для его потенциальных участников. Эта ситуация была легализована на **V (внеочередном) Съезде народных депутатов СССР**, работавшем со 2 по 5 сентября 1991 г.

Открытию съезда предшествовала ночная дискуссия республиканских лидеров, после которой появился текст «*Заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик*» (далее — «Заявление»). Его подписали 10 республик, а в разработке участвовала и Грузия, отсюда формула переговоров «10(11)+1». Это был важный документ, который был свободен от новоогаревских «условностей» и содержал приемлемое для национальных элит видение перспектив возможного взаимодействия.

В Заявлении констатировалось, с одной стороны, что в результате госпереворота 19–21 августа был сорван процесс формирования

новых союзных отношений между суверенными государствами, а с другой, — что победа демократических сил нанесла серьезный удар реакционным силам и создала исторический шанс ускорения коренных преобразований, обновления страны. Авторы предлагали ввести переходный период до принятия новой конституции и проведения на ее основе выборов новых органов власти. В рамках этого периода было необходимо подготовить и подписать всеми желающими республиками Договор о союзе суверенных государств, в котором каждая из них (республик) сможет самостоятельно определять формы своего участия в союзе. Независимо от декларируемого статуса предлагалось безотлагательно заключить экономический союз. В условиях переходного периода законодательные функции должен был выполнять не Съезд народных депутатов или Верховный Совет СССР, а Совет представителей народных депутатов, формируемый из числа лиц, делегируемых Верховными Советами республик. Предлагалось также создать Государственный Совет в составе президента СССР и высших должностных лиц союзных республик для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики. Для координации управления народным хозяйством предлагалось «создать временно межреспубликанский экономический комитет». Проект конституции после его подготовки должны были утверждать парламенты союзных республик, после чего он выносился бы на съезд полномочных представителей республик. Подписавшие Заявление декларировали необходимость сохранения единых вооруженных сил и военно-стратегического пространства, подтверждения международных обязательств СССР. Характерен пункт Заявления, где авторы просят Съезд народных депутатов СССР поддержать обращение союзных республик в ООН о признании их субъектами международного права и рассмотрении вопроса об их членстве в этой организации⁴⁸.

Подписанный высшими руководителями союзных республик-государств документ определил рамки обсуждения проблем на съезде, и, несмотря на острую порой полемику (обвинения в «предательстве», «разворовывании страны», «заговоре»), в итоге были приняты нужные лидерам решения.

На съезде выступил Б. Н. Ельцин. Любопытна констатация им того факта, что около года между Центром и республиками длилась «холодная война», которой теперь наступает конец. Российский президент изложил свое видение проблем, сформулированных в совместном Заявлении. На первое место он поставил необходимость сохранения единого экономического пространства страны, оговорившись, что речь идет о переходном периоде. Ельцин также сказал, что «мы

нужны немножко отойти от новоогаревских соглашений, то есть мы должны согласиться, что да, могут быть независимыми республиками, которые настаивают на конфедерации и на федерации, и на ассоциированном членстве, и на Экономическом союзе, но все-таки находятся в единой системе». Президент высказался за сохранение союзных вооруженных сил, сделав упор на целостности ядерного потенциала. Ельцин подчеркнул, что Россия будет строить отношения с суверенными государствами на основах равенства, добрососедства, взаимной выгоды и невмешательства во внутренние дела друг друга, пообещав при этом, что Россия выступает за обеспечение гарантий прав человека и будет защищать интересы россиян за пределами республики⁴⁹.

И хотя выступления республиканских руководителей были пропущены оптимизмом, тем не менее у многих присутствовавших на съезде возникло чувство, что это собрание обреченных, похороны союза⁵⁰. И это было не только ощущение. Съезд принял два документа: конституционный *«Закон об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период»* и постановление *«О мерах, вытекающих из совместного Заявления Президента СССР и высших руководителей союзных республик»*. Съезд своими решениями одобрил все те меры, которые предлагались в «Заявлении». Во-первых, «прекращали деятельность», а фактически распускались высшие органы государственной власти СССР — Съезд и Верховный Совет, которые обладали правом принятия общесоюзных законов. Распускался Президиум ВС СССР и правительство — Совет Министров СССР; упразднялась должность вице-президента. Во-вторых, создавался **Госсовет СССР**, состоявший из президента СССР и высших должностных лиц республик, к которому переходили реальные функции управления. В законе содержалась чисто декларативная норма о создании нового Верховного Совета СССР, сроки, порядок избрания и полномочия которого не были ясно обозначены.

Таким образом, можно констатировать, что все решения съезда были призваны юридически оформить введение так называемого «переходного периода», когда прежнее государство и его конституция должны были уступить место новому союзу. Однако если правовые аспекты демонтажа «старого» СССР были определены достаточно четко, то контуры будущего объединения выглядели предельно неясно. В документах даже формально нигде не упоминалась федерация, речь шла лишь о том, чтобы в условиях кризиса остаться «в единой, единой системе» (Ельцин). После пятого съезда решение вопроса о будущем уже во многом разрушенного СССР перешло в

сферу рассмотрения исключительно союзно-республиканских элитных позиций которых и предопределили дальнейший ход событий.

Создание Госсовета СССР легализовало положение, существовавшее с конца апреля 1991 г., когда начался «новоогаревский процесс»: именно тогда важнейшие вопросы будущего Союза стали обсуждаться за закрытыми дверями в узком кругу высших руководителей республик, которые далеко не всегда информировали о происходившем на переговорах свои высшие представительные органы. Созданный в начале сентября 1991 г. Госсовет на практике являлся не органом «для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы», как декларировалось изначально, а институтом, в рамках которого оформляли свое движение к полной независимости почувствовавшие вкус свободы республики. Под «крышей» Госсовета происходил и демонтаж союзных структур. Главную роль в этом процессе, который получил название «Ново-Огарево-2», играли Россия и Украина. За время своего существования Госсовет провел семь заседаний, содержание которых весьма показательны.

На первом заседании 6 сентября была признана независимость Латвии, Литвы и Эстонии. Произошло это на следующий день после признания их независимости Соединенными Штатами. Правоведы обращали внимание на то, что данная акция Госсовета находилась в противоречии как с Конституцией СССР, так и с законом СССР от 3 апреля 1991 г., в котором был установлен порядок решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из состава СССР. По этому закону союзная республика могла выйти из состава СССР после проведения референдума, на котором за выход проголосовало не менее двух третей ее населения, а также по истечении переходного периода (до пяти лет), в рамках которого решались все спорные вопросы. Теперь все эти «условности» снимались.

На втором заседании Госсовета 16 сентября 1991 г. обсуждался *проект Договора об экономическом сообществе суверенных государств*. Докладчик по этому вопросу, Г. А. Явлинский, указывал, что главная задача Экономического союза — консолидация усилий суверенных государств с целью образования общего рынка и проведения согласованной экономической политики как *непременного условия* преодоления кризиса. При этом он подчеркивал, что вступление в Экономический союз не обуславливается подписанием Договора Союзе суверенных государств⁵¹.

Считалось, что на подписание экономического договора республики пойдут быстрее и охотнее, чем на заключение политического

соглашения. Именно поэтому во второй половине сентября — первой половине октября 1991 г. особенно много внимания уделялось этому сюжету.

1 октября в Алма-Ате руководители 13 республик обсуждали проект Договора об экономическом сообществе, затем три республики его парафировали. На третьем заседании Госсовета 11 октября 1991 г. эта тема также была предметом специального рассмотрения⁵². С обоснованием преимуществ Сообщества и общего экономического пространства вновь выступил Г. А. Явлинский. Не отвергая идею в целом, лидеры республик обусловили подписание документа рядом оговорок. Б. Н. Ельцин заявил, что Россия Договор подпишет, но не ратифицирует, пока не будут готовы основные экономические соглашения по конкретным вопросам; при этом Россия сразу прекратит финансирование тех центральных органов, которые не предусмотрены Договором. Украина также заявила о готовности подписать Договор в случае принятия ее поправок. Президент Азербайджана А. Муталибов обусловил участие республики в экономическом и политическом договорах выделением Азербайджану «достаточных вооруженных сил для организации обороны» против «агрессии Армении». В итоге члены Госсовета условились до 15 октября подписать Договор об экономическом сообществе, сопроводив это оговоркой о необходимости учета прозвучавших на заседании предложений⁵³.

18 октября 1991 г. в Кремле президент СССР и руководители 8 республик (без Украины, Молдавии, Грузии и Азербайджана) подписали **Договор об экономическом сообществе суверенных государств**. Для нас особый интерес представляют политические аспекты этого документа⁵⁴. Среди них следует выделить следующие. *Во-первых*, авторы Договора молчаливо исходили из признания факта разрушенности прежнего государства и его управленческих структур. Участники Договора — «независимые государства, являющиеся и бывшие субъектами Союза Советских Социалистических Республик, безотносительно к их нынешнему статусу» (Преамбула). *Во-вторых*, Договором предусматривалось «доделить» общесоюзную собственность, включая золотой запас, алмазный и валютный фонды (ст. 20). *В-третьих*, Договор признавал, что основой подъема экономики являются частная собственность, свобода предпринимательства и конкуренция. Государства обязывались законодательно ограничить вмешательство в хозяйственную деятельность предприятий. Тем самым декларировалась необходимость «ухода» государства из экономики и, следовательно, признавалась ненужность общесоюзных органов хозяйственного управления, «скрепляющих» общее экономи-

ческое пространство (ст. 9). *В-четвертых*, в документе отмечалось, что государства—члены Экономического сообщества «осознают необходимость сохранения рубля как общей валюты единой банковской системы», но в то же время допускают введение собственных национальных валют. Предполагалась ликвидация общего Центрального банка и создание республиками собственных центральных (национальных государственных) банков с последующим объединением в банковский союз. *В-пятых*, все без исключения разделы содержали указания на необходимость подписания дополнительных соглашений, минимальный пакет которых — 20 соглашений — был обозначен в статье 50. Предполагалось заключить их в течение не более трех месяцев после подписания Договора. Сам набор этих документов и сложность охватываемых ими проблем оставляли мало надежды на то, что они будут подготовлены быстро и безболезненно. А без них текст Договора об экономическом сообществе превращался в ни к чему не обязывающую декларацию о намерениях. Кроме того, Договор и специальные соглашения должны были вступить в силу только после их ратификации членами сообщества в соответствии с их конституциями и спустя еще один месяц со дня сдачи ратификационных грамот государству-депозитарию, т.е. даже в самом идеальном варианте Договор мог вступить в силу лишь через четыре месяца после подписания. Это, однако, практически лишало его всякого смысла, так как экономики всех без исключения республик находились в состоянии глубокого кризиса и требовали незамедлительного проведения «спасательных» мер. И, наконец, следует специально отметить, что Договор заключался сроком на три года (ст. 8) и допускал участие в нем лишь трех государств (ст. 59).

Думается, что приведенные положения Договора дают мало оснований считать его интеграционным. В нем достаточно ярко отразилась «послеавгустовская» линия поведения республик, когда при декларациях о приверженности идее «обновленного Союза» никто не хотел делиться завоеванной свободой. Не случайно 18 октября 1991 г., в день подписания Договора, Б. Н. Ельцин сказал о том, что «после путча потребовалось срочно вносить глубокие коррективы в политический курс России... Теперь задача в том, чтобы в скорейшее время демонтировать остатки унитарных имперских структур и создать мобильные и дешевые межреспубликанские структуры»⁵⁵. При этом он подтвердил, что Россия прекратила финансирование союзных министерств, кроме Министерства обороны, Министерства путей сообщения и Министерства атомной энергетики⁵⁶. Спустя десять дней российский президент вновь подчеркнул, что «межреспубликански

органы призваны играть только консультативно-координирующую роль, реальную власть теперь осуществляют республики. И поэтому Российская Федерация должна будет вести самостоятельную политику, действовать исходя из национальных интересов, а не по навязанному ей шаблону»⁵⁷. А через месяц Г.А. Явлинский с сожалением констатировал, что, хотя экономисты за полтора месяца (вместо трех по плану) «прошли свою часть пути», подготовив 24 конкретных проекта спецсоглашений к Договору, тем не менее руководство республик оказалось не готовым к принятию решений, а политические мотивы стали главным препятствием на пути его реализации»⁵⁸.

М. С. Горбачев изначально осознавал, что воплощение статей экономического Договора в жизнь будет упираться в нерешенность проблемы государственности, проблемы нового Союза⁵⁹. Поэтому одновременно с подготовкой экономического соглашения велись интенсивные консультации о будущем Союзном договоре. С начала сентября 1991 г. разработкой его проекта занимались преимущественно представители союзных и российских властей, причем тон задавали последние. Со стороны Горбачева в работе активно участвовали Г. Х. Шахназаров и Ю. М. Батурин, со стороны Ельцина — С. М. Шахрай, С. Б. Станкевич и Г. Э. Бурбулис. Итоги почти месячных переговоров были подведены 28 сентября на совещании рабочих групп. Представители российского президента отвергли предложенный «горбачевский» вариант, так как он был основан на «старой» концепции создания союзного государства, а не союза государств. Свою позицию они обосновывали тем, что на тот момент сложилась недееспособная структура власти, когда существуют два президента. По мнению российской стороны, в этих условиях Договор означал бы нечто вроде соглашения России с самой собой. Республика больше не будет играть роль «донатора», спасителя Союза. После 19 августа возможен лишь Договор между республиками, и Горбачев должен понять иллюзорность сохранения Союза в качестве государства. Поэтому его задача — помочь договорному процессу, в результате которого Россия станет правопреемницей Союза. При этом, т.е. уже 28 сентября, указывалось, что «вождевленное экономическое соглашение также нереально... Поэтому мы должны спасти Россию, укреплять ее независимость, отделяясь от остальных. Вот после того как она встанет на ноги, все опять к ней потянутся, и вопрос можно будет решать шире»⁶⁰.

Бурбулис при этом добавил, что Госсовет — не орган государства, а «некая дренажная система, раздвалка, где каждый заботится лишь о своем интересе».

«Горбачевцы» в целом согласились с концепцией, согласно которой Россия должна «заняться собой, собраться с силами». Однако при этом они обращали внимание на то, что разрушив Союз, едва ли можно будет повторить опыт 20-х годов по его воссозданию. За несколько лет, пока Россия будет приходить в себя, республики «разойдутся» по разным блокам и союзам, а возвращать их силой никто не захочет. Поэтому, предлагали «горбачевцы», целесообразно сохранить Союз как своего рода двойной обрuch, который служит и России. В качестве одного из главных постулатов предлагаемого ими Договора был обозначен вопрос о границах: они оставались бы незыблемыми лишь в том случае, если республики остаются в Союзе. И если в публичных выступлениях Горбачев осуждал «пограничный шантаж»⁶¹, то в переговорном процессе этот аргумент, тем не менее, использовался. Любопытно, что на вопрос Шахназарова, готовы ли его собеседники отдать Крым Украине, если она выйдет из Союза, последовал дружный отрицательный ответ «россиян»⁶².

И все же Горбачев остался недовольным итогами переговоров: он категорически настаивал на формуле «союзное государство», а не «союз государств», возражал против того, что «выкинули союзную Конституцию», выступал против избрания будущего президента Союза парламентской ассамблеей. Республики же, и прежде всего Россия, не торопились с заключением нового Договора. Это вызвало тревогу у президента СССР, которая прозвучала в его выступлении на четвертом заседании Госсовета 4 ноября 1991 г. Накануне этого заседания российское руководство предприняло ряд шагов, которые можно было рассматривать как давление на партнеров по переговорам. На V Съезде народных депутатов России Б. Н. Ельцин выступил с заявлениями о намерении объявить Госбанк СССР российским, сократить на 90% численность МИДа, распустить 80 министерств. Главное же, однако, было в том, что съезд без согласования с другими республиками одобрил набор антикризисных мер, которые подрывали только что подписанный Договор об экономическом сообществе или противоречили ему⁶³. В этих условиях на заседании Госсовета Горбачев выступил с речью, смысл которой, по замечанию пресс-секретаря президента СССР А. С. Грачева, — «Отечество в опасности!». Президент СССР сетовал на то, что члены Госсовета меняют ранее согласованные позиции, и призывал ускорить заключение Договора о Союзе Суверенных Государств⁶⁴.

На следующий день Горбачев передал членам Госсовета проект Договора, где будущий союз определялся как «Союз Суверенных Государств (ССГ) — союзное демократическое государство, осущ-

осуществляющее государственную власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники Договора»⁶⁵.

После четвертого заседания Госсовета в ноябре 1991 г. руководство **Украины и России** предприняло ряд шагов, которые, как впоследствии их оценило горбачевское окружение, явились результатом «Договора» лидеров обеих республик. 6 ноября ВС Украины дал согласие на парафирование правительством республики Договора об экономическом сообществе. В тот же день премьер-министр Фокин подписал Договор, а также Соглашение о принципах торгово-экономического сотрудничества между Украиной и Россией. 8 ноября вернувшийся из Москвы Л. М. Кравчук провел в Киеве пресс-конференцию, на которой сделал ряд заявлений. Он отметил, что главное для республики сейчас — референдум о ее независимости и преодоление кризиса. Он в категоричной форме высказался за создание собственной национальной армии, введение собственной валюты, необходимости самостоятельно осуществлять международные отношения, без союзного Министерства иностранных дел. Касаясь Союзного договора, Кравчук сказал: «Моя позиция — прекращать разговоры о новоогаревском процессе... Новоогаревский процесс — это теперь плюсквамперфект!» Основную силу, по Кравчуку, будут иметь рациональные экономические договоры; общий Экономический договор нужно рассматривать лишь как общие принципы. Он выступил против создания каких-либо управляющих центральных органов, допустив существование лишь координационных структур, создаваемых самими государствами⁶⁶. В свете этих заявлений представляется понятным неучастие представителей Украины в заседании Госсовета, где обсуждался проект Договора об ССГ, доработанный с учетом замечаний республик.

Это, пятое по счету, заседание состоялось 14 ноября, в нем участвовали представители лишь семи республик — России, Белорусии, Казахстана и Средней Азии. Спор вновь зашел о том, чем должно быть будущее гособразование: федерацией или конфедерацией? Ельцин, Назарбаев и Шушкевич настаивали на «союзе государств», который нужно определять как конфедерацию. Горбачев с этим не был согласен, говоря о необходимости «союзного государства», под которым он понимал нечто большее, чем конфедерация, хотя открыто федерацию он провести уже не мог. Назарбаев говорил о политическом союзе с единой армией, территорией и границами. Ельцин добавлял к этому транспорт, космос, экологию. В итоге сошлись на компромиссной формулировке: «конфедеративное демократическое государство, осуществляющее власть». В этом государст-

ве не предусматривалась конституция, однако предполагались выборы (через выборщиков) президента; на два года избирался двухпалатный парламент (и от республик, и от округов); были пункты о правительстве и даже о столице, которую первоначально «россияне» обозначили как «место пребывания союзных органов». При обсуждении звучали и «украинская тема» как аргумент в пользу конфедерации. Шушкевич выразил надежду, что в конфедерацию Украина «пойдет», а Ельцин конкретизировал сюжет: «При заключении экономического соглашения мы подсчитали, что в пересчете на мировые цены взаимных обязательств между Украиной и Россией разница в нашу пользу должна составить 80 млрд долл. Если Украина согласится войти в Союз, можем этот должок забыть, если нет — пусть платят»⁶⁷.

Заседание Госсовета 14 ноября закончилось в целом на оптимистической ноте; была достигнута договоренность начать парафирование нового Договора 25 ноября 1991 г. За неделю до этой даты в интервью газете «Труд» украинский лидер Л. И. Кравчук высказался в пользу того, чтобы Украина, Белоруссия и Россия выступили инициаторами создания такого сообщества, в котором все входящие в него государства были бы равноправными и не имели бы над собой никакого политического центра⁶⁸.

Во второй половине ноября 1991 г. стала очевидной тактика, которой придерживалась российская сторона в новоогаревском процессе. Она сводилась к следующему. Во-первых, публично не отказываться от необходимости подписания нового Союзного договора и даже — где можно — «осуждать» сепаратистов и подчеркивать, что Россия «уйдет» из Союза последней. Тем самым в глазах общественного мнения позиции Горбачева и Ельцина на переговорах не выглядели противоположными. Во-вторых, под декларацией о «ненужности» старого Центра «россияне» продолжали последовательный демонтаж и перевод под свою юрисдикцию союзных управленческих и властных структур. В-третьих, Россия не предпринимала реальных действий, чтобы «умерить» наиболее рьяных «независимцев», фактически поощряя их. Цель этой тактики проявилась чуть позже: подвести страну к такому состоянию, когда можно было бы констатировать не просто процесс распада СССР, а его завершение, и когда даже самым горячим сторонникам единого государства обсуждать было бы уже нечего.

Особая роль в этой тактике отводилась отношениям с Украиной. Тема независимости республики после «путча» была здесь одной из самых главных. В октябре—ноябре 1991 г. в прессе республики царили антирусский и антирусский вакханалия⁶⁹. Вопрос о статусе Украин-

ны должен был определиться 1 декабря 1991 г.; на тот же день были назначены и выборы ее президента. Победа Л. М. Кравчука представлялась очевидной, однако он до последнего дня продолжал демонстрировать опасность быть обойденным экстремистски настроенным лидером западноукраинских националистов В. Черновилом. Эту явно преувеличенную опасность Кравчук умело использовал и во взаимоотношениях с Москвой, и в ходе предвыборной борьбы на Украине, где он представлял себя в глазах русского и прорусски настроенного населения в качестве идеального кандидата для диалога с Москвой. И хотя избрание Кравчука было обеспечено, лично для него было важно, сколь внушительным будет полученное им большинство и как много избирателей проголосуют за будущую независимость: от этого зависела степень его собственной свободы в интерпретации украинской «незалежности»⁷⁰.

В Москве «ставили» на Кравчука и, не желая мешать ему, официально не реагировали на украинские демарши в сторону независимости, что также облегчало агитацию в ее пользу. В то время как в Москве выжидали, лишь вызывая к благоразумию украинцев, в Вашингтоне в канун референдума была организована «утечка» информации для прессы о том, что, в случае если Украина проголосует за независимость, США установят с ней дипломатические отношения. Расценить это иначе как поощрение украинского сепаратизма и попытку повлиять на результаты голосования было невозможно. Даже Горбачев выразил возмущение и продиктовал короткое сообщение пресс-службы президента СССР, в котором выражалось «недоумение» Кремля по этому поводу. И хотя Д. Буш в разговоре с Горбачевым попытался снять возникшую неловкость, дело было сделано⁷¹.

В этих условиях российское руководство увидело в украинском референдуме и «свой шанс». Не полагаясь больше на заочное взаимопонимание, неофициальные штабы российского и украинского президентов установили между собой прямой контакт. Кравчуку дали понять, что сразу после победы на референдуме Россия поддержит его трактовку результатов как вотум в пользу выхода из СССР. Россия же воспользуется украинской позицией для окончательного блокирования новогагаревских договоренностей⁷². Кравчук не мог удержаться от искушения принять это предложение, поскольку получал возможность закрепления государственной независимости Украины в тех границах, о которых не мечтали даже самые горячие «руховцы». Для российского же руководства ставкой в этой партии была полная власть в Кремле. Так фактически была оформлена сделка «Крым за Кремль», как позже точно определил ее смысл А.С. Ципко⁷³.

Все это свидетельствовало о том, что новоогаревский процесс во второй половине ноября 1991 г. все больше заходил в тупик, в то время как демонтаж союзных управленческих структур близился к полному завершению.

В нашу задачу не входит изучение **влияния внешнего фактора** на проводившийся в СССР в 1985–1991 гг. политический курс. Тема «СССР и страны Запада в 1985–1991 гг.» — большая и сложная, требующая специального исследования⁷⁴. В то же время в нашей литературе довольно часто встречается утверждение о том, что внешний фактор был решающим в распаде СССР, а американцы определяли все внутрисоюзные процессы в 1985–1991 гг.⁷⁵. Думается, здесь требуется несколько иное объяснение. Позиция США, Запада в отношении СССР базировалась не столько на учете сиюминутной ситуации 1980-х годов, сколько опиралась на долговременную стратегию. Ее цель состояла в ослаблении России (СССР) как геополитического соперника; антикоммунизм в данном случае использовался как форма консолидации антисоветских и антироссийских сил. Сейчас на эту тему опубликовано достаточно много документов, которые не допускают двусмысленного толкования⁷⁶. Характеризуя внешний курс США в XX в., известный американский политик и дипломат Г. Киссинджер писал о том, что «общее направление американской политики отличалось дальновидностью и оставалось исключительно осмысленным, несмотря на смену администраций и потрясающее разнообразие участвовавших в политике личностей»⁷⁷. Представляют интерес и ретроспективные (сделанные после распада СССР) высказывания американских президентов Д. Буша и Б. Клинтона, где с удовлетворением констатируется победа американцев в «холодной войне» и поверженность основного геополитического противника. Важным подтверждением постоянства американской политики в отношении России является нынешняя внешнеполитическая линия США и та степень готовности учитывать интересы России, которую мы наблюдаем в постсоветское время.

Таким образом, можно констатировать, что курс США и пока еще во многом ведомого ими Запада в отношении России (СССР) — это определенная константа. Поэтому, как представляется, более правы те авторы, которые полагают, что распад СССР был следствием не политики «сдерживания», но результатом развития определенных внутренних процессов и связанных с ними трудностей, использование которых западными странами для усиления своего влияния было вполне логичным. Характерно, что советское «новое политическое мышление» на Западе рассматривали как уступки со стороны СССР

и делали все, чтобы поддержать «реформаторские» устремления Горбачева. Удивление по поводу его уступчивости ныне открыто выражают участники событий тех лет.

Советские преобразования второй половины 1980-х годов открыли возможность более активно влиять на внутривнутриполитические процессы в СССР. Ныне помощь США и связанных с ними стран оппозиционным и националистическим силам в СССР не отрицается никем. Тем не менее на Западе до середины 1990 г. опасались, что чрезмерно высокие темпы ослабления Советского Союза могут вызвать вооруженную реакцию и сорвать процесс «радикального реформирования» страны в целом. Отсюда — определенная осторожность, осмотрительность в отношениях с новыми субъектами политики в СССР. В этом плане характерен демарш Ф. Миттерана и Г. Коля в мае—июне 1990 г., когда обозначился серьезный политический конфликт между союзным Центром и литовским руководством, вызванный принятием Верховным Советом Литвы Декларации о восстановлении государственной независимости. Тогда под давлением западных политиков литовское руководство обязалось ввести временный мораторий на реализацию этого решения и вступить в переговоры с Москвой. Как справедливо отметил историк В. К. Волков, «было бы наивным заподозрить западных политиков в желании сохранили советское государство. Они опасались преждевременных и неподготовленных действий, которые могли вызвать решительное вмешательство силовых структур и пресечь уже наметившийся вектор развития. А главное, они не хотели «засвечиваться»⁷⁸.

Положение начинает меняться в конце 1990 г., когда активизируются контакты западных стран с новыми лидерами союзных республик, что было связано с заметным ослаблением единства СССР. Республиканские политики охотно ездили за рубеж для «получения советов и консультаций», там они встречали весьма радушный прием. В этой связи Горбачев на одном из совещаний в ЦК КПСС в марте 1991 г. отметил, что в США вызрела идея «подмены Центра», имея в виду их реакцию на сепаратистские устремления ряда республик. Между тем американцы действительно все меньше считались с союзным президентом. Ситуацию, на наш взгляд, ярко характеризует один эпизод весны 1991 г., описанный помощником М. С. Горбачева по международным вопросам А. С. Черняевым: «Мэтлок⁷⁹ по указанию Бейкера вызывает на «партсоборание» к себе в посольство президентов союзных республик и председателей их Верховных Советов. Те уже «завели двигатели» в самолетах. Позорище! М.С. пришел в бешенство. Вечер утроем Бессмертных и Дзасохову сесть за телефоны. Сам стал

обзванивать республиканские столицы. «Мероприятие» Мэтлока удалось сорвать. А мне, между прочим, пришлось «разъяснять» Яковлеву, Бакатину и Примакову, что и им туда идти не следовало бы»⁸⁰.

Однако наиболее ярко «новый курс» Запада в отношении СССР проявился в июле 1991 г. в ходе и сразу после встречи «большой семерки» и советского лидера в Лондоне. Формально Горбачев предложил рассмотреть вопрос «об органическом включении советской экономики в мировое хозяйство», фактически же речь шла о просьбе предоставить финансовую помощь: это требовалось как для преодоления хозяйственного кризиса, так и для ускорения структурной перестройки советской экономики. Тем не менее президенту СССР было отказано в экономической поддержке, что имело далеко идущие политические последствия. Дело в том, что в условиях экономической дестабилизации в СССР середины 1991 г. многие политики и экономисты полагали, что без внешней помощи решение внутренних проблем было невозможно. Однако для распадающегося СССР было принципиально важным, через какие структуры — союзные или республиканские — будет поступать эта помощь. Ее предоставление союзному Центру, безусловно, укрепило бы его положение, серьезно усилило рычаги влияния на «суверенные республики», позволило бы сделать их более сговорчивыми в ходе «новоогаревского процесса». Поэтому разочарование Горбачева результатами встречи в Лондоне вполне объяснимо⁸¹. Отказ предоставить помощь президенту СССР окончательно подрывал позиции общесоюзных органов государственной власти, делал их «ненужными» для республиканских руководителей. Более того, их сепаратистские настроения были подогреты ставшей известной сразу после лондонского саммита позицией Д. Буша, согласно которой в тех условиях Запад должен был делать ставку уже не на союзный Центр, а на республики. Думаю, что июльские события со всей определенностью продемонстрировали отношение Запада к проблеме сохранения целостности СССР в один из самых критических моментов его развития. После кризиса августа 1991 г. намеченный ранее курс проводился практически открыто.

Позже американскую стратегию в отношении СССР в те годы достаточно откровенно разъяснил Б. Клинтон 29 октября 1995 г. в выступлении на совещании в Объединенном комитете начальников штабов: «Последние 10 лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока. Используя промахи советской дипломатии, чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и

тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, неразрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать... В ходе так называемой перестройки... расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке»⁸².

Примечания

- ¹ Грачев А. С. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 165–166.
- ² Челноков М. Б. Россия без Союза, Россия без России... М., 1994. С. 92.
- ³ Там же. С. 92–93.
- ⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 577.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 578.
- ⁷ Известия. 1991. 25 августа.
- ⁸ Андриянов В., Черняк А. Одинокий царь в Кремле. М., 1999. Кн. 1. С. 365.
- ⁹ Там же. С. 367.
- ¹⁰ Там же. С. 369.
- ¹¹ Ведомости Съезда Народных Депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 35. Ст. 1149.
- ¹² См.: Златопольский Д. Л. Разрушение СССР. Размышление о проблеме. М., 1998; Рудинский Ф. М. «Дело КПСС» в Конституционном Суде. М., 1999.
- ¹³ Рудинский Ф. М. Указ. соч. С. 480.
- ¹⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 575.
- ¹⁵ См.: Коричневый путч красных. М., 1991. С. 117, 120.
- ¹⁶ Известия. 1991. 26 августа.
- ¹⁷ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 39. Ст. 1104.
- ¹⁸ Зенькович Н. А. ЦК закрыт, все ушли... М., 1999. С. 24; Рудинский Ф. М. Указ. соч. С. 488.
- ¹⁹ Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 144.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 145.
- ²² Там же. С. 144.
- ²³ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 145.
- ²⁴ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999). Т. 1. Хроника и аналитика. 3-е изд. М., 2000. С. 130. (Далее — Хроника...)
- ²⁵ Чешко С. В. Распад Советского Союза. М., 1996. С. 276.
- ²⁶ Горбачев М. С. Указ. соч. С. 200–203.

- ²⁷ *Бакатин В. В.* Избавление от КГБ. М., 1992. С. 55.
- ²⁸ *Бакатин В. В.* Дорога в прошедшем времени. М., 1999. С. 258.
- ²⁹ Там же. С. 285.
- ³⁰ Новый орган получил название «Управление охраны при аппарате президента СССР».
- ³¹ *Бакатин В. В.* Дорога в прошедшем времени. С. 290.
- ³² Там же. С. 300, 302, 309, 313, 314.
- ³³ Там же. С. 318.
- ³⁴ Решение о создании КГБ РСФСР было формально принято 6 мая 1991 г., однако за последующие 4 месяца для реализации соответствующего постановления ВС РСФСР не было сделано почти ничего.
- ³⁵ *Бакатин В. В.* Дорога в прошедшем времени. С. 321.
- ³⁶ Там же. С. 320.
- ³⁷ Там же. С. 323.
- ³⁸ *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Федерализм в истории России. М., 1993. Кн. 3. Ч. I. С. 206–207.
- ³⁹ Хроника... С. 130.
- ⁴⁰ Там же. С. 131.
- ⁴¹ Там же. С. 130.
- ⁴² Там же. С. 131.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Болтовский И.* Россия: XX век — предварительные итоги//Правда-5. 2000. 16–23 августа.
- ⁴⁵ *Пихойя Р. Г.* СССР: история власти. 1945–1991. Новосибирск, 2000. С. 606.
- ⁴⁶ *Улюкаев А. В.* В ожидании кризиса. Ход и противоречия экономических реформ в России. М., 1999. С. 30.
- ⁴⁷ *Ельцин Б. Н.* Указ. соч. С. 147.
- ⁴⁸ Союз можно было сохранить. М., 1995. С. 205–206.
- ⁴⁹ *Андрянов В., Черняк А.* Указ. соч. С. 378.
- ⁵⁰ Там же. С. 379.
- ⁵¹ Союз можно было сохранить. С. 207.
- ⁵² Там же. С. 208.
- ⁵³ Там же. С. 209–210.
- ⁵⁴ Там же. С. 211–227.
- ⁵⁵ Российская газета. 1991. 19 октября.
- ⁵⁶ Союз можно было сохранить. С. 211.
- ⁵⁷ Там же. С. 228.
- ⁵⁸ Там же. С. 252–254.
- ⁵⁹ Там же. С. 237.
- ⁶⁰ *Шахназаров Г. Х.* Цена свободы. М., 1993. С. 284–285.
- ⁶¹ Союз можно было сохранить. С. 231.
- ⁶² *Шахназаров Г. Х.* Указ. соч. С. 285.
- ⁶³ Пятый (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР. 1991, 28 октября. Бюллетень № 13–14.

⁶⁴ Союз можно было сохранить. С. 241.

⁶⁵ Там же. С. 244.

⁶⁶ Там же. С. 244–245.

⁶⁷ Там же. С. 245–248.

⁶⁸ Там же. С. 256.

⁶⁹ Этот вопрос освещен в: *Исаков В. Б.* Расчлененка. Кто и как развалил Советский Союз. Хроника. Документы. М., 1998. С. 63–86.

⁷⁰ *Грачев А.* Указ. соч. С. 303.

⁷¹ Там же. С. 317.

⁷² Там же. С. 319.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Связанная с ней проблематика обозначена в: *Уткин А. И.* Почему исчез Советский Союз; Окончателность границ и самоопределение; Встречи на высшем уровне//На перспутье (Новые вехи). М., 1999.

⁷⁵ *Фроянов И. Я.* Погружение в бездну (Россия на исходе XX века). СПб., 1999. С. 717.

⁷⁶ Среди наиболее «ярких» документов такого рода можно назвать: *А. У. Даллес* «План реализации американской послевоенной доктрины против СССР» (1945); Директива Совета национальной безопасности США «Цели США в войне против СССР» от 18 августа 1948 г.; Резолюция Конгресса США о порабощенных (пленных) нациях от 17 июля 1959 г.; Закон «О помощи борцам за свободу в Советском Союзе», принятый в начале 1980-х гг.; Директива НСДД-75, подписанная Р. Рейганом в 1983 г. См. об этом: *Багдасарян В. Э.* «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX — XX в. (М., 1999); *Дроздов Ю. И.* Записки начальника нелегальной разведки (М., 2000); *Лисичкин В. А., Шелепин Л. А.* Третья мировая (информационно-психологическая) война (М., 2000).

⁷⁷ *Киссинджер Г.* Дипломатия. М., 1997. С. 730.

⁷⁸ *Волков В. К.* Этнономенклатура и распад государства//Свободная мысль-XXI. 2000. № 10. С. 17.

⁷⁹ Мэтлок — в то время посол США в СССР, Бейкер — Госсекретарь США.

⁸⁰ *Черняев А.* С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. С. 116–117.

⁸¹ См. об этом: *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 289–300.

⁸² *Дроздов Ю. И.* Указ соч. С. 415.

Лекция 10

ВЫБОР МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В нашей литературе довольно подробно описаны ошибки и просчеты, допущенные российскими «реформаторами» в 1992–1999 гг., и содержащаяся в работах критика в основном справедлива. Но практически никто из их оппонентов не пишет о состоянии экономики СССР в середине — второй половине 1991 г. и степени управляемости ею. Между тем как раз здесь наиболее наглядно проявлялись последствия той острой политической борьбы, которая велась в 1990–1991 гг. и задавала определенные стартовые возможности любым реформаторам независимо от их воззрений. Думаю, можно даже предположить, что именно результаты предшествовавшего хозяйствования в некоторой степени предопределили выбор команды «спасателей», теоретические представления которых в данном случае имели вторичное значение.

Анализ состояния народного хозяйства страны к середине 1991 г. является важной частью обоснования той модели преобразований, которая была избрана «гайдаровцами» в конце этого года. Поэтому ситуация второй половины 1991 г. рассматривается главным образом экономистами этого круга¹. Многие из их наблюдений представляются очень важными и требуют анализа, тем более что гайдаровское окружение нельзя обвинить в отсутствии симпатий к «борцам» за российский суверенитет в 1990–1991 гг.

Экономическое положение к концу 1991 г. можно охарактеризовать как **катастрофическое**. За один лишь 1991 г. национальный доход снизился более чем на 11%, ВВП — на 13, промышленное производство — на 2,8, сельское хозяйство — на 4,5, добыча нефти и угля — на 11, выплавка чугуна — на 17, производство пищевой продукции — на 10%. Валовой сбор зерна сократился на 24%, а его государственные закупки — на 34%. Особенно сильно уменьшился внешнеторговый оборот — на 37%, причем объем экспорта упал на 35, а импорта — на 46%. Все это происходило на фоне отсутствия спросовых ограничений. Более того, продолжалась и даже усиливалась накачка экономики деньгами. Негативную роль в этом сыграло «соревнование» союзных и российских властей в принятии все но

опис. нас. проф. ВВП

мах дополнительных социальных обязательств, поощрении бюджетного дефицита, финансировании непродуманных инвестиционных программ. В итоге прибыли предприятий в номинальном исчислении увеличились в 1,9 раза, денежные доходы населения — в 2, выпуск денег в обращение — в 4,4 раза. Уровень потребительских цен увеличился более чем в 2 раза (101,2 %), при том что годом раньше рост составил всего 5%².

Резко ухудшилась валютная ситуация. Внешний долг увеличился до 76 млрд, а внутренний — до 5,6 млрд долл. Резко сократились золотовалютные резервы; их запас к 1 января 1992 г. был рекордно низким: в 1989–1991 гг. было вывезено более 1000 т и на 1 января 1991 г. осталось лишь 289,6 т. Недостаток валютных поступлений от централизованного экспорта на оплату централизованного импорта и погашение внешнего долга составили за 10 месяцев 1991 г. 10,6 млрд долл. В итоге союзное правительство продало часть золотого запаса на 1,4 млрд долл. и растратило валютные средства предприятий, организаций, местных органов власти, хранившиеся на счетах Внешэкономбанка СССР, на сумму 5,6 млрд долл.³ К осени 1991 г. было полностью потеряно контроль над финансовыми процессами и денежным обращением, реальностью стала дезинтеграция денежной системы. Ее признаки — растущая долларизация экономики, вытеснение товарно-денежных отношений бартером, административные ограничения межрегионального товарообмена. Некоторые республики приступили к вводу фактических заменителей денег (талонов, карточек покупателей, купонов и т.п.), а в ряде случаев (Украина, Эстония, Латвия, Литва) — к введению полноценных национальных валют. Это увеличивало денежную массу в обращении и выталкивало ее на территорию России, усугубляя здесь финансовую ситуацию.

Дефицит государственного бюджета увеличился в сравнении с запланированным на 1991 г. в 6 раз и составил 20% ВВП⁴, причем бывшие союзные республики фактически прекратили перечисление средств в общесоюзный бюджет. Соответственно финансирование федеральных служб, внешнеполитической деятельности, армии, спецслужб практически полностью перешло под эгиду бюджета Российской Федерации⁵.

Важным фактором социальной напряженности стала безработица. По оценкам социологов, в конце 1991 г. насчитывалось 2 млн чел., не имевших работы⁶.

В разряд дефицитных перешли практически все виды товаров. Резко снизилась величина соотношения между товарными запасами и денежными запасами населения (в 5 раз в сравнении с 1970 г. и в 2

массы вытесн. денег, роста цен.

дефицитный сек. государства
безработица

раза в сравнении с 1985 г.). Товарные запасы в розничной торговле сократились до рекордно низкой величины — 32 дня. Причем по мясу и рыбе они составили 10 дней, яйцам — 3, животному маслу — 21, одежде — 35, обуви — 29, чулочно-носочным изделиям — 29 дней. Это означало, что рубль не имел не только золотовалютного, но и товарного обеспечения⁷.

В результате полного паралича всех звеньев и систем управления продовольственное снабжение, прежде всего городов и армии, оказалось практически нарушенным. Так, в январе 1992 г. ресурсы продовольственного зерна (без импорта) составили около 3 млн т в месяц при продовольственной потребности страны свыше 5 млн т в месяц. Более 60 из 89 российских регионов вообще не имели запасов продовольственного зерна и могли осуществлять выработку муки только «с колес», т.е. за счет немедленной переработки поступающего по импорту зерна. Минимальный импорт зерна для этого должен был составлять около 3 млн т в месяц⁸.

По оценкам специалистов, всего для России в первом полугодии 1992 г. должно было поступить из-за границы 8,65 млн т зерна при потребности в 26 млн, т.е. в расчете на полугодие дефицит составил 17,35 млн т, что по стоимости соответствовало более чем 3 млрд долл. Валютный же кризис привел к тому, что в ряде случаев корабли с импортным зерном простаивали без разгрузки в российских портах, поскольку не было средств расплатиться за него, за транспортировку и за фрахт судов. К концу октября 1991 г. ликвидные валютные ресурсы были полностью исчерпаны, и Внешэкономбанку пришлось приостановить все платежи за границу (за поставляемые товары и услуги, взносы в международные организации и т.п.), за исключением платежей по обслуживанию внешнего долга.

Большинство городов страны было охвачено карточной системой. Подлежали нормированной продаже основные виды продовольственных товаров — мясные и колбасные продукты, животное и растительное масло, крупы, макаронные изделия, сахар, соль, сыр, молочные изделия, а также алкоголь, спички, табачные изделия и т.п. Однако даже скудные нормы, определяемые местными властями, не обеспечивались ресурсами, снабжение не гарантировалось, талоны не отоваривались месяцами, а реализация товаров по ним проходила нервно, с огромными очередями. Аналогичная ситуация складывалась в снабжении городов электроэнергией и топливом, в состоянии подвижной части железнодорожного транспорта, тепло- и водопроводных сетей, коммуникационных линий, парка городского общественного транспорта⁹.

Выросшая среда.

Все это делает правомерным важный вывод известного экономиста А. В. Улюкаева о том, что любые реформаторы в России во второй половине 1991 г. были обязаны исходить из факта сочетания «инфляционного (крупные макроэкономические диспропорции выражаются в ускоряющейся открытой инфляции и остром дефиците на всех товарных рынках), платежного (острый дефицит золотовалютных ресурсов и подрыв кредитоспособности страны ведут к вынужденному резкому падению импорта) и системного (утрата органами государственной власти на всех уровнях способности регулировать ресурсопотоки) кризисов, внешне проявляющихся в резком падении производства»¹⁰.

В литературе выделяют до четырех групп оценок относительно необходимости и форм возможных рыночных реформ в России. К первой можно отнести тех, кто отрицал необходимость радикального рыночного преобразования российской экономики и исходил из сохранения основ прежней хозяйственной системы при некоторой ее модернизации и придании дополнительного динамизма. По мнению экономистов социалистической ориентации (А. В. Бузгалина, А. Калганова, А. А. Сергеева и др.), предлагавшийся комплекс реформистских идей был ошибочен и неприменим в российских условиях. Приватизацию, либерализацию торговли (внешней и внутренней), борьбу за финансовую стабилизацию, за конвертируемость национальной валюты они считали разрушительными для отечественной экономики и пагубными для социальной ситуации. Они полагали целесообразным сосредоточить усилия на «наведении порядка» по типу андроповских реформ (госприемка, жесткий контроль качества продукции, усиление ответственности директоров за работу предприятий, борьба с нетрудовыми доходами и т.п.).

Во вторую группу включают тех, кто разделял представления о необходимости рыночных преобразований, полагая при этом, что они не должны быть резкими и радикальными, но требовали высокой доли государственного участия в экономике и государственной собственности, протекционистской защиты отечественных производителей. Этих авторов (Л. И. Абалкина, С. С. Шаталина, Д. С. Львова, О. Т. Богомолова) считают сторонниками концепции «особого российского пути» в экономической модернизации. По их мнению, следовало проводить не массовую приватизацию, либерализацию внешней торговли и валютного обращения, освобождение цен, а делать акцент на создание мощных финансово-промышленных групп и государственной селективной поддержке промышленности, на обеспечение дополнительного спроса на продукцию российских товаропро-

изводителей. Сторонники этой позиции настаивали на постепенности, максимальной взвешенности преобразований.

3 К третьей группе относили тех, кто считался последовательными *реформаторами-рыночниками*, но настаивал на жестком порядке проведения преобразований: приватизация, монополизация, формирование рыночных структур и лишь затем проведение мер по финансовой стабилизации и либерализации экономики. Эти взгляды пропагандировали Г. А. Явлинский, Н. Я. Петраков, А. Ю. Мельников.

4 К четвертой группе принадлежали *экономисты-рыночники*, обо значившие свои позиции в 1990–1991 гг. — в период нарастания хозяйственного кризиса в СССР — и полагавшие, что необходимо продвижение реформ в короткие сроки¹¹. Это — ставшие впоследствии известными Е. Т. Гайдар, Е. Г. Ясин, А. Б. Чубайс, Б. Г. Федоров. Свои подходы в дискуссиях с другими экономистами они отстаивали в достаточно жесткой форме¹².

На выбор модели экономических преобразований и, соответственно, команды реформаторов огромное влияние оказала борьба за власть между различными лицами и группировками в окружении российского президента. Эта борьба проходила на фоне «умирания» Союза ССР и попыток создания дееспособных структур государственного управления на российском уровне. Все эти процессы осложнялись личностными амбициями, во многом предопределившими принятие в конце октября 1991 г. окончательных решений относительно содержания экономических реформ в России и круга тех, кто будет заниматься их воплощением.

Введение президентской власти в России объяснялось необходимостью обеспечения **необратимости радикальных реформ**. При этом в конкретно-исторических условиях середины 1991 г. ее структура разрабатывалась и как *управляющая*, и как *оппозиционная* одновременно. С одной стороны, она была направлена на преодоление противоречий и нестыковок, накопившихся в правовой сфере. А с другой — предполагалось, что президентская власть России в обозримом будущем будет сосуществовать с противостоящим ей центром принятия политических решений, обладающим реальными властными полномочиями и организационно-силовыми структурами и способным влиять на депутатский корпус России с целью блокировки намеченных в республике реформ. Этим была обусловлена, во-первых, усложненная структура президентской власти и, во-вторых, порядок ее оформления: не путем принятия законов, а через издание президентских указов.

Прежде всего, предполагалось полностью перестроить всю структуру правительства России, создав не «кабинет при президенте», а

«в соответствии с мировой практикой», подчиненный ему прямую «реальный президентский кабинет»¹³. Фигура предсовмина при этом оказывалась «случайным пережитком прежней системы власти» и должна была играть вспомогательно-координирующую роль. Сам же Совмин с его характерной для «тоталитарного государства организационно-хозяйственной функцией» было решено рассматривать в основном как орган хозяйственного управления.

Авторы реформы полагали, что, поскольку выраженная народом на выборах поддержка президента носила отчетливо политический характер и была обеспечена не только личными качествами президента, но и (в первую очередь) его однозначной самоидентификацией с определенными политическими силами и идеями, с определенной *политической стратегией*, то проведение этой стратегии становится личным делом президента, и первоочередной государственной стратегией. Эту функцию нельзя поручить Совмину в связи с его «хозяйственной специализацией», иного же органа исполнительной власти конституцией не предусмотрено; его учреждение законодательным путем заняло бы много сил и времени («и неизвестно, удалось бы»). Поэтому было решено министров — руководителей *политических* ведомств, а также иных политических деятелей, определяющих и олицетворяющих, вместе с президентом, стратегию и тактику государственной политики, объединить вне Совмина в рамках Государственного Совета, имеющего статус совещательного органа при президенте и *ответственного* за обеспечение высокопрофессионального уровня президентской политики¹⁴. «Государственный Совет при Президенте РСФСР» был учрежден Указом от 19 июля 1991 г., а Госсекретарем был назначен Г. Э. Бурбулис¹⁵. Назначения членов Госсовета были произведены рядом указов в августе—сентябре 1991 г.¹⁶

Уже тогда критики реформы отмечали, что предложенная схема заметно напоминала взаимоотношения между прежними Политбюро и Совмином. На это авторы намеченной перестройки отвечали, что деятельность Политбюро не зависела от воли граждан, а Госсовет будет объединять людей, проводящих политику, за которую проголосовали избиратели. Понятно, что это изначально допускало весьма широкое толкование «воли избирателей».

Одновременно предполагалось реорганизовать административный аппарат высшей исполнительной власти, лишить его «самодавляющей роли», оставив за ним «единственную реальную законную функцию» — обслуживание соответствующих должностных лиц. Для этого авторы реформы считали необходимым ликвидировать не только Управление делами Совмина, но и *аппарат* Совмина, передав основную его часть

в непосредственное подчинение министерствам, а оставшиеся «общеполезные» службы объединить в рамках аппарата президента. Эти аппаратные службы организационно объединялись в рамках создаваемой на основе Указа от 19 июля 1991 г. Администрации президента, руководителем которой 5 августа 1991 г. был назначен Ю. В. Петров¹⁷. По замыслу реформы, изначально предполагалось аппарат президента недвусмысленно поставить в служебно-подчиненное положение по отношению к государственно-политическим структурам, т.е. к Госсовету. И именно Госсовет должен был по поручению и уполномочию президента осуществлять политическую экспертизу деятельности всех структур исполнительной власти (Совмина, политических министерств), реализовывая конституционное право президента на осуществление всей полноты исполнительной власти в России¹⁸.

Однако, как справедливо отмечал О. М. Попцов, вновь создаваемые структуры накладывались на уже существовавшие, что усложняло госуправление, внося в него сумятицу и неразбериху¹⁹.

Между обеими созданными структурами с самого начала развернулась достаточно жесткая борьба за аппарат государственного управления России, которая велась подспудно и с переменным успехом. Речь шла прежде всего об овладении постами премьер-министра и главы президентской администрации, что предопределяло кадровые назначения в системе исполнительной власти со всеми вытекающими возможностями в условиях «надвигающихся» рыночных реформ. Фактически вступили в противоборство две генерации политической элиты. Госсекретарь Г. Э. Бурбулис олицетворял «молодых управленцев, «входивших во власть» на волне демократических преобразований 1989–1991 гг. Эту часть элиты называли «политиками». Им противостояла партия представителей прежней партийно-советской номенклатуры («аппаратчики»), лидерами которой считали тогдашнего главу президентской администрации Ю. В. Петрова²⁰ и главу президентского секретариата В. В. Илюшина²¹.

В результате фактическое соотношение сил между двумя структурами было совсем не таким, каким оно было задумано. Поскольку статус, полномочия и бюджет Госсовета не были регламентированы законодательным путем, то отведенные ему в структуре власти функции оказались не подкрепленными организационно. Это не позволило ему быстро развернуть работу, что, в свою очередь, снижало его запланированный статус среди других президентских структур. В частности, не был установлен порядок, согласно которому руководители всех рангов должны были проводить через Госсовет проекты важнейших политических и хозяйственных решений. Канцелярия го-

секретаря не была укомплектована необходимыми квалифицированными кадрами и информационно-вычислительной техникой. В этих условиях Администрация президента приобретала характер гиперструктуры, на которую замыкались не только административно-вспомогательные службы, но и органы государственно-политического управления.

«Политики» были недовольны тем, что недавно созданное Контрольное управление администрации, координирующее деятельность представителей президента в регионах — важнейшую сторону текущей президентской политики, — оказалось замкнутым не на Госсовет или хотя бы Министерство юстиции, а на руководителя Администрации президента; что в условиях организационно-политической неразберихи выработка и принятие решений во многом сосредоточиваются в Администрации и Секретариате президента, стиль работы которых уже в сентябре 1991 г. подвергался серьезной критике «политиками» — соратниками президента²². Говорили даже о «диктатуре секретариата», при которой функции политической власти присваиваются неполитическими силами, новым административно-чиновничьим аппаратом. Особое негодование «политиков» вызывала деятельность ХОЗУ Администрации президента, в зависимости от которого находились и правительственные службы²³.

Однако при всех внешне скрытых возможностях Ю. В. Петрова даже в Администрации его положение не было монопольным. Осенью 1991 г. в структуре аппарата президента появился институт государственных советников. Им разрешалось участвовать в заседаниях правительства. Формально не имея права вмешиваться в дела органов исполнительной власти и издавать обязательные для них предписания, советники могли напрямую обращаться с предложениями к президенту. В числе советников были: К. И. Кобец (по делам обороны), Ю. В. Скоков (по экономическим вопросам), Н. Г. Малышев (по делам науки и высшей школы), С. Б. Станкевич (по взаимодействию с общественными объединениями), А. Г. Гранберг (по вопросам экономического сообщества и межреспубликанских отношений), Г. В. Старовойтова (по международным проблемам), С. М. Шахрай (по правовой политике), А. В. Яблоков (по экологии и здравоохранению). В своей повседневной деятельности госсоветники были связаны не с главой Администрации, а с госсекретарем Г. Э. Бурбулисом, хотя это положение не было нормативно закреплено²⁴.

В начале сентября 1991 г. в окружении Ельцина утверждалось представление о необходимости коренных перестановок в правящей «команде», и прежде всего в правительстве. Переназначенный 12 июля

на должность предсовмина РСФСР И. С. Силаев в сентябре уже малюго устраивал. Считали, что его правительство не может результативно работать, поскольку изначально выполняло не экономическую, а политическую задачу²⁵. Фигура самого Силаева рассматривалась как компромиссная в условиях борьбы России против Центра²⁶. Теперь же было необходимо по-настоящему «работающее правительство» для вывода страны из кризиса. Силаеву не забыли и то, что в ночь с 20 на 21 августа 1991 г. он попросился «переночевать» с семьей и покинул Белый дом, что было расценено Ельциным и его окружением как «уход одного из лидеров», «тяжелый моральный удар по оставшимся», т.е. и по самому президенту²⁷, а такие вещи в первые послеавгустовские недели не прощались. Отставку Силаева «подталкивали» и те, кого он не хотел вводить в свое правительство, но под давлением Бурбулиса был вынужден сделать это²⁸. В итоге первоначально Силаев был назначен руководителем Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР, созданного вместо союзного Совмина. Формально новый пост означал повышение, но, во-первых, новый орган был не управляющим, а координационным²⁹, и, во-вторых, было очевидно, что это временный, а в условиях происходящего распада СССР — умирающий орган, председатель которого — фигура во многом номинальная. Тенденцию изменения роли главы российского правительства обозначил и Указ Президента «О роли Совмина РСФСР в системе исполнительной власти РФ» от 21 сентября 1991 г., где определялись отношения между президентом и предсовмина. Предусматривалось, в частности, что президент не только должен контролировать деятельность Совмина, но и «совместно решать принципиальные вопросы организации работы правительства РСФСР, комиссий и других рабочих органов», а при необходимости и председательствовать на его заседаниях для «обеспечения осуществления правительством его полномочий в полном объеме»³⁰. Все это предопределило тот факт, что отставка 26 сентября 1991 г. Силаева с поста премьера не вызвала серьезного общественного резонанса, как и последовавшие затем отставки других министров. Правительство России практически начало распадаться. Б. Н. Ельцин в сентябре — первой половине октября как бы со стороны наблюдал за развитием кризиса, а 16 октября 1991 г. на встрече с представителями комитетов и комиссий ВС РСФСР назвал состояние российского правительства «предынфарктным»³¹.

С уходом Силаева развернулась борьба за пост главы правительства, на который претендовали различные политики из ельцинского окружения, а также некоторые другие фигуры.

В августе—октябре 1991 г. заметную политическую активность проявлял вице-президент А. В. Руцкой, формально являвшийся вторым лицом в российской властной иерархии, статус которого, однако, был определен лишь в общем виде. Руцкой пытался предложить свою модель государственного управления, где именно ему принадлежали бы ключевые функции в экономической сфере. Он «был готов» взять на себя оперативный контроль за ходом реформ, работой таможи, внешнеэкономической деятельностью. Вице-президент имел обширные планы проведения реформы Вооруженных сил, создания Народной гвардии, конверсии военного производства, формирования «политического министерства», которое отвечало бы за связь с политическими движениями и общественными организациями³².

Попытки вице-президента сосредоточить в своих руках столь значительный объем властных отношений вызвали противодействие самых разных политиков, и прежде всего Бурбулиса, который сам в свое время претендовал на пост вице-президента и теперь стремился «компенсировать» свою неудачу через усиление других властных институтов. Поэтому все проекты Руцкого по созданию контрольных структур исполнительной власти были решительно отвергнуты под тем предлогом, что «это будет второе правительство», а стремление вице-президента играть самостоятельную роль также постоянно пресекалось³³.

Недоверие к союзному правительству, обострившееся после августа 1991 г., лишало Ельцина возможности использовать управленцев из его состава — ведь они подбирались Горбачевым не спонтанно. Возникли проблемы и в «своем» экономическом окружении. Председатель Высшего экономического совета России М. А. Бочаров полагал, что Верховный Совет должен утверждать только премьера, но не вмешиваться в назначение министров, которыми *премьер* будет руководить на основе *единоначалия*³⁴, что не вписывалось в новую концепцию организации исполнительной власти. Премьерство не было предложено и заместителю председателя Совета Министров РСФСР, министру экономики Е. Ф. Сабурову, имевшему репутацию последовательного рыночника. Под его руководством была разработана «Программа правительства РСФСР по стабилизации экономики и переходу к рыночным отношениям»³⁵, которая была положена в основу предвыборной президентской платформы Ельцина. Однако, как отмечал Е. Т. Гайдар, Сабуров еще верил «в возможность заключения работающего экономического договора между республиками»³⁶, выступал за проведение реформы на всей территории СССР. Ельцин рассматривал и кандидатуру Г. А. Явлинского — само-

го популярного, по словам президента, в то время экономиста; однако и он в итоге не был назначен³⁷. На заседании Консультативного совета при президенте назывались имена Ю. А. Рыжова, Ю. В. Скокова, А. М. Емельянова, С. Н. Федорова, которые, однако, по разным причинам отказались. Ельцин настойчиво предлагал премьерство и наиболее близкому ему в то время человеку — министру печати и информации России М. Н. Полторанину; но тот тоже отверг предложение, аргументируя отказ незнанием финансовой и банковской сфер, выразив, однако, готовность «быть побуждающим началом в правительстве»³⁸.

Неудача с подбором кандидата в премьеры традиционным путем заставила Ельцина обратиться к другим вариантам решения этой проблемы. Новое предложение исходило от госсекретаря РСФСР, предложившего иную схему, которая в других условиях, вероятно, не прошла бы. Итоговый выбор президента был предопределен предшествующим опытом политической работы **Бурбулиса**, который был успешным.

С будущим госсекретарем Ельцин познакомился в 1989 г. во время работы Межрегиональной депутатской группы. Их политическое сотрудничество было взаимовыгодным: отторгнутый партаппаратом Ельцин получал возможность опереться на помощь активного представителя демократического движения, который демонстрировал свои недоженные организационные способности и был достаточно раскрепощен интеллектуально³⁹. «Уже тогда он произвел на меня впечатление своей эрудицией профессионального философа... разговоры с Геннадием Эдуардовичем вдохновляли на новые идеи. Он умел заглянуть далеко вперед. Дать ближайшим событиям стратегическую, глобальную оценку. Концепция новой политики, новой экономики, нового государственного и жизненного уклада вырисовывалась все ярче, яснее, отчетливее. Я ощущал острую необходимость иметь рядом с собой энергичного человека», — позже вспоминал Б. Н. Ельцин⁴⁰. Поэтому он «сделал Бурбулиса ключевой фигурой в демократическом процессе»⁴¹. Однако, думается, намного большее значение, чем интеллектуальные «изыски» Бурбулиса, имела его кипучая организационная деятельность. «Оставаясь долгое время в тени, он действительно много сделал для Президента. Был предан, терпелив к его капризам. Именно Бурбулис нашупывал команду Президента. Перебивая немалое количество интеллектуалов, знакомых и незнакомых, он лепил тело власти», — отмечал наблюдавший ситуацию «вблизи» О. М. Попцов⁴². Не случайно в 1990 г. Бурбулис возглавил ельцинский штаб по выборам в народные депутаты России, з

что получил должность полномочного представителя председателя Верховного Совета России. Однако, по свидетельству того же Попцова, наибольшее впечатление на Ельцина произвела деятельность Бурбулиса в ходе президентской кампании 1991 г., которой он руководил со стороны ельцинского штаба. Ему принадлежали слова: «Победа в первом туре — иного не дано. Запретите себе думать, что будет второй тур»⁴³. Тогда никто не сомневался, что на выборах Ельцин одержит победу, однако их особенность состояла в том, что уже в первом туре Ельцин вычерпывал «собственные» избирательские симпатии до дна. В случае второго тура (если бы в первом за него отдали голоса менее половины избирателей) никто из ельцинских соперников не мог бы просто передать ему свои голоса, ибо все они — хотя и с разных сторон и в различной степени — были его политическими антиподами. При подобном раскладе победа во втором туре неминуемо должна была стать предметом торга с кем-либо из кандидатов — вероятнее всего, с В. В. Бакатиным, — что лишало бы Ельцина ореола «всенародно избранного Президента», «Президента всех россиян» и в определенной мере связало бы руки в плане радикализации проводимой политики. В воплощении замысла победы в первом туре фигура Бурбулиса была ключевой. Отчасти в благодарность за то Ельцин согласился с планом Бурбулиса о создании Госсовета РСФСР, назначении Г. Э. Бурбулиса госсекретарем РСФСР и придании ему статуса фактически второго лица в российской политической иерархии; некоторые политологи утверждают, что вплоть до весны 1992 г. он реально играл эту роль⁴⁴.

Вместе с тем на характер выдвигаемых госсекретарем предложений — что имело особое значение после 21 августа 1991 г. — огромное влияние оказывали личностные черты Бурбулиса, среди которых выделяли: огромное тщеславие, сверхболезненное самолюбие, претензии стать «серым кардиналом» при президенте, его «глазами и ушами», главным идеологом новой российской государственности. На практике это приобрело, с одной стороны, формы борьбы против тех, кто претендовал на большее влияние на президента, а с другой — попытки продвинуть на ключевые посты не просто «своих» людей, но тех, на кого он мог бы оказывать воздействие, оставаясь незабываемым политическим авторитетом⁴⁵. В этом плане сделанная Ельциным в сентябре — октябре 1991 г. ставка на Бурбулиса фактически означала выбор и **Е. Т. Гайдара**. Теоретически на его месте мог оказаться другой экономист, но, думается, выдвижение Гайдара было в значительной мере закономерным, что было обусловлено некоторыми особенностями его биографии. Во-первых, Гайдар

уже имел определенную известность в связи с работой в 1987—1990 гг. в качестве редактора отделов экономики «Правды» и «Коммуниста». Традиционно директивный характер этих изданий делал обращение к ним обязательным — по разным причинам — и политиков, и экономистов, а следовательно, обеспечивал и знакомство с публикациями Гайдара. Во-вторых, работая в элитных экономических институтах Гайдар в составе различных «команд» имел опыт работы над официальными союзными правительственными документами. В-третьих, в 1990—1991 гг. он возглавлял Институт экономической политики Академии народного хозяйства СССР, т.е. имел за собой коллектив молодых честолюбивых экономистов-единомышленников, способных организовать «мозговые атаки» и «рвущихся в бой»⁴⁶. В-четвертых, Гайдар имел связи с представителями зарубежной экономической элиты, был знаком с проблематикой «выхода из социализма», которая в 1990—1991 гг. активно обсуждалась на международных семинарах и конференциях в связи с реформами в бывших соцстранах (прежде всего в Польше и Венгрии). В-пятых, Гайдар не принадлежал (по крайней мере, открыто) ни к одной из известных политических группировок и мог рассматриваться как экономист-«технократ». Думаю, все это вместе с молодостью Гайдара, и привлекло к нему внимание Бурбулеса. Не случайно предложение стать госсекретарем президента по экономическим вопросам он получил еще до очного знакомства с госсекретарем РСФСР, которое состоялось 19—21 августа 1991 г.⁴⁷

В 1994 г. свои мотивы выбора Гайдара Ельцин объяснял следующим образом: «Гайдар прежде всего поразил своей уверенностью... Это... очень независимый человек... Было видно, что он не будет юлить... было важно, чтобы от меня не только ничего не скрывали, но и не пытались скрыть. Гайдар умел говорить просто. И это тоже сыграло свою роль... ведь рано или поздно разговаривать с оппонентами все равно придется ему, а не мне... Он умеет заразить своими мыслями, и собеседник ясно начинает видеть тот путь, который предстоит пройти. И наконец, два последних решающих фактора. *Научная концепция Гайдара совпала с моей внутренней решимостью пройти болезненный участок пути быстро. Я не мог снова заставлять людей ждать, оттягивать главные события... на годы. Раз решились — надо идти!*» (Выделено мной. — А. Б.). Президент признавался, что на него подействовала «магия имени»: «Аркадий Гайдар — с этим именем выросли целые поколения советских людей. И я в том числе. И мои дочери»⁴⁸. На наш взгляд, в этом «лирико-эпическом» признании выделенные нами слова имеют ключевое значение и для объяснения действий гайдаровской команды осенью 1991 г. В 1993 г. один из ее

участников признавался: «Наша команда не претендует на роль инициаторов или заказчиков социальной политики. Заказчиком реформ является Ельцин. Мы выступили как пожарники — для спасения экономики и для спасения власти Ельцина»⁴⁹.

Почему гайдаровская концепция совпала с «внутренними ощущениями» президента? Думается, под этим были глубокие объективные основания. Во-первых, реальные управленческие структуры, представленные союзными министерствами и ведомствами, были парализованы: после августа 1991 г. был ликвидирован Совмин СССР, ослаблены силовые структуры, республики объявляли своей собственностью находящееся на их территории имущество, явочным порядком шло преобразование министерств в концерны и акционерные общества. Формально существовавшие сорок российских министерств и ведомств не могли в одночасье принять на себя функции восьмидесяти восьми министерств и ведомств Союза. Из этого вытекал важнейший тезис «реформаторов» о необходимости полного ухода государства из экономики, о ничем не ограниченном рынке, т.е. «любовь» к либерализму основывалась на неспособности государства вмешиваться в хозяйственное управление. А поскольку кроме рынка в тех условиях полагаться уже было не на что, то безальтернативное, по сути, решение стало преподноситься как результат осознанного выбора, сделанного на базе определенной научной концепции.

Во-вторых, в результате деструктивных процессов 1990–1991 гг. после августа 1991 г. не было никакой ясности относительно территории возможного реформаторства. Прибалтийские республики и Грузия к тому времени уже «ушли» из СССР; принятие 24 августа 1991 г. в Киеве «Акта о государственной независимости Украины» не оставляло сомнений относительно перспектив этой республики. Руководство республик Средней Азии идеологами российских «демократов» квалифицировалось в лучшем случае как косное, неподготовленное к внедрению современных политических и экономических форм. Из всего этого вытекало, что безоговорочно говорить о реформах можно было только применительно к российской территории. Отсюда вытекала и другая базовая идея «рыночников»: обосновавшие возможности достижения успеха реформ лишь в том случае, если Россия будет проводить их изолированно. При этом, естественно, курс на окончательную дезинтеграцию СССР, правовое оформление того, что в августе 1991 г. произошло фактически, выглядели вполне логично, а результаты противостояния российских лидеров против союзного центра в 1990–1991 гг. рассматривались как однозначно положительные.

В-третьих, утвердившиеся у власти российские радикалы были сторонниками авторитарно-олигархической власти в лице президента и его клана, которая возвышалась бы над законодательной властью, представленными органами⁵⁰. Как мы помним, еще в 1990 г. они обосновывали необходимость перераспределения властных полномочий в пользу исполнительной власти, и эту модель стали внедрять в политическую практику в 1991 г. Состав же команды реформаторов — молодые, не политики, не профессиональные управленцы — и предложенная в связи с этим модель организации работы правительства позволяли президенту концентрировать в своих руках всю полноту исполнительной власти и выступать в роли высшего арбитра.

Конкретизация новой политической и экономической линии российского руководства началась сразу после кризиса 19–21 августа 1991 г. Как вспоминал один из соратников Гайдара А. Л. Головин: «в сентябре на даче команда начала разрабатывать варианты действий на случай, если содружество не состоится. *Бурбулису было очевидно, что курс на межреспубликанское соглашение — курс обреченный*». (Выдано мною. — А. Б.) Первоначально над стратегией и тактикой российского правительства начали работать Е. Т. Гайдар, В. М. Машин, А. А. Нечаев, А. Л. Головкин, К. Г. Кагаловский, А. П. Вавилов; позже к ним присоединились Е. Г. Ясин и Л. М. Григорьев. В обсуждении и подготовке материалов в различных формах участвовали А. Б. Чубайс, В. И. Данилов-Данильян, П. О. Авен, Б. Г. Салтыков, С. Ю. Глазьев, М. Н. Полторанин, В. А. Махарадзе, А. В. Козырев, Н. В. Федоров, С. М. Шахрай⁵¹. Философия и идеология будущих преобразований нашли отражение в двух концептуальных документах, созданных группой: первый — «*Стратегия России в переходный период*» и второй — «*Ближайшие экономические перспективы России*». (Первый получил также известность под названием «*Меморандум Бурбулиса*».)

Авторы «Стратегии» полагали, что главный вопрос осени 1991 г. — не отсрочка преобразований или выбор последовательности реформ, а совсем другой: осуществлять ли реформирование российской экономики, сохраняя «рудименты союзного государства, интегрированного хозяйства, а значит, и рудименты соответствующей им экономической политики, или осуществлять стратегию скорейшего достижения Россией экономической самостоятельности и независимости проведения экономических реформ». Разработчики концепции исходили из того, что «Советский Союз реально развалился 19–21 августа 1991 г. и с этого времени существовал лишь номинально, а на самом деле не действовал ни как государственная машина, ни как орган проведения экономической и какой угодно другой политики».

До августа 1991 г. существовал некий промежуточный союз республиканских элит, которые боролись против союзного Центра. Однако после августа на первый план вышли объективные противоречия России и других республик. Эти противоречия связывали с разницей в масштабах экономик, ресурсного потенциала, видения перспектив исторического развития, а также политического веса в глазах международного сообщества.

Авторы концепции полагали, что для бывших союзных республик сохранение сложившихся ресурсопотоков и финансово-экономических отношений открывало бы возможности реконструировать свои экономики за счет России; для нее же это означало бы дополнительную нагрузку, подрывающую возможности собственного социально-экономического возрождения. Россия также не имела серьезных преимуществ для установления прямых отношений с международными политическими и финансово-политическими организациями. Она стала бы естественным правопреемником СССР в сфере международно-правовых отношений. Для других республик это была бы серьезная проблема, связанная с форсированным обретением атрибутов независимости и разрешением межреспубликанских проблем.

Авторы приходили к выводу, что интересам других республик соответствовала бы схема — «экономический союз при немедленной политической независимости», по сути означавшая обобществление российских финансово-экономических ресурсов при приватизации союзного политико-правового наследства. Интересам России соответствовала бы схема — «скорейшее достижение экономической независимости при сохранении на переходный период политического союза». При этом «россияне» последовательно критиковали позицию Миллинского. Они доказывали, что принятие его схемы — «экономический союз при немедленной политической независимости» — объективно толкало бы к обострению экономических и социально-политических конфликтов (раздел бюджетного пирога, поиск виновных и недофинансирование той или иной сферы, скрытый протекционизм, воспроизводство двоевластия союзных и республиканских органов). Они убеждали, что форсированное обретение независимости при неурегулированности взаимных претензий привело бы к созданию крупных зон политической напряженности, использованию русского национального меньшинства в республиках как фактора политических конфликтов и политико-экономического шантажа России, стимулировало бы сепаратизм в российских автономиях.

«Стратегия» определила принципиальный курс на экономическую независимость при «мягком» политическом союзе. Из нее выте-

кала необходимость создания независимого российского государства со всеми его атрибутами, включая собственную валюту, таможенную и пограничную службу и т.п.

«Ближайшие экономические перспективы России», составленные «гайдаровцами», конкретизировали эти установки применительно к ее хозяйственной политике. Это, во-первых, обретение полноценной экономической независимости, самостоятельное проведение реформ, к которым могут присоединиться (или не присоединиться) другие республики. Во-вторых, поскольку именно Россия владеет подавляющей частью экспортного потенциала бывшего СССР, то лишь она может взять на себя ответственность по обязательствам по внешнему долгу, что позволяло бы ей претендовать на золотовалютные авуары, собственность за границей и долги иностранных государств Советскому Союзу. Россия становится естественным партнером западных государств и международных финансовых организаций. Ее привлекательность для них обусловлена емким внутренним рынком, потенциалом экспортных базовых ресурсов, переориентируемых на развитые страны. Это, по представлению составителя документа, привязало бы к России внешнеэкономическую политику других республик. Полагали, что Россия сможет на них влиять и потому, что она контролирует основные компоненты межреспубликанской производственной инфраструктуры, обладает материальной и кадровой базой управления транспортной, коммуникационной и энергетической систем. Это обуславливало отказ от долгосрочных всеобъемлющих экономических союзов и создания надреспубликанских органов общеэкономического управления. В-третьих, вся государственная собственность на российской территории объявлялась собственностью России; государственной контроль России устанавливался и над всей инфраструктурой эмиссионного хозяйства и банковских расчетов в рублевой зоне, пока она сохраняется. В соответствии с этой логикой предлагалось пойти на консолидацию российского и союзного бюджетов при финансировании и контроле армии и внешнеполитической деятельности и некоторых других учреждений, контролируемых Россией. В области ценообразования была зафиксирована необходимость постепенного переходного режима к системе межреспубликанских расчетов по мировым ценам.

В «Перспективах» впервые был сделан вывод (потом он варьировался во всех программных документах о реформах) о том, что экономическую политику на ближайшее время будет определять не идеальный замысел реформаторов, а сочетание трех кризисов, оставленных России в наследство от рухнувшей экономики СССР. Это —

инфляционный кризис, порожденный крупными макроэкономическими диспропорциями и проявляющийся в ускоряющейся открытой инфляции и остром дефиците на всех товарных рынках. Второй кризис — *платежный*, обусловленный острым дефицитом золотовалютных ресурсов и подрывом кредитоспособности страны и ведущий к резкому падению импорта. И третий кризис — *системный*, проявляющийся в утрате органами государственной власти способности регулировать ресурсопотоки. Именно эти реалии заставляли гайдаровскую группу выделить финансово-денежную сферу как первичное звено стабилизационных и реформаторских усилий.

«Стратегия» и «Перспективы» — это, по существу, манифесты, где формулировались идеология и философия преобразований; последовавшие за ними документы конкретизировали, что и как нужно делать и какие нормативные акты для этого требуются⁵².

Анализ событий октября—декабря 1991 г. позволяет сделать вывод о том, что в своей практической деятельности российские политики руководствовались теми идеями, которые были сформулированы в двух указанных документах. 2 октября 1991 г. на встрече с российскими парламентариями госсекретарь РСФСР Г. Э. Бурбулис заявил, что Россия — единственная страна, которая могла бы и должна стать правопреемником Союза и всех его структур⁵³. 16 октября Ельцин сообщил, что Россия прекращает финансирование союзных структур, вводит свою национальную валюту, будет проводить экономическую реформу, которая начнется с повышения цен⁵⁴. В конце октября он встречается с Гайдаром, где обстоятельно обсуждаются особенности предстоящих преобразований⁵⁵. 26 октября на заседании Госсовета РСФСР Ельцин излагает основные тезисы подготовленной «гайдаровцами» программы; поименным голосованием принимается решение о либерализации экономики⁵⁶. Через два дня, 28 октября, на V Съезде народных депутатов РСФСР Ельцин выступает с речью, основные тезисы которой также были подготовлены в Архангельском, где он «обозначает контуры программы реформ». Съезд одобряет предложения президента, соглашается с предлагаемыми изменениями в системе исполнительной власти и правотворчества на период проведения реформ. Решения съезда о самостоятельном, без согласования с другими республиками переходе России к реформам Горбачев не без оснований расценил как шаг назад от Договора об экономическом сообществе и как угрозу будущему договору об ССГ⁵⁷.

В начале ноября 1991 г. президент, возглавивший правительство реформ, начинает практическую подготовку к их реализации. 5 ноября был подписан указ о назначении Г. Н. Бурбулиса первым вице-

премьером, Е. Т. Гайдара — вице-премьером, министром экономики и финансов, а А. Н. Шохина — вице-премьером, министром труда и социальной защиты⁵⁸. Обращали на себя внимание дополнительные полномочия, полученные госсекретарем РСФСР: Бурбулис получил право назначать заместителей министров, организовывать работу заместителей председателя правительства, издавать обязательные для исполнения распоряжения. Дальнейший подбор «экономических» министров и их заместителей проходил при участии всех трех вице-премьеров, преимущественно на основе «архангельской» команды Гайдара⁵⁹.

15 ноября, после формирования нового правительства РСФСР Ельцин подписал пакет из десяти президентских указов и правительственных распоряжений о *реальном начале перехода России к рыночной экономике*⁶⁰. Начался процесс слияния российских органов управления с общесоюзными⁶¹. Всего на союзном уровне имелось 50 управленческих органа, включая 36 министерств, 10 госкомитетов, 3 межреспубликанских органа; при Кабинете министров насчитывалось еще 32 органа, при Минэкономике — 3, при Минфине — 1. Из этих 88 структур к ноябрю 1991 г. 13 фактически прекратили свою деятельность или самоликвидировались; осталось 75 союзных управленческих учреждений с 53 тыс. работников в центральных аппаратах. Их функции передавались соответствующим министерствам России, число которых уменьшалось с 41 до 20. То есть вместо 120 союзных и российских структур предполагалось иметь лишь 20 при сокращении чиновников более чем в два раза⁶².

В числе первых был взят под контроль Госплан СССР, практической работой которого стал руководить первый зам. министра экономики России А. А. Нечаев. Следующим шагом стало объединение Минфинов Союза и России, что должно было положить конец бушевавшей между ними «бюджетной войне». А поскольку деньги и других республик в союзный бюджет перестали поступать, то под нажимом российской стороны было принято решение о консолидации союзного и российского бюджетов. В преддверии резкого увеличения в обращении денежной массы Гознаку было дано поручение подготовиться к выпуску купюр в 200 и 500 рублей⁶³.

В конце ноября 1991 г. Россия стала постепенно замещать Союз на переговорах с представителями *Парижского клуба кредиторов*. Россия приняла на себя обязательство о солидарной ответственности бывших союзных республик за долги СССР, хотя было очевидно, что никто из них платить не будет. Итогом переговоров стало сохранение завышенных и заведомо нереальных условий по обслуживанию дол-

на 1992 г., на которые российское руководство, тем не менее, было вынуждено пойти перед угрозой полного прекращения поставок продовольствия в страну. Предпринимались и другие шаги с целью убедить западных лидеров предоставить России крупномасштабную помощь для проведения реформ, подключить к этому, в частности, Мировой банк и Международный валютный фонд⁶⁴.

С большими трудностями столкнулись российские власти при попытке скоординировать бюджетную и денежную политику на 1992 г. с союзными республиками — этого сделать не удалось. Тем не менее после «Беловежья» по их просьбе освобождение цен в России было отложено на две недели и началось лишь 2 января 1992 г. Среди лидеров «суверенных государств» были сильны настроения «доделить» союзную собственность: валютный, золотой и алмазный фонды и т.д. Их позицию открыто сформулировал премьер-министр Украины В. П. Фокин, заявивший, что союзная собственность на территории его республики принадлежит, разумеется, Украине, а такая же на территории России — достояние всех республик. Однако Россия эти попытки «отбила». В качестве реального средства влияния на соседей по остающейся пока неизбежной рублевой зоне российское руководство предполагало использовать регулирование объема направляемых им топливно-сырьевых товаров⁶⁵.

Новый курс российского правительства нашел отражение в *бюджетных параметрах бюджета на 1992 г.* Резкому сокращению подверглись государственные расходы. Ассигнования на закупку вооружений снижались в 7,5 раза, централизованные капиталовложения — в 1,5 раза, ценовые дотации — почти в 3 раза. Это остро почувствовалось, в частности, в аграрном секторе, финансирование же социальной сферы ограничивалось «реальными доходами бюджета»⁶⁶. Эти, по словам Гайдара, «драконовские меры» «давали шанс» избежать гиперинфляции и «послать импульс для запуска мотора рыночной экономики»⁶⁷.

В ходе разработки «ответственного» экономического курса и формирования «правительства реформ» вопрос об их социальной цене стал приобретать более реалистические очертания. На смену обещаниям 1990 — первой половины 1991 г. о проведении реформ без снижения уровня жизни пришли другие подходы. О «непопулярности» уже фактически одобренных мероприятий говорилось на первой встрече Гайдара и Ельцина, в ходе которой Гайдар прямо заметил президенту, что тот сам через несколько месяцев отправит первое реформаторское правительство в отставку. 28 октября 1991 г., выступая на V Съезде народных депутатов, Ельцин уже говорил, что

«пришло время действовать решительно, жестко, без колебаний. Стартовая база известна всем... Обстановка не улучшается. Разовый переход к рыночным ценам — тяжелая, вынужденная, но необходимая мера. Хуже будет всем примерно полгода, затем — снижение цен, наполнение потребительского рынка товарами. А к осени 1992 г., как я обещал перед выборами, — стабилизация экономики, постепенное улучшение жизни людей. *Защитит уровень жизни всех на первом этапе реформ мы не сможем* (выделено мной. — А. Б.)»⁶⁸. Выступавший на следующий день будущий вице-премьер А. Н. Шохин в осторожных экономических терминах разъяснял «нетрадиционность» предлагаемых правительством решений и обещал, что через год Россия будет иметь бездефицитный бюджет и максимальную социальную защищенность населения⁶⁹.

В преддверии неизбежных и ожидавшихся в новых условиях конфликтов 15 ноября 1991 г. президент подписал Указ «О социальном партнерстве», которым учреждалась Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений. Ее координатором был назначен Г. Э. Бурбулис. В конце ноября прошли консультации руководителей Министерства труда и занятости РСФСР, парламентской комиссии по социальной политике, Пенсионного фонда РСФСР и ведущих профобъединений по вопросу о взаимодействии при разработке социальной политики⁷⁰.

Сам Гайдар свою нелюбовь к публичным выступлениям объяснял отсутствием привлекательных аргументов в пользу проводимой правительством политики. Любопытно его признание о том, что, «вообще, невозможность сказать правду людям приходит вместе с реальной властью. Именно здесь хорошо понимаешь точность кантовского принципа: «Все, что ты говоришь, должно быть правдой, но отсюда не следует, что надо говорить всю правду»⁷¹.

Необходимо подчеркнуть, что члены правительства Гайдара рассматривали свою деятельность исключительно как стратегическую, направленную не столько на решение конкретных социальных и экономических задач — хотя и этим они были вынуждены заниматься, — сколько на изменение исторического пути развития страны, осуществление в ней системной трансформации. В этом плане понимание и верность избранному курсу ценились выше навыков профессионального управления⁷². «Предыдущий общественный строй и связанные с ним формы государственного управления и функционирования общества объективно исчерпаны. После августа я отстаивал свое главное мировоззренческое убеждение: этот общественный строй обречен и должен прекратить свое существование в целом.

Реформы не могут называться реформами, если не охватят базовых структур общества и главных атрибутов унаследованного государства. Беря ответственность за российские преобразования, следовало в этом отношении исключить колебания. Наш непоколебимый ориентир — новый общественный строй, оформленный в новом типе государства», — говорил Бурбулис⁷³ — главный политический руководитель первого правительства реформ. Экономисты гайдаровского круга прямо писали о том, что главная заслуга этого правительства состояла в создании политических и экономических предпосылок развития капитализма в России⁷⁴.

Еще до создания нового правительства в средствах массовой информации оно было названо «кабинетом камикадзе»⁷⁵. Специалистам и тогда было ясно, что оно долго не продержится, поэтому многие политики поспешили от него несколько дистанцироваться. Сам глава правительства — президент — перестал бывать на его заседаниях, оставляя себе простор для будущего маневра. «Обиженный» вице-президент А. В. Руцкой в числе первых уже в декабре 1991 г. пытался зарабатывать себе политические очки на критике правительства — широкую известность получило его определение «гайдаровцев» как «мальчиков в розовых штанишках». Были и более серьезные предупреждения. Сопатник Ельцина, бывший народный депутат СССР и бывший министр внешнеэкономических связей в прежнем российском правительстве В. Ярошенко в декабре 1991 г. в разосланных официальным лицам письмах отмечал, что «монополизм одной точки зрения или одной группы специалистов может привести к такой ситуации, когда к рынку мы пойдем ошибочным путем, путем шока без терапии, и придем к рынку не благодаря, а вопреки усилиям сегодняшнего правительства»⁷⁶. А в январе 1992 г. к критике «младореформаторов» подключились и российские парламентарии, совсем недавно поддержавшие экономические инициативы президента.

Примечания

¹ Гайдар Е. Т. Государство и эволюция. М., 1995; *он же*: Дни поражений и побед. М., 1996; Мау В. А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России. 1985–1994. М., 1995; Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России. М., 1998; Приватизация по-российски/Под ред. А. Б. Чубайса. М., 1999; Улюкаев А. В. В ожидании кризиса. Ход и противоречия экономических реформ в России. М., 1999.

² Экономика переходного периода. С. 91.

³ Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. С. 134–136.

⁴ Как сумма дефицитов союзного бюджета и бюджета России. См.: Улюкаев А. В. Указ. соч. С. 24.

⁵ При этом указанную оценку дефицита консолидированного бюджета в 1991 г. считали минимальной. По оценкам же Мирового банка, которые исходили из расчета источников финансирования бюджетного дефицита (средства на счетах предприятий, сбережения населения, активный баланс внешних текущих счетов), бюджетный дефицит оказывался чудовищным – 30,9% ВВП (см.: Улюкаев А. В. Указ. соч. С. 25).

⁶ Медведев Р. А. Капитализм в России? М., 1998. С. 82.

⁷ Улюкаев А. В. Указ. соч. С. 25.

⁸ Экономика переходного периода. С. 92.

⁹ Там же. С. 93.

¹⁰ Улюкаев А. В. Указ. соч. С. 35.

¹¹ В этом плане характерно высказывание Е. Т. Гайдара: «В экономике за все надо платить. Время, когда экономику можно было стабилизировать без тяжелых, непопулярных мер, ушло. Размораживать цены при нынешних темпах роста денежной массы страшно. Но это можно сделать разумным решением. Надо лишь крепко зажмуриться и прыгнуть в неизвестность» (Правда. 1990. 16 апреля).

¹² Например, Г. А. Явлинского они считали популистом.

¹³ Учитывался, на самом деле, преимущественно американский опыт

¹⁴ Концепция реформы власти подробно изложена в аналитической записке «Об организационно-политических проблемах, возникших в первые месяцы деятельности президентской власти в Российской Федерации», подготовленной Центром «РФ-политика» (см.: Реванш. Недопереворот: версия Центра «РФ-политика». М., 1994. С. 8–17. (Далее – Реванш...))

¹⁵ Полное название Указа – «О государственном секретаре РСФСР – Секретаре Государственного Совета при Президенте РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 31. Ст. 1029. (Далее – Ведомости...)

¹⁶ См.: Ведомости... 1991. № 33. Ст. 1116, 1117; № 37. Ст. 1196.

¹⁷ Ведомости... 1991. № 32. Ст. 1075.

¹⁸ Реванш... С. 10.

¹⁹ Попцов О. М. Хроника времен «царя Бориса». М., 1995. С. 72.

²⁰ Ю. В. Петров вызывал особую неприязнь «демократов» не только из-за своего партийного прошлого – его можно было простить за близость к Ельцину, под «крылом» которого он делал партийную карьеру, – но и потому, что, будучи первым секретарем Свердловского обкома и членом ЦК КПСС, он на совещании первых секретарей в ЦК в апреле 1988 г. выступил в поддержку письма Н. А. Андреевой «Не могу поступиться принципами». Статья к тому моменту уже получила оценку как «антиперестроечный манифест», и тем не менее Ю. В. Петров не счел нужным скрывать свою позицию. Вскоре он был направлен послом на Кубу (Россия

1990. М., 2000. Т. 2. С. 704). Назначение Петрова на должность главы президентской Администрации любопытно с точки зрения анализа шкалы ценностей российской российской Президентства.

²¹ В. В. Илюшин, которого называли «тенью президента» (более десяти лет — с начала 1980-х гг. до 1996 г., т.е. и в «коммунистические», и в «антикоммунистические» времена, работал помощником Б. Н. Ельцина, влияя на составление его рабочего распорядка и, что особенно важно, на «доступ» к нему), также систематически подвергался нападкам со стороны «демократов». Однако Ельцин постоянно давал высокую оценку деловым качествам руководителя своего Секретариата (*Ельцин Б. Н. Записки президента*. С. 403; *Коржаков А. В. От рассвета до заката*. М., 1997. С. 49, 468).

²² См.: Реванш. С. 12–13.

²³ Там же. С. 22–25.

²⁴ *Афанасьев М. Н. Правящие элиты и государственность посттоталитарной России*. М.; Воронеж, 1996. С. 89–91; *Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991*. М., 1998. С. 616.

²⁵ Уже тогда против назначения Силаева выступали влиятельные М. Н. Полторанин и Г. Э. Бурбулис (см.: *Андрянов В., Черняк А. Одиноким царь в Кремле. Борис Ельцин и его команды*. М., 1999. Кн. 1. С. 389).

²⁶ *Попцов О. М. Указ. соч. С. 72–73; Ельцин Б. Н. Указ. соч. С. 163.*

²⁷ *Ельцин Б. Н. Указ. соч. С. 108–109.*

²⁸ Это были: М. Н. Полторанин, А. В. Козырев, М. Д. Малей, Н. В. Федоров, Э. Д. Днепров, Н. Г. Малышев.

²⁹ В его ведении входила координация действий республиканских правительств, вопросы, связанные с деятельностью министерств финансов, обороны, внутренних дел, иностранных дел, КГБ СССР, средств массовой информации (см.: *Независимая газета*. 1991. 29 августа).

³⁰ *Российские вести*. 1991. 21 сентября.

³¹ *Независимая газета*. 1991. 17 октября.

³² См.: *Гульбинский Н., Шакина М. Афганистан... Кремль... Лефортово... Эпизоды политической биографии Александра Руцкого*. М., 1994. С. 168.

³³ С этим связывали даже неудачу вооруженного подавления дудаевского режима. «В кулуарах Белого дома имеет хождение версия, согласно которой Хасбулатов с Бурбулисом сознательно подставили Руцкого, чтобы продемонстрировать *urbi et orbi* его государственную неспособность», — отмечалось в «Коммерсанте» в ноябре 1991 г. (*Коммерсант*. 1991. № 44).

³⁴ *Медведев Р. А. Капитализм в России? С. 73.*

³⁵ См.: План действий Совета Министров РСФСР, Советов Министров республик в составе РСФСР и местных Советов народных депутатов по переводу экономики на рыночные отношения//*Экономика и жизнь*. 1991. № 39.

³⁶ *Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед*. С. 102; позицию самого Сабурова см.: *Комсомольская правда*. 1991. 11 октября.

³⁷ По версии Л. Ф. Шевцовой, Ельцин такое предложение Явлинскому все же сделал и получил положительный ответ, однако затем к предло-

жению не вернулся. В. Андриянов и А. Черняк полагают, что Явлинского Ельцину действительно предложили назначить, но президент однозначно эту идею отверг, поскольку «Явлинский — горбачевец». Мемуары самого Ельцина допускают оба толкования (см.: *Ельцин Б. Н.* Указ. соч. С. 165; *Шевцова Л. Ф.* Режим Бориса Ельцина. М., 1998. С. 16).

³⁸ *Андриянов В., Черняк А.* Указ. соч. С. 391.

³⁹ В 1987 г. Г. Э. Бурбулис был одним из организаторов и руководителей первого в стране политклуба «Дискуссионная трибуна» в Свердловске, в 1989 г. избран народным депутатом СССР (см.: *Барсенков А. С., Корецкий В. А., Остапенко А. И.* Федеральное Собрание России: Совет Федерации, Государственная Дума. Биографический справочник. М., 1995. С. 258–259).

⁴⁰ *Ельцин Б. Н.* Указ. соч. С. 240–242.

⁴¹ *Попцов О. М.* Указ. соч. С. 70.

⁴² *Грачев А. С.* Кремлевская хроника. М., 1994. С. 236. *Попцов О. М.* Указ. соч. С. 62.

⁴³ Там же. С. 63.

⁴⁴ *Шевцова Л. Ф.* Указ. соч. С. 62.

⁴⁵ *Ельцин Б. Н.* Указ. соч. С. 242; *Попцов О. М.* Указ. соч. С. 70.

⁴⁶ Сам Гайдар в 1991 г. так оценивал руководимое им учреждение: «Наш институт — самое сильное на сегодняшний день подразделение, занимающееся не абстрактно-теоретическими изысканиями или долгосрочным прогнозированием, а текущей хозяйственной конъюнктурой, а потому и способное достаточно точно предугадывать последствия принимаемых решений, готовить практические рекомендации по подготовке и реализации рыночных реформ» (*Гайдар Е. Т.* Дни поражений и побед. С. 103).

⁴⁷ Предложение поступило через А. Л. Головкова — советника госсекретаря России Г. Э. Бурбулиса. Головков и Гайдар были ранее знакомы по совместной работе в Институте экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР (см.: *Кто есть кто в России и ближнем зарубежье.* М., 1993. С. 157, 176).

⁴⁸ *Ельцин Б. Н.* Указ. соч. С. 164–165.

⁴⁹ *Пархоменко И.* Эпоха реформаторства сверху в России закончилась // Независимая газета. 1993. 4 февраля.

⁵⁰ См.: *Чешко С. В.* Распад Советского Союза. М., 1996. С. 190.

⁵¹ *Гайдар Е. Т.* Дни поражений и побед. С. 87, 101.

⁵² См. об этом подробнее: Экономика переходного периода. С. 93–101.

⁵³ См.: *Ельцин Б. Н.* Указ. соч. С. 135.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Гайдар Е. Т.* Указ. соч. С. 105.

⁵⁶ Там же. С. 109.

⁵⁷ Союз можно было сохранить. М., 1995. С. 241.

⁵⁸ Пост первого вице-преьера получил также один из активных сторонников независимого развития России М. Н. Полторанин.

⁵⁹ *Гайдар Е. Т.* Указ. соч. С. 115–121.

⁶⁰ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999). Т. 1. Хроника и аналитика. 3-е изд. М., 2000. С. 144. (Далее — Хроника...)

⁶¹ Это делалось на основе президентского указа от 28 ноября 1991 г. (см.: Сборник указов и распоряжений Президента Российской Федерации. Октябрь—декабрь 1991. С. 63–67).

⁶² Улюкаев А. В. Указ. соч. С. 35.

⁶³ Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 113–144.

⁶⁴ Там же. С. 142–144, 167–170.

⁶⁵ Там же. С. 146–148.

⁶⁶ Улюкаев А. В. Указ. соч. С. 38.

⁶⁷ Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 100.

⁶⁸ Российская газета. 1991. 29 октября.

⁶⁹ Там же. 1991. 30 октября.

⁷⁰ Хроника... С. 144, 145.

⁷¹ Гайдар Е. Т. Указ. соч. С. 138.

⁷² Об этом откровенно изложено в кн.: Гайдар Е. Т. Дни поражений и побед. С. 116–117.

⁷³ Московские новости. 1993. 17 января. С. 8.

⁷⁴ Улюкаев А. В. Указ. соч. С. 40.

⁷⁵ Независимая газета. 1991. 29 октября.

⁷⁶ Андриянов В., Черняк А. Указ. соч. С. 405–408.

Лекция 11

КОНЦЕНТРАЦИЯ ВЛАСТИ В ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ СТРУКТУРАХ РОССИИ

Поражение высших представителей союзных структур придало новый мощный импульс концентрации управленческих полномочий в руках исполнительной власти России, олицетворяемых институтом президента. При этом следует специально подчеркнуть, что изменения в системе отношений «законодательная — исполнительная власть», «Верховный Совет, съезд — президент, правительство» после 19–21 августа 1991 г. были не спонтанными, а определялись общей стратегией «демократического» движения в 1990–1991 гг.

Как мы уже отмечали, идея укрепления исполнительной власти на переходный к рыночным отношениям период была озвучена для широкой публики в начале 1990 г. в связи с намерением ввести пост президента СССР. Хотя этот институт и был учрежден, тем не менее его место в существовавшей системе власти оказалось неопределенным. Сам институт, привнесенный из системы разделения властей, не был «состыкован» с традиционными представлениями о полномочиях Советов. (Лозунг «Вся власть Советам!» был реанимирован в 1989 г. в ходе процесса отстранения от власти КПСС.) Складывалась внешне не очень логичная ситуация, когда, с одной стороны, обосновывалась необходимость усиления «исполнительной вертикали», а, с другой — в конце 1989 — начале 1990 г. раздавались призывы передать власть Советам, под которыми понимались новые, «демократические» Советы. Противоречие, однако, легко снимается, если лозунг о возвращении власти Советам рассматривать как средство овладения реально существующими властными структурами с намерением впоследствии их радикально изменить. Поэтому закономерно, что идея всевластия Советов постепенно замещается рассуждениями о том, насколько они, Советы, эффективны, и обоснованием того, что эта система нуждается в коренных изменениях.

Ситуация осложнялась еще и тем, что проблема взаимоотношения исполнительной и законодательной властей накладывалась на борьбу между относительно умеренными реформистами («горбачевцами») и радикал-либералами, группировавшимися вокруг «Де-

мократической России» и до поры не имевшими практически никаких властных рычагов. Поэтому в условиях 1990–1991 гг. на реформирование органов власти огромное влияние оказало стремление радикал-либерального меньшинства легитимизировать свое влияние через *перераспределение полномочий в пользу исполнительной власти* и овладение именно этим уровнем управления. Особенность российской ситуации состояла и в том, что «столицы» (Москва и Ленинград) были настроены намного радикальнее, чем другие регионы республики. Если, как мы уже отмечали, на общероссийском уровне влияние радикалов было значительным, но не безусловным, то в Москве они доминировали с большим отрывом. Показательно, что за избрание Г. Х. Попова председателем Моссовета проголосовали 280 депутатов из 338 (83%), а за Б. Н. Ельцина — 535 из 1038 (51,5%)¹. Отсюда следует, что в глазах «демократов» объективно повышалась роль столиц как «локомотивов» решительных преобразований. Как отмечалось в одном из документов Межрегиональной группы (сентябрь 1990 г.), от успехов демократии в Москве и Ленинграде зависит судьба демократии в России², именно с этого «плацдарма» предстояло «дать бой КПСС»³. Поэтому радикал-демократы в российских республиканских структурах были заинтересованы и решительно поддерживали столичных лидеров, озвучивавших и апробировавших те модели управления, которые впоследствии можно было экстраполировать на всю Россию.

Новые подходы к Советам стали озвучиваться с осени 1990 г. 10 сентября А. А. Собчак, выступая в Моссовете, поднял вопрос о результативности работы Советов и их структуре. Он считал этот вопрос ключевым, поскольку, по его мнению, в существующей структуре Советов не предусмотрено место для независимых и компетентных органов исполнительной власти⁴. В этом же духе высказывался и Г. Х. Попов. Он обосновывал мысль о том, что к политическому кризису в стране привел лозунг «*Вся власть Советам!*», считал тупиковой ленинскую идею делегирования прав Советов «снизу», что, по его мнению, создавало бесконечную сеть парламентов разных уровней и анархию⁵. В опубликованной массовым тиражом статье он писал, что «курс на десоветизацию уже сейчас, а тем более в ближайшем будущем станет всеобщим лозунгом. Ограничение власти Советов вообще, сосредоточение парламентов на законодательстве, превращение местных Советов из органов власти в органы местного самоуправления, то есть муниципалитеты, создание независимой судебной системы — это все звенья десоветизации. Но главное, — продолжал председатель Моссовета, — избрание прямым голосо-

нием населения руководителей исполнительной власти всех уровней: президента, губернаторов, мэров, старост — и появление независимой от Советов по своему составу исполнительной власти»⁶. Необходимость создания новой системы власти обосновывали и тем, что с «вытеснением» КПСС рушился механизм исполнения принятых решений, поскольку ранее КПСС во многом создавала связи и ту первичную структуру, на которую накладывались государственные органы власти, и теперь, без этого стержня, система советских органов власти показала себя недееспособной⁷.

Обозначенные в конце 1990 г. вопросы — о статусе Москвы и необходимости изменения городских властных структур — были затронуты в Указе Президента СССР от 23 января 1991 г., где ставилась задача внести ясность в эти вопросы⁸. Чуть раньше Г. Х. Попов опубликовал проект закона «Об управлении г. Москвы как столицей СССР и РСФСР». В документе впервые достаточно подробно был описан новый механизм городского управления. Центральное место в проекте отводилось представлению нового института — мэра, его взаимоотношениям с Советами. Комментируя свой проект, Попов писал, что он не против власти Советов: «Я за их власть, но не власть вообще, а только в сфере издания правил, законов и норм. Я категорически против прямой деятельности Советов в сфере исполнения. Хотят Советы направлять исполком? Есть законные рычаги: изменение ассигнований по статьям бюджета, введение норм, переизбрание председателя исполкома». Однако выход из управленческого тупика возможен только через укрепление исполнительной власти — введение избираемого городом мэра⁹.

17 марта 1991 г. в ходе общесоюзного и республиканского референдумов москвичи отвечали и на вопрос о целесообразности введения в городе должности мэра. Более 80% ответили на этот вопрос положительно. К концу марта 1991 г. существовало пять законопроектов о статусе города Москвы и институте мэра¹⁰. На основе одного из них, российского, 19 апреля 1991 г. было принято постановление Президиума Верховного Совета РСФСР «О статусе и структуре органов управления города Москвы — столицы РСФСР». Постановление вводило в действие «Положение» о статусе и структуре управления города. В нем выборы мэра предлагалось провести 12 июня. При обсуждении документа в Моссовете он был подвергнут критике представителями самых различных фракций, поскольку, по мнению депутатов, предоставлял мэру слишком широкие полномочия¹¹. Как отмечал депутат группы «Москва» Ю. А. Прокофьев, «протаскивание, за спиной депутатов, руководством Моссовета через руковод-

ство страны и республики проекта нового административного деления города может привести к тоталитарному управлению столичным регионом». И тем не менее, в мае 1991 г. сессия Моссовета одобрила российское положение от 19 апреля. Постановлением ВС РСФСР от 27 апреля 1991 г. определялся порядок избрания мэра Москвы¹².

Уже после избрания Г. Х. Попова мэром 24 июня 1991 г. Президиум ВС РСФСР издал постановление «О вступлении в должность мэров городов», согласно которому полномочия исполкома Моссовета прекращались с момента вступления мэра в должность, а отделы и управления переходили в подчинение мэра вплоть до формирования новых структур городской администрации¹³. 21 июня 1991 г. Г. Х. Попов как мэр¹⁴ подписал распоряжение «О реформировании органов исполнительной власти и управления Москвы». Для решения перечисленных в распоряжении задач предлагалась создать следующие органы власти и управления в Москве: Городскую думу, Городское собрание, Правительство Москвы (включая органы управления административно-территориальных единиц), Департамент мэра, Управление делами. Специальные постановления конкретизировали структуру этих институтов¹⁵.

1 июля 1991 г. вышло новое постановление Президиума ВС РСФСР, где, по предложению мэра, Моссовету предписывалось разработать Положение об органах представительной власти в Москве и их территориальной структуре, а мэру предоставлялось исключительное право на формирование территориальной и отраслевой структуры органов исполнительной власти города¹⁶. За этим документом следуют распоряжения мэра о проведении работы по формированию муниципальных округов, о ликвидации аппарата Мосгорисполкома и об образовании административных округов¹⁷. 30 июля 1991 г. выходит Указ Б. Н. Ельцина «О полномочиях мэра г. Москвы», где мэр определялся как правопреемник исполкома Моссовета и райисполкомов; ему предлагалось до 1 сентября 1991 г. завершить формирование и утверждение отраслевой и территориальной структур исполнительной власти, а также подобрать и утвердить кадры руководителей. Мэру поручалось исполнение городского бюджета, распоряжение средствами целевых назначений от СССР и РСФСР¹⁸. И наконец, 1 августа 1991 г. мэр издает распоряжение об органах управления в муниципальных округах Москвы¹⁹.

Мы специально относительно подробно остановились на реформировании московских управленческих структур, так как именно здесь наиболее последовательно и оперативно выстраивалась так называемая сильная «исполнительная вертикаль» власти, наделенная

огромными полномочиями и призванная квалифицированно обеспечить переход к рынку. В сфере изменений системы власти Москва опережала не только другие регионы, но и общероссийский уровень. Базовые элементы созданной здесь модели впоследствии использовались как при выстраивании института президентской власти в России, так и при формировании новой политической системы государства уже после распада СССР.

В прессе еще в 1991 г. ставился вопрос о смысле и целях московских властных реформ. Формально они были призваны оптимизировать систему управления городом, но не только. Некоторые полагают, что одна из задач состояла в том, чтобы ослабить влияние горкома и райкомов КПСС, чья работа многие годы была «привязана» определенному административно-территориальному делению города²⁰, в рамках которого действовали и территориальные органы государственного управления — Советы.

Другие считали, что главной целью была дискредитация и развал именно Советов, которые могли помешать начавшемуся радикальному изменению социально-экономического и общественно-политического строя в стране²¹. Последующие шаги российской властвующей элиты дают основания для обоих предположений, которые позднее косвенно подтвердил и сам Г. Х. Попов, признавшись, что он был в первую очередь мэром-политиком, а не мэром-хозяйственнымником²².

С весны 1991 г. обсуждался вопрос о правовой основе изменения власти в Москве в 1991 г. Отмечалась определенная скоропалительность введения института мэра, отсутствие его предварительного общественного обсуждения. Указывалось, что практически все документы, определявшие выборы мэра, имели временный характер; это были постановления, действовавшие до утверждения соответствующих законов²³. Были и более резкие оценки. В частности, утверждалось, что постановление Президиума ВС РСФСР от 19 апреля 1991 г. послужило отправной точкой «правового беспредела» в Москве, поскольку предоставленные мэру полномочия по изменению структуры городского управления и все его последующие действия противоречили республиканской и союзной законодательной базе (в частности, закону СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства» и закону РСФСР «О местном самоуправлении»). И депутаты, и правоведы настаивали на том, чтобы указы и постановления, на которые опиралось изменение системы исполнительной власти, были приведены в соответствие с действующим законодательством. Но инициаторы преобразований в 1991—1992 гг. не то

рюпились этого делать. Представительная власть оказалась отодвинутой от решения многих важнейших вопросов. Правовед Н. М. Михалева так объясняла подобную поспешность: «Сторонникам движения «Демократическая Россия», выдающим себя за поборников народного блага, не терпится, пока они держат пакет акций в российском парламенте и Моссовете, захватить высшую исполнительную власть в городе, чтобы бесконтрольно распоряжаться землей, жилым фондом, форсировать приватизацию»²⁴. Заместитель председателя Моссовета (1990—1993) Ю. П. Седых-Бондаренко так же утверждал, что «никакого конфликта между представительной властью и исполнительными структурами в Москве никогда не было, с самого начала были отчаянный правовой беспредел и политическая уголовщина»²⁵.

Тем не менее мы можем констатировать, что в Москве к середине 1991 г. были сделаны крупные шаги по перераспределению полномочий в пользу исполнительной власти. Перераспределение, однако, не было гармоничным, поскольку влияние Советов урезалось без согласования с ними. На уровне Москвы возникла ситуация, когда на основе временных постановлений и указов создавалась мощная исполнительная власть, явно «подминавшая» власть представительную. Советы в Москве, как говорили тогда, были отодвинуты на политические задворки. Это создавало основу для конфликта между реально управляющими исполнительными структурами и конституционно всевластными Советами. К осени 1991 г. ядро конфликта сформировалось лишь в столице, а в 1992—1993 гг. он во все более острых формах проявился и на других уровнях.

Как мы уже отмечали, «победа» над «путчистами» позволила российскому президенту получить согласие парламента на учреждение в крае, области и т.д. должности главы администрации, который становился правопреемником исполкома соответствующего Совета. Президент получил право самостоятельно назначать людей на эту должность, а также освобождать их от нее. Согласно постановлению ВС РСФСР, этим правом президент мог пользоваться «впредь до принятия Закона РСФСР об управлении краем, областью в РСФСР», т.е. фактически неопределенно длительный срок²⁶. Безусловно, в августе Ельцин воспользовался ситуацией, поскольку уже вскоре стали раздаваться голоса сомневающихся в демократичности такого решения. Так, 13 сентября 1991 г. на заседании исполкома Демократической партии России был рассмотрен вопрос об отношении к политике назначения глав администраций краев и областей России. Исполком выразил надежду, что назначение глав исполнительных органов власти является мерой временной, что руководство

России сосредоточит свои усилия на подготовке подлинно демократических выборов²⁷. Лидеры ДПР полагали, что «цивилизованное общество вряд ли можно создать через наместников и уполномоченных, игнорируя представительные органы власти»²⁸. Пленум представителей движения «Демократическая Россия» выступил с инициативой проведения прямых выборов глав местной администрации краев и областей не позднее зимы—весны 1991—1992 гг.²⁹. Ситуация приобрела конфликтный характер после принятия 24 октября 1991 г. Верховным Советом РСФСР «Закона о выборах главы администрации», на основе которого предусматривалось провести выборы глав администраций 8 декабря 1991 г. Ельцин не согласился с такой позицией. Его поддержали и некоторые народные депутаты, которые по ряду причин советовали президенту закон не подписывать³⁰.

21 сентября 1991 г. был опубликован президентский Указ № 112 «О роли Совета Министров РСФСР в системе исполнительной власти Российской Федерации», также вызвавший неоднозначную реакцию³¹. Здесь, с одной стороны, перед Совмином ставились задачи по «построению динамичной модели рыночной экономики», а с другой — определялись отношения между предсовмином и президентом. Предусматривалось, в частности, что президент не только должен контролировать деятельность Совмина и «совместно решать принципиальные вопросы организации работы правительства РСФСР комиссий и других рабочих органов», но и, при необходимости председательствовать на его заседаниях для «обеспечения правительством РСФСР его полномочий в полном объеме».

Огромное влияние на последующее политическое развитие страны оказали решения об изменении властного баланса, принятые на **V Съезде народных депутатов РСФСР** (28 октября — 13 ноября 1991 г.). Перед началом его работы президент адресовал депутатам письменное обращение³². В нем Ельцин просил предоставить ему чрезвычайные полномочия и принять постановление «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы». Президент информировал о намерении реорганизовать Совмин РСФСР, сократив число министерств до 18–20 и повысив их статус. Утверждалось, что решение задач переходного периода требует построения «жесткой, сильной управленческой вертикали». Поэтому для успешной реализации экономической программы «президент республики должен иметь право самостоятельно, без предварительного согласия и последующего утверждения изменять структуру высших органов исполнительной власти в рамках выделенных бюджетных средств, создавать и ликвидировать органы исполнительной

власти, решать вопросы персонального состава руководства этих органов». Президент настаивал на особом порядке формирования вертикали исполнительной власти, при котором «президент назначает администрацию краев, областей... главы администрации в свою очередь назначают по поручению президента руководителей исполнительных органов». Президенту же «должен обладать правом сместить любое должностное лицо в системе исполнительной власти вне зависимости от того, каким образом оно назначено или избрано».

Далее президент предлагал принять и постановление «О правовом обеспечении экономических реформ», где предлагались меры по обеспечению «динамизма реформ, движущей силой которых будет исполнительная власть во главе с президентом, но одновременно сохранится верховенство парламента в законодательной деятельности». Ельцин предлагал законодательно закрепить следующие положения: во-первых, нормотворческая деятельность Верховного Совета, президента и правительства должна быть жестко скоординирована и осуществляться по единому графику. Во-вторых, декларировался приоритет законодательства по экономическим реформам. Все акты СССР и РСФСР применяются лишь в части, не противоречащей данному законодательству. При этом и президент, и Верховный Совет вправе приостанавливать союзные и республиканские акты, препятствующие проведению реформ. В-третьих, президент должен был обладать правом «по определенному Съездом кругу вопросов и на четко зафиксированный Съездом период (например, 1 год)» издавать необходимые для осуществления реформ указы, даже если они формально противоречат ранее принятым законам Союза и РСФСР. Но и в этом случае, подчеркивал президент, безусловно должно быть обеспечено верховенство парламента.

Эти вопросы заняли одно из центральных мест на V Съезде народных депутатов РСФСР. Выступавший с обоснованием необходимости принятия предложений президента в качестве его представителя С. М. Шахрай³³ с самого начала обратил внимание на необычность ситуации, поскольку речь шла «о праве президента издавать указы, противоречащие старому законодательству». Согласно Шахраю, «любому ясно, что балласт старого союзного законодательства потопит любую реформу, и нашу в том числе». Издание же указов будет под контролем: «Верховный Совет или Президиум вправе приостановить такой (т.е. не соответствующий законодательству. — А. Б.) Указ президента. Приостановленный Указ попадает на сессию Верховного Совета, где рассматривается уже в качестве законодательной инициативы президента. Или, в случае если Верховный Совет

не отклонил в установленный период Указ, он вступает в силу». Шахрай понимал, что предлагаемое постановление вызовет сомнения в связи с тем, что в статье 121 Конституции РСФСР было прямо записано: «Указы Президента не могут противоречить Конституции РСФСР и законам РСФСР». Это было, по мнению Шахрая, не страшно, поскольку о противоречии Конституции в постановлении нет ни одного слова и, кроме того, предлагаемый порядок обеспечивает согласие или поддержку Парламента таким указам президента.

В результате съезд принял два постановления, в которых пошел навстречу президенту. Первое постановление — «*Об организации и полномочиях исполнительной власти в период радикальной экономической реформы*»³⁴ предоставляло президенту право самостоятельно реорганизовывать структуру высшей исполнительной власти России и самостоятельно решать вопросы кадрового назначения в системе исполнительной власти. Таким образом, президент получал необычайную свободу в плане подбора лиц на высшие посты в структуре исполнительной власти, не будучи при этом обязанным даже согласовывать с парламентом свои назначения.

Второе постановление — «*О правовом обеспечении экономической реформы*» — предусматривало, что законы СССР и РСФСР «в период проведения радикальной экономической реформы применяются в части, не противоречащей актам, принятым в соответствии с настоящим Постановлением». Эти акты — указы президента, издаваемые в целях оперативного регулирования экономической реформы³⁵. Если же указы находятся в противоречии с действующим законодательством РСФСР, то они представляются в Верховный Совет (а в период между сессиями — в его Президиум). И если в течение семи дней ВС РСФСР (или Президиум) не отклоняет указ президента, то он вступает в силу. В случае отклонения указа, ВС РСФСР в десятидневный срок рассматривает его в качестве президентского законопроекта. Нетрудно заметить, что постановление содержало очевидные «лазейки», позволявшие в определенных случаях «обходить» Верховный Совет³⁶.

Фактически Россия постепенно вступала в весьма специфический период политико-правового развития, когда президентские указы стали выполнять роль замещающего или конкурирующего законодательства. О направлениях развития формирующегося «указного права» можно судить по сфере интересов Государственно-правового управления (ГПУ) Администрации президента, созданного и возглавлявшегося в 1991 г. С. М. Шахраем. В структуру ГПУ входили отделы: государственного, административного и международного права; пра-

нового обеспечения вопросов безопасности, обороны и правоохранительных органов; правовых проблем федерализма, местного самоуправления и взаимодействия с федеральными представительными органами; судебной реформы и судопроизводства; гражданского права и хозяйственного законодательства; систематизации законодательства и правовой информатизации.

Решения V Съезда народных депутатов легализовали ситуацию, при которой представительные органы власти фактически лишались реального права корректировать то, что делала власть исполнительная. К тому же направление деятельности и состав высших органов исполнительной власти ставились в зависимость от «высшего должностного лица» государства — президента. Уже тогда Б. Н. Ельцин получил огромные полномочия. И хотя решения предусматривали, что полномочия даются «временно», на один год, президент впоследствии настаивал на том, что такое положение следует сохранить на значительно больший, притом четко неопределенный период. По сути, именно эти сюжеты — выбор модели экономических преобразований, формирование команды реформаторов, время «чрезвычайных полномочий» — являлись основными в политическом противостоянии 1992–1993 гг.

На V съезде было принято еще одно решение, усиливавшее влияние высшей исполнительной власти. 1 ноября 1991 г. была одобрена новая редакция конституционной статьи, определяющей полномочия президента: он получил право приостанавливать действие актов главы исполнительной власти (республик в составе РСФСР), а также иные решения органов власти, если они противоречат Конституции и законам РСФСР³⁷.

Съезд также своим постановлением отменил назначенные ранее Верховным Советом РСФСР на 8 декабря 1991 г. выборы глав администраций, сохранив «августовский» порядок — *назначение* на эти должности указами президента. Подбором кандидатов и координацией их деятельности занималось Контрольное управление, входившее в структуру Администрации президента³⁸. Забегая вперед, можно отметить, что первые *выборы* глав администрации (притом лишь в пяти субъектах федерации) прошли в апреле 1993 г., затем — в виде исключения — в декабре 1995 г. (в двенадцати регионах), а с января 1996 по март 1997 г. — в 56 субъектах Российской Федерации³⁹.

Как точно выразился И. Я. Фроянов, V Съезд народных депутатов сыграл роль «коллективной повитухи» при рождении нового политического режима, содержание деятельности которого все более отдалялось от деклараций 1990–1991 гг.⁴⁰.

Своим указом от 6 ноября 1991 г. «Об организации работы Правительства РСФСР в условиях радикальной экономической реформы»⁴¹ президент начал реализацию одобренных съездом решений — приступил к формированию правительства реформ, которое возглавлялось им лично. Тем самым была оформлена тенденция подчинения правительственной власти президентской, т.е. того пути, по которому пошла практика государственно-правового развития России. Президентская республика фактически утверждалась не на основе Конституции, а актом исполнительной власти⁴².

Выстраивание «президентской вертикали» было одной из стратегических задач российских лидеров и началось до августовского кризиса. Еще 14 августа 1991 г. указом президента были назначены первые 14 его представителей на местах. До конца года представители президента имелись в более чем 50 регионах России. Все они были народными депутатами либо РСФСР (в основном члены фракций входящих в «Демократическую Россию»), либо СССР (практически все члены Межрегиональной депутатской группы). Как отмечают исследователи, их преданность демократическим идеалам и лично Б. Н. Ельцину оценивалась по данным поименных голосований: по специальной методике вычислялись результаты голосования на съездах. У большинства выдвинутых в представители президента они превышали «+70 баллов»: за «+100» принимался «чистый» демократ, за «-100» — «чистый коммунист»⁴³. Таким образом, назначенцы играли на местах роль «демократических комиссаров».

Стремлением к концентрации власти можно объяснить и появление Указа президента РСФСР от 19 декабря 1991 г. «Об образовании Министерства безопасности и внутренних дел РСФСР», которое предполагалось создать через слияние существовавших раздельно органов госбезопасности и внутренних дел. Министром МБВД был назначен один из активных организаторов отпора ГКЧП, генерал армии В. П. Баранников. Указ сразу же вызвал огромную тревогу в обществе, всколыхнув воспоминания об аналогичном «объединенном ведомстве» начала 1950-х годов. Поэтому одновременно две депутатские группы и несколько комитетов ВС РСФСР обратились в Конституционный суд с ходатайством о проверке конституционности данного указа⁴⁴. Любопытно, что это было первое дело, которым занимался Конституционный суд. Оперативно рассмотрев вопрос, он своим решением уже 14 января 1992 г. отменил президентский указ признав его неконституционным⁴⁵, и слияние ведомств, к удовлетворению многих, не состоялось.

Примечания

- ¹ Коммерсант. 1990. № 14; История современной России. М., 1995. С. 68.
- ² Куранты. 1990. № 1.
- ³ Попов Г. Х. Снова в оппозиции. М., 1993. С. 81.
- ⁴ Куранты. 1990. № 1.
- ⁵ Там же. № 1, 9.
- ⁶ Огонек. 1990. № 51. С. 5.
- ⁷ См., напр.: Шанцев В. П. Кто правит на местах?//Народный депутат. 1990. № 3.
- ⁸ Правда. 1991. 23 января.
- ⁹ Московский комсомолец. 1991. 16 января.
- ¹⁰ Это были: упомянутый проект Г. Х. Попова, проект ВС СССР (Известия. 1991. 17 апреля), проект ВС РСФСР (Куранты. 1991. № 43), проект Моссовета (Куранты. 1991. № 43), проект МГК КПСС (Московская правда. 1991. 30 марта).
- ¹¹ Коммерсант. 1991. № 15.
- ¹² Мэрия Москвы и другие органы исполнительной власти. М., 1993. С. 12.
- ¹³ Там же. С. 22.
- ¹⁴ Как мэр, он имел это право по «Положению» от 19 апреля 1991 г.
- ¹⁵ Мэрия Москвы и другие органы исполнительной власти. С. 45–51.
- ¹⁶ Там же. С. 24.
- ¹⁷ Там же. С. 52, 58, 59–60.
- ¹⁸ Там же. С. 37.
- ¹⁹ Там же. С. 25.
- ²⁰ Народный депутат. 1991. № 47. С. 47.
- ²¹ Михалева Н. М. Указ. соч.
- ²² Фигуры и лица//Приложение к «Независимой газете». № 3 (66) от 8 февраля 2001 г.
- ²³ Народный депутат. 1991. № 12.
- ²⁴ Театр беззакония поднимает занавес//Московская правда. 1991. 21 мая.
- ²⁵ Народный депутат. 1992. № 8.
- ²⁶ Следует специально подчеркнуть, что данный порядок не распространялся на республики в составе Российской Федерации. См.: Коричневый путч красных. М., 1992. С. 114.
- ²⁷ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999). Т. 1. Хроника и аналитика. №-е изд. М., 2000. С. 133. (Далее — Хроника...)
- ²⁸ Там же. С. 136.
- ²⁹ Там же. С. 133.
- ³⁰ Там же. С. 139.
- ³¹ Российские вести. 1991. 21 сентября.
- ³² Там же. 1991. 9 ноября.
- ³³ В то время госсоветник РСФСР по правовой политике.

³⁴ См.: Ведомости... № 44. Ст. 1455.

³⁵ Это касалось вопросов банковской, биржевой, валютно-финансовой, внешнеэкономической, инвестиционной, таможенной деятельности, бюджета, ценообразования, налогообложения, собственности, земельной реформы, занятости населения.

³⁶ Такие ситуации были описаны депутатом М. Б. Челноковым (см. *Челноков М. Б.* Россия без Союза, Россия без России... М., 1994. С. 105).

³⁷ Хроника... С. 132.

³⁸ Контрольное управление возглавлял Главный государственный инспектор РСФСР. Важность и влияние занимавшего эту должность лица определялись и его правом еженедельного доклада президенту. В 1991 г. КУ возглавлял В. А. Махарадзе (см.: *Афанасьев М. Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М.— Воронеж, 1996. С. 91).

³⁹ См.: Институт губернатора в России: традиции и современные реальности. М., 1997. С. 46.

⁴⁰ *Фроянов И. Я.* Погружение в бездну. СПб., 1999. С. 608.

⁴¹ Ведомости... № 45. Ст. 1578.

⁴² См. об этом: *Барабашев А. Г.* Формирование системы исполнительной власти в Российской Федерации (1989—1991 гг.)//Конституционный строй в России. М., 1992. Вып. 1. С. 85—86.

⁴³ Хроника... С. 316.

⁴⁴ Там же. С. 380.

⁴⁵ Там же. С. 394.

Лекция 12

ФЕДЕРАТИВНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

В нашей литературе возникновение **чеченского кризиса** чаще связываются с осенью 1991 г., когда к власти в республике пришел генерал Д. М. Дудаев, под руководством которого была осуществлена националистическая революция и установлен соответствующий властный режим. Мне представляется, что эта позиция нуждается в существенной корректировке, поскольку само появление такой фигуры, как Дудаев, было закономерным результатом той национальной политики, которая проводилась в СССР в 1985—1991 гг. и на которую оказало огромное влияние противостояние союзного и российского центров власти в 1990—1991 гг. Тогда к старым противоречиям в сфере межнациональных и федеративных отношений прибавился блок новых; многие из них длительное время воздействовали негативно на жизнь уже независимой России. Полагаю, что чеченские события нужно рассматривать именно в таком контексте.

Декларации о суверенитетах в бывших российских автономиях провозглашались в середине — второй половине 1990 г., когда национализм в союзных республиках цвел пышным цветом, а Россия вступила в изнурительную схватку за власть с Союзом. Поэтому российские автономии могли учесть опыт ранее принятых деклараций, а также воспользоваться ситуацией общего ослабления государственности, с тем чтобы сформулировать свои требования по максимуму в зависимости, разумеется, от своих возможностей и аппетитов.

Принятию декларации о суверенитете Чечено-Ингушской республики (далее — ЧИР) предшествовала работа первого Чеченского национального съезда (далее — ЧНС) (23—26 ноября 1990 г., Грозный), вынесшего решение о суверенитете Чеченской республики, возрождении языка, культуры и исторической памяти чеченского народа. Созданный съездом Исполком ЧНС должен был добиваться выполнения решений об образовании независимого чеченского государства. И уже 27 ноября внеочередная сессия Верховного Совета ЧИР приняла **«Декларацию о государственном суверенитете Чечено-Ингушской Республики»**¹. Это крайне важный документ, который, однако, редко анализируется полностью.

Прежде всего нужно отметить, что это — одна из наиболее жестких и даже «непримиримых» не только среди российских, но и союзно-республиканских деклараций о суверенитете. В ней указывалось, что Чечено-Ингушетия — суверенное государство, созданное в результате самоопределения чеченского и ингушского народов; заявлялось, что это государство имеет все соответствующие атрибуты: гражданство, герб, флаг, гимн, столицу. В декларации отсутствовало указание на то, что ЧИР находится в составе РСФСР и СССР². В то же время документ утверждал верховенство конституции и законов ЧИР на всей ее территории³, сохранял за ее народом всю полноту власти. Декларация заявляла о готовности республики защищать интересы чеченцев и ингушей, живущих за пределами республики. По документу, ЧИР оставляла за собой право на возмещение морального и материального ущерба, «причиненного республике и ее народу в 1944–1957 гг.». И наконец, в декларации указывалось на необходимость «отторгнутых в результате сталинских репрессий»⁴ (В скобках заметим, что республика не собиралась отказываться от переданных ей в 1957 г. территорий Ставропольского края⁵.)

Таким образом, можно сделать заключение, что Декларация о суверенитете ЧИР содержала необходимую политическую (а в понятиях чеченцев — и правовую) базу для действий Дудаева осенью 1991 г. Следует также специально отметить, что в состав Исполкома ЧНС входили люди, представлявшие самые различные политические силы. В то же время «Декларацию» принял Верховный Совет ЧИР, который тогда возглавлял член ЦК КПСС, первый секретарь Чечено-Ингушского республиканского комитета КПСС Д. Г. Загаев, т.е. идеи документа, по сути, разделяла вся чеченская элита. Тот же ВС ЧИР принял решение о неучастии республики в референдуме о сохранении СССР. Одновременно в этой среде обозначилось умеренное течение, сторонники которого стояли за постепенное воплощение в жизнь Декларации. Сторонники же другого, национально-радикального, направления считали возможным форсировать события. Эту группу и курс и возглавил председатель Исполкома ЧНС Д. М. Дудаев.

С марта 1991 г.⁶ он пытается в ультимативной форме оказывать давление на ВС ЧИР, аргументируя это тем, что Исполком ЧНС выражает волю чеченского народа. Когда же руководство парламента отвергло претензии Дудаева, он заявил, что депутаты «не оправдали доверия народа» и должны самораспуститься. А уже в мае он объявил ВС ЧИР утратившим легитимность в связи с провозглашением суверенитета Чечено-Ингушетии, а также заявил, что на территории

Чечни на переходный период власть в свои руки берет Исполком ЧНС. 8—9 июня 1991 г. в Грозном по инициативе Дудаева и его сторонников собралась часть делегатов Первого чеченского национального съезда, которые провозгласили себя Общенациональным конгрессом чеченского народа (далее — ОКЧН), а данное заседание — 2-й сессией ОКЧН. На сессии была провозглашена Чеченская республика Нохчи-чо; руководители ВС ЧИР объявлены «узурпаторами». Председателем Исполкома ОКЧН остался Дудаев. Вплоть до августа 1991 г. Исполком ОКЧН являлся центром внепарламентской радикальной оппозиции в республике⁷.

Для нас представляет интерес реакция на принятие деклараций о суверенитете со стороны российского руководства. Мы уже приводили слова, произнесенные Б. Н. Ельциным в Казани в августе 1990 г. Их смысл состоял в том, что бывшим автономиям предлагалось самостоятельно определить границы своего суверенитета, российский же центр брался лишь зафиксировать выраженную таким образом волю республик. И, как мы уже отмечали, все национально-государственные образования России летом и осенью 1990 г. этим правом воспользовались. Однако по ходу этого процесса стало очевидным, что российское руководство не торопится выражать свое одобрение принимаемым документам, храня молчание по этому поводу. Это вызвало определенную настороженность у представителей бывших автономий, которые на II Съезде народных депутатов РСФСР (декабрь 1990 г.) настаивали на том, чтобы руководство ВС РСФСР публично поддержало принятые декларации⁸. В то же время председатель Совета Национальностей ВС РСФСР Р. Г. Абдулатипов с тревогой отмечал, что «нельзя далее наблюдать, как идет размежевание Федерации, республик и автономий». Он предложил уже на этом съезде «принять специальное постановление об основных началах федеративного устройства Российской Федерации, определиться по объявленным в республиках суверенитетам»⁹. В результате в итоговых документах съезда говорилось о «происходящих позитивных переменах, связанных с провозглашением суверенитета республик, входящих в состав РСФСР»; Верховный Совет РСФСР получил задание разработать проект Федеративного договора, который должен был рассмотреть следующий съезд. Таким образом, можно констатировать, что в конце 1990 г. вопросы внутрифедеративных отношений привлекли к себе внимание высших органов власти России, однако уже принятые декларации, в том числе и такие радикальные, как декларации Чечено-Ингушетии и Татарстана, тогда не получили никакой публичной политической оценки.

Первые месяцы 1991 г. были ознаменованы **войной законов**, которая теперь развернулась и на территории Российской Федерации. Бесконечные споры и претензии по суверенитетам и повышению своего статуса, неопределенность на всех уровнях мешали принятию буквально каждого законопроекта¹⁰. Именно поэтому на одном из главных мест в деятельности ВС РСФСР стояла подготовка Федеративного договора, которая тоже сопровождалась большими сложностями. В этих условиях был вынужден скорректировать свою позицию и председатель ВС России. Выступая 28 марта 1991 г. на III съезде народных депутатов РСФСР, он вновь повторил, что «именно Центр открыл «парад суверенитетов» на территории Российской Федерации, а всю вину пытается переложить на Россию». Однако, продолжал Б. Н. Ельцин, «объективности ради надо признать, что и руководство Российской Федерации, и я лично допустили ряд просчетов. В борьбе за влияние на автономии мы втянулись в соревнование с центром в «раздаче суверенитетов»... В стратегическом плане проиграли и центр, и Россия, и автономии. Все! Пора остановиться! Есть еще шанс... У истоков новой правовой системы должны стоять Договор и Конституция», в которых будет установлен порядок применения законов одних республик на территории других и предусмотрен механизм внутреннего равновесия правовой системы¹¹.

Однако «остановиться» в соревновании с Центром весной 1991 г. не удалось. После референдума 17 марта развернулась борьба за российское президентство. В ходе приуроченной к выборам деловой поездки Б. Н. Ельцин посетил и Чечено-Ингушетию. Среди сопровождавших его лиц была Г. В. Старовойтова. Ельцин в общих чертах выразил поддержку суверенитету республики, повторив старое предложение: «Берите столько суверенитета, сколько можете понести». С Дудаевым он не встречался, не считая его, видимо, значимой политической фигурой. В то же время накануне президентских выборов в поддержку кандидатуры Ельцина выступил Д. Г. Завгаев¹². В итоге Ельцин в республике получил 76% голосов избирателей — почти на 20% больше, чем в среднем по стране. На это, думается, повлиял и факт принятия Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» (26 апреля 1991 г.), где содержалась статья о территориальной реабилитации, прямо перекликавшаяся с соответствующей статьей Декларации о суверенитете ЧИР¹³.

В результате напряженной работы проект Федеративного договора в июле 1991 г. был готов к парафированию. Подготовка текста позволила выявить широкий круг вопросов и проблем, накопившихся за многие годы, обозначить возможные варианты их решения

Однако, вероятно, качество итогового документа устраивало далеко не всех лиц из окружения Ельцина. Похоже, они отдавали себе отчет в том, что проект содержал чрезмерные уступки бывшим автономиям и что эффективно управлять страной на его основе будет сложно. Негативно относился к Федеративному договору председатель Комитета по законодательству ВС РСФСР С. М. Шахрай. Он справедливо обращал внимание на содержащиеся в проекте противоречия, в частности на неравноправие в политической сфере краев и областей в сравнении с республиками, что неизбежно порождало бы трения в будущем¹⁴. С именем Шахрая, в то время главным консультантом Б.Н. Ельцина по правовым вопросам политики, связывали обоснование теоретической схемы противостояния двух центров власти в Москве. Условно схема описывалась формулой «целостность России против целостности Союза». Шахрай полагал, что Союз может распасться и что это та жертва, которую следует принести ради сохранения целостности Российской Федерации¹⁵. Поэтому нам представляется заслуживающим внимания наблюдение одного из разработчиков Федеративного договора, правоведа Л. Ф. Болтенковой, о том, что после президентских выборов в июне 1991 г. интерес к Федеративному договору в президентских структурах был потерян. Председатели Верховных Советов республик в составе России настаивали на встрече с президентом РСФСР. Две такие встречи все же состоялись, но разговор на них шел преимущественно о форме участия республик в подписании Союзного договора; серьезного обсуждения Федеративного договора не получилось¹⁶.

Таким образом, правовой основы для строительства обновленной федерации в России к августу 1991 г. создано не было. Доминировали подходы, направленные на решение главной, с точки зрения российских лидеров, задачи — овладение полнотой власти в Москве. Победа над «путчистами», демонтаж союзных структур диктовали необходимость перехода к новому этапу внутрироссийской политики, на котором конфронтационная компонента заменялась бы созидательной. Однако, как показали события осени 1991 г., предварительных «заготовок» для проведения «ответственной» политики у российских лидеров не было. Между тем жизнь требовала оперативной реакции на серьезнейшие проблемы, которые накопились ранее и ждали своего разрешения. Одной из таких проблем и стала чеченская. Российские власти понимали, что ситуация вокруг республики имеет «модельное» значение: от того, насколько удачными будут предложенные подходы, зависело выстраивание отношений и с другими субъектами федерации.

Этнополитологи Э. А. Паин и А. А. Попов первый этап российской политики в отношении Чечни, охватывающий, по их мнению, август—ноябрь 1991 г., назвали «стратегией попустительства»¹⁷. На наш взгляд, если и пользоваться этим термином, то применительно к доавгустовскому периоду. В этом плане более точным является утверждение С. В. Чешко о том, что режим Дудаева возник не в результате многолетнего и осознанного движения чеченцев за независимость, а вследствие поощрения, поддержки и прямого попустительства российских властей¹⁸. С конца августа 1991 г. республика уже не была обделена вниманием, что было связано со стремительным развитием в ней необычных событий.

Исполком Общенационального конгресса чеченского народа сразу же 19 августа издал постановление, в котором резко осуждало действия ГКЧП, квалифицированные как государственный переворот, и призвал в своих действиях руководствоваться Указом № 6 президента России. Официальный же лидер ЧИР, Д. Г. Завгаев, проявляя осторожность, лишь 21 августа осудил «путчистов». Проведенное позже расследование не подтвердило его участия в поддержке «путча»¹⁹; есть основания считать, что были другие причины неприятия российскими лидерами этой политической фигуры²⁰. Активисты ОКЧН сумели мобилизовать 19–20 августа митинговую стихию, перенаправили ее активность с ГКЧП на Завгаева и возглавляемый им Верховный Совет. В Москве многие симпатизировали советскому генералу Дудаеву; его восхождение к власти воспринималось как победа демократии, сместившей прежний «партократический клан»²¹.

Так или иначе, чеченская оппозиция сразу же приступила к формированию национальной гвардии, захвату хранящегося на складах оружия и боевой техники. 1 сентября 1991 г. Исполком ОКЧН постановил распустить ВС ЧИР, преемником которого должен был стать Временный высший совет (ВВС). 4 сентября отряды «гвардейцев» взяли под контроль республиканское телевидение и административные здания исполнительной власти, включая здание Совета Министров. А 6 сентября сторонники Дудаева ворвались в здание ВС ЧИР, где происходило заседание, и взяли его штурмом. Депутаты, оказавшие сопротивление, были избиты, а председатель горсовета Грозного В. Куценко погиб²². С. А. Филатов располагал сведениями о том, что его выбросили в окно, а 20 человек попали в реанимационное отделение местной больницы. «В ходе расследования было установлено, что в нападении на Верховный Совет участвовало большое количество московских чеченцев». Фактически именно тогда был низложен ВС ЧИР, и не случайно именно 6 сентября 1991 г. — «день

низложения тоталитарного режима и перехода на путь демократически-правовых структур» — отмечается в Чечне как День независимости. Филатов приводит также текст телеграммы, направленной Р. И. Хасбулатовым на следующий день после «кровавого побоища» в Грозном: «Дорогие земляки! С удовольствием узнал об отставке Председателя ВС республики. Возникла, наконец, благоприятная политическая ситуация, когда демократические процессы, происходящие в республике, освобождаются от явных и тайных пут»²³.

Своим постановлением от 17 сентября Исполком ОКЧН взял на себя функции главной политической инстанции в ЧИР, заявив о намерении «организовать взаимодействие с правоохранительными органами и другими исполнительными структурами власти в целях обеспечения безопасности, защиты прав и свобод населения до перехода республики к президентской власти»²⁴. Новые институты предполагалось создать в сжатые сроки: на 12 октября планировалось принятие гражданства, на 19-е — выборы президента, а на 27 октября 1991 г. — выборы парламента республики. Осуждалась проводившаяся ранее политика «геноцида» и «колониального гнета» чеченского народа со стороны «имперских сил», и для наблюдения за ходом выборов приглашались представители лишь тех союзных республик, которые однозначно взяли курс на выход из СССР²⁵. Думается, правомерен вывод о том, что в конце августа — первой половине сентября 1991 г. в Чечено-Ингушской республике произошел военный переворот националистических радикальных сил, направленный не столько против прежней партийно-советской номенклатуры, сколько на выход автономии из России. Сразу оговоримся, что полностью переворот, получивший впоследствии название «националистической революции», был завершен позднее, к концу 1991 г., однако его необратимость уже в сентябре была во многом обусловлена реакцией московских политиков на события в республике.

26 августа в Грозный прибыли председатель Комитета ВС РСФСР по вопросам законности, правопорядка и борьбы с преступностью А. А. Аслаханов и заместитель председателя Совета Министров РСФСР И. И. Гребешева. На экстренном заседании Президиума ВС ЧИР эти представители российского руководства предупредили Д. Г. Завгаева о недопустимости применения силы для разрешения политического кризиса²⁶. Грозненские события 6–7 сентября вызвали озабоченность в столице России. 10 сентября президент РСФСР издает распоряжение «О направлении делегации РСФСР в Чечено-Ингушскую Республику». В Грозный 11 сентября прибыла делегация во главе с секретарем РСФСР Г. Э. Бурбулисом и министром печати и инфор-

мации М. Н. Полтораниным для согласования комплекса мер по стабилизации обстановки. Однако их миссия закончилась безрезультатно, и достичь компромисса между Исполкомом ОКЧН и ВС ЧИ не удалось. Вслед за ними 14 сентября в Грозный срочно приехал исполнявший обязанности председателя ВС РСФСР Р. И. Хасбулатов, с тем чтобы направить в «нужное русло» ход чеченской «революции». 15 сентября была собрана и прошла фактически под его руководством последняя сессия ВС ЧИР. Здание, где проходила сессия, было окружено «гвардейцами» ОКЧН. В этих условиях сессия приняла решение об отставке Завгаева²⁷ и о самороспуске высшего законодательного органа республики. Любопытно, что за этот ВС ЧИР не держались ни московские власти, ни сторонники ОКЧН. В итоге полномочия ВС до выборов нового парламента были переданы временному органу власти — Временному высшему совету ЧИР (ВВС ЧИР), легитимность которого была спорной. Политические противники поспешили обвинить Хасбулатова в том, что он вмешался в конфликт по причинам личного характера, поскольку в ВВС были представлены его родственники и люди из ближайшего окружения²⁸. Исполком ОКЧН, согласившись на создание ВВС, оставил за собой право «приглядывать» за ним²⁹. И когда между ними обозначились серьезные противоречия, Исполком ОКЧН распустил ВВС ЧИР и принял на себя функции «революционного комитета на переходный период со всей полнотой власти» (это произошло 6 октября). Можно согласиться с выводом «Комиссии Говорухина» о том, что к началу октября «Дудаев, в полной мере использовав помощь федеральной власти, выполнил свои задачи по захвату власти»³⁰.

В этих условиях в ночь с 5 на 6 октября в Грозный прибыла российская делегация во главе с вице-президентом А. В. Руцким, которого сопровождали министр внутренних дел РСФСР А. Ф. Дунаев и уже упоминавшийся А. А. Аслаханов. Для Руцкого поездка в республику была первым крупным самостоятельным поручением президента Идя на переговоры с Дудаевым, Руцкой питал надежду на то, что «два летчика, два генерала между собой договорятся». И действительно, вначале казалось, что им удалось добиться взаимопонимания: оба говорили о соблюдении законов, настаивали на проведении выборов. Однако вскоре выяснилось, что законность они трактовали по-разному. По точному замечанию Р. Г. Пихои, Руцкой находился «в эйфории правотворчества» недавних августовских дней 1991 г., когда законом становилась политическая воля, одобренная ВС РСФСР и облеченная в форму президентских указов. Дудаев же ассоциировал законность с действиями Народного фронта Эстонии³¹, когда общесоюзные зако

ны не признавались «независимым» государством. Он стремился опереться прежде всего на массовую поддержку чеченского народа, считая именно ее условием легитимации своих действий³².

В ходе поездки на Северный Кавказ российский вице-президент встречался с лидерами ингушских организаций, настаивавшими на образовании Ингушской республики в составе России. Чеченское руководство негативно оценило эти контакты. После отъезда Руцкого обстановка в Грозном стала меняться к худшему, чему в определенной степени способствовал и сам вице-президент.

8 октября Руцкой выступил в ВС РСФСР с докладом о создавшемся в ЧИР положении, оценив его как крайне опасное, а Дудаева назвал бандитом. Исследователи Н. Гульбинский и М. Шакина, ссылаясь на «чеченских лидеров», утверждали, что метаморфоза, произошедшая с вице-президентом после поездки в Грозный, а именно — выражение открытой враждебности в адрес Чечни, явилась одной из основных причин резкого ухудшения отношений между Москвой и Грозным³³. По докладу в тот же день было принято Постановление Президиума ВС России «О положении в Чечено-Ингушской республике». В этом документе ВВС ЧИР был назван единственной законной властью на территории ЧИР, а «незаконным вооруженным формированием» предписывалось к 10 октября 1991 г. сдать оружие³⁴. Постановление было подписано Хасбулатовым, которого в Грозном рассматривали как представителя одной из участвующих в конфликте сторон. 10 октября Руцкой в письме на имя Дудаева призвал подчиниться постановлению ВС России: до избрания нового парламента передать всю власть ВВС и разоружиться.

Исполком ОКЧН воспринял решения российского руководства, выглядевшее как ультиматум, буквально в штыки³⁵, что привело к новому обострению ситуации в Северо-Кавказском регионе. В Чечне была объявлена мобилизация всех лиц мужского пола от 15 до 55 лет, а национальная гвардия была приведена в боевую готовность. (К 1 ноября 1991 г. в ней насчитывалось 62 тыс. чел., а в народном ополчении — более 90 тыс. чел.³⁶.)

Мы согласны с теми авторами, которые считают, что принятое 8 октября постановление «содержало серию грубейших политических ошибок», а именно: признание единственной законной властью в ЧИР ВВС, сформированного нелегитимным образом; непонимание того, что в глазах чеченцев более легитимным выглядел ОКЧН — реальная, пользовавшаяся поддержкой сила; попытки прямого силового давления, которые неприемлемы в общении с народами Кавказа (тем более что события происходили в «позднеперестроечное» время, на волне

недавно разбуженного национализма); абсурдные сроки реализации требования о сдаче оружия (само по себе это выглядело оскорбительным для чеченцев) — менее одного дня; отсутствие в упомянутом постановлении ВС РСФСР «механизмов реализации»³⁷.

Между тем российский президент осенью 1991 г. оказался в положении союзного руководителя «образца» 1987–1990 гг.: на глазах у всех националистические радикальные силы, говоря мягко, вышли далеко за пределы общегосударственного правового поля и уверенно формировали клерикальный³⁸ этнократический режим. Б. Н. Ельцин, как и М. С. Горбачев, должен был «определяться»: либо согласие (молчаливое или публичное) на дальнейшую дезинтеграцию остатков страны, либо принятие срочных и действенных мер для сохранения России. Выбор последних был осложнен недостатком положительного опыта решения подобных проблем на «союзном» уровне, а также отсутствием собственной *позитивной* программы у российского руководства. Выявление комплекса сложных противоречий в сфере федеративного строительства и межнациональных отношений в 1990–1991 гг. не сопровождалось предложением приемлемых (или, по крайней мере, активно не отторгаемых) альтернатив. На наш взгляд, противоречивость восприятия чеченской темы российской элитой осенью 1991 г. удачно обрисована О. М. Попцовым³⁹.

Судя по всему, Б. Н. Ельцин разделял решительные настроения А. В. Руцкого относительно необходимости принятия чрезвычайных мер в отношении ЧИР. 19 октября 1991 г. он подписал весьма жесткое по тону «Обращение к лидерам Исполкома Общенационального конгресса чеченского народа», где потребовал прекратить противоправные действия и безоговорочно подчиниться закону, освободить захваченные здания, сдать оружие, распустить незаконно созданные вооруженные формирования. Президент предупредил, что в случае невыполнения его требований примет все предусмотренные законодательством РСФСР меры «в интересах нормализации обстановки, обеспечения безопасности населения и защиты конституционного строя»⁴⁰. 20 октября был сделан шаг, говоривший о том, что президент России не исключает силового решения проблемы: он издал Указ № 146 о передаче внутренних войск Министерства внутренних дел СССР, дислоцирующихся на территории РСФСР, под юрисдикцию России⁴¹. 24 октября ВС РСФСР принял постановление, в котором выборы в Чечне объявлялись незаконными и заранее отказывался признать их итоги. 27 октября Ельцин своим указом назначил А. Б. Арсанова представителем президента РСФСР в республике. Тем самым была предпринята одна из первых попыток сыграть на

возрождающихся родовых отношениях чеченцев: род Арсанова действительно пользовался в Чечне уважением, однако сам Арсанов (народный депутат РСФСР, член фракций «Коммунисты России», «Суверенитет и равенство») не был в числе самых популярных в республике политиков. Поэтому попытка Ельцина использовать Арсанова оказалась не только неудачной, но и поставила его в неопределенное и даже несколько смешное положение: новый назначенец должен был конкурировать с признанными лидерами «чеченского возрождения» без очевидных шансов на успех⁴².

Как отмечали Э. А. Паин и А. А. Попов, «восставший народ» Чечни в лице ОКЧН пренебрег писаными и неписаными законами и договоренностями и «максимально спешно» (почти на месяц ранее согласованного срока) провел выборы парламента и президента «по улобной для себя схеме», используя сложившуюся ситуацию: почти две недели, предшествовавшие выборам, республика фактически находилась на военном положении⁴³. В выборах 27 октября участвовали не все избиратели: ингуши и часть русскоязычного населения были от них отстранены. Голосование прошло менее чем в половине районов республики. Дудаев получил подавляющее большинство голосов участвовавших и стал первым чеченским президентом. Избранный парламент оказался практически мононациональным⁴⁴. Результаты выборов не признали не только российские власти, но и еще сохранявшийся и считавший себя высшей властью республики ВВС ЧИР⁴⁵. Тем не менее 1 ноября вновь избранный президент объявил о независимости Чеченской Республики.

С начала ноября 1991 г. начался особенно драматичный период российской политики в Чечне, который надолго усугубил ранее сделанные ошибки. 4 ноября А. В. Руцкой издал распоряжение о создании Оперативного штаба по кризисной ситуации в ЧИР, который должен был подготовить проект указа о введении в республике чрезвычайного положения⁴⁶. Вечером 6 ноября в Москве на имя Б. Н. Ельцина и А. В. Руцкого была получена шифрограмма от представителя президента РСФСР в ЧИР А. Б. Арсанова следующего содержания: «В связи с чрезвычайно сложной и накаленной обстановкой в городе Грозном и в целом в республике и продолжающимися попытками боевиков ОКЧН захватить жизненно важные объекты и эскалацией вооруженного террора просим вас немедленно принять меры по охране объектов, а также населения и восстановлению конституционного строя... настаиваю принять предусмотренные для подобных ситуаций меры не позднее нуля (00) часов восьмого ноября сего года»⁴⁷. Впоследствии сам Арсанов отвергал факт отправки

этой шифрограммы, в его авторстве сомневались и некоторые исследователи⁴⁸. Так или иначе, но шифрограмма пришла «вовремя» и стала хорошим предлогом для применения давно предлагаемых чрезвычайных мер: вняв настойчивым просьбам вице-президента, российский президент распорядился готовить соответствующий указ. Указ готовился келейно, узкой группой лиц. На различных стадиях в его разработке участвовали: А. В. Руцкой, С. М. Шахрай, Р. И. Хасбулатов, В. Г. Степанков, Н. В. Федоров, В. П. Баранников, А. Ф. Дунаев⁴⁹. Текст был подписан Ельциным 7 ноября. Согласно Указу № 178, в ЧИР с 9 ноября по 9 декабря 1991 г. вводилось *чрезвычайное положение*. В качестве формы управления учреждалась Временная администрация, главой которой назначался Арсанов; ее приказы и постановления подлежали исполнению всеми государственными и общественными организациями. Помимо мер, предусмотренных Законом «О чрезвычайном положении», предполагалось привлечь «дополнительные силы и средства органов МВД и КГБ в зону чрезвычайного положения»⁵⁰. 7 ноября на совещании у Руцкого обсуждались меры по воплощению указа в жизнь. Был разработан план, согласно которому в операции против Дудаева должны были участвовать более 1,5 тыс. чел.⁵¹.

В литературе ставится вопрос о допустимости применения силы в отношении Чечни осенью 1991 г. и о причинах неудач предпринятых попыток. По мнению Э. А. Паина и А. А. Попова, в сентябре—начале октября 1991 г. была возможна операция по разоружению сторонников Дудаева, которая не потребовала бы тогда введения в ЧИР дополнительных объединений. В этот период на территории республики действовали еще подчинявшиеся центральной власти органы прокуратуры, милиции, госбезопасности, а в Грозном были расквартированы воинские части. Им противостояли дудаевцы, располагавшие лишь стрелковым оружием. Тогда еще Дудаев не успел вырасти в национального героя, а большая часть жителей выступала против выхода Чечни из России. Однако для российских властей на первом плане все же была борьба против остатков союзных структур. Кроме того, в Москве недоучли стремления Дудаева проводить собственную политическую игру и не просчитали, насколько далеко он готов зайти в возникшем противостоянии. По Паину и Попову, в атмосфере «августовской эйфории» решиться на проведение «полицейской акции» против сторонников Дудаева российское руководство могло лишь при поддержке со стороны демократической общественности, которая была весьма сомнительна⁵². Последнюю причину выделяют и другие авторы, обращая внимание на то, что против силового разрешения конфликта резко выступили представители «Демроссии». В частно-

сти, в решениях ее II съезда (9–10 ноября 1991 г.) указывалось, что реакция руководства РСФСР на события оказалась «неадекватной сложившейся ситуации»⁵³. Отмечают, что против введения чрезвычайного положения в ЧИР выступила Г. В. Старовойтова, являвшаяся советником Б. Н. Ельцина по межнациональным отношениям и якобы отговорившая его в последний момент от этого шага⁵⁴.

На наш взгляд, причины окончательного «затягивания» «чеченского узла» в ноябре 1991 г. намного прозаичнее. Осознав, что ситуация зашла слишком далеко, российский президент все же решился на применение силы⁵⁵. Однако операция была провалена прежде всего технически. 8 ноября, когда она началась, техника приземлилась в аэропорту Моздока, а люди — в Беслане (оба пункта — в Северной Осетии). Дороги, по которым войска из Северной Осетии должны были двигаться в ЧИР, были перекрыты. Аэропорт Ханкала в окрестностях Грозного был блокирован несколькими тысячами хорошо вооруженных людей, а взлетные полосы перегорожены тяжелогруженными автомобилями. Прибывшие ранее спецназовцы оказались заблокированы в здании МВД республики. Все это явилось результатом начатой дудаевцами еще до введения ЧП работы: заранее за всеми военными городками была организована система наблюдения, боевики национальной гвардии отслеживали все передвижения войск, включая отдельные машины. Велась разведка системы охраны и обороны военных городков, их емкости, количества личного состава, наличия оружия, боевой и другой техники. В самой Чечне был организован выпуск стрелкового оружия. После захвата еще 4 октября 1991 г. здания КГБ республики дудаевцы получили доступ к информации, затруднявшей использование против них этой организации⁵⁶.

И, тем не менее, главные причины неудачи попытки вооруженного вмешательства, видимо, находились в политической сфере. Ельцин в тот период еще не имел возможности в полной мере опереться на российские силовые структуры, которые находились в стадии формирования и подчинялись союзному президенту. М. С. Горбачев же был категорически против применения войск и давал на этот счет недвусмысленные указания союзным «силовикам» — В. П. Баранникову, Е. И. Шапошникову и В. В. Бакатину — не делать этого. Попытки Ельцина, Руцкого, Хасбулатова уговорить Горбачева успеха не имели⁵⁷. В итоге исполнение указа Ельцина о введении в Чечне чрезвычайного положения было фактически заблокировано⁵⁸. В 2000 г. С. А. Филатов писал: «Думаю, если бы Горбачев не сделал этого шага, события в Чечне в дальнейшем развивались бы по-другому, менее драматичному сценарию, ибо каждое нарушение закона должно быть наказуе-

мо»⁵⁹. Бывший вице-спикер отмечает решимость вице-президента «разобраться» с мятежной республикой: «В тот момент он был беспощаден, предлагая окружить непокорную республику кольцом армейских подразделений и начать тотальную бомбежку ее территории»⁶⁰.

Между тем в самой Чечне известие о намерении Ельцина ввести в республике чрезвычайное положение привело к сплочению сил оппозиции вокруг Дудаева. Прекратил свое существование ВВС ЧИР. Распространялся слух о якобы вновь готовящейся депортации чеченцев, что заставило чеченское общество консолидироваться. Чеченский парламент не только осудил указ, но и потребовал от президента РСФСР в течение 24 часов вывести с территории республики все вооруженные формирования. Шли массовые акции протеста, были блокированы здания МВД, полк внутренних войск, дислоцированный в Грозном; личному составу МВД было выдвинуто требование принять присягу на верность Дудаеву. 9–10 ноября от руководства исполкома ОКЧН прозвучали угрозы осуществить террористические акты на территории России и превратить Москву в «зону бедствия». О серьезности чеченских деклараций свидетельствовал захват самолета, который следовал по маршруту Минеральные Воды — Свердловск⁶¹.

В этих условиях 11 ноября на заседании ВС РСФСР произошло бурное обсуждение вопроса о конституционности указа Ельцина о введении ЧП в Чечне. Среди активно выступавших в его поддержку были Хасбулатов и Шахрай. Руцкой требовал найти и наказать виновных в неверном исполнении его плана, однако собственные действия вице-президента подверглись резкому осуждению, ему даже предлагали подать в отставку. И хотя в принятом по этому поводу Постановлении ВС содержались «извинительные» для президента и Президиума ВС формулировки, парламент отказался утвердить Указ № 178, обязал урегулировать конфликт *политическими* средствами путем переговоров с основными политическими группами, не делая исключения для исполкома ОКЧН. Как выражение недоверия президенту звучал пункт о том, что состав «представительной делегации» на переговорах и ее полномочия будет утверждать ВС РСФСР⁶². Любопытно, что в пользу отмены указа — по разным причинам — выступили представители самых разных фракций.

Произошедшее на сессии 11 ноября 1991 г. было, по сути, первым серьезным конфликтом между президентом и парламентом после августа 1991 г. 12 ноября 1991 г. последовало заявление пресс-секретаря президента РСФСР П. И. Вошанова, из которого следовало, что Ельцин выразил согласие с решением парламента об отмене ЧП в Чечне. Пресс-секретарь подтвердил намерение Ельцина следовать ре-

шениям чрезвычайной сессии ВС. При этом Воцанов особо подчеркнул, что «некоторые силы», заинтересованные в дестабилизации обстановки, в срыве российских реформ могут попытаться представить факт отмены указа как свидетельство наличия конфликта между парламентом и президентом. Но, по свидетельству Воцанова, конфликта не было и «быть не может»⁶³.

Некоторые исследователи полагают, что указ о введении ЧП не был реализован, поскольку в начале ноября 1991 г. это могло уже привести к большому кровопролитию⁶⁴. Другие считают, что это могло уничтожить основания для интеграционных процессов «в стремительно разваливавшемся Советском Союзе»⁶⁵. Полагаю, что можно дать и иную трактовку событий. То, что возможное столкновение будет сопряжено со значительной кровью, вытекало, например, из аналитических материалов военных, находившихся в Чечне⁶⁶. Тем не менее Указ № 178 все же был «запущен». Недостаточная политическая и военно-техническая подготовка помешали его быстрому осуществлению. «Продавливать» ситуацию дальше также не было возможности: во-первых, силовые ведомства СССР еще не были «делены», а полноценные российские еще не были созданы. Во-вторых, у верхушки исполнительной власти РСФСР не было уверенности в безоговорочной поддержке парламентом того курса, который проводила российская делегация в ходе шедшего к своему логическому завершению «новоогаревского процесса», поэтому конфликтовать с парламентариями на том этапе по поводу Чечни было «неперспективно». В лояльности депутатов исполнительная власть была заинтересована и на этапе запуска экономических преобразований⁶⁷. В-третьих, болезненность первых шагов грядущей радикальной реформы в экономике, которая была очевидна для специалистов, но не афишировалась для широкой публики, также не оставляла желания сразу же создавать дополнительный очаг напряженности. Проблема Чечни откладывалась на неопределенное время, притом с дополнительным грузом накапливающихся здесь проблем.

С конца 1991 г. резко ухудшилась и имела тенденцию к дальнейшему ухудшению криминогенная обстановка. Весьма некомфортно чувствовало себя **русскоязычное население**. Тенденция выезда русских из республики дала о себе знать еще ранее: с 1979 по 1989 г. Чечню покинули около 20 тыс. русскоязычных, а с июня 1990 по июнь 1991 г. — еще столько же. И хотя позднее точных подсчетов не велось, по оценкам специалистов, с лета 1991 до февраля 1992 г. из республики выехало еще около 50 тыс. русских. Бывший вице-спикер российского парламента С. А. Филатов вспоминал, что власти в

Москве знали о насилиях над русскими, но тем не менее ничего не предпринимали⁶⁸. Осенью 1991 г. были случаи, когда выезжающих останавливали на заставах при выезде из республики, их имущество подвергалось грабежу как «нажитое в Чечне» и принадлежащее чеченскому народу. В связи со всеми этими событиями казачье население республики выступило за создание Терской казачьей автономной области в составе РСФСР, заявив о готовности добиваться своих целей и силой оружия⁶⁹.

В то же время продолжалась *милитаризация* чеченского властного режима. Указом от 9 декабря 1991 г. Дудаев подчинил себе все вооруженные формирования на территории республики. Характерен пункт второй указа, где предписывалось создать штаб вооруженных сил «для управления частями и подразделениями *регулярной* (выделено мной. — А. Б.) армии и частями народного ополчения». Указ обязывал разработать устав, структуру и штатное расписание национальной гвардии⁷⁰. В ноябре — декабре 1991 г. продолжался «ползучий» захват имущества и вооружений расположенных на территории Чечни частей Советской Армии. Указом от 19 декабря 1991 г. Дудаев возрождал «утраченное в условиях тоталитарной системы право граждан Чеченской республики на приобретение и хранение огнестрельного оружия», что обуславливалось «состоянием социально-политической обстановки в республике»⁷¹. При этом Дудаев не принял 3 декабря независимых экспертов, направленных в Грозный Верховным Советом РСФСР для подготовки материалов для переговоров. 19 декабря 1991 г. зампреда ВС РСФСР Ю. Ф. Яров обратился к Дудаеву с просьбой прислать свою экспертную группу в Москву. Тон письма свидетельствовал, что Москва смирилась с лидерством генерала в республике. Однако письмо было оставлено без ответа, а переговоры начались лишь в марте 1992 г. А 28 декабря 1991 г. чеченский парламент принял постановление, согласно которому считались утраченными полномочия депутатов СССР от бывшей ЧИАССР; отзывались народные депутаты РСФСР от ЧИАССР и признавались недействительными их полномочия⁷². В числе «отозванных» оказался и спикер российского парламента Р. И. Хасбулатов.

В октябре—декабре 1991 г. процесс «совершенствования» *федеративных отношений* разворачивался и на других направлениях. Продолжалось начавшееся ранее избрание президентов республик в составе России, однако теперь не «явочным порядком», а на основе согласительных постановлений ВС РСФСР. Так были избраны президенты Марийской ССР, Чувашской ССР (оба — 8 декабря 1991 г.), Мордовской ССР (14 декабря 1991 г.), Якутской-Саха ССР (20 декабря

1991 г.). В соответствии с рекомендацией ВС России выборы в Кабардино-Балкарии были перенесены на более поздний срок⁷³. 22 декабря 1991 г. были проведены выборы в новых субъектах федерации, созданных на базе повысивших статус национальных областей: в Адыгее, Горно-Алтайской, Карачаево-Черкесской и Хакасской республиках. В принципе, все это были «инерционные шаги» по укреплению провозглашенных ранее суверенитетов, но теперь они носили более упорядоченный характер.

Несколько особняком на общем фоне стоял Татарстан. Выборы президента здесь состоялись еще 12 июня 1991 г., одновременно с общероссийскими. За избранного на этот пост М. Ш. Шаймиева проголосовали 70% принявших участие в голосовании, в то время как за Ельцина в республике проголосовали лишь 45%. При этом президент Татарстана изначально имел статус «главы республики», тогда как российский — лишь статус «высшего должностного лица, главы исполнительной власти». В сентябре 1991 г. в Казани проходили волнения и митинги с требованиями независимости Татарстана; 24 октября ВС этой республики принял постановление «Об акте государственной независимости Республики Татарстан». В соответствии с логикой политического поведения руководства региона в 1990–1991 гг., 26 декабря 1991 г. ВС Татарстана принял декларацию о вхождении в СНГ на правах соучредителя. В те месяцы получило определенное распространение высказывание Шаймиева: «Нет президентов больших и малых, есть президенты равные»⁷⁴.

В октябре 1991 г. ВС РСФСР занялся давно назревшей, но остававшейся без решения проблемой — о взаимоотношениях федеральных органов государственной власти с органами власти республик в составе России и о мерах влияния Федерации на ее субъекты. Постановление от 11 октября было призвано сбалансировать взаимные права в вопросах организации исполнительной власти. Это постановление было первым крупным правовым ударом по почти не ограничиваемой ранее «самостийности» бывших российских автономий. В постановлении указывалось, что глава исполнительной власти (президент) республики в составе РСФСР «входит в единую систему исполнительной власти, возглавляемую Президентом РСФСР»; что «компетенция главы исполнительной власти (президента) республики в составе РСФСР устанавливается республикой самостоятельно в рамках полномочий, закрепленных в Конституции РСФСР», исходя из того, что «глава исполнительной власти (президент) республики в составе РСФСР является высшим должностным лицом (но не главой государства. — А. Б.) республики». Взаимоотношения федерального и республиканских

Советов Министров также определяются отныне российской Конституцией и федеральными законами, а также «актами республик в составе РСФСР, не противоречащими» законодательству РСФСР (выделено мной. — А. Б.). Президент России получал право приостанавливать действие актов главы республиканской исполнительной власти в том случае, если они противоречили Конституции и законам РСФСР. И последний — самый короткий пункт постановления — обязывал все принятые ранее акты о полномочиях глав исполнительной власти (президентов) и порядке их избрания привести в соответствие с данным постановлением. О «государственных суверенитетах» «самоопределившихся республик» в постановлении уже нет ни слова, а сам термин «суверенитет» упомянут лишь один раз, но уже в новом контексте говорилось о том, что глава исполнительной власти республики «защищает суверенитет, экономические и политические интересы РСФСР и республики в составе РСФСР»⁷⁵.

Укреплению Федерации было призвано способствовать и создание единой системы органов надзора над законностью. Согласно Постановлению ВС РСФСР от 15 ноября 1991 г., на территории республики создавалась единая система органов прокуратуры, подчиненная Генеральному прокурору РСФСР. В эту систему были включены: Прокуратура РСФСР, прокуратуры республик в составе РСФСР, прокуратуры краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, автономных областей, автономных округов, городов, районов, иные территориальные прокуратуры⁷⁶.

По сути новая линия в федеративном строительстве разъяснялась ведущими российскими политиками. В интервью газете «Известия Татарстана» Р. И. Хасбулатов сделал это в достаточно резкой форме. Здесь он прямо сказал, что лозунг «Берите столько свободы, сколько проглотите» был ошибочным, напомнив, что это признал и сам Ельцин на Съезде народных депутатов. Ранее спикер сетовал на то, что в российском парламенте «усиливаются шовинистические тенденции»; теперь он говорил, что эти тенденции — прямое следствие действий бывших автономных республик. Хасбулатов осудил введение поста президента в Татарии («Вот зачем Татарстану понадобился президент?»), отметив, что он — лишь глава исполнительной власти, подчиненный непосредственно президенту России, который может «уволить» нижестоящего чиновника». «Ваша Конституция, — продолжал рассуждать Хасбулатов, — соответствует ли она российской? Ваши законы абсолютно недействительны. Я их завтра могу отменить одним махом. Как и законы всех других республик. А почему бы и нет, если они расходятся с законами Российской Федера-

ции? На то они и автономии. Суверенитет? Да, но только это части одного единого государства, а не отдельные, вне зависимости, государства. У вас в Татарстане этого отрезвления как раз и нет. Нет понимания того, что вы несамостоятельны и быть ими не можете»⁷⁷.

Осенью—зимой 1991 г. в российском руководстве имелось два подхода к проблеме разграничения полномочий (предметов ведения) между государственными органами всей РСФСР и республик, в нее входящих. Один подход был отражен в проекте Конституции Российской Федерации, который по решению Конституционной комиссии был представлен ее председателем (Б. Н. Ельциным) V Съезду народных депутатов РСФСР 2 ноября 1991 г. Другой подход развивался в проектах Федеративного договора и документах Совета национальностей ВС РСФСР.

6 декабря 1991 г. президентом РСФСР и председателем ее ВС было подписано Распоряжение о создании рабочей группы по подготовке предложений «о разграничении». В группу вошли представители как Конституционной комиссии, так и Совета национальностей. На обсуждение группе О. Г. Румянцевым (ответственный секретарь Конституционной комиссии) был предложен проект документа под названием «Договор о согласованных предложениях по разделению компетенции между РСФСР и республиками в составе РСФСР», который должен был заменить обсуждавшийся ранее Федеративный договор. Из нового документа была убрана вся «суверенизаторская» риторика и сделан упор на единство федеративного государства, функционирование которого должно было происходить на основе общей конституции, вносящей значительную упорядоченность во взаимоотношения федеральных органов власти и органов власти республик⁷⁸. В противовес договорной предлагалась конституционная федерация. Представленный Румянцевым документ (о согласованных предложениях, а по сути, о принципах) устройства федерации предполагалось принять в качестве федерального закона с последующим внесением на его основе изменений в действующую Конституцию.

Представители Совета Национальностей ВС РСФСР, более связанные с «суверенными республиками», полагали, что такой «конституционный» вариант оформления федеративных отношений неприемлем, поскольку «в концептуальном определении характера и договорного оформления» не учитывается «уровень политико-правовой проработки данной проблемы, достигнутый в Постановлении Верховного Совета РСФСР «Об основных началах национально-государственного устройства РСФСР (о Федеративном Договоре)» от 16 мая 1991 г.⁷⁹. То есть речь шла о сохранении «доавгустовского»

понимания уровня «суверенности» субъектов Федерации главным образом бывшими автономными республиками, который в новых исторических условиях уже не устраивал высшую российскую власть. Представители Совета Национальностей в декабре 1991 г. настаивали на обязательном заключении либо Федеративного договора, либо Соглашения, но не Закона о разграничении полномочий, причем предлагали сделать это на базе варианта проекта от 11 июня 1991 г. В качестве основы компромисса для принятия именно такого подхода «субъекты федерации» (прежде всего, представители республик) были готовы поддержать одну из центральных идей «президентской команды» того периода — отложить «выборы руководителей органов исполнительной власти в автономных образованиях, краях и областях» на «период стабилизации социально-политической и экономической ситуации, до заключения Федеративного договора и принятия новой Конституции», т.е. фактически на неопределенный срок.

Борьба между этими двумя подходами к федеративному устройству России в 1991 г. не закончилась и продолжалась в последующие годы

Примечания

¹ Россия и Чечня (1990–1997 годы). Документы свидетельствуют. М. 1997. С. 7–10.

² Косвенное упоминание об СССР содержится лишь в статье 17, где речь идет об условиях (весьма жестких), на которых республика подписывает новый Союзный договор.

³ Республика тогда еще не имела своей конституции, т.е. это была статья «на вырост».

⁴ Назывались: Пригородный район и часть территории Малгобекского района в пределах их бывших границ, а также правобережная часть г. Орджоникидзе. С решением территориального вопроса связывалось восстановление собственной национальной государственности ингушей (ст. 17).

⁵ Это — Шелковской, Наурусский и Каргалинский районы (см.: *Печенев В. А. Чеченский пролог*//Вечерняя Москва. 1999. 11 ноября).

⁶ Избранный в ноябре 1990 г. председателем Исполкома ЧНС, Дудаев продолжил службу в армии. В марте 1991 г. он вышел в отставку и реально возглавил работу Исполкома. До него Исполкомом фактически руководил его первый заместитель, принадлежавший к более умеренному крылу, депутат ВС ЧИР Л. Умхаев (см.: Россия и Чечня. С. 6).

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Второй (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР, 27 ноября — 15 декабря 1990 г.: Стеногр. отчет: В 6 т. М., 1992. Т. 2. С. 323–324; Т. 4. С. 19–23.

⁹ Там же. Т. 3. С. 77–79.

¹⁰ См. об этом: *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Федерализм в истории России. М., 1993. Кн. 3. Ч. I. С. 125, 167.

¹¹ Третий (внеочередной) Съезд народных депутатов РСФСР, 28 марта — 5 апреля 1991 г.: Стеногр. отчет: В 5 т. М., 1992. Т. 1. С. 134, 136.

¹² Россия—Чечня: цепь ошибок и преступлений. М., 1998. С.95.

¹³ Председатель Конгресса русских общин Д. О. Рогозин писал, что еще в 1990 г. победа Ельцина на выборах Председателя Верховного Совета РСФСР была обеспечена именно голосами депутатов от Чечено-Ингушетии, которым было обещано быстро принять Закон о реабилитации репрессированных народов (см. предисловие к кн.: *Кольев А. А.* Чеченский капкан. М., 1997. С. 8).

¹⁴ См.: *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Указ. соч. С. 169, 172.

¹⁵ Россия—Чечня... С. 93.

¹⁶ Там же. С. 186.

¹⁷ *Паин Э. А., Попов А. А.* Чеченская политика России с 1991 по 1994 г.// *Мировая экономика и международные отношения.* 1995. № 5. С. 19.

¹⁸ *Чешко С. В.* Распад Советского Союза. 2-е изд. М., 2000. С. 9.

¹⁹ Комиссия Говорухина. С. 17.

²⁰ Завгаев был одним из участников «новоогаревского процесса», в ходе которого он больше ориентировался на горбачевскую позицию по поводу того, в какой форме бывшие автономии должны подписывать новый Союзный договор. Кроме того, Завгаев неодобрительно относился к проекту российского Федеративного договора, считая его слишком обязывающим (см.: *Исаков В. Б.* Расчлененка. М., 1998. С. 9).

²¹ *Попцов О. М.* Хроника времен «царя Бориса». М., 1995. С. 455.

²² Россия—Чечня: цепь ошибок и преступлений. С. 24, 96.

²³ *Филатов С. А.* Совершенно несекретно. М., 2000. С. 168.

²⁴ Россия и Чечня. С. 16.

²⁵ Там же. С. 17.

²⁶ Россия—Чечня... С. 96.

²⁷ По мнению В. А. Печенева, к свержению Завгаева «приложили руку» Г. Э. Бурбулис, Г. В. Старовойтова и Р. М. Хасбулатов (см.: *Печенев В. А.* Существует ли в Российской Федерации национальная и региональная политика? Майкоп, 1995. С. 3).

²⁸ *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти. 1945–1991. М., 1998. С. 695.

²⁹ Россия и Чечня. С. 16.

³⁰ Комиссия Говорухина. С. 19.

³¹ Перед отставкой в марте 1991 г. Д. М. Дудаев длительный период проходил службу на территории Эстонии и имел возможность с «близкого расстояния» наблюдать за процессом выхода республики из СССР (см.: *Кто есть кто в России и ближнем зарубежье?* М., 1993. С. 224–225).

³² *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 612.

³³ Гульбинский Н., Шакина М. Афганистан... Кремль... Лефортово. Эпизоды политической биографии Александра Руцкого. М., 1994. С. 147.

³⁴ Россия и Чечня. С. 19.

³⁵ В Постановлении Президиума ОКЧН от 9 октября российский документ квалифицировался как «провокационное вмешательство во внутренние дела Чеченской республики» и расценивался как «объявление вооруженного противостояния» (Там же. С. 20–21).

³⁶ Там же. С. 25.

³⁷ Гульбинский Н., Шакина М. Указ. соч. С. 147.

³⁸ «Чеченское возрождение» сопровождалось насаждением ислама: в 1989–1991 гг. было построено свыше 200 мечетей (почти в каждом втором селе), открылись исламские университеты в Курчалое и Назрани.

³⁹ Попцов О. М. Указ. соч. С. 455–456

⁴⁰ Россия и Чечня. С. 22–23.

⁴¹ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999). Т. Хроника и аналитика. 3-е изд. М., 2000. С. 139. (Далее — Хроника...)

⁴² Россия—Чечня... С. 99.

⁴³ О многочисленных нарушениях правовых норм в ходе выборов см.: Комиссия Говорухина. С. 19–20.

⁴⁴ Надо заметить, что приводимые в литературе статистические данные об итогах выборов не совпадают. На V Съезде народных депутатов говорилось о том, что из полутора миллионов населения в голосовании приняли участие около 200 тыс. чел.; за Дудаева проголосовало 90% принявших участие в голосовании. Военные источники в ноябре 1991 г. сообщали о том, что в голосовании приняло участие 490 тыс. чел. (77% общенационального числа избирателей), а за Дудаева проголосовало 416 тыс. (85% принявших участие). В «Хронике», «Россия-2000» приводятся официальные данные чеченского Центризбиркома, согласно которым в голосовании приняли участие 72% избирателей, а за Дудаева проголосовали 90%; сами составители «Хроники» утверждают, что голосовало лишь 15% избирателей (см.: Барсенков А. С., Вдовин А. И., Корецкий В. А., Остапенко А. И. Национальные отношения в России в 1992 г. М., 1993. С. 35, 39; Россия и Чечня. С. 25; Хроника. С. 140).

⁴⁵ Россия и Чечня. С. 23.

⁴⁶ Это было сделано на основе Постановления V Съезда народных депутатов РСФСР от 2 ноября. См.: Комиссия Говорухина. С. 21.

⁴⁷ Россия—Чечня... С. 101.

⁴⁸ Там же. С. 101–102.

⁴⁹ Комиссия Говорухина. С. 21; Россия—Чечня... С. 103.

⁵⁰ Россия и Чечня... С. 29–31.

⁵¹ Гульбинский Н., Шакина М. Указ. соч. С. 38–39.

⁵² Паин Э. А., Попов А. А. Указ. соч. С. 20–21.

⁵³ Хроника... С. 143; Лысенко В. Н. Развитие федеративных отношений современной России. М., 1995. С. 176.

⁵⁴ Исаков В. Б. Госпереворот. М., 1995. С. 458.

⁵⁵ Судя по воспоминаниям С. А. Филатова, сомнений на этот счет у российского руководства не было (см.: *Филатов С. А.* Указ. соч. С. 166–175).

⁵⁶ Россия и Чечня. С. 27–28.

⁵⁷ *Черняев А. С.* 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 264.

⁵⁸ Это прямо признавалось в постановлении Президиума ВС РСФСР от 9 ноября 1991 г., где констатировалось, что, с одной стороны, указ президента — это «акт благоразумия», а с другой — что союзные «силовики» «не сумели осуществить свои прямые обязанности» (Россия и Чечня... С. 32).

⁵⁹ *Филатов С. А.* Указ. соч. С. 172.

⁶⁰ Там же. С. 173.

⁶¹ Россия и Чечня. С. 31–32; Россия—Чечня... С. 24–25; *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 613.

⁶² Россия и Чечня. С. 33.

⁶³ Независимая газета. 1991. 13 ноября.

⁶⁴ *Паин Э. А., Попов А. А.* Указ. соч. С. 23.

⁶⁵ *Пихоя Р. Г.* Указ. соч. С. 614.

⁶⁶ Например, доклад начальника 173-го Гвардейского окружного учебного центра (дислоцированного в ЧИР) генерала И. Соколова «Об общественно-политической обстановке в Чечено-Ингушской республике» (см.: Россия и Чечня. С. 24–28).

⁶⁷ Эта взаимная озабоченность нашла отражение, в частности, в факте публикации «Заявления Президента Российской Федерации, Съезда народных депутатов Российской Федерации» от 11 декабря 1991 г., где стороны декларировали свою безусловную приверженность решать спорные вопросы в отношениях между законодательной и исполнительной властью исключительно конституционными методами и способами (см.: Россия и Чечня. С. 35).

⁶⁸ Интервью создателям фильма «Президент всяя Руси»//НТВ. 2001. 1 февраля.

⁶⁹ *Барсенков А. С., Вдовин А. И., Корецкий В. А., Остапенко А. И.* Указ. соч. С. 39; Россия и Чечня. С. 27.

⁷⁰ Там же. С. 34.

⁷¹ Там же. С. 36.

⁷² Там же. С. 34, 36–39.

⁷³ *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Указ. соч. С. 207–208.

⁷⁴ Там же. С. 244; Хроника... С. 138, 139, 152; Российские регионы после выборов. М., 1997. С. 334.

⁷⁵ *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Указ. соч. С. 199–200.

⁷⁶ Там же. С. 206.

⁷⁷ Интервью газете «Известия Татарстана»//Независимая газета. 1991. 27 ноября.

⁷⁸ *Абдулатипов Р. Г., Болтенкова Л. Ф., Яров Ю. Ф.* Указ. соч. С. 228–234.

⁷⁹ Там же. С. 243–249.

Лекция 13

ТЕНДЕНЦИИ ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА ПОСЛЕ АВГУСТА 1991

Московские события августа 1991 г. ускорили радикальные сдвиги в сфере идеологии и партийного строительства. В первую очередь они коснулись изменения места и роли КПСС и коммунистической идеологии в жизни советского общества, повлияли на состояние и позиции других партий и движений.

Можно констатировать, что **антикоммунизм** как одно из влиятельных течений достаточно прочно утвердился в российской политике по крайней мере в 1990 г., однако он не был господствующим и тем более не мог претендовать на роль официальной идеологии — подавляющее большинство населения разделяло идеи «социалистического выбора», хотя и понимало его по-разному. Нарастание кризисных явлений в СССР в первой половине 1991 г., приведшее в итоге к августовскому столкновению между союзным и российским руководством, обозначило коренное изменение соотношения сил в «верхах», ликвидировало фактическое двоецентрие власти, выдвинуло на главные политические роли российских лидеров, группировавшихся вокруг Б. Н. Ельцина. В этой среде доминировали радикально-демократические и антикоммунистические настроения, которые во второй половине 1991 г. стали определять и официальный политико-идеологический курс в государственной политике быстро идущей к полной независимости Российской Федерации.

Избранная 19–21 августа 1991 г. тактика противостояния «путчистам» изначально включала мощную антикоммунистическую компоненту. Уже 19 августа в первом обращении «К гражданам России» президент трактует создание ГКЧК как реакцию на «существенное ограничение бесконтрольных прав неконституционных органов, включая партийные», препятствовавших демократическим процессам, в том числе и заключению нового Союзного договора¹. Это обращение было поддержано московской мэрией². В интервью «Общей газете» 20 августа Б. Н. Ельцин также указал на то, что Союзный договор должен был положить конец всевластию КПСС и военно-промышленного комплекса. При этом президент специально подчеркнул

что «упомянул КПСС не случайно. Не будем закрывать глаза — именно эта партия стала «организующей и вдохновляющей» силой путча». В популярных «Аргументах и фактах» была опубликована шифрограмма, полученная «по телефону от заслуживающего доверия источника», где Секретариат ЦК КПСС 19 августа обращался к ЦК компартий, рескомам, крайкомам и обкомам с призывом к коммунистам содействовать ГКЧП³. Публикация как бы недвусмысленно указывала, кто поддерживал «заговорщиков». Президиум Ленсовета в обращении к гражданам России и населению Ленинграда отмечал, что «к власти рвутся реакционные круги военных и номенклатура КПСС»⁴. «Эхо Москвы» убеждало радиослушателей в том, что государственный переворот совершен «наиболее реакционными представителями КПСС»⁵. На стенах домов воспроизводились надписи типа «Долой КГБ — большевистское гестапо», «ГКЧПКПСС» и т.п.⁶. Публицисты отмечали, что «имперский переворот» попыталась осуществить «красно-черная», «коммуно-фашистская коалиция»⁷. Из всего этого вытекает, что «послепутчевые» акции в отношении КПСС не были спонтанными.

23–24 августа вокруг зданий КПСС и КГБ стали собираться толпы народа. Получили распространение слухи о предстоящих погромах, расправах над коммунистами, которые не казались невероятными⁸. Раздавались опасения повторения «румынского» или «германского» сценария. Эти настроения подогревались крайними антикоммунистическими партиями и группировками, но не только ими. 23 августа сессия Моссовета по предложению Т. Х. Попова приняла решение о «взятии под контроль зданий райкомов КПСС»; был лишен депутатского мандата лидер МГК КПСС Ю. А. Прокофьев. Московский мэр сожалел, что аналогичные решения в отношении других коммунистов не были приняты Верховным Советом РСФСР⁹. Подобные меры были приняты в Ленинграде в отношении Смольного¹⁰. «Зримым, осязаемым, наглядным доказательством перемен» стал демонтаж символов «тоталитарной эпохи» — памятников Ленину, Дзержинскому, Андропову и др., возвращение исторических названий городам, улицам (Санкт-Петербург, Екатеринбург и др.).

Еще 22 августа 1991 г. представители секретариата ЦК КПСС выразили опасения, что в сложившейся обстановке «могут найтись силы, которые попытаются использовать ситуацию и нанести удар по коммунистической партии»¹¹. Тогда же Секретариат принял постановление о действиях «ряда членов КПСС, связанных с попыткой государственного переворота». Отмечалось, что их действия проводились втайне от руководства партии, поставили под угрозу раз-

монополия
против КПСС

витие демократических процессов и нанесли огромный ущерб стране и КПСС. В этой связи Секретариат ЦК постановил: «1. Обратиться в Центральную контрольную комиссию КПСС с предложением незамедлительно рассмотреть вопрос об ответственности перед партией членов КПСС, участвовавших в антиконституционных действиях, принять соответствующее решение. 2. Считать целесообразным на ближайшем пленуме ЦК КПСС рассмотреть вопрос о входящих в ЦК лицах, виновных в этих действиях». Было признано необходимым на пленуме выработать меры по повышению ответственности и роли партии в осуществлении демократических преобразований в стране¹². Однако попыткам спасти партию не было суждено сбыться: как мы уже отмечали, утром 23 августа начался захват зданий ЦК, после чего последовал указ президента РСФСР о приостановлении деятельности КПСС; приостанавливался выпуск ее периодических изданий. Руководству партии даже технически не оставили места для маневра: в столице оказалось невозможным найти помещение для намеченного пленума ЦК. Против его проведения были Горбачев, и Ельцин¹³. Горбачев далее не захотел заниматься делами партии, сложив с себя обязанности генерального секретаря и предложив ЦК самораспуститься, что фактически добивало жестко централизованную КПСС. В указе (от 25 августа) о прекращении деятельности политических партий в вооруженных силах, правоохранительных органах и государственных учреждениях президент СССР перешел на позиции своего оппонента-победителя, фактически повторив указ последнего от 20 июля 1991 г. Однако и здесь Горбачев лишь следовал за событиями: еще 22 августа 1991 г. назначенный председателем КГБ СССР Л. В. Шенбаршин издал приказ о департизации этой организации¹⁴, в тот же день приказ о департизации Военно-Воздушных Сил СССР издал их главком Е. И. Шапошников¹⁵. Бывший генсек и в идеологическом плане «дрейфовал» вправо: 9 сентября на Международной конференции СБСЕ по человеческому измерению он выступал не только «без», но в контрасте с «социалистическим выбором»¹⁶.

В то же время следует отметить, что под флагом «департизации» госаппарата фактически проводилась кампания по его декоммунизации, причем отныне на ключевые должности назначались активисты партии-победителя — «демороссы». Явочным порядком утверждалась новая партийность. «Правильная» политическая ориентация ценилась выше профессиональной подготовки. Новый подход, на наш взгляд, особенно ярко проявился в двух московских назначениях. Начальником Управления КГБ по Москве и Московской области стал Е. В. Савостьянов, а начальником Управления внутренних дел

г. Москвы — А. В. Мурашев, биографии которых весьма характерны для политических выдвиженцев того времени¹⁷.

Проводившийся курс постепенно получал и теоретическое обоснование. 28 августа 1991 г. часть известных общественных деятелей, входивших в группу «Независимая общественная инициатива» (в рамках «Демроссии»), выступила с Заявлением, где произошедшие 19–21 августа события трактовались как «Августовская революция»¹⁸. Авторы отмечали, что можно с разными и смешанными чувствами воспринимать развал государства, которое раньше называлось Российской империей, а затем СССР, но «этот свершившийся факт должны приветствовать все истинные демократы как существенную сторону краха коммунистического режима и как проявление в принципе прогрессивной тенденции»¹⁹. Вскоре политический кризис 19–21 августа стали называть антикоммунистической революцией²⁰.

Интересна попытка консолидации «новых революционеров». 11 сентября 1991 г. в Дзержинском райисполкоме Москвы 115 делегатов от формирований защитников Белого дома официально учредили Союз «Живое кольцо» (СЖК). В ходе конференции в качестве программных документов были приняты Устав СЖК, Принципы взаимоотношений и Принципы конституирования, а также избраны руководящие органы Союза: Совет представителей и Координационный совет²¹. Однако уже через две недели члены Конституционно-демократической партии (Партии народной свободы) — участники обороны Белого дома выступили с обращением, в котором выразили обеспокоенность по поводу эволюции «Живого кольца». По их мнению, это объединение «ветеранов баррикад» превращается в «отряды, преданные лично вождю». Авторы обращения считали, что «Живое кольцо» должно оставаться чисто мемориальной организацией, состоять в которой имеют право лишь участники августовских событий²².

В конце августа — начале сентября 1991 г. в печати неоднократно утверждалось, что во время «путча» были составлены списки для ареста неугодных режиму. По утверждению редакции «Аргументов и фактов», эти списки 21 августа были ликвидированы сотрудниками КГБ. Однако в ходе работы госкомиссии по расследованию деятельности КГБ фамилии этих людей были восстановлены. Еженедельник («АиФ») воспроизвел этот список, снабдив своим замечанием: «Как видим, в этом списке, наряду со «смутьянами», есть и те, чьи фамилии могут вызвать только недоумение. Выделенные фамилии предназначались для первичного задержания»²³. Любопытно, что фамилии Попова, Бурбулиса, Ельцина и некоторых других известных деятелей выделены не были, а российский президент занимал пос-

леднее (69-е место) среди кандидатов на «интернирование». Комментируя этот сюжет, руководитель КГБ В. В. Бакатин заметил, что «то, что напечатала какая-то газета, не внушает доверия», что завершённого ведомственного документа по этому поводу не существует и призвал очень осторожно отнестись к этому вопросу²⁴. Находившийся в Лефортове В. В. Крючков категорически утверждал, что «интернирование — один из раздутых мифов, которыми опутано дело ГКЧП. О каких только списках не сообщалось, вплоть до списков на уничтожение. Среди известных общественных деятелей возник почти что конкурс на право оказаться в списке и быть в его первых рядах... Но список так и не нашли, да и не могли найти потому что его не было»²⁵. В распространении таких слухов участвовали и российские официальные лица²⁶. Были и публичные сожаления «защитников» Белого дома по поводу того, что их заслуги недооценили и не выдали соответствующих медалей²⁷.

Уже 26 августа «Демократический союз» выступил с заявлением, в котором выразил беспокойство в связи с нагнетанием в стране антикоммунистического психоза²⁸. Особенно опасались за свою судьбу коммунисты—госслужащие, военные и работники правоохранительных органов. Атмосферу тех дней хорошо передает В. В. Бакатин, которому стекалась обширная информация со всей страны. «Генерал докладывает о разложении в Министерстве обороны. Генштаб деморализован. Дисциплина упала. Пьянство. Особенно тяжелое настроение среди политработников. Люди замкнулись. Боятся расправы». И далее «О кадрах лучше и не говорить. Обличение за обличением. Кто строит дачу, используя солдат. Кто участвовал в путче. Кто совершил самый большой «грех» — снял у себя в кабинете портрет Горбачева. Кто творит расправу над демократически настроенными сотрудниками. Много информации и о других ведомствах. Как вело себя руководство Верховного Совета СССР, правительства, тот или иной министр». Бакатин замечает, что информация не носила официального характера²⁹. Идеи ограничить участие коммунистов звучали и на уровне отдельных политических партий. 10 октября 1991 г. в Томске завершилась *Всероссийская конференция депутатов всех уровней* — членов республиканской партии России. В ее меморандуме содержался, в частности, призыв «воспрепятствовать вовлечению бывших руководителей и номенклатурных членов КПСС в органы власти и выдвижению их на выборы без предварительной общественной оценки их роли в формировании нынешнего социально-экономического кризиса»³⁰.

Определенная полемика на эту тему развернулась и в столичном прессе. Стало модным искать «идейных пособников путчистов»³¹.

В «Независимой газете» была опубликована статья с характерным заголовком «Охота на ведьм или изгнание бесов?», автор которой³² констатирует, что «охота за ведьмами» — выражение, ставшее особенно модным после провалившегося путча». Термин «возник в прессе, на ТВ, означая, что «охота» пойдет на рядовых членов партии...». И хотя «слово «коммунист» вызывает негативную реакцию у большинства наших граждан», «никто на них охотиться не собирается». В то же время, продолжает автор, «арестованные путчисты — это лишь вершина айсберга. Переворот готовило и поддерживало множество гражданских и военных лиц... За путч ответственны партократия, значительная часть руководства военно-промышленного комплекса, ряд представителей генералитета армии и КГБ, многие члены Союза писателей РСФСР и т.д.». Автор утверждал, что «не следует беспокоиться по поводу «охоты на ведьм». Ее не будет. Но «изгнание бесов» необходимо». Эта позиция отражала и определенные настроения в российских «верхах». Как пишет председатель Республиканской партии России В.Н. Лысенко, радикальное окружение Ельцина³³ предлагало «запретить указом президента Компартию и принять закон «О люстрациях», запрещающий бывшим партаппаратчикам занимать важные должности в государственном аппарате (как было сделано в Чехии и ряде других стран Восточной Европы)»³⁴. И хотя закон о люстрациях осенью 1991 г. принят не был, эта идея и позже не оставляла некоторых членов Президентского совета³⁵.

К антикоммунистической обработке населения активно подключились и средства массовой информации, все определеннее ориентирующиеся на «августовских победителей». Демонстрации «неполноценности» и «порочности» социалистического режима, его лидеров и активных сторонников были призваны оправдать действия нового руководства по захвату власти и присвоению партийного имущества, стоимость которого на конец августа 1991 г. оценивалась в 4 млрд руб.³⁶. В это время активно обсуждается проблема финансовых средств КПСС, «золота партии», в огромных количествах «уплывших» из СССР и осевших на тайных счетах в западных банках³⁷. Странные обстоятельства смерти ряда партаппаратчиков, в разные годы возглавлявших Управление делами ЦК КПСС, лишь нагнетали атмосферу зловещей таинственности, связанную с судьбой партийной собственности. «Аморальность» партийных методов действий была призвана подчеркнуть широко распространяемая тогда информация о существовании мастерской КПСС по изготовлению поддельных документов, в частности виз и паспортов. Кампания имела и международный резонанс³⁸. К публичной дискредитации КПСС подключи-

лись и некоторые деятели культуры. Например, писатель В. П. Астафьев опубликовал в журнале «Родина» эссе о войне, где он проклинал коммунистов, комиссаров, политработников за то, что они якобы отсиживались в окопах и блиндажах «под тремя накатами»³⁹. На диссидентацию КПСС было направлено и «затаптывание» в СМИ Горбачева. Бывшего генсека особенно возмущали публикации, авторы которых высказывали подозрение, а зачастую и прямо утверждали, что он был связан с «путчистами»⁴⁰.

Подлинно демократическая часть интеллигенции уже в октябре 1991 г. констатировала наличие тревожной тенденции — появления «одноробкой гласности», при которой «запрет КПСС и антикоммунистическая истерия на страницах печати, поощряемая демократами» по существу воссоздают прежнюю «атмосферу идеологической не терпимости». Линия на сталкивание людей по идейным и политическим симпатиям и антипатиям рассматривалась как прямой путь к разрушению общества, к новым конфликтам и возрождению идеологического монополизма⁴¹. Монополизация печати, радио и телевидения одним идейно-политическим направлением, недопущение роста синиским руководством даже конструктивной оппозиции отмечались в качестве тревожной тенденции и руководством Демократической партии России⁴². Подтверждением этого служила неудача попытки фракции «Коммунисты России» включить в повестку дня V Съезда народных депутатов РСФСР вопрос о правовой основе августовских указов президента о приостановлении деятельности и запрещения изданий КПСС и РКП⁴³.

18 октября ВС РСФСР принял постановление «Об установлении дня памяти жертвам политических репрессий». Таким днем стало 30 октября. Согласно соответствующему закону РСФСР реабилитировались все пострадавшие от политических репрессий начиная с 7 ноября 1917 г.⁴⁴ Пиком антикоммунистической кампании второй половины 1991 г. стал Указ Президента Российской Федерации от 6 ноября 1991 г. «О деятельности КПСС и КП РСФСР». Указ включал обширную преамбулу, имевшую не меньшее значение, чем его содержательная часть. Здесь утверждалось, что «КПСС никогда не была партией. Это был особый механизм формирования и реализации политической власти путем сращивания с государственными структурами или их прямого подчинения КПСС»⁴⁵. Дальнейшие формулировки были еще более безапелляционными: «Деятельность этих структур носила явно антинародный, антиконституционный характер, была прямо связана с разжиганием среди народов страны религиозной, социальной и национальной розни, посягательством на

основополагающие, признанные международным сообществом права и свободы человека и гражданина». Президент убеждал, что «несмотря на принятые в отношении этих структур меры они не прекратили свою противоправную деятельность, направленную на еще большее обострение кризиса и создание условий для нового антинародного переворота». В связи с этим указом предписывалось: 1) Прекратить на территории РСФСР деятельность КПСС, КП РСФСР, а их организационные структуры распустить; 2) исключить преследование граждан за факт принадлежности к КПСС и КП РСФСР; 3) все находящееся на российской территории партийное имущество передать в собственность государства⁴⁶; 4) президент требовал от властных структур всех уровней «принять необходимые меры по незамедлительному и исчерпывающему исполнению» указа⁴⁷.

Правовую оценку документу год спустя (30 ноября 1992 г.) дал Конституционный суд России. Суд постановил «признать положение пункта 1 Указа... не соответствующим Конституции Российской Федерации применительно к первичным организациям КП РСФСР, образованным по территориальному принципу... поскольку эти организации сохраняли свой общественный характер и не подменяли государственные структуры, а также при условии, что в случае их организационного оформления в качестве политической партии наравне с другими партиями будут соблюдены требования Конституции и законов Российской Федерации». Суд также постановил «признать пункт 3 Указа не соответствующим Конституции... применительно к той части имущества, собственником которой являлась КПСС, а также той части имущества, которая... фактически находилась во владении, пользовании и распоряжении... КПСС и КП РСФСР, но собственник которой не был определен». Таким образом, три из четырех пунктов указа даже с формальной точки зрения были «небезупречны».

Все эти правовые несоответствия указов были исчерпывающие объяснены авторитетными правоведами страны в ходе «Суда над КПСС». Юристы полагали, что в основе появления указа лежали не правовые, а политические мотивы. Эксперт КС проф. МГУ Е. А. Суханов⁴⁸ признал, что указы противоречат Закону РСФСР о собственности и, таким образом, оказалось нарушенным право граждан на собственность. А поскольку имущество партии было у нее изъято, то она лишилась многих издательств, газет, журналов, денежных средств и это подорвало возможности коммунистов для осуществления права на свободу слова, мысли, беспрепятственное выражение своих мнений и убеждений⁴⁹. Другой эксперт КС — проф. Ф. Ю. Рудинский — высказал сомнения в искренности формулиров-

ки указа «о недопустимости шельмования рядовых членов партии»: документ не случайно был издан 6 ноября, накануне дня, когда трудящиеся страны, особенно коммунисты, традиционно отмечали праздник Октябрьской революции. Как отмечал Рудинский, «это все равно, что закрыть все православные храмы в день святой Пасхи и говорить при этом о недопустимости шельмования верующих... в данном случае мы имеем дело с унижением достоинства многих людей, придерживающихся коммунистических и социалистических убеждений»⁵⁰. Эксперт КС проф. С. А. Авакьян⁵¹ утверждал, что «исполнительная власть... использовала ситуацию для утверждения нового государства — без компартии... Для замены государства. Лучше сказать — для изменения государственного режима, поскольку... сам конституционный строй остался тем же»⁵². Эта оценка указа на момент его принятия была юридически корректной, однако последующие события показали, что указ был одним из шагов по ликвидации и социалистического, и советского строя, а следовательно — и строя конституционного.

У КПСС, несомненно, в то время оставались многочисленные сторонники, но они оказались деморализованными, не в последнюю очередь поведением партийной верхушки⁵³. Тем не менее запрет КПСС обозначил *качественно новую фазу коммунистического движения*. Оно вступило в период дробления и левой многопартийности. Коммунисты отрицательно реагировали на идущую смену общественно-политического и экономического строя, прогрессирующий распад СССР и по этой причине оказались в оппозиции новому российскому руководству, прежде всего исполнительной власти.

Еще на рубеже 1980–1990-х годов в рамках КПСС фактически возник ряд фракций и течений. Роспуск компартий СССР и РСФСР послужил импульсом для преобразования протопартийных объединений в самостоятельные политические партии. Хронологически начало становления новых компартий относится к сентябрю — декабрю 1991 г.⁵⁴

Одной из первых попыток консолидации разрозненных **сил коммунистической ориентации** после августовского разгрома КПСС стало оформление — по аналогии со странами Восточной и Центральной Европы — социал-демократической составляющей в лице Социалистической партии трудящихся (СПТ) во главе с Р. А. Медведевым и И. П. Рыбкиным. Инициаторами ее создания (процесс охватил сентябрь—декабрь 1991 г.) выступили представители реформаторской части аппаратчиков из горбачевского окружения. Одновременно шло формирование объединений более ортодоксальных коммунистов.

На основе общества «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы» и части «Большевистской платформы в КПСС» была создана Всесоюзная коммунистическая партия большевиков (ВКПБ) во главе с Н. А. Андреевой. (Учредительный съезд состоялся 8 ноября 1991 г.) Несколько организаций было образовано сторонниками «Марксистской платформы в КПСС» (МП). На основе ее левого крыла возник Союз коммунистов РСФСР (СК, учрежден 16–17 ноября 1991 г.), лидером которого стал А. А. Пригарин. Также из сторонников МП была создана Российская партия коммунистов. У ее истоков стояла группа членов МП во главе с А. В. Крючковым. Консолидация партии лишь в декабре 1991 г. была связана с колебаниями относительно возможности объединения с СПТ и СК. 23–24 ноября 1991 г. в Екатеринбурге прошел первый этап учредительного съезда еще одного объединения — Российской коммунистической рабочей партии (РКРП). В состав ее Центрального комитета были избраны, в частности, В. И. Анпилов, Р. И. Косолапов, А. А. Сергеев, В. А. Тюлкин.

Таким образом, в октябре—декабре 1991 г. на обломках КПСС образовалось пять некоммунистических партий, каждая из которых претендовала на роль правопреемника своей предшественницы. Столь беспрецедентная раздробленность коммунистических сил не имела аналогов в послеоктябрьской истории КПСС; в организационном плане комдвижение было отброшено едва ли не к своим истокам, переживало пору разброда и шатания. Оно находилось в состоянии острого идейно-политического кризиса; прежнего, при Горбачеве часто показного, единомыслия уже не было.

Внутренние разногласия разъедали коммунистическое движение со времени его возрождения. Расхождения касались особенностей предполагаемого общественно-политического и социально-экономического устройства, форм и методов достижения цели. Все сложнее становилось обеспечивать единство сил. Лидеры новых компартий не находили взаимопонимания в вопросе о том, какую организацию следует возрождать на месте исчезнувшей КПСС.

Численность вновь возникших партий не шла ни в какое сравнение с ее предшественницей. Так, РПК на момент регистрации насчитывала около 3 тыс. чел.; СК — 3,4 тыс. чел.; ВКПБ на рубеже 1991 и 1992 гг. объединяла 15 тыс. чел.; РКРП в период наибольшей популярности — 50 тыс. чел. В СПТ к лету 1992 г. входило 70 тыс. чел.

Из изложенного очевидно, что идейно-политический спектр компартий, созданных на обломках КПСС, простирался от социал-демократизма до ортодоксального большевизма. В силу идейных и программных расхождений, борьбы личностных и политических амби-

ций создать консолидированную партию, способную стать легитимной преемницей КПСС, не удалось. Радикальность риторики и отсутствие политической гибкости некоторых лидеров новых партий у многих вызывали настороженное отношение; в движении на том этапе преобладали представители старших поколений.

Достаточно сложные процессы протекали и на другом конце политического спектра — в «**демократическом лагере**». Крах «имперского Центра», ликвидация «хребта тоталитарной системы» в лице КПСС выявили, что наличие общего противника являлось главным залогом единства демократического блока. До середины 1991 г. существовала по сути биполярная система координат «демократы против коммунистов». Сразу же после августа 1991 г., когда поле для реформ было «разминировано», обнаружилось, что в «**демократическом лагере не было единства по узловым вопросам будущего устройства России, и это вело к разобщению в среде «демократов», сужению социальной базы движения.**

Еще накануне августовского кризиса 1991 г. обозначился вопрос о лидерстве в демократическом движении. 1 июля группа общественных и политических деятелей СССР и РСФСР (А. И. Вольский, Н. Я. Петраков, Г. Х. Попов, А. В. Руцкой, А. А. Собчак, И. С. Силаев, С. С. Шаталин, Э. А. Шеварднадзе, А. Н. Яковлев) подписала обращение «За объединение сил демократии и реформ», в котором провозглашалась необходимость создания Движения демократических реформ (ДДР) в целях «реального обновления общества в интересах народа, достойной и обеспеченной жизни людей»⁵⁵. В руководстве ЦК КПСС настороженно отнеслись к озвученной инициативе, справедливо полагая, что за ней могут последовать действия, направленные на раскол партии⁵⁶. Новость не вызвала большого энтузиазма и в среде потенциальных союзников. 4 июля Координационный совет движения «Демократическая Россия» осторожно отметил, что ДДР могло бы сыграть важную роль в демонтаже тоталитарных структур КПСС при переходе к гражданскому обществу. Однако уже 20 августа в резолюции пленума представителей «Демроссии» указывалось, что победа этого движения («Демроссии») на выборах президента РСФСР и мэров столичных городов активизировала процесс создания структуры и организаций «Демократической России» на территории Российской Федерации. В этой связи попытки создать в лице ДДР общесоюзную партию, претендующую на монопольное положение в демократическом движении, вносят раскол в его ряды. Пленум призвал активистов демократических сил сосредоточить усилия на работе внутри движения «Демократическая Россия»⁵⁷.

Тем не менее 23 сентября на Московской конференции по учреждению регионального отделения ДДР встал вопрос о необходимости формирования в структуре движения крупной политической партии центристского типа. В рамках конференции ДДР была проведена Учредительная конференция Российской партии демократических преобразований (РПДП, лидер — А. П. Брагинский, официально зарегистрирована 19 ноября 1991 г.). Однако из среды «Демроссии» вновь прозвучало осуждение стремления ДДР единолично возглавить все демдвижение⁵⁸. Учредительный съезд ДДР состоялся 14–15 декабря 1991 г. На нем присутствовало 1150 делегатов из 15 республик. Съезд принял устав и программное заявление Движения. От России коллективное членство в нем подтвердили лишь Республиканская партия, недавно созданная «руцкистская» Народная партия «Свободная Россия» и РПДП. Хотя на момент съезда общая численность структур, входивших в Движение, оценивалась его руководством в 1 млн. чел., на деле оно оказалось мертворожденной организацией и сводилось к деятельности руководящих органов (политсовет, исполком). ДДР, во главе которого встали представители политической элиты «горбачевского призыва», уделялось преувеличенное внимание⁵⁹. Между тем «Демроссия» не желала делить с кем-либо роль единственной опоры победившей в августе 1991 г. власти, хотя и в этом движении быстро накопились свои проблемы.

Еще весной 1991 г. между руководством «Демроссии» и депутатами-государственниками обозначились серьезные противоречия, в результате чего 19 апреля 1991 г. был создан блок «Народное согласие», куда вошли ДПР, РХДД и КДП⁶⁰. Первоначально блок оставался в движении «Демроссия». Лидер ДПР Н.И. Травкин охарактеризовал «Народное согласие» как организацию здравого смысла в рамках демократического движения. Вскоре после создания блока он отметил: «Есть два пути развития и два крыла в «Демократической России». Одно — леворадикальное — оформилось ранее. Формирование конструктивно-демократического блока «Народное согласие» произошло 19 апреля. Есть две принципиальные позиции, по которым есть расхождения — быть или не быть Союзу. Мы поддерживаем идею сохранения Союза на основе Заявления глав девяти республик и Президента. И второе разногласие — устройство РСФСР. Оставить в целостности или разделить»⁶¹.

1 июля 1991 г. на совещании лидеров московских организаций ДПР, РХДД, КДП(ПНС), СДПР и РПР был создан межпартийный форум «Демократическая Москва». Новое объединение заняло критическую позицию в отношении руководства «Демроссии»: было

заявлено, что цель деятельности форума — предупреждение превращения движения «Демроссия» в суперпартию, ослабление влияния в ней неконструктивных лидеров, ведущих дело к развалу существующей государственной целостности⁶². На конференции лидеры «Демроссии» настаивали на индивидуальном членстве в движении, тогда как их оппоненты требовали сохранить ДР как коалицию партий, политических организаций и беспартийных. Стороны не пришли к компромиссу. Таким образом, внутри движения обозначились не только серьезные идейные, но и организационные разногласия.

В августе 1991 г. Координационный совет движения «Демроссия» принял заявление по поводу Союзного договора, где его подписание обуславливал четырьмя достаточно жесткими условиями⁶³. Аналогичная позиция была высказана и другими известными политиками; некоторые из них вообще предлагали не подписывать договор⁶⁴. В противовес этой точке зрения председатель ДПР Н. И. Травкин и лидер РХДД В. В. Аксючиц от имени блока «Народное согласие» обратились к президенту России с заявлением о поддержке его намерения подписать 20 августа новый Союзный договор. Одновременно в документе содержалась жесткая критика выступавших против этого политиков⁶⁵.

Разногласия обострились после 21 августа 1991 г. Часть руководства «Демроссии» резко осудила заявление пресс-секретаря президента РСФСР П. И. Вошанова о возможности пересмотра границ между союзными республиками в случае их выхода из Союза. Напротив, лидер входящего в «Народное согласие» РХДД В. В. Аксючиц выступил в поддержку Б.Н. Ельцина с критикой леворадикальных демократов⁶⁶. Дискуссия по территориальному вопросу коснулась и отношений с Японией. Входящая в «Демроссию» Социал-демократическая партия резко осудила «процесс подготовки общественного мнения России к «медленной передаче» ряда островов южной части Курил Японии». Особая обеспокоенность была выражена в связи с тем, что в данном случае на авансцене действий выступают не союзные, а российские общественные деятели и политики⁶⁷.

Не было единства среди «демократов» и относительно *внутренне-го устройства России*. 14–15 декабря 1991 г. по инициативе «Демроссии» состоялся Конгресс демократических сил республик и национально-государственных образований в составе РСФСР. На нем были представлено свыше 40 политических партий и движений. Здесь прозвучали противоположные точки зрения на будущее страны. С одной стороны, в качестве новой территориальной единицы вместо республик, краев, областей предлагались земли, что диктовало необхо-

димось перехода от национально-территориального к территориальному принципу построения федерации. С другой стороны, выдвигалась идея перехода к договорным отношениям и преобразования РСФСР в конфедеративное государство с предоставлением бывшим автономным республикам больших прав, чем было бы у краев и областей (вплоть до права выхода из России)⁶⁸.

Поводом для политического противостояния внутри демдвижения стала и политика *исполнительной власти в Москве*. Осенью 1991 г. московская мэрия получала от российской исполнительной власти все больше и больше эксклюзивных полномочий (прежде всего в сфере перераспределения собственности)⁶⁹. Осуждение вызывали авторитарно-бюрократические методы руководства столицей, пренебрежение Советами, многочисленные нарушения законности, допущенные исполнительной властью. «Московских реформаторов» постоянно критиковали ДПР, РПРФ, РХДД. В свою очередь мэр Г. Х. Попов 5 октября 1991 г. на заседании Политсовета ДДР заявил, что в демократическом лагере сложилось два крыла: либерально-демократическое, представленное исполнительной властью в Москве, и социал-демократическое, имеющее большинство в Советах разных уровней; по всем линиям между ними складывается конфронтация⁷⁰. Итогом конфликта стало образование 10 октября 1991 г. коалиции демократических сил Москвы, оппозиционной мэрии. В состав объединения вошли представители ДПР, РПРФ, СДПР и НПР⁷¹. В заявлении участников учредительной конференции говорилось о нетерпимой обстановке, которая сложилась в городской организации «Демократическая Россия». Более того, 15 октября произошел окончательный раскол внутри московской организации «Демроссии».

Пиком противостояния в рамках демдвижения стало обнародованное 12 ноября 1991 г. заявление блока «Народное согласие» «Об отношении к движению «Демократическая Россия» (ДР). В заявлении, в частности, отмечалось, что в Координационном совете (КС) движения сложилось устойчивое большинство лиц, представляющих малочисленные или фиктивные организации. Позиции крупных партий по многим вопросам игнорируются, решения принимаются келейно. В заявлении указывалось, что руководящая верхушка ДР зачастую принимает решения, компрометирующие демократическое движение в целом; осуждалась «кампания дезинформации и прямой клеветы по отношению к ДПР, КДП(ПНС), РХДД» со стороны некоторых членов КС. Руководство блока выступало против превращения «Демроссии» в партию без согласования с уже вошедшими в нее партиями. В итоге было решено не посылать представителей бло-

ка в выборные органы «Демроссии», блок отказался нести ответственность за решения и действия движения ДР⁷². После выхода из «Демроссии» ДПР, РХДД и КДП численность движения существенно сократилась — с 350 тыс. до 50–70 тыс. чел.⁷³.

В то же время в сентябре—декабре 1991 г. «Демократическая Россия» выступала в качестве главной политической опоры российской власти. КС движения безоговорочно одобрил провозглашенный президентом на V Съезде народных депутатов курс на радикальные экономические реформы. В обнародованном по этому поводу заявлении выдвигалась инициатива создания общественных комитетов поддержки реформ на базе штабов, создававшихся сторонниками Ельцина накануне президентских выборов. 5 ноября 1991 г. Ельцин встречался с руководителями парламентской фракции «Демократическая Россия», где президент выслушал соображения по поводу персонального состава кабинета и перспектив создания политблока в поддержку реформ. На весьма представительном съезде «Демроссии»⁷⁴ с докладом о намечаемых преобразованиях выступил незадолго до этого назначенный вице-премьером Е. Т. Гайдар. Возглавляемое им правительство делегаты рассматривали как «свое». В резолюции съезда «О курсе на проведение реформ Президента РСФСР» отмечалось, что движение считает необходимым «проводить в регионах работу по введению политического процесса в цивилизованное русло, снижению социальных напряжений в переходный период, уменьшению угрозы стихийных бунтов». Движение вызывалось осуществлять общественный контроль за ходом экономической реформы, в частности за приватизацией. Были приняты поправки к уставу движения, в которых некоторые политики усмотрели попытку оформить новую партию власти⁷⁵. Однако эту идею не поддержали руководители ряда крупных партий движения, а московский «Мемориал» даже объявил о своем выходе из «Демократической России»⁷⁶.

Последней крупной совместной акцией «демократических» сил явилось подписание 18 ноября 1991 г. Протокола о намерениях представителей ряда политических партий и движений (РПРФ, ДПР, НПСР, СДПР, РХДД, КДП(ПНС), НПР, КПР) и президента РСФСР. В протоколе отмечалось, что стороны пришли к взаимопониманию относительно согласования действий, направленных на формирование политики реформ и мобилизацию их гражданской поддержки. Документ предусматривал, что проекты решений президента и правительства проходят совместную предварительную экспертизу политических партий, парламентских фракций и движений, которые обеспечивают поддержку этих проектов в представи-

тельных органах власти и участвуют в реализации принятых решений; президент будет учитывать рекомендации по кадровому обеспечению реформ. В свою очередь, политические партии, парламентские фракции и движения выразили готовность осуществлять совместные действия по преодолению острых социальных и политических конфликтов. Для информационного, организационного и консультативного обеспечения партий создавался Российский общественно-политический центр (РОПЦ), председателем которого был назначен госсоветник РСФСР С.Б. Станкевич⁷⁷.

Как показали последующие события, заложенные в протоколе идеи реализованы не были: президент и правительство не выказывали большого желания предварительно консультироваться с партиями по поводу своих действий. В то же время отсутствие внятных мер по социальной защите населения при переходе к реформам затрудняло поддержку правительства со стороны партий; некоторые из них переходили на позиции критиков избранного курса⁷⁸.

После августа 1991 г. стала формироваться патриотическая оппозиция складывающемуся режиму Ельцина. Свершающийся на глазах распад (или развал) СССР стимулировал активность в этом направлении. На роль объединяющей силы в этом лагере претендовал прежде всего Российский общенародный союз (РОС), возникший на базе фракции «Россия» российского парламента. Учредительная конференция РОС состоялась 26 октября, а первый съезд — 21 декабря 1991 г. В его программном заявлении декларировалась приверженность сохранению территориальной целостности России, защите прав русскоязычного населения в ближнем зарубежье. Съезд решительно высказался против «шоковой терапии», резко критиковал избранные для России западные модели⁷⁹. Лидеры РОС (С. Н. Бабурин, Н. А. Павлов) были в числе первых, кто выступил против передачи Японии Курил, обвинив правящих политиков в том, что они смешивают свои интересы с интересами иностранных государств. Трое «росовцев» (С. Н. Бабурин, Н. А. Павлов и В. Б. Исаков) были среди семи членов ВС РСФСР, голосовавших против беловежских соглашений; 28 декабря 1991 г. руководство РОС обнародовало первое официальное заявление с требованием отставки правительства Гайдара⁸⁰.

Тревожные ожидания осени 1991 г. стимулировали активность уже существовавших и возникновение новых русских национально ориентированных организаций⁸¹. В их числе — учрежденный 2 октября *Центр русских общин*. Тогда же в октябре в Москве состоялась встреча представителей русских общин из некоторых республик. На ней был принят документ, в котором уже тогда прозвучала тревога

за судьбу русских в связи с распадом единого государства и были названы проблемы, с которыми им предстоит столкнуться в ближайшем будущем. Участники встречи высказались 1) за недопустимость национальной дискриминации; 2) за право получения российского гражданства независимо от места проживания в СССР; 3) за необходимость национально-государственного и национально-территориального самоопределения посредством местных референдумов; 4) за сохранение русским избирательного права; 5) за право на образование на родном языке; 6) за право доступа к средствам массовой информации; 7) за право объединения в ассоциации; 8) за право самостоятельно распоряжаться определенной законом долей средств, поступающих в местный бюджет в качестве налоговых поступлений от общины; 9) за ответственность государств и правительств в случае нарушения прав человека⁸². В то время, когда российские власти хранили молчание, «русский вопрос» стал занимать все больше места в документах различных политических направлений. По этому поводу высказывались и «демопатриоты» (ДПР, РХДД, КДП(ПНС))⁸³, и либеральные демократы⁸⁴, и НПСР⁸⁵. Сюжет привлек внимание и коммунистов. В декабре 1991 г. на съезде Российской коммунистической рабочей партии отмечалось, что суть русского вопроса сегодня — сохранение сильного государства, не один век выступавшего гарантом устойчивости миропорядка. Чтобы добиться этого, по мнению делегатов, необходимо соединить демократию, русскую идею и социализм, что возможно через союз государственников-демократов, государственников-патриотов и государственников-коммунистов⁸⁶.

На том этапе, однако, все три политических течения — демократическое, коммунистическое и патриотическое — не продемонстрировали заметных стремлений к взаимопониманию, тем более — к взаимодействию. Тем не менее «демократы» изначально опасались потенциального союза «коммунистов» и «патриотов», прежде всего потому, что их собственная политика была откровенно антикоммунистична, а утверждение своих социально-политических и экономических идеалов предполагалось на выделенной из исторической России территории РСФСР. Поэтому даже намеки на возможное взаимодействие коммунистических и патриотических сил вызывали серьезную обеспокоенность у наиболее радикальных «демократов».

В июне 1991 г. по инициативе и на базе депутатской группы «Отчизна» ВС РСФСР (145 народных депутатов России) была предпринята попытка создания общероссийского движения с тем же названием. Движение ставило целью объединить патриотические силы России в «интересах сохранения целостности РСФСР в составе об-

новленного Союза, нравственного и духовного возрождения России, спасения национальной культуры». Добиться этого предполагалось на базе традиционных ценностей российской и советской государственности⁸⁷. Пленум Свободной демократической партии России (входила в состав «Демроссии», председатель — М. Е. Салье) увидел в этом большую угрозу «демократии» и отреагировал обращением «О красно-коричневой опасности»⁸⁸.

В дни «путча» известный публицист Г. Померанц отмечал, что партия в этих событиях выступала в роли «пристяжной», существующая же давно в стране «коммуно-фашистская коалиция» превращается в «черно-красную». И сейчас, сожалеет автор, часть русской интеллигенции связывает будущее России с «политическим сохранением империи», по-прежнему воспринимает Союз как «единую, неделимую, православную» Русь. «Неосознанно это чувство присутствует и в народе. Великорусский шовинизм — это не просто хамство, тут есть некая идея. И на нее может опереться любая хунта»⁸⁹. Будущий министр по национальным делам В. А. Тишков вскоре после «путча» писал, что «идеологи, как и кадры путчистов, оказались тесно связанными с русским национал-патриотическим движением и с русскими как доминирующей в государстве группой». Он отмечал, что «путч нес угрозу национальным движениям среди нерусского населения страны». Прямо сравнивая национальный состав «путчистов» и российского руководства, победу последнего он трактовал как победу «интернациональной демократии» над «шовинистически (т.е. прорусски. — А.Б.) настроенными» центральными структурами, «олицетворявшими консервативные» (из контекста — прокоммунистические) силы⁹⁰.

«Демократические» «Московские новости» предупреждали, что зимой 1991/92 г. «неизбежно ухудшится положение русского населения как в автономиях, так и в республиках. Итогом будет выползание на политическую арену национал-социалистических лозунгов и партий «коричневой окраски». В результате «армия встанет на защиту русских», а «к власти в стране придет военная хунта коричневой окраски»⁹¹. Этот сюжет обсуждался и на втором съезде движения «Демроссии». Здесь выражалось опасение, что неудача задуманных реформ будет не только поражением Б. Н. Ельцина и его правительства, но и поражением всех сил демократии, чреватым приходом к власти фашизма, стихийными бунтами, разрухой. Позиция делегатов съезда нашла отражение в резолюции «О фашистской угрозе»⁹². Распространение этих и подобных настроений дало журналистам основание для утверждения о том, что некоторым политикам российская действительность видится в «красно-коричневой мгле».

Итак, в сфере партийно-политического строительства происходили достаточно сложные процессы. В это время наблюдался распад партий и движений, выступавших на российской политической сцене в 1985–1991 гг., шло сокращение числа людей, участвующих в их деятельности. Одновременно началось формирование некоторых новых объединений, что дало основания специалистам говорить о «второй волне» партийного строительства, начавшейся осенью 1991 г. и продолжавшейся до конца 1993 г.⁹³ Применительно к этому периоду можно констатировать общее поправение партийно-политического спектра, что было во многом связано с официальным курсом российских властей.

Примечания

¹ Коричневый путч красных. М., 1991. С. 33.

² Там же. С. 46.

³ Аргументы и факты. 1991. № 33.

⁴ Коричневый путч красных. С. 44.

⁵ Там же. С. 73.

⁶ Там же. С. 94–96.

⁷ Радикал. 1991. 21 августа.

⁸ *Андриянов В. И., Черняк А. В.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. М., 1999. С. 366.

⁹ Там же.

¹⁰ Россия-2000. Современная политическая история (1985–1999). Т. 1. Хроника и аналитика. 3-е изд. М., 2000. С. 129. (Далее — Хроника...)

¹¹ Коричневый путч красных. С. 121.

¹² Хроника... С. 129.

¹³ *Зенькович Н. А.* ЦК закрыт, все ушли... М., 1999. С. 96.

¹⁴ *Бакатин В. В.* Дорога в прошедшем времени. М., 1999. С. 270.

¹⁵ Независимая газета. 1991. 24 августа.

¹⁶ См.: *Черняев А. С.* 1991 год. Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 210.

¹⁷ Оба закончили технические вузы (Савостьянов — МГРИ, Мурашев — МВТУ им. Баумана), оба затем работали в НИИ. В политику пришли в 1987–1989 гг., привлекли к себе внимание как последовательные сторонники и активные участники «демократического» движения, в иерархии которого занимали не главные, но очень важные посты (см. об этом: *Барсенков А. С., Корецкий В. А., Остапенко А. И.* Федеральное собрание России. М., 1995. С. 426; Россия-2000. Т. 2. Лица России. С. 795).

¹⁸ Написание самого термина с заглавной буквы, видимо, должно было подчеркнуть масштабность произошедшего, поставив в один ряд с Великой Октябрьской революцией.

- ¹⁹ Хроника... С. 131.
- ²⁰ *Андрьянов В., Черняк А.* Одинокий царь в Кремле. Кн. 1. С. 370.
- ²¹ Хроника... С. 133.
- ²² Там же. С. 135.
- ²³ Аргументы и факты. 1991. № 38. Сентябрь.
- ²⁴ Московские новости. 1991. 8 сентября.
- ²⁵ Российская газета. 1992. 27 февраля.
- ²⁶ Красное или белое? С. 96–99.
- ²⁷ *Коротич В. А.* От первого лица. М., 2000. С. 360.
- ²⁸ Хроника... С. 130.
- ²⁹ *Бакатин В. В.* Указ. соч. М., 1999. С. 272.
- ³⁰ Хроника... С. 139.
- ³¹ Этим занималась, например, «Литературная газета» (см.: Литературная газета. 1991. 11 сентября).
- ³² Автор статьи — член-корр. АН СССР М. Волькенштейн (см.: Независимая газета. 1991. 16 октября).
- ³³ Автор называет прежде всего Г. Э. Бурбулиса, А. Б. Чубайса, Е. Т. Гайдара, Г. В. Старовойтову, С. Н. Юшенкова и С. С. Сулакшина.
- ³⁴ *Лысенко В. Н.* 10 лет «Демократической платформе в КПСС» и эволюция партийной системы в России. Доклад к заседанию «круглого стола» на тему: «Десять лет, которые потрясли мир. Смена веков?». М., 2000. С. 11.
- ³⁵ Разрабатывался законопроект, в котором предлагалось учесть опыт, в частности Японии и особенно Германии, где эти меры были применены по отношению к нацистам, а затем — коммунистам. Действие закона предлагалось распространить на секретарей КПСС (от районного звена и выше), коммунистов, не вышедших из КПСС до августа 1991 г., штатных и нештатных сотрудников пятого управления КГБ СССР (см. об этом: *Барсенков А. С., Корецкий В. А., Остапенко А. И.* Политическая Россия сегодня. Исполнительная власть. Конституционный суд. Лидеры партий и движений. М., 1993. С. 56–57).
- ³⁶ Независимая газета. 1991. 27 августа.
- ³⁷ Секретные счета//Московские новости. 1991. № 41.
- ³⁸ Независимая газета. 1991. 30 октября.
- ³⁹ Подробнее см.: *Черняев А. С.* Указ. соч. С. 232.
- ⁴⁰ *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. Кн. 2. М., 1995.
- ⁴¹ Свободное слово: Интеллектуальная хроника десятилетия. 1985–1995. М., 1996. С. 54–55.
- ⁴² Хроника... С. 136.
- ⁴³ *Коломиец В. П.* Представительная власть России//Мир России. 1994. № 1 (3). С. 15.
- ⁴⁴ Хроника... С. 138.
- ⁴⁵ Указы и относящиеся к ним документы цитируются по: *Рудинский Ф. М.* «Дело КПСС» в Конституционном Суде. Записки участника процесса. М., 1999. Работа Рудинского важна не только как публикация мемуарного характера, но она имеет и определенное источниковедчес-

кое значение, поскольку автор имел доступ к официальным судебным материалам. Видимо, осознавая это, Рудинский активно вводит в оборот содержащиеся в «Материалах дела» данные, касающиеся «событийной» стороны деятельности КПСС и КП РСФСР в 1985–1991 гг.

⁴⁶ В этом пункте президент в правовом плане отходил даже от своего указа от 23 августа 1991 г., где все же декларировалось, что вопрос о партийном имуществе будет решаться на основе судебного решения (см.: *Рудинский Ф. М.* Указ. соч. С. 473).

⁴⁷ Там же. С. 475.

⁴⁸ Суханов Е. А. — декан юридического факультета МГУ, один из ведущих специалистов по праву собственности.

⁴⁹ *Рудинский Ф. М.* Указ. соч. С. 189.

⁵⁰ Там же. С. 190.

⁵¹ Авакьян С. А. — зав. кафедрой конституционного права МГУ.

⁵² *Рудинский Ф. М.* Указ. соч. С. 191.

⁵³ В 1993 г. А. А. Проханов писал, что в 1991 г. компартия пережила «шок от горбачевщины», а затем — «удар в спину от Ельцина, загнавшего ее в подполье». Но эта «огромная вроде бы партия испугалась, была подвергнута психологическому остракизму», не выдвинув из своих рядов ни одного героя. По мнению Г. А. Зюганова, партию дискредитировали не только и не столько демократы, сколько ее руководство, редкое внутрипартийное невежество и по сути национально-государственная измена (см.: *День*. 1993. 10–16 января).

⁵⁴ Эта часть лекции написана на основе следующих источников: Заявление инициативной группы по объединению российских левых сил социалистической ориентации//Советская Россия. 1991. 2 октября; Материалы Учредительного съезда Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. Л., 1991; Материалы Учредительной конференции Социалистической партии трудящихся. М., 1991; Программные тезисы партии «Союз коммунистов»//Панорама. 1991. М., 1991. Специальный выпуск; Устав партии «Союз коммунистов»//Панорама. М., 1991. Специальный выпуск; 20 вопросов о Партии труда. М., 1992; Новая партия коммунистов и блок левых сил//Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. М., 1992. Т. 6; Материалы Учредительной конференции Партии труда. М., 1992; Резолюция о ситуации в КПСС и задачах Марксистской платформы в новых условиях//Россия: партии, ассоциации, союзы, клубы. М., 1992; Программа Российской партии коммунистов//Российская правда. 1993. Спецвыпуск.

В нашу задачу не входит *детальный* анализ программных и уставных положений всех партий. В контексте данного раздела важно оценить степень идейно-политической раздробленности общества даже в рамках одного направления. Более подробно сюжет освещен в: *Власть и оппозиция*. М., 1995; *Краснов В. Н.* Система многопартийности в современной России. М., 1995; *Коргунюк Ю. Г., Заславский С. Е.* Российская многопартийность (становление, функционирование, развитие). М., 1995; *Хроника...; Пашенцев Е. Н.* Оппозиционные партии и движения современной России. М., 1998.

- ⁵⁵ Хроника... С. 121.
- ⁵⁶ Там же. С. 122.
- ⁵⁷ Там же. С. 121, 123.
- ⁵⁸ Там же. С. 134–135, 145.
- ⁵⁹ Материалы I учредительного съезда Движения демократических реформ (ДДР). М., 1991; Коргунок Ю. Г., Заславский С. Е. Указ. соч. С. 138–139.
- ⁶⁰ Краснов В. Н. Указ. соч. С. 49.
- ⁶¹ Россия: партии, ассоциации, союзы и клубы. Т. 2. С. 20.
- ⁶² Хроника... С. 120.
- ⁶³ Там же. С. 125.
- ⁶⁴ Московские новости. 1991. 14 августа.
- ⁶⁵ Россия: партии, ассоциации, союзы и клубы. Т. 7. С. 100–101.
- ⁶⁶ Хроника... С. 130.
- ⁶⁷ Там же. С. 138.
- ⁶⁸ Там же. С. 150.
- ⁶⁹ Там же. С. 130.
- ⁷⁰ Попов Г. Х. Снова в оппозиции. М., 1994. С. 134.
- ⁷¹ СДПР — Социал-демократическая партия России, НПП — Народная партия России.
- ⁷² Хроника... С. 144.
- ⁷³ Краснов В. Н. Указ. соч. С. 35.
- ⁷⁴ На открывшемся 9 ноября 1991 г. II съезде движения присутствовало 1298 делегатов из 74 регионов России (см.: Хроника... С. 143).
- ⁷⁵ Там же. С. 141–143.
- ⁷⁶ Там же. С. 142, 146, 147.
- ⁷⁷ Там же. С. 145.
- ⁷⁸ Такая критика со стороны ПНСР прозвучала уже в декабре 1991 г. (Там же. С. 151).
- ⁷⁹ Программное заявление движения Российский общенародный союз. М., 1991.
- ⁸⁰ Хроника... С. 137, 153; Союз можно было сохранить. М., 1995. С. 319.
- ⁸¹ Там же. С. 132, 136, 138, 139, 145, 151.
- ⁸² Русский вестник. 1991. № 24. С. 3.
- ⁸³ Хроника... С. 137, 147.
- ⁸⁴ Там же. С. 142, 148.
- ⁸⁵ Там же. С. 145, 152.
- ⁸⁶ Советская Россия. 1991. 19 декабря.
- ⁸⁷ Хроника... С. 118–119.
- ⁸⁸ Там же. С. 124.
- ⁸⁹ Радикал. 1991. 21 августа.
- ⁹⁰ Тишков В. А. Очерки теории и политики этничности. М., 1997. С. 243–245.
- ⁹¹ Московские новости. 1991. № 41.
- ⁹² См.: Материалы II съезда движения «Демократическая Россия». М., 1991.
- ⁹³ Коргунок Ю. Г., Заславский С. Е. Указ. соч. С. 16–17.

Лекция 14

ЛЕГИТИМАЦИЯ РАСПАДА СССР И РОЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

25 ноября 1991 г. открылось шестое заседание Госсовета, ставшее, пожалуй, наиболее драматичным. Ельцин предложил вернуться к уже согласованному тексту проекта нового Союзного договора и снять формулировку о «конфедеративном демократическом государстве», оставив «конфедерацию независимых государств». В качестве предлога для этого демарша российский президент назвал позицию своего Верховного Совета, который не готов ратифицировать ранее оговоренный вариант. А для того чтобы подобных проблем не возникало впредь, перед подписанием итогового текста его, по мнению Ельцина, следует послать на обсуждение парламентов. Кроме этого, Ельцин заявил, что «подписание Договора без Украины — бесполезное дело», и предложил «подождать» Украину, пока там 1 декабря не пройдет референдум о независимости¹. Ельцина поддержали руководители Белоруссии, Таджикистана и Узбекистана. Смысл всех оговорок российского президента сводился к одному: отложить парафирование Договора, не связывая себя никакими обязательствами. Даже рассылая проект документа в парламенты на обсуждение, он не соглашался считать его «согласованным». Как позже вспоминал Ельцин, к той встрече новоогаревская эпопея уже себя исчерпала и подошла к концу, надо было искать и придумывать что-то новое².

Горбачев реагировал на происходящее достаточно эмоционально. Он констатировал, что «руководители республик в ответственный момент занимаются ненужными маневрами», обвинив их в том, что они «гробят государство», и в знак протеста покинул зал заседаний, предложив договариваться без него³. Как писал Ельцин, скандал никому не был нужен, но хотелось «хотя бы приличную мину солидности»⁴. В результате Горбачева «вернули» в зал заседаний, Договор парафирован не был, а его текст был разослан парламентам с не обязывающим сопроводительным объяснением: они получали не «согласованный», а «разработанный» проект, с тем чтобы «рассмотреть», «имея в виду подготовить его для подписания в текущем году». В отличие от прошлых встреч на пресс-конференцию никто из руководителей союзных республик выйти не захотел; Горбачев по-

явился перед журналистами один и, не скрывая разочарования, констатировал, что республики сделали шаг назад от Союза⁵.

Как известно, 1 декабря 1991 г. на украинском референдуме 90,32% принявших участие в голосовании высказались за независимость республики, Л. М. Кравчук был избран ее президентом. На следующий день независимость республики признал Ельцин, а 3 декабря в разговоре с Бушем Кравчук сообщил, что в ближайшие дни состоится встреча лидеров славянских республик в Минске, где будут обсуждать внешние и внутренние вопросы политики возглавляемых ими государств. 5 декабря 1991 г. Кравчук был приведен к президентской присяге, а Верховный Совет Украины принял «Послание к парламентам и народам всех стран», где было, в частности, сказано, что Договор об образовании СССР 1922 г. утратил свою силу⁶.

Тогда же, 5 декабря 1991 г., накануне отъезда в Минск, состоялась встреча Горбачева и Ельцина. В центре внимания был вопрос о том, как относиться к произошедшему на Украине и можно ли вовлечь ее в Договор. Оба собеседника исходили из того, что «не мыслят Союза без Украины». Горбачев выразил уверенность, что Украина будет искать свое место в новом Союзе в том случае, если Договор о нем подпишут восемь республик и первой это сделает Российская Федерация. Ельцин обуславливал свою подпись под Договором согласием на участие в нем Украины. Он предлагал различные варианты «вовлечения» ее в Союз: ограничить действие Договора 3–5 годами, принять в него со статусом «ассоциированного члена», акцентировать внимание на экономическом сообществе, создать союз славянских республик. Горбачев заявил о неприемлемости последнего варианта⁷. Формально два лидера сошлись на том, что будут и дальше «работать» с Украиной на предмет ее участия в Союзе. Однако, как писал позже Горбачев, он уже тогда знал, что окружение Ельцина подготовило текст о славянском сообществе⁸. Окончательно сомнения отпали тогда, когда он, Горбачев, узнал, что в Минск поехали Г. Э. Бурбулис и С. М. Шахрай, определенность позиций которых в этом вопросе, как и их влияние на российского президента, были известны. То есть накануне подписания Беловежского соглашения союзный президент с большой долей вероятности знал о том, что должно было произойти в Белоруссии. Однако ни до, ни после события он предпочел не делать «резких» движений.

9 декабря 1991 г. Горбачев собрал советников и специалистов, с тем чтобы определить, как отреагировать на «беловежскую сенсацию». Были сформулированы два подхода: одни полагали, что промолчать нельзя, три человека не вправе решать судьбу Союза; другие предосте-

регали, что не стоит торопиться и пороть горячку⁹. В своем «Заявлении в связи с соглашением глав трех государств о создании СНГ», сделанном в тот же день, Горбачев попытался совместить обе указанные позиции. С одной стороны, он отмечал «позитивные моменты» соглашения, с другой — робко осуждал тот факт, что соглашение было подписано без согласования с парламентами тогда, когда у них на рассмотрении уже находился его, горбачевский, проект. Нелепым выглядело предложение созвать распушенный самим же Горбачевым Съезд народных депутатов СССР и провести еще один референдум¹⁰.

10 декабря на заседании Консультативного совета при президенте СССР констатировалось, что «на армию не опереться, международные силы будут взаимодействовать с Россией, с республиками» (Е. М. Примаков), «драться сейчас бесполезно» (Е. В. Яковлев), что Беловежье — «это чистой воды переворот» (Э. А. Шеварднадзе); тем не менее главной была мысль о том, что, не вступая в конфронтацию, нужно предупредить о негативных последствиях случившегося¹¹.

Пресс-секретарь союзного президента А. С. Грачев, часто общавшийся с Горбачевым в те дни, констатирует, что тот выжидал, рассчитывая на общественную реакцию в отношении происшедшего в Белоруссии. Он предполагал, что общество поднимется на защиту своего права участвовать в определении своей дальнейшей судьбы. Он ждал этого и от парламентов, которые не были посвящены в проекты решений, подписанных от их имени. Горбачев рассчитывал и на прессу, которая, по его мнению, не должна была так послушно, с облегчением начать славить новую, более решительную власть. Союзный президент предполагал, что свой голос должна поднять и интеллигенция, недавно так страстно выступавшая за подотчетность и подконтрольность власти народу. Сам же Горбачев не предпринимал никаких действий для мобилизации тех самых сил, на поддержку которых он внутренне рассчитывал¹².

К такому стилю поведения Горбачева подталкивали и некоторые события тех дней. 10 декабря Верховные Советы Белоруссии и Украины оперативно ратифицировали **Соглашение о создании СНГ и денонсации Договора 1922 г. об образовании СССР**. Президент Украины не упустил случая в резкой форме выступить против Центра и лично Горбачева, отвергнув обвинения в развале Союза¹³. 12 декабря Соглашение ратифицировал и российский парламент¹⁴. Тогда же о желании присоединиться к СНГ заявили среднеазиатские республики и Армения. Все это привело Горбачева к выводу о том, что, хотя Беловежское соглашение — «явно неконституционный акт, который многие с полным основанием называли государственным переворотом», тем

не менее «получило легитимацию»¹⁵. В тот же день Ельцин после встречи с Горбачевым констатировал, что «сопротивление соглашению о Содружестве независимых государств со стороны Президента СССР, тем более связанное с применением силы, исключается»¹⁶. Сам Горбачев в конце декабря 1991 г. уже отрицал, что происшедшее в Беловежье — государственный переворот. «Союз трансформируется в Содружество», — говорил уже бывший президент СССР¹⁷.

Нужно сказать, что после подписания минских соглашений общественное мнение допускало и иное развитие событий. На 9 декабря 1991 г. — еще до Беловежья — была запланирована встреча Горбачева с Ельциным, Кравчуком, Шушкевичем и Назарбаевым. Однако в назначенный день в Москве были лишь Назарбаев и Ельцин, два других «пушиста» в столицу не поехали, опасаясь за свою безопасность. Сам Ельцин также первоначально отказался приехать в Кремль к Горбачеву, заявив, что боится ареста. Российский президент появился там, лишь получив гарантии собственной безопасности от союзного президента, прихватив, однако, в приемную Горбачева своего охранника¹⁸. По Москве распространялись слухи о том, что известная «Альфа» готовилась арестовать «беловежскую тройку», но получила в последний момент отбой. На пресс-брифинге, организованном президентскими службами 10 декабря 1991 г., журналисты спрашивали, намерен ли президент привлечь союзный парламент, чтобы дезавуировать решения, принятые в Беловежской пуше; с помощью каких властных или даже силовых приемов он собирается защищать распущенный в Бресте Союз, «новоогаревский процесс» и самого себя¹⁹. На это журналисты получили ставший стандартным в те дни ответ, что Горбачев не станет защищать свою власть ценой риска нового раскола общества, провоцирования в нем дополнительных политических и тем более вооруженных конфликтов²⁰.

Однако в такой позиции был и определенный элемент лукавства. В 1995 г. Е. И. Шалошников вспоминал, что еще в середине ноября 1991 г. президент СССР пригласил его в Кремль: «Его речь сводилась к поиску вариантов выхода из кризиса. При этом наиболее приемлемым, по его словам, был следующий:

— Вы, военные, берете власть в свои руки, «сажаете» удобное для вас правительство, стабилизируете обстановку и потом уходите в сторону.

— И потом прямо в «Матросскую тишину», можно с песней, — вставил я, — ведь в августе нечто подобное уже было.

— Что ты, Женя, — сказал Горбачев, — я тебе ничего не предлагаю, я просто излагаю варианты, рассуждаю вслух»²¹.

Тем не менее бывший тогда министром обороны СССР Е. И. Шапошников по просьбе Горбачева 10 декабря созвал в Москве беспрецедентное совещание командующих разных уровней для «подведения итогов и постановки задач на будущее». Было приглашено все военное руководство СССР от дивизионного уровня и выше, представлены все рода войск, представители республиканских министерств обороны — всего около 500 человек. Перед собравшимися выступил Горбачев. Он повинился перед генералами, что прежде мало занимался армией, но что теперь осознал это и обещал исправиться. Главное же, однако, — это спасти от развала единое союзное государство, и здесь, по словам М. С. Горбачева, интересы военных и его как президента совпадают, поскольку единая армия не может существовать без более или менее единого Союза. Как сообщалось в информации о встрече, «страстный призыв президента СССР не произвел большого впечатления на собравшихся»²². Они не выразили активного стремления пойти за президентом. Среди военных говорили, что с таким призывом надо было выступить 19 августа, «тогда дело, наверное, выгорело бы».

Российское руководство уделяло военным больше внимания. 8 декабря, сразу же после подписания документов, Ельцин связывался с замминистра обороны СССР П. С. Грачевым. В тот же день, еще до разговора с Горбачевым, в известность о подписанных документах был поставлен Главком Вооруженных Сил СССР Е. И. Шапошников²³. А 11 декабря 1991 г., т.е. на следующий день после «горбачевского» совещания, Ельцин приехал в Министерство обороны СССР с тем, чтобы «просто побеседовать». Он разъяснил генералам причины заключения трехстороннего соглашения руководителей России, Украины и Беларуси о создании СНГ. Ельцин подтвердил приверженность идее оборонительного союза, коллективной безопасности, основанной на едином командовании, централизованном управлении ядерным и стратегическим потенциалом. Он вновь сказал о том, что Россия не намерена создавать свою армию, если ее к этому не вынудят другие.

Большое внимание в своем выступлении Ельцин уделил социальному положению армии. Он подтвердил решение обеспечить через российский бюджет денежное содержание офицерского состава, увеличив его с нового года в 1,9 раза. Рассказал о программе строительства жилья для офицерских семей, их социальной защиты, где бы офицеры ни служили. Он призвал «сохранить стабильность и спокойствие в армии как гаранта и сохранения стабильности в стране». После встречи ее участники заявили корреспондентам, что бесе-

да с президентом России им очень понравилась своей деловитостью и конструктивностью²⁴.

Сейчас для многих очевидны негативные последствия распада СССР. Даже «архитекторы» Беловежья и сторонники «свободной от имперских амбиций России» если не сожалеют, то по меньшей мере пытаются объяснить, почему они тогда поступили именно так. Большой интерес вызывает ответ на вопрос о том, почему большая часть российского населения восприняла весть об официальной «кончине» СССР относительно равнодушно²⁵.

Думается, прежде всего сказалась *усталость* от затянувшейся неопределенности. В течение многих месяцев ощущалось, что страна находится в состоянии полураспада, который никак не может закончиться. В этом плане Беловежье представлялось наконец-то сделанным выбором.

Во-вторых. В течение многих месяцев все являлись свидетелями *нарастающей недееспособности* растаскиваемых республиками центральных управленческих структур, что привело к их практически полному свертыванию или параличу к декабрю 1991 г. В этом плане прав был С. М. Шахрай, который, обосновывая 10 декабря 1991 г. перед российскими депутатами необходимость ратификации Соглашения, утверждал, что к тому моменту «юридически и фактически существование Союза не может быть доказано»²⁶. Символом распадающегося Центра стал сам Горбачев, постоянно унижаемый республиканскими лидерами пренебрежением к его аргументам и позиции.

В-третьих. Психологически восприятие исчезновения СССР выглядело не очень болезненно, поскольку констатация прекращения его существования как субъекта международного права являлась частью Соглашения о создании Содружества Независимых Государств, т.е. было преподнесено не как ликвидация, а как трансформация ранее существовавшего государства. В принципе, сам текст документа едва ли мог бы быть подвергнут чрезмерной критике: он содержал лишь неконкретные, вполне приемлемые декларации о том, как отныне свободные республики будут добровольно сотрудничать между собой. Шахрай характеризовал Соглашение как документ «с четкими политическими формулировками, с четкими политическими и экономическими обязательствами»²⁷. К тому же в Белоруссии одновременно был подписан документ о координации экономической политики²⁸. В этом плане Соглашение было вполне в духе новоогаревской традиции, предполагавшей после заключения договора о Союзе подписание массы специальных дополнительных соглашений, без которых сам договор тоже «зависал». Поэтому «беловежская ини-

циатива» представлялась лишь как способ уйти от опеки «назойливого» Горбачева и провести свою «принципиальную» позицию.

Соглашение²⁹ можно рассматривать как выражение воли властвующих элит, в первую очередь России и Украины, что было наиболее ярко выражено в статьях 10 и 11. Статья 10 предусматривала, что «каждая из Высоких Договаривающихся Сторон оставляет за собой право приостановить действие настоящего Соглашения или отдельных его статей, уведомив об этом участников Соглашения за год». Статья 11 документа гласила, что «на территориях подписавших его государств не допускается применение норм третьих государств, в том числе бывшего Союза ССР». Таким образом, каждая республика, а ныне государство, могла отказаться от любых «неудобных» статей Соглашения, а самое главное — осуществить «моментальный» выход из СССР, не будучи обремененной никакими предварительными условиями. Украина сразу же воспользовалась этой возможностью: 12 декабря 1991 г. ее президент Л. М. Кравчук подписал указ о создании собственных вооруженных сил³⁰.

Такая трактовка беловежского Соглашения представляется корректной с учетом и других обстоятельств. Документ был подписан и ратифицирован весьма оперативно, притом что в парламентах на обсуждении находился и итоговый новоогаревский проект, в который можно было вносить достаточно значительные изменения. Были отвергнуты предложения одновременного подписания Договора о создании ССГ и Соглашения о создании СНГ³¹. В России договор был ратифицирован почти без обсуждения — на все выступления был отведен лишь один час. Решение принималось Верховным Советом РСФСР, хотя значимость вопроса требовала созыва съезда. Это можно объяснить тем, что радикалы имели «контрольный пакет» лишь в парламенте, на съезде же успех инициаторов Беловежья мог быть оспорен, поскольку даже в Верховном Совете не все прошло гладко: за ратификацию проголосовало 188 человек, что составляло 76% от списочного состава и 93% от присутствовавших³². В этих условиях тактика сторонников полного демонтажа СССР состояла в том, чтобы на основе принятых решений побыстрее ликвидировать остатки союзных властных институтов и поставить высшие представительные и законодательные органы своих республик перед свершившимся фактом.

Свой вклад в оперативную ликвидацию СССР после Беловежья внесла и **Украина**. Еще 10 декабря, т.е. в день ратификации соглашения о создании СНГ, ее парламент принял постановление под названием *«Оговорки Верховного Совета Украины к Соглашению о создании Содружества Независимых Государств, подписанного от имени Ук-*

раины 8 декабря 1991 г. в Минске»³³. Документ интересен не столько своим содержанием, сколько тоном, в котором он был выдержан. Общий смысл оговорок сомнений не вызывал: они были направлены на становление Украины в качестве самостоятельного государства. Однако постановление насыщено словами типа «координировать», «консультроваться», «развивать» и тому подобными, призванными сформировать убежденность в том, что обретающая независимость страна нацелена на тесное взаимодействие с другими бывшими союзными республиками и что Содружество это и есть *форма обновляемого Союза*. Как показали последующие события, украинское руководство выжидало, как на минские соглашения отреагируют в Москве. В Киеве осознавали, что ликвидация СССР тремя входившими в него республиками в правовом плане была весьма уязвима: даже если — при всех оговорках — считать, что три республики покинули Союз, то он все равно формально продолжал существовать, так как о выходе из него не заявили другие республики, согласно Конституции являвшиеся соучредителями единого государства наравне с Россией, Украиной и Белоруссией. В этом смысле после Беловежья Горбачев все еще оставался легитимным президентом СССР, который в принципе был призван заботиться о сохранении возглавляемого им государства. Как мы видели, альтернативность в поведении союзного президента допускали и российские лидеры.

В то же время Украина опасалась сложностей при ратификации Соглашения о создании СНГ в Верховном Совете РСФСР: если бы российские парламентарии не одобрили документ или приняли ограничивающие его поправки, то мечты о полной украинской «независимости» пришлось бы в лучшем случае отложить. Опасения украинского руководства были совершенно оправданны: при обсуждении Договора в российском парламенте украинские «Оговорки» вызвали подозрение относительно искренности заявленных в них целей³⁴. Поднимали российские депутаты и территориальный вопрос³⁵. Однако члены официальной российской делегации на переговорах в Белоруссии смогли убедить парламентариев в необходимости ратифицировать представленный текст.

Признание союзными и российскими властями Соглашения об образовании СНГ и денонсация Договора об образовании СССР 1922 г. окончательно развязали руки украинским «независимцам». Парламент Украины принял «Заявление Верховного Совета Украины по поводу заключения Украиной Соглашения о Содружестве Независимых государств», получившее статус «официального толкования Минского соглашения»³⁶. Знаменательна дата принятия до-

кумента — 20 декабря 1991 г., т.е. непосредственно накануне алма-тинской встречи лидеров союзных республик, на которой предстояло окончательно определить форму возможного сосуществования государств в будущем. В отличие от «умиротворяющих» «Оговорок» 10 декабря, документ 20 декабря написан совсем в иной тональности. Здесь при характеристике Украины преимущественно используются термины «независимость», «самостоятельность», а в отношении СНГ — «отрицание», «недопустимость» и т.п. «Заявление» было призвано определенно рассеять иллюзии о возможном участии Украины в каком-либо сплачивающем бывшее союзное пространство объединении. Утверждалась украинская концепция в отношении перспектив СНГ: Содружество — это не механизм эффективного сотрудничества государств в будущем, а форма цивилизованного развода бывших союзных республик.

21 декабря 1991 г. в Алма-Ате за закрытыми дверями встретились руководители 11 суверенных государств, не посчитавшие необходимым пригласить туда Горбачева. Лидеры одиннадцати, теперь уже бывших, союзных республик договорились о ликвидации СССР. С международно-правовой точки зрения именно с этой даты, **21 декабря 1991 г., СССР прекратил свое существование**³⁷. К Соглашению России, Украины и Белоруссии об образовании СНГ присоединились на правах учредителей еще 8 республик. Таким образом, в Содружество вошли все бывшие республики, кроме Грузии и государств Балтии. Была достигнута договоренность о введении временного командования Вооруженными Силами СНГ, которое будет действовать до 30 декабря, а затем будет переведено на долгосрочную постоянную основу. Тем самым Горбачев даже формально был лишен права воздействовать на армию. Затем лидеры 11 суверенных республик приняли обращение к Президенту СССР, в котором уведомляли его о прекращении существования Советского Союза и института президента СССР. Правда, в обращении главы независимых государств благодарили М. С. Горбачева «за его большой положительный вклад». Однако ему не удалось «не опоздать с отставкой»³⁸: его достаточно бесцеремонно и в унижительной форме «уволители» «республиканские вожди»: о своем новом статусе, точнее о лишении прежнего, Горбачев узнал из сообщений Интерфакса³⁹. Его заявление об отставке 25 декабря было уже лишь «хорошей миной», так же как и последний указ — о передаче права на использование ядерного оружия президенту РСФСР.

Историк обязан проанализировать социальные, экономические, политические причины произошедших событий, однако он не вправе

абстрагироваться от изучения и сугубо личностных мотивов поведения людей, оказавшихся на вершине властной пирамиды. Их взаимоотношения, определяемые не только политическими пристрастиями, но характерами и даже темпераментами, являются объективным фактором исторического процесса. В российском случае, как полагают многие авторы, без острого личного конфликта двух руководителей — Ельцина и Горбачева, — один из которых явно превосходил другого своими волевыми качествами, драматическое развитие событий 1990–1991 гг. не привело бы к столь трагическим для судьбы государства последствиям⁴⁰. Сам Ельцин в 1994 г. писал, что Беловежье было не единственным возможным выходом из очевидного политического кризиса середины 1991 г. Был и другой: «Попытаться легально занять место Горбачева, встать во главе Союза, начав заново его реформу «сверху». Пройти путь, который не сумел пройти Горбачев... Постепенно, планомерно демонтируя имперскую машину... Возможности для этого были. Борьба за всенародные выборы Президента СССР. Сделать российский парламент правопреемником распущенного советского. Склонить Горбачева к передаче мне полномочий... И так далее. Но этот путь был для меня заказан. Я психологически не мог занять место Горбачева. Так же, как и он — мое»⁴¹. Горбачев также не принимал многие черты политического стиля Ельцина. Противостояние между ними не могло завершиться «ничьей» — каждый настойчиво стремился к победе. Это ярко проявилось в послеавгустовские месяцы, в особенности в последние недели декабря 1991 г.

После подписания документов в Минске Ельцин заявил о «месячном сроке для отставки» союзного президента. В окружении российского президента к союзному стали все чаще относиться как к «бывшему». Глава российского МИДа А. В. Козырев, касаясь будущей судьбы главы СССР, заявил: «Горбачев — не прокаженный, и мы найдем для него работу». Министр информации М. Н. Полторанин считал возможным придумать для Горбачева какие-либо представительские функции в Содружестве, полагая, что Горбачеву «не надо опасаться участи Хоннекера». «Подыскивали» работу Горбачеву и советники Ельцина С. Б. Станкевич и Г. В. Старовойтова⁴².

21 декабря 1991 г. в Алма-Ате Совет глав государств «доверил» Ельцину решить вопросы, вытекающие из факта ликвидации поста президента СССР: определить для него уровень пенсии, условия содержания, охраны и т.д. 23 декабря состоялась встреча Горбачева с Ельциным «для передачи дел», которая продолжалась около 10 часов. На ней рассматривались вопросы о прекращении деятельности аппарата президента СССР и Международного экономического комите-

та, о государственных и партийных архивах, о процедуре передачи ядерной кнопки, о создании Горбачев-фонда и «об условиях отставки Президента СССР». «Список претензий Горбачева — его «отступная», — изложенных на нескольких страницах, был огромен и практически весь состоял из материальных требований», — вспоминал Ельцин⁴³. На главном месте стоял Фонд. Российский президент удовлетворил большую часть просьб, срезав, однако, пенсию и охрану, а также отказав в просьбе предоставить рабочий офис и аппарат в центре Москвы. 25 декабря на дачу Горбачева без предупреждения явились люди из новой охраны и потребовали «освободить от личных вещей представительское помещение». В тот же день, вопреки договоренности, на передачу ядерной кнопки приехал не российский президент, а маршал Шапошников. 26 декабря, когда Горбачев прибыл в Кремль, ему было сказано, что его кабинет занят. Новый хозяин Кремля требовал от поверженного соперника, чтобы тот, «пока не поздно, покался в грехах и совершенных преступлениях», за которые может еще придется отвечать⁴⁴.

Так закончилось противостояние двух основных персонажей российской истории 1991 г.

Примечания

¹ Союз можно было сохранить. М., 1995. С. 257.

² Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 149.

³ Союз можно было сохранить. С. 258; Шахназаров Г. Х. Цена свободы. М., 1993. С. 301.

⁴ Ельцин Б. Н. Указ. соч. С. 149.

⁵ Союз можно было сохранить. С. 261.

⁶ Там же. С. 285, 289.

⁷ Шахназаров Г. Х. Указ. соч. С. 303; Союз можно было сохранить. С. 289.

⁸ Там же. С. 290.

⁹ Там же. С. 303.

¹⁰ Там же. С. 309.

¹¹ Шахназаров Г. Х. Указ. соч. С. 305.

¹² Грачев А. С. Кремлевская хроника. М., 1994. С. 348–349.

¹³ Союз можно было сохранить. С. 312.

¹⁴ Там же. С. 315–319.

¹⁵ Цит. по: Шахназаров Г. Х. Указ. соч. С. 306–307.

¹⁶ Союз можно было сохранить. С. 319.

¹⁷ Там же. С. 326.

¹⁸ Грачев А. Указ. соч. С. 343–344.

- ¹⁹ Там же. С. 347.
- ²⁰ Там же. С. 348.
- ²¹ Шапошников Е. И. Выбор. М., 1995. С. 137–138.
- ²² Несокрушимая и легендарная. В огне политических баталий 1985–1993 гг. М., 1994. С. 258.
- ²³ Грачев А. Указ. соч. С. 339, 343.
- ²⁴ Несокрушимая и легендарная. С. 259.
- ²⁵ Этот вопрос был предметом специального рассмотрения в ходе «круглого стола» на тему «Пять лет после Беловежья: итоги и перспективы», состоявшегося в Горбачев-фонде 16 декабря 1996 г. См.: НГ-сценарии. Ежемесячное приложение к «Независимой газете». 1997. № 1(10).
- ²⁶ Союз можно было сохранить. С. 310.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 301.
- ²⁹ Там же. С. 302–306.
- ³⁰ Несокрушимая и легендарная. С. 260.
- ³¹ За такой вариант агитировал М. С. Горбачев, а в российском парламенте — Н. И. Травкин (см.: Союз можно было сохранить. С. 318).
- ³² Там же. С. 318.
- ³³ Исаков В. Б. Расчлененка. Кто и как развалил Советский Союз: Хроника. Документы. М., 1998. С. 251–253.
- ³⁴ Там же. С. 301.
- ³⁵ Там же. С. 305.
- ³⁶ Исаков В. Б. Расчлененка. С. 364–366.
- ³⁷ Кремнев П. П. Прекращение существования Союза ССР как субъекта международного права//Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2000. № 5.
- ³⁸ Грачев А. Указ. соч. С. 331.
- ³⁹ Там же. С. 378.
- ⁴⁰ Стиль отношений Ельцина и Горбачева достаточно точно описал один из ближайших советников М. С. Горбачева Г. Х. Шахназаров: «По содержанию своему — это соперничество, по формам, приемам, стилю — драка. Не дуэль благородных вельмож, изяшно кланяющихся друг другу после обмена ударами шпаги; не поединок на пистолетах в пехотном полку в согласии с требованиями офицерской чести; даже не схватка боксеров на ринге, где все-таки соблюдаются спортивные правила, а именно драка, отчаянная драка на уничтожение, после которой свет не гори и трава не расти» (Шахназаров Г. Х. Указ. соч. С. 154). Е. В. Боннэр также характеризовала отношения двух лидеров как «запредельные» (см.: Литературная газета. 1991. 11 сентября).
- ⁴¹ Ельцин Б. Н. Указ. соч. С. 155.
- ⁴² Грачев А. С. Указ. соч. С. 350, 358, 360.
- ⁴³ Ельцин Б. Н. Указ. соч. С. 159.
- ⁴⁴ Грачев А. С. Указ. соч. С. 336, 382, 387, 399.

Таким образом, разрушение отечественной государственности стало одним из главных результатов той политической борьбы, которая развернулась в СССР в ходе преобразований 1985–1991 гг. Как следствие, современная Россия развивается не на прочном фундаменте прошлого, а на его развалинах, что обуславливает зыбкость многих ныне существующих политических, экономических, социальных, идеологических и прочих общественных структур. Преодоление доставшегося в 1992 г. наследия является важнейшей предпосылкой поступательного развития страны.

Содержание

<i>Лекция 1. Вводная</i>	3
--------------------------------	---

Часть 1

Реформы Горбачева. 1985 — середина 1991 г.

<i>Лекция 2. Вызревание исторических предпосылок реформирования общества в СССР к середине 1980-х годов</i>	29
<i>Лекция 3. Первый этап преобразований. 1985—1986 гг.</i>	55
<i>Лекция 4. Переход к новой стратегии реформ. Демократизация и гласность. 1987—1988 гг.</i>	81
<i>Лекция 5. Начало реформы политической системы СССР. 1989 — начало 1990 гг.</i>	117
<i>Лекция 6. Формирование независимой политики РСФСР. Весна 1990 — весна 1991 гг.</i>	157
<i>Лекция 7. Кризис горбачевского лидерства и новоогаревский процесс. Весна—лето 1991 г.</i>	189

Часть 2

Крушение СССР, рождение суверенной России. Август — декабрь 1991 г.

<i>Лекция 8. Политический кризис августа 1991 г.</i>	213
<i>Лекция 9. Демонтаж союзной государственности</i>	236
<i>Лекция 10. Выбор модели экономического развития</i>	264
<i>Лекция 11. Концентрация власти в исполнительных структурах России</i>	290
<i>Лекция 12. Федеративная политика России</i>	303
<i>Лекция 13. Тенденции идейно-политического развития общества после августа 1991 г.</i>	326
<i>Лекция 14. Легитимация распада СССР и рождение Российской Федерации</i>	348
<i>Лекция 15. Заключительная</i>	360